

ПАМЯТИ

104
370.
Экс. 1-а.

ПОЧИВШИХЪ НАСТАВНИКОВЪ.

ИЗДАНИЕ

Императорской Московской Духовной Академіи
ко дню ея столѣтняго юбилея
(1814—1 октября—1914).

Сергіевъ Посадъ.

ТИПОГРАФІЯ И. И. ИВАНОВА.

1914.

Б Ю

М

ПАМЯТИ

104
370.

Экз. 1-й.

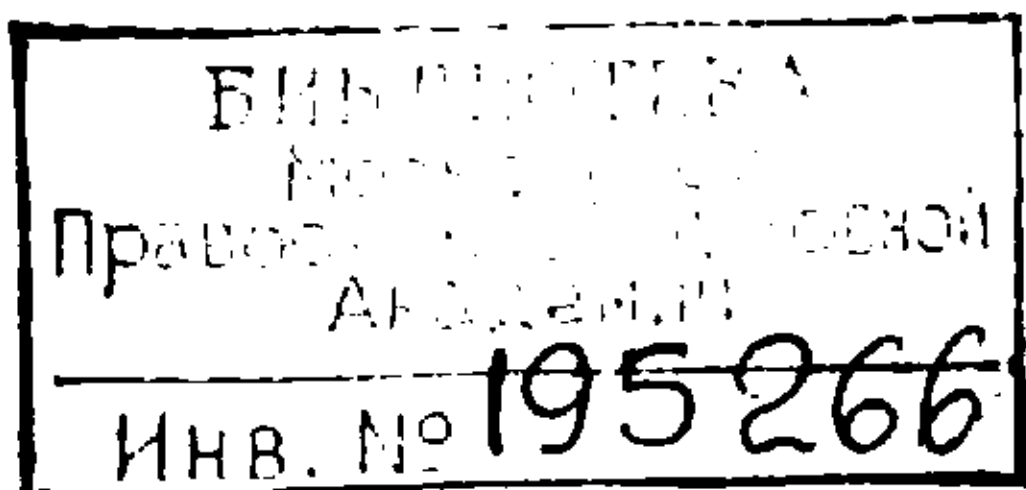
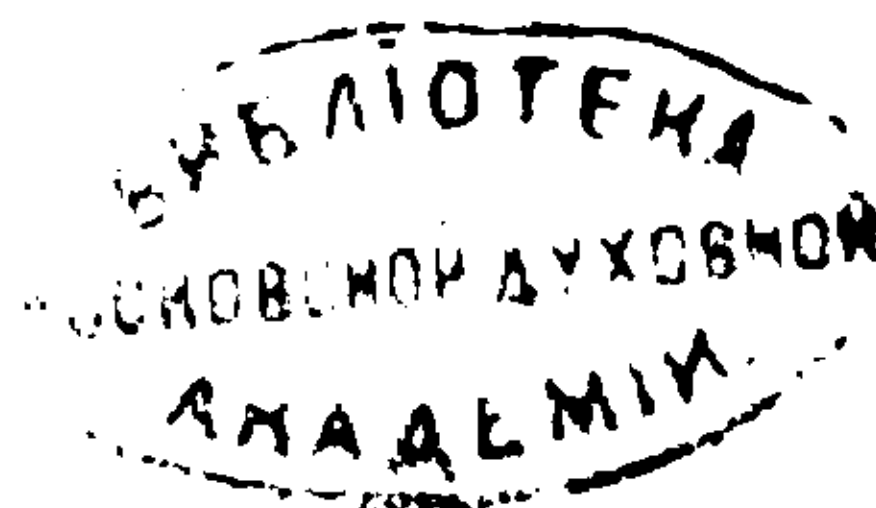
ПОЧИВШИХЪ НАСТАВНИКОВЪ.

ИЗДАНИЕ

Императорской Московской Духовной Академіи
ко дню ея столѣтняго юбилея
(1814—1 октября—1914).

~~№ 45612.~~

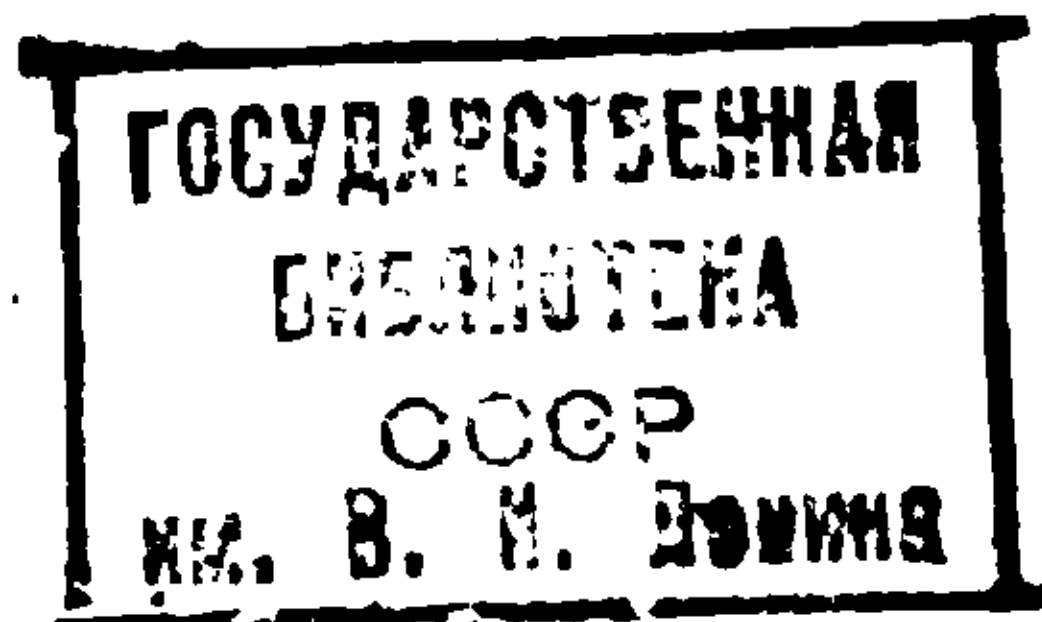

Сергіевъ Посадъ.

ТИПОГРАФІЯ И. И. ИВАНОВА.

1914.

Печатать разрѣшается. Сентября 15 дня, 1914 года.
Ректоръ Императорской Московской Духовной Академіи
Епископъ Теодоръ.

Московская Духовная Академія не можетъ въ настоящее время предложить обществу исторіи за время своего столѣтняго существованія. Если бы такая исторія была написана, то въ ней оказались бы перемѣшанными два элемента: 1) историческій и 2) современный. На какойнибудь грани, положимъ, на шестомъ десятилѣтіи первый незамѣтно и постепенно сталъ бы переходить во второй. Но современность не можетъ быть предметомъ исторіи, она является предметомъ описанія. Историкъ, говоря о фактѣ, долженъ опредѣлять его значеніе. Но какъ можно опредѣлить значеніе послѣдняго академическаго устава, когда онъ только что вступаетъ въ жизнь? Послѣдствія факта помогаютъ историкамъ понять фактъ, но послѣдствій послѣднихъ годовъ академической жизни наблюдать еще нельзя, нельзя на эти годы и взглянуть съ исторической точки зрѣнія.

Исторія Академіи за первое столѣтіе ея существованія можетъ и должна быть написана позже.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Академія, переступивъ столѣтнюю грань своего бытія, сознаетъ свою обязанность передъ церковью и обществомъ сообщить, что дѣлалось и дѣлается въ ней и чему она служить.

Для этой цѣли Академія издаетъ сборникъ, дающій описанія жизни и дѣятельности ея почившихъ профессоровъ. По нимъ можно судить объ Академіи. Поэтому для описанія выбраны такія лица, съ которыми въ Академіи связано много лѣтъ и много событій. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя обстоятельства лишили возможности помѣстить въ этомъ сборникѣ свѣдѣнія и о нѣкоторыхъ важныхъ дѣятеляхъ Академіи. Тяжкая болѣзнь одного изъ сотрудниковъ лишила изданіе статьи объ архіепископѣ Филаретѣ черниговскомъ. По подобнымъ причинамъ не появились статьи и еще о нѣкоторыхъ профессорахъ.

Издатели могли бы помѣстить статьи о пропущенныхъ теперь профессорахъ, если бы они помедлили съ выпускомъ изданія. Но они не сочли себя въ правѣ дѣлать это. Къ столѣтію они предлагаютъ то, что ими сдѣлано. Богъ дастъ, Академія предложитъ

трактаты и о тѣхъ, о которыхъ теперь сборникъ умолчалъ, хотя и не хотѣлъ бы молчать.

Изданіе снабжено портретами профессоровъ. Къ сожалѣнію, издатели не могли найти заслуживающаго довѣрія портрета Петра Спиридоновича Делицына—перваго воспитанника перваго курса Академіи. И первая біографія, помѣщенная въ книгѣ, не оживляется изображеніемъ того, о комъ она говоритъ.

Книга сообщаетъ свѣдѣнія о 13 дѣятеляхъ Академіи. Не будемъ бояться числа, которое считается злополучнымъ. Въ настоящемъ случаѣ оно объединяетъ людей сдѣлавшихъ много добраго на протяженіи столѣтія. Не число 13, а можетъ быть, нѣкоторыя другія свойства сборника вызовутъ въ читателяхъ недоумѣніе.

Статьи, посвященныя памяти почившихъ дѣятелей Академіи, неравномѣрны по объему. Ненужно ставить въ связь объема статьи со значеніемъ личности. Статья о Θ . А. Голубинскомъ гораздо больше статьи о П. С. Делицынѣ. Авторъ статей не имѣлъ въ виду сравнивать этихъ профессоровъ-товарищей, но въ статьѣ о Делицынѣ онъ говоритъ только о немъ, а въ статьѣ о Голубинскомъ онъ пытается изображать среду и эпоху, въ которой жили и дѣйствовали эти профессора. Самый большой объемъ имѣетъ статья о С. К. Смирновѣ, но этотъ дѣятель Академіи, можно сказать, не только связанъ съ эпохой, но со всѣмъ столѣтіемъ существованія Академіи. Онъ, поступившій въ Академію въ 40-мъ году, былъ ученикомъ первыхъ питомцевъ Академіи—Делицына и Голубинскаго, а затѣмъ и ихъ младшимъ товарищемъ; оставившій Академію въ 1886 году онъ оказывается наставникомъ и начальникомъ лицъ, которыя и нынѣ служатъ въ Академіи. С. К. Смирновъ поступилъ въ Академію, когда она имѣла тотъ типъ, который былъ ей сообщенъ при ея учрежденіи, и оставилъ Академію, когда она приняла тотъ видъ, который по существу сохраняетъ и донынѣ. Естественно было съ этимъ лицомъ связать наибольшую часть исторіи въ біографіяхъ, представляемой настоящимъ сборникомъ.

Нѣкоторыя изъ статей помѣщенныхъ здѣсь были уже ранѣе напечатаны. Но задача сборника состоитъ не въ томъ, чтобы сообщать непременно новое—это и немыслимо для исторической книги,—а въ томъ, чтобы сообщать вѣрное—правдиво представить дѣятельность профессоровъ Академіи.

Статьи не съ одинаковыхъ точекъ зрѣнія толкуютъ о дѣятеляхъ Академіи. Одни обзрѣваютъ главнымъ образомъ ученую дѣятельность лица, другія выдвигаютъ на первый планъ жизнь

и эпоху, нѣкоторыя статьи носятъ отчасти формулярный характеръ. Но благодаря этому, статьи и восполняютъ одна другую. Нуженъ и формуляръ, потому что по немъ можно судить о механической сторонѣ академической службы. Нужна ученая дѣятельность, потому что она—важнѣйшая дѣятельность Академіи. Нужны среда и эпоха, потому что онѣ выясняютъ вліянія на Академію и вліяніе Академіи. Но нѣтъ нужды при повѣствованіи о каждомъ лицѣ трактовать дѣло такъ широко и разносторонне.

Такъ какъ статьи написаны разными авторами, то можетъ быть, читатели найдутъ въ нихъ различіе во взглядахъ и оцѣнкѣ лицъ и дѣяній. Различіе это не простирается на существенное, но оно неизбежно. Апостолъ Павелъ писалъ коринѣянамъ: „надлежитъ быть и разномысліямъ между вами“ (1 Коринѣ. XI, 19). А люди остались такими же, какими они были во дни апостола. Каждый смотритъ на вещи нѣсколько односторонне, вслѣдствіе этого и полезно всегда выслушивать мнѣнія не одного, а многихъ. Честное разномысліе скорѣе приведетъ къ истинѣ, чѣмъ одностороннее и некритическое единомысліе.

Но весьма важно и цѣнно, что при разномысліи въ нюансахъ и деталяхъ, у авторовъ оказывается согласіе въ существенномъ. У всѣхъ Академія и ея дѣятели изображаются въ сущности одними и тѣми же красками. Получается одно впечатлѣніе.

Православно-христіанской вѣрѣ и научному знанію служили профессора и питомцы Московской духовной Академіи. Усердно и плодотворно работали они, и были они „нечестолюбивы и некорыстолюбивы“ и жили тихою и скромною жизнью. Съ Москвою Академію связывало имя „Московская“, но она помѣщалась въ Сергіевой Лаврѣ, и большинство ея профессоровъ жило въ деревенской тиши Сергіева посада. Окружающая обстановка давала мало матеріала для развитія честолюбія и широкихъ потребностей. Но она давала матеріаль для иного. Будучи деревенскою, окружающая обстановка въ то же время была глубоко религіозною. Могучее вліяніе Лавры великаго Сергія дало много добраго и отраднаго для Академіи. Своеобразныя условія сообщили Академіи особенный типъ. Она стала чѣмъ-то вродѣ ученаго монастыря. Въ понятіи „монастырь“ заключается идея послушанія; Академія воспитывала людей послушныхъ долгу; въ понятіи „ученый“ заключается идея свободы; Академія воспитывала людей, признающихъ за собою право собственныхъ убѣжденій и уважающихъ чужую свободу. Московская Академія скоро создала свои традиціи и свято сохраняетъ ихъ. Мнѣнялись уставы и лица въ Академіи, но скорѣе уставы и лица примѣнялись къ традиціямъ,

чѣмъ Академія къ нимъ. Однѣ и тѣ же науки признавались уставами то групповыми, то общеобязательными, то совсѣмъ ненужными. Но кромѣ уставнаго въ Академіи было всегда свободное изученіе. Студенты посѣщали и необязательныя и такъ называемыя чужія лекціи (профессоровъ—не ихъ группъ), разъ находили въ этихъ лекціяхъ интересъ и пользу. Но кромѣ слушанія лекцій у студентовъ было много времени для чтенія. Немногими искушеніями располагаетъ посадъ для того, чтобы отвлекать людей отъ науки. И студенты проводили время главнымъ образомъ въ своихъ студенческихъ кельяхъ за чтеніемъ, размышленіемъ, философскими спорами, писаніемъ сочиненій.

Значеніе Академіи для русской церкви и ея вліяніе на русское общество отчасти оказывается явнымъ и подлежитъ учету, но конечно въ самомъ главномъ и существенномъ значеніе и вліяніе Академіи не можетъ быть провѣрено и оцѣнено. Академія дала много архипастырей, пастырей и учителей, изъ-подъ сѣни Академіи вышло много ученыхъ трудовъ. Но насколько Академія содѣйствовала укрѣпленію религіозныхъ началъ и развитію нравственныхъ навыковъ? Трудно отвѣтить на это. Элементарную физику читалъ Димитрій Θεодоровичъ Голубинскій, но образъ и поведеніе этого святого человѣка смущалъ и очищалъ совѣсть многихъ. Голубинскому святому (Димитрію Θεодоровичу) противоплавали Голубинскаго ученаго (Евгенія Евсигнѣевича). Но и святой не былъ чуждъ учености и ученый не былъ чуждъ святости. Что представлялъ собою Евгеній Евсигнѣевичъ? Монаха въ міру, самоотверженно отдавшаго жизнь на выясненіе прошлыхъ религіозныхъ судебъ славянскихъ племенъ и главнымъ образомъ русскаго народа. Онъ давалъ своимъ ученикамъ примѣръ честнаго и самоотверженнаго служенія тому, что онъ считалъ истиной. Примѣръ учителя всегда заставляетъ подражать ему учениковъ.

И вотъ, Академія прожила сто лѣтъ. Громъ пушекъ затихъ въ Европѣ, когда Академія начала свое существованіе, и громъ тяжелыхъ артиллерійскихъ орудій съ страшною силою загремѣлъ теперь по всему міру, когда она начинаетъ второе столѣтіе своего существованія. Чѣмъ разрѣшится этотъ громъ? Что сокрушатъ эти орудія? О если бы они сокрушили гордость, зависть и вражду! Много неправды совершили тѣ, которые начали это ужасное дѣло истребленія, калѣченія и мученія людей людьми, но сила Академіи заключается прежде всего въ вѣрѣ въ конечное торжество правды. Пусть небо застлано тучами и не видно солнца, но тучи мимолетны, а солнце пребудетъ всегда. Теперь раздаются по

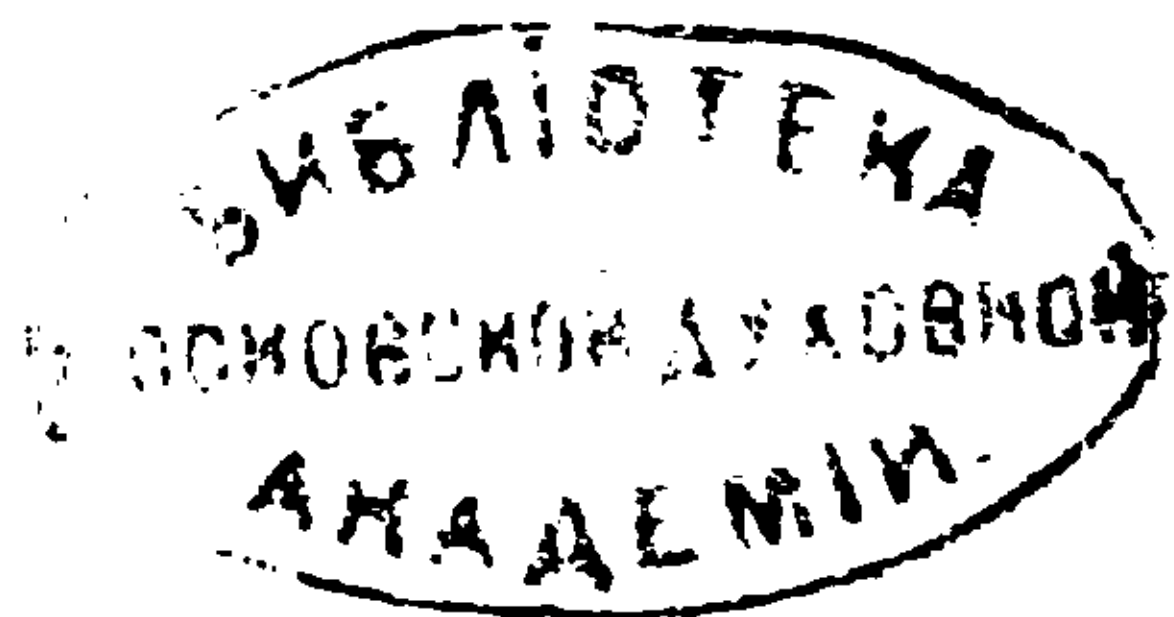
всему міру крики ужаса и мученій, но темная сила, вызвавшая ихъ, сокрушится и пройдетъ, какъ тѣнь, и въ лазурныхъ глубинахъ неба снова засвѣтитъ солнце.

И спокойно и радостно будетъ повѣдывать Академія о солнцѣ правды—Христѣ.

А о тѣхъ, о которыхъ повѣствуетъ настоящей сборникъ, Академія молила, молить и будетъ молить: имъ подвигомъ добрымъ подвизавшимся, теченіе совершившимъ и вѣру сохранившимъ, да дастъ Господь вѣнецъ правды, который предназначенъ „всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его“ (2 Тимое. 4, 8).

ПРОТОІЕРЕЙ

Петръ Спиридоновичъ Делицынъ.

(Род. 16 іюня 1795 г. ум. 30 ноября 1863 г.).

Духовныя Академіи до 1870 г. отводили нѣкоторое мѣсто изученію физико-математическихъ наукъ. Это было нужно для приготовленія преподавателей семинаріи и, кажется, это было единственною причиною существованія въ Академіяхъ физико-математическихъ кафедръ. Изъ университета, конечно, въ то время никто не пошелъ бы въ преподаватели семинаріи. Но кромѣ этихъ своихъ техническихъ цѣлей физико-математическія кафедры несомнѣнно служили инымъ—помогали дѣлу изученія философіи, содѣйствовали научной постановкѣ апологетики. Протоіерей Делицынъ былъ однимъ изъ тѣхъ, который своимъ преподаваніемъ наиболѣе послужилъ и богословскимъ и философскимъ цѣлямъ математическаго преподаванія и вмѣстѣ съ тѣмъ много содѣйствовалъ развитію физико-математическихъ знаній и ихъ строго научной постановкѣ. Какъ ни плохо и ни жалко было положеніе математики въ семинаріяхъ, однако многіе ученики учениковъ Делицына поступали изъ семинарій на математическій факультетъ, и мы имѣемъ не мало незаурядныхъ математиковъ съ семинарскимъ образованіемъ.

П. С. Делицынъ окончилъ первымъ магистромъ перваго курса Московской Духовной Академіи. Фамилія его отца была Заринъ, онъ былъ священникомъ московскимъ, но Петру дали при поступленіи въ школу фамилію Делицына, ибо онъ составлялъ утѣху (Deliciae) своихъ родителей. Уже въ юныхъ годахъ онъ обнаружилъ любовь къ математикѣ. Обучаясь въ Московской славяно-греко-латинской Академіи, онъ посѣщалъ въ Университетѣ лекціи по физикѣ проф. П. И. Страхова. Это было нѣкоторымъ образомъ провиденціально, потому что въ Академіи Петру Спи-

ридоновичу слушать физики не пришлось, а преподавалъ онъ ее потомъ всю свою жизнь. Въ Академіи онъ слушалъ математику у В. И. Кутневича и А. Е. Покровскаго. Оба эти профессора оставили Академію и посвятили свою жизнь пастырской дѣятельности, но относительно Покровскаго имѣются свидѣтельства, что онъ и по оставленіи Академіи не оставлялъ математическихъ занятій. П. С. Делицынъ непосредственно по окончаніи курса былъ оставленъ на кафедрѣ математики и преподавалъ математическія науки въ ней до самой смерти (1818—1863), т. е. въ теченіе 45 лѣтъ. Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ онъ преподавалъ одинъ, а потому ему былъ назначенъ адъюнктъ. Петръ Спиридоновичъ поручалъ адъюнкту обыкновенно преподаваніе элементарной геометріи. Себѣ онъ оставлялъ алгебру, анализъ и физику. Последнюю, впрочемъ, не всегда. До 1844 г. часть студентовъ изучала физико-математическія науки и часть—науки историческія. Въ 1844 г. всѣ предметы академическаго преподаванія сдѣланы были обязательными для всѣхъ. Это съ необходимостью должно было повести къ сокращенію программы. Преподаваніе высшаго анализа (дифференціального и интегрального исчисленія) было отмѣнено.

Петръ Спиридоновичъ преподавалъ до самой смерти. Последнюю лекцію (о рѣшеніи уравненій высшихъ степеней по приближенію) онъ прочиталъ 24 октября 1863 года, а 30 ноября его не стало.

Мы имѣемъ свѣдѣнія, что Петръ Спиридоновичъ написалъ курсы алгебры, тригонометріи (надо полагать: плоской и сферической), написалъ объ аналитическомъ опредѣленіи кривыхъ линій и поверхностей, трактаты по механикѣ, математической географіи и пасхалии. Всѣ эти труды остались въ рукописяхъ. Теперь, разумѣется, поздно ихъ печатать, но на основаніи сообщеній его ученика Д. Θ. Голубинскаго всякій занимающійся математикою можетъ видѣть, что его руководства стояли неизмѣримо выше тѣхъ, по которымъ обучалось русское юношество въ 70-хъ, 80-хъ и послѣдующихъ годахъ XIX столѣтія.

Вотъ, что пишетъ Д. Θ. Голубинскій въ своихъ воспоминаніяхъ о преподаваніи Петромъ Спиридоновичемъ алгебры.

Отецъ протоіерей Петръ Спиридоновичъ на самыхъ первыхъ своихъ лекціяхъ обыкновенно съ подробностію и обстоятельностью предлагалъ главныя понятія о величинахъ, о ихъ сравненіи о величинахъ кратныхъ и частныхъ, соизмѣримыхъ и несоизмѣримыхъ; потомъ указывалъ на соотношеніе между величинами и на возможность выразить это соотношеніе въ случаѣ соизмѣримости числомъ, и также въ случаѣ и соизмѣримости и несо-

измѣримости,—прямою линією. Далѣе онъ переходилъ къ изслѣдованію свойствъ величинъ пропорціональныхъ, ограничиваясь только тѣми положеніями, какія строго логическимъ путемъ могли быть доказаны на основаніи предыдущихъ свѣдѣній о величинахъ. Послѣ всего этого онъ переходилъ уже къ алгебрѣ и къ первымъ алгебраическимъ дѣйствіямъ,—сложенію, вычитанію, умноженію и дѣленію. При семъ было можно было замѣтить, съ какою ясностію и отчетливостію онъ излагалъ понятіе о величинахъ отрицательныхъ, которое такъ запутано въ нѣкоторыхъ курсахъ алгебры. А умноженіе и дѣленіе являлись у него совершенно въ новомъ свѣтѣ: пользуясь понятіями о величинахъ пропорціональныхъ, предложенными прежде, онъ на основаніи этихъ понятій объяснялъ и самую сущность умноженія и дѣленія, и доказывалъ частныя теоремы, относящіяся къ этимъ дѣйствіямъ, а чрезъ то съ большимъ успѣхомъ избѣгалъ неточностей, которыя въ курсахъ алгебры сдѣлались такъ обыкновенны, что ихъ даже и не замѣчаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что въ алгебрѣ умноженіе и дѣленіе производятся надъ всякими величинами, а изъ этихъ величинъ нѣкоторыя, на примѣръ, многія величины коренныя, несоизмѣримы съ единицею; не смотря на это, говорятъ вообще объ умноженіи, что произведеніе во столько разъ болѣе или менѣе множимаго, во сколько множитель болѣе или менѣе единицы. Но спрашивается: если множитель съ единицею несоизмѣримъ, то что значать тогда слова: „во сколько разъ болѣе или менѣе единицы?“. Какъ въ семъ случаѣ можно выразить отношеніе между произведеніемъ и множимымъ, когда они не имѣютъ общей мѣры? На эти простые вопросы обыкновенно не дается никакого отвѣта въ курсахъ алгебры. Напротивъ того въ лекціяхъ Петра Спиридоновича всё это отчетливо и просто было уяснено ¹⁾. Другой примѣръ: извѣстно, что отъ перестановки множителей произведеніе не измѣняется, или, выражаясь математически, $ab=ba$; понятно, что мы имѣемъ полное право требовать отъ алгебры общаго доказательства этой теоремы, но пересмотрѣвъ нѣсколько хорошихъ курсовъ алгебры, чтобы найти вполне удовлетворительное доказательство, мы не нашли его; а въ лекціяхъ Петра Спиридоновича эта теорема была доказана на основаніи свѣдѣній о величинахъ пропорціональныхъ съ замѣчательною простотою и строгостію ²⁾. Послѣ изложенія свойствъ

¹⁾ Это объяснялось при помощи изображенія прямыми линіями произведенія, множителей и единицы, и отношенія между ними.

²⁾ Доказательство основывалось на простой перестановкѣ среднихъ членовъ

первыхъ четырехъ дѣйствій надъ количествами цѣлыми и дробными Петръ Спиридоновичъ переходилъ къ статьямъ о дѣлительныхъ алгебраическихъ количествахъ и числахъ, и дробяхъ непрерывныхъ. Эти двѣ статьи были у него превосходно обработаны. Въ первой изъ нихъ слушатели между прочимъ видѣли, съ какою отчетливостію и простотою изъ началъ алгебраическихъ было выведено опредѣленіе признаковъ дѣлимости чиселъ на то или другое число. Вторая статья замѣчательна по строгости выводовъ и общности слѣдствій; а чтобы слушатели могли видѣть, какъ во многихъ вычисленіяхъ важно пособіе непрерывныхъ дробей, Петръ Спиридоновичъ предлагалъ примѣры употребленія этихъ дробей въ опредѣленіи способовъ уравненія гражданскаго года съ астрономическимъ, а также въ вычисленіяхъ отношенія окружности къ діаметру. Отъ непрерывныхъ дробей Петръ Спиридоновичъ переходилъ къ возвышенію алгебраическихъ количествъ и чиселъ во вторую и третью степень и къ извлеченію корней, къ дѣйствіямъ надъ количествами степенными и коренными и къ Ньютонову биному.

Въ приложеніяхъ Ньютонова бинорма профессоръ съ большою отчетливостію показывалъ его отношеніе къ извлеченію корней, изобличалъ неточность, допускаемую въ нѣкоторыхъ курсахъ алгебры при доказательствѣ того положенія, что биномъ Ньютона имѣетъ мѣсто и въ случаѣ показателя дробнаго, предлагалъ свое строгое доказательство этого положенія, и съ большою обстоятельностью раскрывалъ самый способъ извлеченія корней посредствомъ рядовъ. Далѣе слѣдовали статьи о пропорціяхъ, прогрессіяхъ и логарифмахъ; въ статьѣ о геометрической пропорціи строго были разграничены свойства ея, доказываемыя посредствомъ алгебраическихъ приемовъ отъ тѣхъ, какія уже изложены были въ началѣ курса. Послѣ всего этого Петръ Спиридоновичъ переходилъ уже къ уравненіямъ первой и второй степени; далѣе довольно подробно разсматривалъ частные способы для рѣшенія уравненій третьей степени, примѣры приложенія этихъ способовъ къ численнымъ уравненіямъ, и свойство корней уравненій сей степени, и наконецъ излагалъ общую теорію уравненій высшихъ степеней.

Можетъ быть скажутъ, что отнесеніе уравненій на самый конецъ алгебры имѣетъ свои неудобства: не споримъ, что въ

въ одной изъ пропорцій составленныхъ изъ произведенія, множителей и единицы; а свойства пропорцій выведены прежде изъ самыхъ понятій о величинахъ кратныхъ и частныхъ.

случаѣ преподаванія алгебры дѣтямъ, которымъ скорѣе нужно показывать приложенія дѣйствій къ рѣшенію задачъ, полезно бываетъ скорѣе переходить къ уравненіямъ; съ этимъ согласался и самъ Петръ Спиридоновичъ въ своемъ проэктѣ преподаванія алгебры въ духовныхъ семинаріяхъ. Но когда преподается алгебра людямъ возрастнымъ, которые глубже должны усвоить себѣ основанія науки, разсматриваніе уравненій въ совокупности, по окончаніи прочихъ дѣйствій, имѣетъ явныя преимущества.

Послѣ алгебры Петръ Спиридоновичъ переходилъ къ плоской и сферической тригонометріи и аналитической геометріи. Повидимому онъ успѣвалъ главнымъ образомъ знакомить слушателей съ коническими сѣченіями и вообще не читалъ геометріи въ пространствѣ.

Петръ Спиридоновичъ преподавалъ, не пользуясь никакимъ конспектомъ, слушателямъ онъ или указывалъ пособіе или выдавалъ свои записки.

Очень можетъ быть, что Д. Θ. Голубинскій излагаетъ намъ неполную программу курса Петра Спиридоновича. Несовсѣмъ понятно, почему въ этой программѣ отсутствуют неопредѣленные уравненія, теорія чиселъ и maxima et minima. Замѣчу, что въ оффиціально рекомендованныхъ курсахъ Лакроа все это есть. Но во всякомъ случаѣ мы изъ сообщеній Д. Θ. Голубинскаго видимъ, что Петръ Спиридоновичъ влагалъ въ алгебру духъ строгой логики. Повидимому онъ не склоненъ былъ превращать въ аксіомы все то, что кажется простымъ и понятнымъ само собою. Онъ находилъ нужнымъ доказывать, что отъ перестановки множителей произведеніе не измѣняется. Многіе склонны считать это аксіомой. Но уже за десять лѣтъ до смерти Петра Спиридоновича Гамильтонъ выступилъ съ ученіемъ о кватерніонахъ (*Lectures on quaternions*, 1853), а въ годъ его смерти Вейерштрассъ далъ теорію комплексныхъ чиселъ высшихъ видовъ, гдѣ отъ перестановки множителей произведеніе мѣняется. Едва-ли Петръ Спиридоновичъ имѣлъ возможность ознакомиться съ этими теоріями, но его строго математическій умъ указывалъ ему, что вопросъ нужно изслѣдовать, а не ограничиться вѣрою въ правду постоянно опытомъ подтверждаемаго тезиса. Д. Θ. Голубинскій сообщаетъ, что Петръ Спиридоновичъ не допускалъ такихъ опредѣленій, какъ: кругъ есть правильный многоугольникъ съ безконечнымъ числомъ сторонъ. Безспорно, Петръ Спиридоновичъ былъ правъ, потому что это опредѣленіе можетъ привести къ нелѣпымъ парадоксамъ (каждый уголъ въ правильномъ много-

угольникъ съ безконечнымъ числомъ сторонъ=2 d, но если такъ, то значить, кругъ есть прямая линія); между тѣмъ это опредѣленіе гораздо позднѣе брали подъ свою защиту курсы логики (наприм., Логика Владиславлева).

Петръ Спиридоновичъ стремился въ своихъ лекціяхъ къ возможной точности опредѣленій и возможной строгости, отчетливости и ясности доказательствъ. Несомнѣнно, его курсъ строго дисциплинировалъ мысль слушателей. Въ Димитріи Θεодоровичѣ ясно сказывается его ученикъ. Какъ все продумано, взвѣшено и твердо установлено въ его разсужденіяхъ! Эта дисциплинированная мысль смѣнилась распущенной мыслью падкою на гипотезы, на отрицаніе, на выводы изъ недостаточныхъ основаній.

Остались нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, что сдѣлалъ для преподаванія физики въ академіи Петръ Спиридоновичъ. Московская академія троекратно подвергалась ревизіи Филарета раньше, чѣмъ онъ сталъ митрополитомъ московскимъ, когда судьба академіи тѣснѣйшимъ образомъ сплелась съ его личностью. Во время своей третьей ревизіи въ 1820 г. Филаретъ бывшій тогда архіепископомъ тверскимъ, о преподаваніи физики Петромъ Спиридоновичемъ Делицынымъ, всего лишь два года кончившемъ курсъ, писалъ: „о кафедрѣ математико-физической, занимаемой также однимъ изъ младшихъ, я могу позволить себѣ одно частное замѣчаніе что въ урокахъ физическихъ есть признаки собственной его дѣятельности, которая одну надежду оправдываетъ, а другую основываетъ“.

Озабоченъ былъ Петръ Спиридоновичъ устройствомъ въ академіи физическаго кабинета.

До 1826 г. физическаго кабинета при московской духовной Академіи, можно сказать, не было: весь кабинетъ состоялъ изъ слѣдующихъ вещей: малая электрическая машина, неахроматическій телескопъ въ деревянной оправѣ, камера кляра, волшебный фонарь, четыре лейденскихъ банки, рупоръ желѣзный и готовальня. При объясненіи свойствъ тѣлъ и физическихъ явленій обыкновенно обходились посредствомъ писанныхъ мѣломъ на доску чертежей инструментовъ. Въ декабрѣ 1826 года П. С. Делицынъ вошелъ въ Правленіе Академіи съ представленіемъ, въ которомъ просилъ: „для составленія физическаго кабинета пріобрѣсти покупкою нѣкоторыя физическія машины въ Москвѣ у англичанина Пристлея“. Всѣхъ инструментовъ, по его указанію, требовалось 16 на сумму 931 руб. ассигн. Самыми цѣнными изъ нихъ были: пневматическая машина одноствольная (въ 250 р.) и электрическая (въ 400 р.). На представленіе о пріобрѣтеніи инстру-

ментовъ митрополитъ Филаретъ написалъ: „согласенъ. Издержка такъ нужна и такъ ограничена, что на основаніи 217 пункта Устава можно и прямо приступить къ исполненію, тѣмъ паче, что въ отчетѣ моемъ по обзрѣнію академіи уже доведено о сей нуждѣ до свѣдѣнія комиссіи дух. училищъ“. Въ 1830 году купленъ двухствольный воздушный насосъ съ принадлежащими къ нему снарядами. Но вообще пріобрѣтеніе физическихъ инструментовъ сопровождалось большими затрудненіями. Возраженія противъ покупки нерѣдко шли сверху. За всѣмъ тѣмъ несомнѣнно при энергичномъ воздѣйствіи Петра Спиридоновича при его бакалаврахъ Капустинѣ и Сергіевскомъ академической кабинетъ по физикѣ принялъ довольно приличный видъ.

Какъ математикъ-богословъ, Петръ Спиридоновичъ не могъ обойти вопросовъ пасхалии, изъ книжки Д. Θ. Голубинскаго „Вопросъ объ уравненіи года гражданскаго съ астрономическимъ. 1899.“ получается впечатлѣніе, что Петръ Спиридоновичъ пришелъ къ медлеровскому стилю до Медлера.

Тропической годъ, т. е. время между двумя вступленіями земли въ точку весенняго равноденствія, равенъ 365 днямъ 5 часамъ 48 минутамъ и 45—52 секундамъ. Годъ не есть величина безусловно неизмѣнная, количество секундъ и особенно ихъ доли трудно опредѣлимы и подлежатъ измѣненіямъ. Безъ замѣтной погрѣшности и съ большимъ удобствомъ для вычисленія можно принять годъ равнымъ 365 дн. 5 час. 48 мин. 45 секундъ. Простой годъ въ нашемъ календарномъ счисленіи равенъ 365 суткамъ. Избытокъ астрономическаго года надъ простымъ, выраженный въ доляхъ сутокъ и въ секундахъ равенъ $\frac{20925}{86400}$, знаменатель представляетъ здѣсь число секундъ въ суткахъ ($24 \times 60 \times 60$), числитель—количество секундъ въ избыткѣ астрономическаго года (= 5 час. 48 мин. 45 сек.). Достаточно взгляда, чтобы видѣть, что эта дробь сокращается на $9 \times 25 = 675$). По сокращеніи она приметъ видъ $\frac{31}{128}$. Эта дробь показываетъ, что въ теченіе 128 лѣтъ разность между астрономическимъ годомъ и годомъ при круглыхъ 365 дней возрастетъ на 31 сутки, т. е. чтобы урвать ихъ, изъ 128 годовъ нужно сдѣлать 31 по 366 дней.

Если мы обратимъ дробь $\frac{31}{128}$ въ непрерывную, то получимъ:

$$\frac{1}{4 + \frac{1}{7 + \frac{1}{3}}}$$

Подходящія дроби будутъ: $\frac{1}{4}$, $\frac{7}{29}$, $\frac{8}{33}$, $\frac{31}{128}$. Первая знамену-

еть собою нашъ юліанскій стиль, въ которомъ изъ четырехъ годовъ одинъ дѣлается високоснымъ, стилей согласныхъ со второю и третьею дробью нѣтъ; четвертая представляетъ намъ стиль наиболѣе желательный. Въ 128 лѣтъ по нашему стилю приходится 32 високоса, нужно дѣлать тридцать одинъ, и тогда ошибка въ календарномъ исчисленіи возрастетъ до сутокъ не ранѣе, какъ втеченіе 1234 лѣтъ. Этотъ стиль несравненно точнѣе григоріанскаго. У юліанскаго стиля есть по крайней мѣрѣ то достоинство, что онъ характеризуется простотою вычисленій и удобствомъ расчетовъ по отношенію къ прошедшему. Григоріанскій не имѣетъ даже и этого достоинства. Поэтому, если намъ нужно мѣнять календарь, то его нужно мѣнять не на григоріанскій, а нужно составить новый стиль. Петръ Спиридоновичъ вопросъ о стилѣ связалъ съ вопросомъ о празднованіи пасхи и предложилъ проэктъ, который Димитрій Ѳедоровичъ Голубинскій потомъ развилъ и изложилъ печатно (см. о Голубинскомъ Д. Ѳ.).

Петръ Спиридоновичъ занимался и прикладной математикой. Димитрій Ѳедоровичъ Голубинскій сообщаетъ, что онъ читалъ теорію проекцій и оставилъ записки по этой теоріи. Это начертательная геометрія, имѣющая своею задачею изображать на плоскости или иной поверхности предметы существующіе въ пространствѣ и опредѣлять фигуру, положеніе и величину предметовъ по такимъ изображеніямъ. Лицамъ занимающимся чистой математикой, начертательная геометрія въ сущности не нужна. Она нужна архитекторамъ, механикамъ, инженерамъ. Въ Академіи Петру Спиридоновичу, видно, неоднократно пришлось отправлять функціи архитектора, причемъ неоднократно приходилось ему за его смѣты, планы и чертежи получать неодобреніе. Но позволительно скептически отнестись къ этимъ неодобреніямъ. Они давались издали, авторитетно и самоувѣренно, а постройки были такія, для которыхъ и не требовалось авторитетовъ и научной подготовки, требовалась лишь практическая опытность.

Въ 1837 г. было получено Высочайшее соизволеніе на постройку въ Академіи новаго каменнаго корпуса въ три этажа по Высочайше утвержденнымъ плану и смѣтѣ. Митрополитъ Филаретъ приказалъ составить строительный комитетъ, въ который вступили: казначей лавры соборный іеромонахъ Анастасій, Петръ Спиридоновичъ, тогда уже священникъ, экономя Академіи іеромонахъ Иліодоръ и секретарь бакалавръ И. Ѳ. Загорскій. Въ Петербургскомъ планѣ строительный комитетъ и московскій архитекторъ Бове нашли недостатки и представили митрополиту, что въ немъ нужно сдѣлать нѣкоторыя измѣненія. Митрополитъ по этому

поводу написалъ ректору Филарету: „строительный комитетъ и Бове думаютъ видѣть ученическія ошибки въ планѣ, составленномъ профессоромъ академіи художествъ, не подозрѣвая себя въ ученическомъ непониманіи плана. Хотя бы вспомнили объ учтивости, чтобы возражать скромнѣе, и тѣмъ меньше обнаружить свое незнаніе, или невѣдѣніе того, что подѣ глазами, какъ напримѣръ: вы говорите, что въ смѣтѣ нѣтъ подоконныхъ лещадей, а въ смѣтѣ положено подоконники покрыть желѣзомъ, что по опыту прочнѣе. И для чего проспали зиму и вошли представленіемъ о перемѣнахъ въ планѣ, когда настало время исполнять? Спѣшу сказать вамъ, чтобы вы ничего не дѣлали по своимъ мудрованіямъ, а по плану. Я могу согласиться только на немногое, напримѣръ: на продолженіе сообщительной галлерей до внутренняго корпуса и на чугунную лѣстницу, и о семъ надобно представить комиссіи дух. училищъ. Вы забыли взять въ соображеніе, что планъ разсматривался Государемъ Императоромъ. Прошу не прогнѣваться, что я много молчалъ и вдругъ много спорю“. Несомнѣнно, что на петербургскій проектъ критику наводили Бове и Петръ Спиридоновичъ.

Была еще исторія съ замонастырскимъ академическимъ домомъ. Въ 1840 г. онъ пришелъ въ совершенную ветхость. Въ академіи возникъ проектъ купить для новаго дома готовый срубъ у помѣщика Головина. Дѣйствовалъ Петръ Спиридоновичъ. Почему то такое вверху не одобрили этого плана, хотя осуществленіе его подкупало своею дешевизною. Причемъ правленію академіи поставили на видъ, что оно съ самаго начала должно было пригласить къ участию въ дѣлѣ архитектора, „а не основываться на мнѣніяхъ одного профессора математики Делицына, повидимому не совершенно знакомаго съ правилами архитектуры“. Но нужно замѣтить, что съ самаго начала былъ приглашенъ архитекторъ Бове, составившій смѣту новаго дома. Затѣмъ срубъ былъ отвергнутъ на томъ единственно основаніи, что построенный три года тому назадъ и стоявшій безъ обшивки, онъ „не можетъ считаться прочнымъ“. Но вѣдь это—теоретическое соображеніе издалека, а въ Сергіевскомъ посадѣ вопросъ о прочности сруба могъ быть рѣшенъ эмпирически и безспорно.

За всѣмъ тѣмъ возможно, что въ своихъ практическихъ расчетахъ и смѣтахъ Петръ Спиридоновичъ и не являлся мужемъ искушеннымъ въ опытѣ. Какъ и его другъ и товарищъ Ѡ. А. Голубинскій, Петръ Спиридоновичъ былъ теоретикомъ. Онъ любилъ и умѣлъ дѣлать кабинетную ученую работу. Здѣсь, въ тиши своей ученой кельи онъ тщательно и точно переводилъ святыхъ

отцевъ, какъ тщательно и строго составлялъ доказательства математическихъ теоремъ. Безъ сомнѣнія не безъ вліянія на его математическихъ занятіяхъ было то обстоятельство, что онъ долго преподавалъ въ академіи французскій языкъ. Въ восемнадцатомъ и въ первой половинѣ XIX столѣтія Франція дала много крупныхъ математиковъ. Лапласа Петръ Спиридоновичъ переводилъ. Несомнѣнно онъ руководился не одними французами. Онъ имѣлъ дѣло и съ Гауссомъ и съ Лобачевскимъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ и разсужденія Дмитрія Ѳедоровича Голубинскаго объ XI постулатѣ Эвклида. Но къ французамъ онъ должно быть тяготѣлъ наиболѣе. Онъ переводилъ аббата Гаюи (одного изъ основателей научной кристаллографіи). Переводилъ Петръ Спиридоновичъ и Ньютона (съ латинскаго).

Петръ Спиридоновичъ Делицынъ былъ профессоромъ математики втеченіе сорока пяти лѣтъ. Однако онъ неизвѣстенъ математикамъ. Съ его именемъ не связана никакая математическая теорія, никакая теорема, даже никакой учебный курсъ. Но относительно курсовъ мы имѣемъ безспорныя свидѣтельства, что таковыя имъ были написаны. Онъ только ихъ не напечаталъ. Въ то суровое время не спѣшили придавать тисненью написаннаго. Да и были ли у него средства къ напечатанію? Профессора академіи жили „худостно, нищенски, сиротински“. Могъ ли онъ рассчитывать на успѣхъ изданія? Сомнительно. Но помимо курсовъ не приходилъ ли Петръ Спиридоновичъ въ своихъ занятіяхъ математикой къ новымъ идеямъ и теоріямъ? Исторія математики знаетъ, что занимающіеся ею рано проявляли свои дарованія и дѣлали крупныя открытія. Паскаль уже 17 лѣтъ открылъ важную теорему объ одномъ свойствѣ шестиугольника вписаннаго въ коническія сѣченія. Галуа, давшій теорію группъ носящую его имя, погибъ на дуэли на двадцать первомъ году отъ рожденія. Абель, умершій на двадцать девятомъ году, положилъ конецъ попыткамъ давать алгебраическія рѣшенія для уравненія выше четвертой степени. Эти примѣры можно умножить. Но если такъ, то Петръ Спиридоновичъ, вначалѣ своей карьеры исключительно занимавшійся математикою, имѣлъ возможность внести свою лепту въ эту чистую науку. Кто знаетъ—можетъ быть онъ и открылъ и создалъ что-либо, но это осталось невѣдомымъ міру. Скромны были профессора старой академіи и не спѣшили сообщать *urbi et orbi* о томъ, до чего они дошли собственнымъ умомъ. Какъ ни кратки сообщенія Дмитрія Ѳедоровича Голубинскаго о Петрѣ Спиридоновичѣ, въ нихъ однако замѣчаніе, что Петръ Спиридоновичъ останавливался на неприводимости операцій съ ирраці-

ональными величинами къ единицѣ, подсказываетъ догадку, что можетъ быть его уму предносилась связь между понятіями непрерывности и ирраціональности и отсутствіе нужды въ обычныхъ числахъ для алгебраическихъ дѣйствій. Это видно изъ того, что онъ выяснялъ алгебраическія дѣйствія при помощи линий. Здѣсь чувствуются тѣ идеи, которыя теперь Дедекиндомъ и другими развиты въ стройныя теоріи. За всѣмъ тѣмъ должно признать, что множество обязанностей, которыя выполнялъ Петръ Спиридоновичъ Делицынъ съ необходимостью отвлекали его отъ физико-математическихъ занятій. Онъ былъ священникомъ, цензоромъ, переводчикомъ святоотеческихъ твореній, принималъ близкое участіе въ дѣлахъ академіи. Для размышленій надъ Архимедомъ и Ньютономъ у него оставалось мало времени. Нужно ли жалѣть объ этомъ? Не намъ судить пути Господни. Во всякомъ случаѣ вездѣ, гдѣ работалъ и служилъ Петръ Спиридоновичъ, онъ былъ правиломъ вѣры и вѣрности; онъ училъ, какъ работать, и своимъ примѣромъ и своимъ методомъ. Скромный, честный, серьезный, осторожный и трудолюбивый, онъ представляетъ собою глубоко поучительный образецъ человѣка вѣры и знанія. Онъ переводилъ на русскій языкъ Іоанна Лѣствичника и Лапласа, Григорія Богослова и Канта (критика чистаго разума), Василія Великаго и Платона, Ефрема Сирина и Гете (Эгмонтъ). Глубоко вѣрующій онъ подобно тѣмъ отцамъ церкви, которыхъ переводилъ, умѣлъ извлекать доброе и прекрасное изъ твореній писателей невѣрующихъ и иномыслящихъ. Если и въ будущемъ профессора академіи будутъ ходить путями, которыми ходилъ Делицынъ въ прошедшемъ, академія принесетъ много пользы церкви и человѣчеству.

Свѣдѣнія о П. С. Делицынѣ см. въ двадцать второй части прибавленій къ изданію твореній св. отцовъ—профессоръ М. Д. Академіи, протоіерей П. С. Делицынъ. Воспоминанія о математическихъ занятіяхъ профессора М. Д. Академіи П. С. Делицына. С. Смирнова—Исторія Московской духовной Академіи до ея преобразования (1814—1870). Д. Ѳ. Голубинскаго—Вопросъ объ уравненіи года гражданскаго съ астрономическимъ 1899. П. С. Делицына—Способъ находить въ данномъ году день Святой Христовой Пасхи у христіанъ какъ православныхъ, такъ и западныхъ (Чтенія въ московскомъ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія. 1865 г. Редакціей сдѣлано примѣчаніе: „сія статья доставлена въ общество авторомъ, дѣйствительнымъ членомъ общества, о. протоіереемъ П. С. Делицынымъ“. Редакція говоритъ о П. С.-чѣ, какъ о живомъ. Но онъ умеръ за два года до напечатанія его статьи.

Сколько же времени она лежала въ портфелѣ редакціи? Отвѣтъ на это мы находимъ на 105 стр., гдѣ отецъ П. С-чъ говоритъ о западной церкви, что „въ нынѣшнемъ же 1856 г. (она) празднуетъ пасху свою Марта 11 по старому стилю“...

С. Глаголевъ.

Протоіерей Петръ Спиридоновичъ Делицынъ, какъ переводчикъ и редакторъ переводовъ святоотеческихъ твореній.

П. С-чъ Делицынъ еще съ молодыхъ лѣтъ, по его собственному выраженію, имѣлъ „смертную охоту“ къ переводамъ. Уже на студенческой скамьѣ онъ и Ѳ. А. Голубинскій упражнялись въ переводахъ. И въ первые годы службы, когда П. С-чъ еще не былъ обремененъ занятіями, онъ продолжалъ дѣло переводовъ. Любопытенъ составъ переведенныхъ имъ книгъ. Часть—философскаго характера. Въ выборѣ этихъ книгъ сказалось вліяніе Ѳ. А-ча, да и переводились они совмѣстно. Таковы, Бутервекъ—Эстетика, Тенеманнъ—Исторія философіи, Кантъ—Критика чистаго разума. Далѣе мы находимъ переводы классиковъ: Платона, Вергилія—тогда еще писали: *Виргилія*,—всю Энеиду П. С-чъ перевелъ стихами, лѣтописи Тацита, Тита Ливія, Плавта, Теренція. И вдругъ послѣ классиковъ находимъ: Гете—Эгмонтъ, Шиллеръ—Валленштейнъ. Объ этихъ произведеніяхъ нужно сказать, что, будучи великими въ художественномъ отношеніи, они, въ тоже время проникнуты духомъ терпимости. Видно, скромный посадскій протоіерей не только любилъ прекрасное, но и понималъ и высоко цѣнилъ красоту терпимаго отношенія къ иномыслящимъ братьямъ. Это поучительно не только для его времени, но и для нашихъ дней.

Одна изъ добродѣтелей, которая характеризовала людей типа и времени П. С-ча, состояла въ ихъ изумительной непрактичности. Смертная охота къ переводамъ у П. С-ча несомнѣнно удовлетворялась бы тѣмъ, что онъ складывалъ въ ящики одну за другою тетрадки пореводовъ. Ничего бы онъ за нихъ никогда не получилъ и читали бы ихъ лишь развѣ самые близкіе. Но мысль судилъ иное.

Какъ христіанинъ и богословъ, П. С-чъ не могъ въ своихъ переводахъ обойти отцовъ церкви. Онъ переводилъ св. Григорія Нисскаго, и въ выборѣ этого отца сказалось глубоко философское направленіе П. С-ча, хотя нужно признать, что при выборѣ имъ руководили и филологическія соображенія. Потомъ уже по порученію св. Синода онъ переводилъ бесѣды Златоуста на посланіе къ

римлянамъ. Любопытны замѣчанія на этотъ переводъ сдѣланныя м. Филаретомъ. П. С-чъ пишетъ: „въ приступѣ“. М. Филареть замѣчаетъ: „приступъ бываетъ къ городу, а къ посланію вступленіе“. П. С-чъ: „многіе (пророки) послѣ Іоны, Софоніи и всѣхъ прочихъ“. М. Филареть: „что это такое? многіе послѣ всѣхъ?“ П. С-чъ: „во времени обстоятельствъ“. М. Филареть: „кажется, говорятъ: въ обстоятельствахъ времени“. По исправленіи рукопись была напечатана. Затѣмъ по порученію Св. Синода Московская академія переводила „точное изложеніе православной вѣры“ Іоанна Дамаскина. Понятно, что значительная доля трудовъ по этому переводу выпала на П. С-ча. Но все это были переводы случайные. Скоро дѣло святоотеческихъ переводовъ стало постояннымъ и систематическимъ.

Съ 1843 г. начали выходить „Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ, издаваемыя при Московской Духовной Академіи“. П. С-чъ, можно сказать, былъ творцомъ и вдохновителемъ этого дѣла, онъ и переводилъ, онъ и редактировалъ переводы. Одно изъ великихъ достоинствъ старой академіи заключалось въ томъ, что академія боялась празднаго слова. Профессоры предпочитали молчать, чѣмъ говорить сомнительныя вещи. Рѣчи неосторожныя, рѣчи легкомысленныя безусловно не допускались. Академіею управлялъ м. Филареть, всею душою заботившійся о томъ, чтобы „не дать повода ищущимъ повода“ бросить нареканіе на Академію. При такихъ условіяхъ, переводы, выпускавшіеся Академіею, должны, были быть достойны переводимыхъ авторовъ. Какъ тщательно нужно было переводить и какъ тщательно редактировать переводы! Для начала переводовъ былъ избранъ св. Григорій Богословъ. Проф. Ив. Н. Корсунскій въ своей актовой рѣчи представилъ намъ, какъ П. С-чъ исправлялъ переводъ надгробнаго слова Кесарію: „во всей рукописи нѣтъ не только страницы, но и почти строки, которая не была бы исправлена рукою Петра Спиридоновича“.

Когда вышли въ свѣтъ двѣ первыя части твореній св. Григорія Богослова, періодическая печать встрѣтила ихъ одобрительно. Подробный и похвальный отзывъ былъ помѣщенъ въ „Москвитянинѣ“ за 1844 годъ. Но къ этому отзыву издатель „Москвитянина“ М. П. Погодинъ сдѣлалъ примѣчаніе, въ которомъ было подчеркнута, что статья о переводахъ Московской Академіи была прислана, т. е. написана лицомъ не принадлежащимъ редакціи, и было сказано: „переводу сочиненій св. Григорія Богослова мы пожелали бы болѣе теплоты жизни, если можно такъ выразиться. Требованіе можетъ быть слишкомъ великое для опыта“. За всѣмъ

тѣмъ Погодинъ прибавилъ: „первое слово переведено отлично“. М. Филаретъ по поводу напечатаннаго въ „Москвитянинъ“ написалъ ректору Академіи архим. Евсевию: „Слышите ли, что говоритъ о вашемъ изданіи Москвитянинъ? Напечатавъ о немъ статью говоритъ, что она прислана и чтобы сильнѣе внушить мысль, что она писана кѣмъ либо пристрастнымъ, присовокупляетъ свои сужденія не очень благопріятныя. Въ переводѣ, говоритъ, не довольно теплоты и жизни. Этого я не довольно понимаю, какъ теплота и жизнь могутъ быть принадлежностями именно перевода, а не сочиненія. Есть ли нѣтъ теплоты и жизни въ сочиненіи: какъ дать ихъ переводѣ? Для сего надобно не перевести, а пересочинить. Есть ли же теплота и жизнь есть въ сочиненіи, а въ переводѣ ихъ нѣтъ, то переводъ долженъ быть невѣренъ, или что-нибудь подобное. Въ такомъ случаѣ такъ и говори и доказывай, а не бросай въ ближняго неопредѣленныя укоризны: мало теплоты, мало жизни. Вамъ однако надо осматриваться, нѣтъ ли въ переводѣ причинъ къ жалобамъ. У меня нѣтъ подлинника для точнаго дознанія; а встрѣтилъ я мѣста въ переводѣ, о которыхъ очень усумнился; и хотѣлъ показать ихъ вамъ, но теперь забылъ, можетъ быть на досугѣ сдѣлаю сіе“.

Едва ли у м. Филарета когда-либо былъ досугъ. Но время для того, чтобы слѣдить за академическими переводами, онъ находилъ. Въ 1851 г. Академія переводила творенія св. Аѳанасія Великаго. По поводу перевода м. Филаретъ писалъ ректору Академіи архимандриту Алексѣю: „въ переводѣ Аѳанасія Великаго встрѣчаю недоразумѣнія. Вотъ, напримѣръ, маленькое: *стадо комаровъ*, стр. 330. До сихъ поръ мы видали *рой комаровъ*, беспастырный: а теперь является стадо, которое, требуетъ и пастыря. Кто же пастырь? Не отецъ ли протоіерей Петръ?“

Но о. протоіерей Петръ былъ вождемъ не стада комаровъ, а арміи переводчиковъ святоотеческихъ твореній. Онъ несъ здѣсь трудъ и простого солдата и полководца: онъ переводилъ и руководилъ переводами. Дѣло началось въ 1843 г. и П. С-чъ велъ его до самой своей кончины послѣдовавшей въ 1863 г. Двадцать лѣтъ онъ не выпускалъ изъ своихъ рукъ святоотеческихъ фоліантовъ, онъ проникся духомъ твореній великихъ свѣтильниковъ церкви. Отмѣчаютъ, что отъ его собственныхъ проповѣдей вѣяло золотымъ вѣкомъ святоотеческой литературы. Говорятъ, занятіямъ твореніями св. отцевъ онъ посвящалъ отъ 10 до 11 часовъ въ сутки. Онъ читалъ и писалъ въ какомъ то полулежащемъ положеніи, и въ результатѣ у него произошло искривленіе позвоночнаго столба. Отцы, ихъ чтеніе и переводъ были для него

насущною потребностью жизни. Почти умирая, онъ говорилъ о новыхъ изданіяхъ и переводахъ. При ближайшемъ и дѣятельнѣйшемъ участіи П. С-ча вышло 46 томовъ святоотеческихъ твореній въ русскомъ переводѣ. Къ этому нужно прибавить еще то, что имъ было приготовлено при жизни, а издано было уже послѣ его смерти.

Младшій современникъ П. С-ча С. К. Смирновъ, самъ много занимавшійся греческимъ языкомъ, такъ отзывается о его переводахъ. „Въ переводахъ о. протоіерея Петра видна его особенная заботливость о точности и отчетливости въ переводѣ смысла писаній отеческихъ. Въ твореніяхъ Василія Великаго, пр. Нила, Григорія Нисскаго, для удостовѣренія въ правильности чтенія и для исправленія ошибокъ греческихъ изданій, онъ обращался къ греческимъ рукописямъ Московской синодальной библіотеки. При переводѣ словъ Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника онъ тщательно пользовался разными списками древнихъ славянскихъ переводовъ, которыя, по своей точности, могли служить вмѣсто греческихъ списковъ. Когда нужно было повторять изданіе нѣкоторыхъ отеческихъ твореній, онъ подвергалъ переводъ новому пересмотру. Если это желаніе близости перевода къ подлинному тексту и заставляло иногда покойнаго редактора жертвовать чистотою языка и плавностью рѣчи; за то онъ надѣялся доставить своимъ переводамъ высшее достоинство—точность. Желая приблизиться къ духу отцовъ, онъ старался передавать ихъ рѣчь словами и оборотами, вполне соответствовавшими строю греческаго языка; отъ того, при невозможности найти въ общеупотребительномъ русскомъ языкѣ слова съ значеніемъ равносильнымъ рѣчи греческой, у него по необходимости являлись въ переводахъ славянизмы и термины, заимствованные изъ языка церковнаго. Вслѣдствіе такой необходимости, для передачи извѣстныхъ словъ и выраженій греческихъ онъ составилъ, можно сказать, свою терминологію, которая была плодомъ долгаго размышленія и внимательнаго изученія духа твореній отеческихъ. Извѣстно, что у каждаго изъ отцовъ есть свои условные термины, свои любимые обороты, своя особенная конструкція рѣчи; всѣ эти отличительныя тонкости рѣчи нужно было уловить и изучить, дабы передать ихъ въ переводѣ такъ, чтобы рѣчь каждаго отца сохранила свой типичный характеръ, чтобы слово одного отца не было похоже на слово другого. Это великая заслуга, которую, чтобы оцѣнить, нужно сличить и умѣть сличить переводъ съ подлинникомъ. Конечно, трудъ редактора вдвойнѣ облегчился бы если бы онъ

захотѣлъ идти по слѣдамъ французскихъ перефразовъ, т. е. вмѣсто одного отеческаго слова употреблять два, три и болѣе, разсѣкать греческіе періоды, нерѣдко длинныя, на нѣсколько отдѣльных періодовъ и внести въ переводъ элементы легкаго языка, употребительнаго въ области мірскихъ сочиненій. Но это злоупотребленіе строгою и важною рѣчью св. отцовъ всегда казалось редактору посягательствомъ на искаженіе самаго смысла твореній отеческихъ, неуваженіемъ къ дорогому наслѣдію, завѣщанному ими православной церкви“.

Отзывъ С. К. Смирнова не звучитъ одиноко. Самъ митр. Филаретъ довѣрялъ переводамъ П. С-ча, онъ читалъ ихъ уже въ печатномъ, а не въ рукописномъ видѣ. А довѣрію великаго московскаго святителя можно довѣриться. Видно, съ великимъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ П. С-чу относился Филаретъ рижскій (впослѣдствіи архіепископъ черниговскій). Онъ вышелъ изъ академіи передъ началомъ изданія *Твореній св. отцевъ*, но получивъ уже на кафедрѣ первую книгу, писалъ А. В. Горскому: „языкъ чистъ; фераула Петра Спиридоновича дѣлаетъ свое дѣло Vivat“! Желаніе владыки осуществилось, дѣло святоотеческихъ переводовъ руководимое П. С-чемъ жило, расло и развивалось. Втеченіе двадцати лѣтъ механизмъ его былъ въ рукахъ П. С-ча и всѣ были за нимъ спокойны. Такъ было до конца 1863 г., когда митр. Филаретъ писалъ оберъ-прокурору св. Синода генералъ-адъютанту А. П. Ахматову: „въ Московской Академіи недавно преклонился древній столпъ,—первый магистръ перваго курса ея, принадлежавшій ей въ продолженіи 49 лѣтъ,—протоіерей Делицынъ скончался“.

Можно назвать много громкихъ именъ, смерть которыхъ не имѣла никакого значенія, потому, что ихъ дѣятельность по болѣзненному состоянію или по старости прекратилась уже за годы до смерти. Не молодъ умеръ и П. С-чъ. Ему шель уже шестьдесятъ девятый годъ, но оказывается, смерть его дѣйствительно явилась великою потерей для Академіи. Проф. П. С. Казанскій писалъ: „кончина Петра Спиридоновича образуетъ значительную пустоту въ академіи. Ректоръ (А. В. Горскій) не возьметъ читать переводы, а кромѣ его некому“. Самъ ректоръ на запросъ митр. Филарета о послѣдствіяхъ „потери“, которую „академія понесла въ о. протоіереѣ Петрѣ“, писалъ: „кончина о. протоіерея Петра Спиридоновича отняла много силы у Академіи. Что дѣлалъ онъ одинъ по Комитету для перевода твореній отеческихъ, то нужно оказывается разложить на двоихъ“.

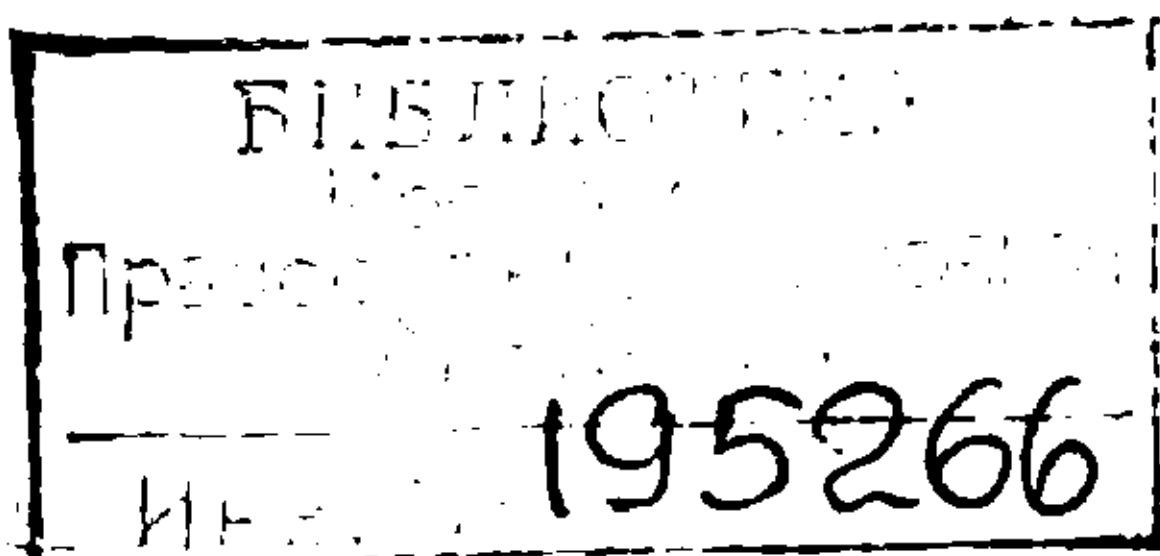
Для того, чтобы замѣнить 68-лѣтняго старика, потребовалось

два лица, сумма лѣтъ которыхъ можетъ быть приблизительно равнялась его годамъ (одному изъ нихъ В. Д. Кудрявцеву было тогда приблизительно 34 года). Умѣли работать профессоры старой академіи! Но вмѣстѣ съ тѣмъ, видно, они умѣли возбуждать и любовь къ работѣ. Дѣло перевода святоотеческихъ твореній начатое при П. С-чѣ продолжается въ Московской академіи и доселѣ. И самое лучшее по отношенію къ академіи и къ этому дѣлу сказать вмѣстѣ съ епископомъ Филаретомъ: vivat.

См. И. Н. Корсунскаго—Къ исторіи изученія греческаго языка и его словесности въ Московской дух. Академіи 1893. Прибавленія къ изданію твореній св. отцовъ. Часть двадцать вторая. Профессоръ М. Д. Академіи, протоіерей П. С. Делицынъ. С. К. Смирнова—Исторія Московской духовной Академіи.

Х.

ПРОТОІЕРЕЙ

Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій.

(Род. 22 Декабря 1797 г. ум. 22 Августа 1854 г.)

Столѣтіе существованія Московской Духовной Академіи исполняется только теперь, но день рожденія ея первыхъ учениковъ, изъ которыхъ лучшіе потомъ стали ея славными и самоотверженными учителями, относится къ XVIII вѣку. Они были старше школы, которая ихъ воспитала, старше своей *almae matris*. Уже юношами они видѣли день ея духовнаго рожденія и затѣмъ, получивъ отъ нея первыя наставленія въ мудрости, приняли сами заботу о ея духовномъ ростѣ и нѣкоторые изъ нихъ служили ей до могилы.

Такимъ былъ протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій. Онъ вступилъ въ Академію въ 1814 г., когда она только что открыла двери для духовныхъ юношей, и онъ оставилъ академію въ 1854 г. только затѣмъ, чтобы умереть. Четыре года онъ учился въ Академіи и тридцать шесть лѣтъ въ ней училъ, но онъ училъ не однихъ только питомцевъ Академіи, а и многихъ другихъ. Училъ онъ хорошо и хорошему. Онъ училъ словомъ и примѣромъ. И многое доброе, что мы видимъ въ Академіи и что въ области религіозно-философской мысли появилось у насъ и внѣ Академіи, обязано ему своимъ возникновеніемъ.

I.

Жизнь Ѳеодора Александровича не была богата событіями. Онъ родился 22 декабря 1797 года. Повидимому, онъ былъ первенецъ у своихъ родителей. Его отцу—псаломщику г. Костромы Александру Андреевичу было въ ту пору всего 22 года, хотя, правда, женился онъ уже за три года до этого (въ 1794 г.), а былъ посвященъ въ стихарь и занялъ должность дьячка еще за

Профессоръ философіи, Протоіерейъ
Георгійъ Голубицкій.

нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Несомнѣнно Александръ Андреевичъ былъ первымъ учителемъ своего сына. У насъ имѣются нѣкоторыя данныя для характеристики этого учителя. Это—его письма къ Ѳ. А—чу, когда тотъ уже сталъ профессоромъ Академіи.¹⁾ Александръ Андреевичъ едва-ли былъ питомцемъ школы, но онъ былъ питомцемъ церкви, онъ служилъ ей дьячкомъ, псаломщикомъ, иподіакономъ, діакономъ и священникомъ (съ 1820 г.), а она воспитывала въ немъ духъ вѣры, смиренія, терпѣнія и любви,—которыя онъ передалъ своему сыну. Беззавѣтная вѣра и покорность Промыслу слышатся въ его письмахъ, почтеніе ученому сыну, къ которому онъ обыкновенно обращается на „вы“ и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе своихъ правъ и обязанностей по отношенію къ этому сыну. Въ торжественныя минуты жизни Ѳ. А—ча (когда онъ испрашивалъ у родителей благословеніе на бракъ) смиренно-любтивное „вы“ Александръ Андреевичъ смѣняетъ на властное „ты“.... „припади ко Господу, пишетъ Александръ Андреевичъ, съ теплыми слезами и испроси Его всевышняго благословенія, милости и помощи, при коемъ и наше родительское благословеніе да будетъ съ тобою во вѣки“.... Далѣе, утверждая мысль, что Ѳ. А—чъ нуждается въ наставленіяхъ и руководствѣ, онъ говоритъ: „Да будетъ, во первыхъ, управитель и наставникъ твой Отецъ небесный, вторый, яко по близости Василій Ивановичъ²⁾, и третіе мы“. Въ раннѣйшій періодъ жизни Ѳ. А—ча Александръ Андреевичъ, конечно, долженъ былъ поставить себя не на третье, а на второе мѣсто и по близости и по праву и по обязанности.

Отъ руководства отца Ѳ. А—чъ перешелъ къ руководству школы. Въ то время училища и семинаріи обыкновенно были соединены вмѣстѣ, такъ это было и въ Костромѣ. Въ то отдаленное время, нужно еще сказать, люди не считали необходимымъ запасаться фамиліями, не имѣлъ ея и Александръ Андреевичъ, но своему сыну при поступленіи въ костромскую семинарію далъ фамилію „Голубинскій“. У Ѳ. А—ча, когда онъ еще учился дома, уже обнаруживались большія дарованія. Такъ, 6—8 лѣтъ онъ зналъ и читалъ на память всю оду Державина „Богъ“. Своимъ чтеніемъ оды на память маленькій декламаторъ удивлялъ одного помѣщика знакомаго съ Александромъ Андреевичемъ. Въ семи-

¹⁾ Письма эти приводятся Д. Ѳ. Голубинскимъ въ его статьяхъ „Макарій, основатель Алтайской миссіи, по бумагамъ Ѳ. А. Голубинскаго“. Душеполез. Чтен. 1890 г. часть третья.

²⁾ Протопресвитеръ В. И. Кутневичъ, братъ невѣсты Ѳ. А—ча.

нариі сила способностей Θ . А—ча обнаружилась немедленно. Ученикомъ онъ былъ образцовымъ. Скучность средствъ заставляла въ то время въ семинаріяхъ прибѣгать къ пріемамъ, напоминающимъ ланкастерскую систему взаимнаго обученія: старшіе ученики были учителями младшихъ. Обыкновенно лучшіе изъ учениковъ старшаго (богословскаго) отдѣленія избирались въ помощники къ штатному профессору семинаріи и замѣняли его въ низшихъ классахъ. Они назывались инфирматорами. Такимъ инфирматоромъ по греческому языку былъ и Θ . А—чъ. Инфирматорамъ полагалось вознагражденіе, но настолько скудное, что при ежедневномъ утреннемъ подкрѣпленіи организма булкою (копейки въ 3—4) къ концу мѣсяца солидная часть вознагражденія исчезала. Такъ это случилось однажды и съ нашимъ юнымъ инфирматоромъ. Его родитель Александръ Андреевичъ полагалъ было, что инфирматорское жалованье цѣликомъ пойдетъ на поддержку ихъ небогатой семьѣ, но Θ . А—чъ съ горечью видѣлъ, что надеждамъ его родителя не суждено оправдаться. Все однако устроилось къ лучшему: Θ . А—чъ оказалъ ученую услугу одному своему товарищу, а тотъ уплатилъ за него долгъ булочнику.

Въ 1814 году въ новооткрывавшуюся Московскую духовную академію было вызвано изъ костромской семинаріи 8 воспитанниковъ, и Θ . А—чъ отправился съ своими земляками, по тогдашнему, не въ близкій путь: изъ Костромы въ Сергіеву Лавру. Въ сентябрѣ они держали пріемные экзамены, и 1-го октября открывшаяся академія приняла ихъ въ составъ своего перваго курса. Думаемъ, что они вступили въ нее, имѣя настроеніе нѣсколько иное, чѣмъ то, которое имѣли новопоступавшіе студенты послѣдующихъ поколѣній. Подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ событій и войнъ 1812—14 г.г. государь и русское общество были настроены религіозно, на открывавшуюся академію и, слѣдовательно, на поступившихъ въ нее студентовъ возлагались добрыя и большія надежды. Когда 1-го октября они послѣ богослуженія въ Троицкомъ соборѣ вступили въ царскіе чертоги, отданные академіи, и тамъ началось торжество открытія, они должны были чувствовать, что на нихъ смотрятъ, о нихъ думаютъ и на нихъ надѣются всѣ вѣрующіе и образованные люди Россіи. Это должно было сообщить имъ повышенное настроеніе, должно было произвести въ нихъ подъемъ духа, стремленіе къ усиленнымъ занятіямъ. И мы имѣемъ свидѣтельство, что это предполагаемое нами настроеніе у нихъ было и оказалось не скоро преходящимъ. Въ мартѣ 1816 г. студенты основали ученое общество подъ названіемъ: ученая бесѣда. Въ запискѣ Θ . А—ча говорится, что „къ

составленію сего общества подало случай пріятное обыкновеніе, общее между всѣми почти занимающимися науками, собесѣдовать между собою о предметахъ своихъ упражненій“. „Часто въ часы досуга, говорится въ запискѣ далѣе, студенты любили съ дружескою свободою и откровенностію говорить, что каждый думалъ о предметахъ ихъ ученія; иногда читали другъ передъ другомъ свои сочиненія и судили о нихъ. Находя удовольствіе въ сихъ собесѣдованіяхъ, они впрочемъ замѣтили въ нихъ тотъ недостатокъ, что какъ время ихъ, такъ иногда и предметъ, не были опредѣлены, и для того и вознамѣрились назначить постоянныя правила для того и другого; и размышленіе о сихъ правилахъ, а вмѣстѣ взоръ на многія общества, въ разныхъ Академіяхъ и Университетахъ, между учащими и учащимися учрежденныя, открыли въ нихъ мысль о образованіи подобнаго общества. По взаимныхъ совѣщаніяхъ они начертали для таковаго общества постановленія и представили оныя тогдашнему инспектору академіи архимандр. Филарету“¹⁾. Уставъ общества былъ утвержденъ и ученымъ секретаремъ его („производителемъ письменныхъ дѣлъ“) былъ избранъ 18-лѣтній Ѳ. А. Голубинскій. Бесѣды и рефераты въ обществѣ велись богословско-философскіе. Такъ, за много лѣтъ до возникновенія въ Москвѣ обществъ любителей духовнаго просвѣщенія и психологическаго въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы, въ деревенской тиши уже существовало общество любителей богословскихъ и философскихъ наукъ. Оно состояло изъ 24 членовъ, остальные студенты (около 40), надо полагать, тяготѣли къ менѣе ученымъ ассоціаціямъ.

Въ то время, какъ въ Московской Д. Академіи читались рефераты по философіи, обсуждался смыслъ и значеніе философіи Канта, въ журналѣ издававшемся при Московскомъ Университетѣ (Вѣстникѣ Европы) Канта, Фихте и Шеллинга называли сумасшедшими и ихъ сочиненія „нѣмецкой галиматьей“. Юные студенты удивлялись невѣжеству и нелѣпости сужденій университетскаго журнала. Не точка зрѣнія на предметъ удивляла ихъ, а незнаніе предмета. Отрицательные взгляды на философію и религію имъ были хорошо извѣстны, но основательное изученіе философіи пріучило ихъ—глубоко благочестивыхъ и строго православныхъ христіанъ (это видно по ихъ рефератамъ)—къ терпимости къ чужимъ взглядамъ и мнѣніямъ.

Въ этой юной, благородной и серьезной атмосферѣ возрасталъ духомъ Ѳ. А.-чъ. Въ Академіи при ея основаніи было учреждено

¹⁾ С. Смирнова, Исторія Москов. Д. Академіи (1814—1870) 1879 стр. 175—178.

два отдѣленія историческое и физико-математическое. Θ . А-чъ избралъ послѣднее. Въ Академію онъ принесъ съ собою крѣпкую православную вѣру, академія дала ему основательныя начальныя знанія, которыя увеличивать и расширять далѣе онъ уже могъ вполне самостоятельно. Профессоромъ наиболѣе вліявшимъ на Θ . А-ча былъ, кажется, В. И. Кутневичъ. Кутневичъ преподавалъ сначала математическія и затѣмъ философскія науки (логику, психологію и исторію философіи, метафизика тогда не читалась). О немъ сохранилась память, какъ о даровитомъ и трудолюбивомъ профессорѣ. Онъ выписалъ сочиненія Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби, исторію философіи Теннемана и другія философскія новинки того времени, и его даровитый ученикъ очень скоро могъ ознакомиться съ тогдашней нѣмецкой философіей. И Θ . А-чъ не терялъ времени. Онъ переводилъ съ нѣмецкаго языка (эти переводы сохранились у сына его Димитрія Θεодоровича) курсы по исторіи философіи Теннемана, Бруккера, Эстетическія разсужденія Ансильона. Вмѣстѣ съ своимъ другомъ П. С. Делицынымъ онъ перевелъ всю эстетику Бутервека. Не медлилъ Θ . А-чъ и другихъ знакомить съ нѣмецкой философіей. Когда онъ поступилъ въ Академію, онъ оставилъ въ семинаріи младшаго по курсамъ своего друга Θεодора Москвина (впослѣдствіи принявшаго монашество подъ именемъ Арсенія и скончавшагося весною 1876 года въ санѣ митрополита кіевскаго). Обучаясь въ Академіи, на время вакацій Θ . А-чъ ходилъ пѣшкомъ въ Кострому къ родителямъ и на своихъ плечахъ приносилъ своему другу по семинаріи нѣмецкія философскія книги, и семинаристъ Москвинъ подъ руководствомъ студента Голубинскаго слѣдилъ за движеніемъ западно-европейской мысли въ то время, когда еще съ нею неохотно знакомились и русскіе профессора. Впослѣдствіи іерархъ Арсеній съ любовью вспоминалъ и рассказывалъ объ этомъ Димитрію Θεодоровичу Голубинскому.

Въ 1818 году Академія выпустила первый курсъ своихъ воспитанниковъ, Θ . А-чъ окончилъ третьимъ магистромъ и былъ оставленъ при В. И. Кутневичѣ бакалавромъ (по нынѣшнему доцентомъ) по философіи. Бакалаврамъ тогда полагалось жалованья 600 р. ассигнаціями въ годъ, что по курсу въ то время равнялось 150 р. серебромъ, т. е. профессорское жалованье въ то время было значительно меньше нынѣшнихъ студенческихъ стипендій. Но молодой философъ, полагаемъ, нисколько не смутился этимъ. Онъ любилъ скромность и не желалъ получать и имѣть много. Онъ любилъ давать, но не любилъ брать. Онъ усердно помогалъ семьѣ своего родителя (при его преиму-

шественномъ содѣйствіи была выдана замужъ его сестра—Александра Александровна), помогаль чужимъ и своими скудными средствами и ходатайствами. Но когда ему, учившему графа М. В. Толстого (онъ занимался съ нимъ, по свидѣтельству графа, „никогда не менѣе 2-хъ часовъ, а иногда и болѣе“) ¹⁾ за 25 руб. ассигнаціями въ мѣсяць (около 7 руб. на серебро), мать ученика предлагала увеличеніе платы, онъ безусловно отказывался.

Пособіемъ къ жалованью бакалаврамъ служилъ еще магистерскій окладъ въ 350 р. ассигнаціями въ годъ. На эти скромные гроши и даже только на часть ихъ, ибо часть онъ отдавалъ, скромно жилъ молодой бакалавръ до 1820 г. Въ этомъ году академію ревизоваль архіеп. тверской Филареть (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) и далъ о Ѳ. А-чѣ такой отзывъ: „очень способенъ и прилеженъ; духа добраго; въ познаніяхъ возрастаетъ благопоспѣшно ²⁾“. Коммиссія Духовныхъ Училищъ выразила ему свое одобреніе, на него было возложено преподаваніе нѣмецкаго языка и онъ былъ сдѣланъ членомъ академической конференціи. Въ 1822 году онъ получилъ званіе экстра-ординарнаго профессора, а въ 1824 г., когда В. И. Кутневичъ (тогда протопресвитеръ московскаго Архангельскаго собора) оставилъ академію, сталъ ординарнымъ профессоромъ.

Но у преемника не порвалась связь съ предшественникомъ: Ѳ. А-чѣ рѣшилъ вступить въ бракъ съ сестрою В. И. Кутневича—Анною Ивановною. Мы привели выше письмо родителя къ Ѳ. А-чу по этому поводу. Бракосочетаніе рѣшено было совершить въ іюль 1824 года, начались приготовленія къ свадьбѣ, но внезапно невѣста заболѣла такъ, что мысль о свадьбѣ должно было оставить. Болѣзненное состояніе невѣсты продолжалось болѣе 2-хъ лѣтъ, положеніе ея иногда представлялось такимъ, что, повидимому, Ѳ. А. долженъ былъ стать вдовцомъ, не бывъ мужемъ. Но это было только испытаніемъ. Прошло два съ половиною года, къ обязанностямъ Ѳ. А-ча присоединилась еще должность цензора духовныхъ книгъ (съ 1826 г.), Анна Ивановна выздоровѣла, и онъ сочетался съ нею бракомъ 30 января 1827 года. Въ 1828 г. онъ принялъ санъ священника (съ причисленіемъ къ московскому вознесенскому монастырю) и въ слѣдующемъ году былъ сдѣланъ протоіереемъ. Принятіе священнаго сана не могло принести ему никакихъ матеріальныхъ выгодъ:

¹⁾ Воспоминанія гр. М. В. Толстого. Русскій Архивъ. 1881. т. 1. стр. 30.

²⁾ Мнѣнія и отзывы м. Филарета, изданные преосвящ. Саввою 1885 г. т. 2. стр. 54.

онъ числился священникомъ въ Москвѣ, а служилъ безвозмездно въ посадѣ. Не могла новая должность внести и какихъ-либо новыхъ стѣсненій въ его жизнь: онъ не пользовался ранѣе тѣми удовольствіями, которыя доступны только свѣтскимъ, и потому не отказывался ни отъ чего, ставъ духовнымъ. Единственнымъ побужденіемъ для поступленія во священники, полагаемъ, у него было то, чтобы и здѣсь на землѣ стать ближе къ Богу, имѣть право быть дерзновеннѣе къ Нему въ своихъ молитвахъ, возносить эти молитвы предъ самымъ Его престоломъ и совершать безкровную жертву за всѣхъ тѣхъ живыхъ и умершихъ, объ участи которыхъ такъ болѣло его любящее сердце. Онъ всегда охотно принималъ предложенія послужить (разумѣется, задаромъ) въ приходскихъ церквахъ посада, онъ всегда служилъ (это видно изъ его писемъ) въ дни, которые были чѣмъ-либо важны и знаменательны для его родныхъ и близкихъ.

Тихо и безмятежно жила чета Голубинскихъ. Онъ усовершенствовался въ вѣрѣ и разумѣніи (философіи), исполнялъ обязанности профессора, цензора, священника, она своей лаской, любовью и заботами поддерживала его въ его разнообразныхъ трудахъ. *Θ. А-чъ*, какъ ординарный профессоръ, получалъ 1500 р. и какъ цензоръ 800 р. ассигнаціями. Для скромныхъ супруговъ этого было вполне достаточно, чтобы содержать себя, свою мало по малу возроставшую семью, помогать бѣднымъ родственникамъ и удѣлять еще значительную часть неимущимъ. Объ ихъ благотворительности должно сказать, что она была велика, но о ней нельзя сказать много. Открытый *Θ. А-чъ* былъ очень скрытенъ по отношенію къ своимъ дѣламъ благотворенія. Но какъ ни тщательно старался онъ скрывать то, что дѣлалъ, мы нашли слѣды его дѣяній. Во 1) многіе изъ тѣхъ, которымъ онъ благотворилъ тайно, къ чести ихъ оказались людьми нескромными и о благодареніяхъ *Θ. А-ча* съ благодарностію сообщали другимъ явно и громко, а отъ этихъ другихъ о дѣлахъ *Θ. А-ча* освѣдомились и мы. Во 2) живымъ свидѣтельствомъ любви *Θ. А.* къ благотворенію и его умѣнья воспитывать ее въ другихъ былъ потомъ его сынъ—Димитрій *Θеодоровичъ*, который какъ и его родитель, по завѣту евангельскому, не собиралъ себѣ сокровищъ на землѣ, „гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ“ (Мѡ. VI, 19). Въ 3) какъ ни былъ богатъ ординарный профессоръ *Θ. А-чъ*, получавшій на наши деньги около 700 руб. серебр. въ годъ и имѣвшій семью лишь въ 6 человекъ (изъ 9 человекъ дѣтей—5 у *Θ. А-ча* умерли маленькими), однако и его средствъ не хватало на удовлетвореніе всѣхъ обращавшихся къ нему за помощью: и

онъ принуждаемъ былъ просить и ходатайствовать за таковыхъ предъ другими. А эти другіе повѣдали о сѣмъ міру. Личный взглядъ на дѣло благотворенія Ѳ. А-чъ высказалъ въ письмѣ Бартеневу, который при хлопотахъ о помощи однимъ спротамъ получилъ, повидимому, нѣкоторыя непріятности и, намекнувъ на это въ письмѣ къ Ѳ. А-чу, прибавилъ: „но объ этомъ помолчимъ“. Ѳ. А-чъ писалъ ему: „нѣтъ, мало того, чтобы помолчать: благодарить и благодарить надобно Всевышняго Милостынераздаятеля за то, что сподобилъ васъ не только помочь бѣднымъ, но и нѣчто потерпѣть. Какія это алмазныя привѣски къ золотой цѣпочкѣ 1)“!

Еще болѣе, чѣмъ матеріальныя, спѣшилъ Ѳ. А-чъ удовлетворять духовныя нужды. У него не было прихода, но онъ имѣлъ духовныхъ дѣтей, которыхъ приобрѣлъ многими трудами и терпѣніемъ. Онъ обращалъ инославныхъ въ православіе, вводилъ и не-христіанъ въ православную церковь. Сколько трудовъ понесъ онъ при обращеніи еврея Гирши Карасина 2). Какимъ нравственно чистымъ, глубоко религіознымъ и богословски развитымъ привелъ онъ его къ купели крещенія. На небѣ бываетъ радость объ одномъ грѣшникѣ кающемся, но Гирша былъ далеко не одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Ѳ. А-чъ привелъ въ церковь или, когда они, какъ блудные сыны, ушли отъ нея очень далеко, возвратилъ въ ея лоно (такъ это было съ графомъ Вл. Ст. Толстымъ, см. далѣе).

Такъ, въ заботахъ о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ своихъ ближнихъ, въ исполненіи обязанностей по должностямъ проводилъ свои дни Ѳ. А-чъ. Часы досуга проходили у него или въ обществѣ любимой семьи или въ обществѣ близкихъ друзей. Такимъ особенно былъ для него профессоръ протоіерей Делицинъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ учился въ академіи, вмѣстѣ они были оставлены при ней (Делицинъ преподавалъ математику и французскій языкъ), вмѣстѣ служили въ цензурномъ комитетѣ, даже и священниками они числились при одномъ и томъ же московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Много у нихъ было общихъ заботъ и интересовъ, „Собирались мы, говорилъ Петръ Спиридоновичъ Делицинъ, поссориться съ Θεодоромъ Александровичемъ, да такъ и не собрались“. Но и кромѣ П. С. Делицина было у Ѳ. А-ча

1) Переписка Ѳ. А. Голубинскаго съ Ю. Н. Бартевымъ, стр. 412. Русск. Архивъ. 1880 г. т. 3.

2) См. письма м. Филарета, хранящіяся въ собраніи Императ. публич. библиот. 1891, стр. 2—6.

много людей, которые любили и уважали его, любили его поучительныя бесѣды и которые по этому всегда были не прочь своимъ посѣщеніемъ нарушать его покой или оторвать его отъ занятій. Квартира Ѳ. А—ча была открыта для всѣхъ. Его скромная пріемная, со стѣнъ которой глядѣли на посѣтителей лики подвижниковъ: Тихона Задонскаго, Серафима Саровскаго, Паисія и Георгія затворника, видѣла у себя и сильныхъ и малыхъ міра, и русскихъ и иностранцевъ, и ученыхъ и простыхъ людей. Изъ нея выходили восхищенные бесѣдою съ православнымъ философомъ и путешествовавшій по Россіи баронъ Гакстгаузенъ и русскій профессоръ Шевыревъ и многіе иные. Всѣхъ Ѳ. А—чъ встрѣчалъ съ радушіемъ и провожалъ съ любовью. Ища въ каждомъ человѣкѣ искру Божію, Ѳ. А—чъ не отказывался протягивать руку и тѣмъ, на имя которыхъ была наброшена тѣнь. А такъ какъ въ то время, какъ и теперь, были люди, которые при помощи анонимныхъ писемъ и иныхъ способовъ всегда готовы очернить своего ближняго, то и о Ѳ. А. было однажды доведено до свѣдѣнія митрополита, что онъ имѣетъ сношенія съ подозрительнымъ сектантомъ Дубовицкимъ. Ѳ. А—чъ искренно описалъ митрополиту, какъ и въ чемъ было дѣло. Митрополитъ Филаретъ, высоко цѣнившій и глубоко понимавшій Голубинскаго, отвѣтилъ ему сердечнымъ письмомъ, въ которомъ благодарилъ за искренность ¹⁾.

Пытались Ѳ. А—ча отнять у академіи. Попечитель Московскаго учебнаго округа графъ Строгановъ предлагалъ Ѳ. А—чу кафедру ординарнаго профессора по философіи въ московскомъ университетѣ, оберъ-прокуроръ св. Синода С. Д. Нечаевъ тоже предлагалъ ему какое то завидное мѣсто. Но скромный философъ скромно и, однако, рѣшительно отказывался отъ этихъ предложеній. „Тягостно для меня, писалъ онъ оберъ-прокурору Нечаеву, не оправдать ожиданій вашего превосходительства, но... я не могу принять на себя обязанности, которую ваша благотворительная рука мнѣ указываетъ“ ²⁾. Въ дальнѣйшихъ строкахъ Ѳ. А. говоритъ, что онъ вполне доволенъ своимъ положеніемъ и что онъ чувствуетъ себя обязаннымъ послужить еще академіи.

Ѳ. А—чъ покидалъ академію только по приказаніямъ своего

---

¹⁾ Письма м. Филарета, хранящіяся въ Императ. публич. библ. 1891. стр. 1—2.

²⁾ С. Г. Рункевичъ, изъ церковно-общественной жизни второй четверти нашего столѣтія. 1896. стр. 27—28.

начальства. Въ 1828 г. онъ ѣздилъ ревизировать рязанскую и тульскую семинарію, въ 1833 г. ревизировалъ семинаріи калужскую и тульскую. Но это была уже его послѣдняя отдаленная командировка. Послѣ этого онъ былъ назначаемъ только ревизоромъ вѣнанской семинаріи (въ 1834 и 40 годахъ).

Въ началѣ 1841 г. Ѡ. А—ча поразилъ жестокой ударъ: 27 января скончалась его супруга, на его рукахъ осталось четверо дѣтей: старшая дочь Марія (менѣе 13 лѣтъ) и сыновья: Сергѣй, Димитрій и Петръ. Мужъ вѣры и знанія, но не мужъ житейскихъ заботъ—что онъ былъ долженъ дѣлать съ этими малютками? Какъ и они, онъ былъ осиротѣлымъ и безпомощнымъ. Скорбь его была глубока, и едва-ли послѣдующія обстоятельства жизни могли ее смягчить. Люди, знавшіе его, понимали его состояніе, жалѣли его и старались не тревожить его въ его скорби. Митрополитъ Филаретъ писалъ въ февралѣ къ намѣстнику лавры Антонію: „О, протоіерея Θεодора жаль... Господь да подкрѣпитъ его и да устроить о немъ полезное“ ¹⁾. Стурдза, печатавшій свои письма подъ цензурой Ѡ. А—ча и передъ этимъ три раза прошившій его объ ускореніи дѣла, услышавъ о несчастіи постигшемъ Ѡ. А., писалъ (уже въ концѣ апрѣля) къ оберъ-прокурору Нечаеву: „слышу, что почтенный о. Голубинскій овдовѣлъ—слѣдственно въ горнилѣ скорби душевной; не смѣю въ 4-й разъ спрашивать“ ²⁾. Много сочувственныхъ писемъ, съ словами утѣшенія получилъ Ѡ. А—чъ, много выраженій любви и добраго расположенія онъ долженъ былъ найти въ этихъ письмахъ, это должно было укрѣплять его въ его вѣрѣ въ добро и человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти письма свидѣтельствовали о полномъ безсиліи человѣка помочь дѣйствительному человѣческому горю.

Ѡ. А—чу оставалось только искать успокоенія и утѣшенія въ трудахъ и молитвѣ. Съ этихъ поръ онъ сталъ гораздо больше отводить времени размышленію о смерти, о загробной участи людей, чтенію книгъ говорящихъ о томъ, что ожидаетъ насъ по ту сторону гроба. Жизнь уже не давала ему больше радостей. Награды, которыя онъ получилъ, едва-ли доставляли ему утѣшеніе (ордена св. Анны 3-й въ 1846 и 2-й степени въ 49 годахъ), а смерть одного за другимъ отнимала у него близкихъ людей. Осенью 1843 г. Ѡ. А—чъ поселился съ своею семьей на казенной квартирѣ (за лаврой на казенномъ дворѣ). Здѣсь просторно бы

¹⁾ Письма м. Филарета къ архим. Антонію. Часть I. 1877. Стр. 392.

²⁾ Рункевичъ, изъ церковно-общественной жизни второй четверти нашего столѣтія. 1896, стр. 20.

было жить и большой семьѣ, но семья Ѳ. А. здѣсь все убывала. Въ 1847 г. онъ выдалъ свою дочь Марью Ѳеодоровну за преподавателя Виѳанской семинаріи Димитрія Васильевича Разумовскаго (впослѣдствіи протоіерея и профессора церковнаго пѣнія въ московской консерваторіи). Въ свиданіяхъ съ этимъ зятемъ и дочерью Ѳ. А—чъ находилъ замѣтное утѣшеніе въ тѣхъ скорбяхъ, которыя затѣмъ одна за другою стали поражать его. Пѣшкомъ иногда онъ изъ своей квартиры отправлялся въ Виѳанію и здѣсь въ счастливой молодой семьѣ находилъ отдыхъ отъ дѣлъ и утѣшеніе въ горѣ (счастливая жизнь четы Разумовскихъ продолжалась однако не долго: Марья Ѳеодоровна пережила своего родителя только четырьмя годами, она скончалась въ 1858 г. 30 лѣтъ отъ роду). Въ 1849 г. въ квартирѣ Ѳ. А—ча скончался его братъ Петръ А—чъ, служившій губернскимъ почтъ-мейстеромъ у донскихъ казаковъ. Какъ и Ѳ. А—чъ, онъ сначала учился въ семинаріи, но оставилъ ее ради военной карьеры и молодость провелъ въ военной службѣ. Ѳ. А. посвятилъ ему слѣдующую эпитафію.

Приидите ко Мнѣ вси труждающіися
и обремененніи, и Азъ упокою вы. (Мѡ. II, 28).
Усталый странникъ бремя жизни
Въ святую землю здѣсь сложилъ.
Онъ кровью жертвовалъ отчизнѣ,
Въ трудахъ всѣ силы истощилъ.

Правдивый, искренній, усердный
Любилъ онъ бѣднымъ помогать
И счастье сирыхъ устроить.
Прими его въ Свой кровъ
Спаситель милосердный!

Вскорѣ у старшаго сына Ѳ. А—ча Сергѣя (студента академіи) обнаружилась признаки чахотки. Онъ долго болѣлъ и умеръ 29 января 1852 г. При его погребеніи простудился младшій сынъ Ѳ. А—ча—Петръ (ученикъ виѳанской семинаріи), и скарлатина въ три дня унесла его въ могилу. Онъ скончался 21 февраля. На его намогильномъ памятникѣ Ѳ. А—чъ помѣстилъ такое двухстишіе:

Безсмертный цвѣтокъ, недоцвѣтшій въ юдоли земной,
Въ раю разцвѣти, напоюемъ Господней росой, (Ис. 26, 19).

Митрополитъ Филаретъ, послѣшившій съ словомъ утѣшенія къ Ѳ. А—чу послѣ смерти его перваго сына, послѣ смерти другого написалъ ему слѣдующее:

Честнѣйшій отецъ протоіерей!

Съ соболѣзнованіемъ узналъ я о новомъ лишеніи, которымъ угодно Господу испытать ваше родительское сердце. Что сотворимъ? Что иное, какъ развѣ повинимся Отцу духовомъ, да живи будемъ? Надѣюсь, что такъ и расположенъ духъ вашъ. Да укрѣпится онъ, и да сохранить въ скорби столько мира, чтобы не слишкомъ потрясена была немощная плоть. Нынѣ время показать плодъ любомудрія, много лѣтъ вами проповѣдуемаго, и не колебаться лишеніемъ видимаго и временнаго, въ созерцаніи невидимаго, во упованіи вѣчнаго. Усердно молю Господа ниспослать вамъ свыше помощь, и утѣшеніе, и миръ.

Эти слова были спльнымъ утѣшеніемъ въ горѣ Ѳ. А—чу. „Стою ли я того! стою ли я того“, восклицаетъ онъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ митрополиту. Заканчивая свое письмо словами благодарности за тѣ отрадныя слова, которыя онъ услышалъ отъ владыки, потерявъ перваго сына, Ѳ. А—чъ написалъ:

Я принялъ ихъ съ вѣрою и болѣе подкрѣплялся ими, нежели припоминаніемъ изреченій искателей мудрости, каково слово Епиктета: умеръ у тебя сынъ? Не говори: я потерялъ его; но я отдалъ. Епиктетъ еще не зналъ Того, Кому отдаемъ то, съ чѣмъ разлучились. А вѣрующимъ возвѣщено, Кто есть отецъ духовъ, глаголющій: много тебѣ останеть, да можеша возлюбити сотвореніе Мое паче Мене ¹⁾.

Труды и скорби не сокрушили духа Ѳ. А.—его духъ только все болѣе отрѣшался отъ земнаго и направлялся къ небу,—но они сокрушили его плоть. Онъ сталъ хирѣть. Лѣтомъ 52 г. онъ поѣхалъ по недавно открывшейся желѣзной дорогѣ въ Петербургъ вмѣстѣ съ оставшимся единственнымъ сыномъ Димитріемъ Θεодоровичемъ. Но и въ Петербургѣ ему не дали отдохнуть: поручили разборъ книги Скворцова. Въ концѣ августа онъ вернулся въ академію и открылъ свой курсъ по философіи предъ новопоступившими слушателями. Этотъ курсъ его чтеній (52—54 гг.) былъ послѣднимъ. По окончаніи учебныхъ занятій въ 54 г., когда сынъ Ѳ. А—ча Димитрій Θεодоровичъ окончилъ академію и былъ оставленъ при ней бакалавромъ по физикѣ и математикѣ, Ѳ. А—чъ подалъ въ отставку. Посылая 11 іюля поздравленіе съ ангеломъ своей тетущкѣ Ольгѣ Андреевнѣ, Ѳ. А—чъ присоединилъ къ этому поздравленію стихотвореніе, въ которомъ говорилъ о чувствуемой имъ потерѣ силъ и которое закончилъ такъ:

---

¹⁾ Письма м. Филарета, хранящіяся въ Имп. пуб. библ. стр. 10—11.

Но пусть мои слабѣютъ силы,
Я чувствую, что до могилы,
Пока свѣтъ жизни не угасъ,
Я не забуду сердцемъ Васъ.

Воодушевляемый этой любовью къ роднымъ, *Θ. А*—чъ поѣхалъ въ августъ на свою родину. Здѣсь онъ проводилъ время преимущественно въ слушаніи заупокойныхъ литургій и служеніи панихидъ по своимъ усопшимъ родственникамъ. Пробывъ на родинѣ болѣе недѣли, онъ сталъ думать о возвращеніи въ *Сергіевъ Посадъ*. Но Господь судилъ ему умереть тамъ, гдѣ была его колыбель. Въ ночь съ 21 на 22 августа у него неожиданно явились припадки холеры. Послѣ нѣсколькихъ часовъ страданій онъ, исповѣдавшись, причастившись и принявъ таинство елеосвященія, скончался 22 августа въ воскресенье, во второмъ часу пополудни.

Отпѣваніе надъ нимъ совершалъ его ученикъ—епископъ костромской *Филоеѣй* (1 магистръ VIII курса, впоследствии митрополитъ кievскій). Погребенъ онъ на кладбищѣ *Іоанно-Богословской* за р. *Костромою* церкви, гдѣ служилъ и въ 1836 г. умеръ его родитель. На памятникѣ, воздвигнутомъ на могилѣ *Θ. А*—ча, на одной сторонѣ написано: „Смирная себе вознесется“,—на другой: „Словами училъ любомудрію, примѣромъ жизни—смиренію“.

Такова была эта несложная жизнь: много труда, тихія радости сильныя скорби, скромныя награды за заслуги. Вѣримъ, что Господь Богъ на послѣднемъ судѣ наградить его болѣе щедро.

II.

Философскіе взгляды и религіозныя убѣжденія *Θ. А*—ча сложились въ первую четверть XIX столѣтія. Два практическихъ философскихъ направленія широко были распространены въ то время въ образованныхъ классахъ русскаго общества: раціонализмъ и мистицизмъ. Раціонализмъ шелъ къ намъ преимущественно изъ Франціи, мистицизмъ — изъ Германіи, представителями перваго являлись вольтерьянцы, втораго—масоны. Первые характеризовались полною нравственною безпринципностью и свою житейскую программу, давно охарактеризованную словами св. Павла „да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ“ (1 Коринѣ. 15, 32), какъ люди французскаго воспитанія, формулировали: „vivons, mangeons, dansons et aimons“. Вторые говорили о добродѣтели, но какъ показываютъ изслѣдованія, нѣкоторые изъ нихъ нисколько не думали переходить отъ словъ къ дѣлу. Первые были легкомысленны и

надъ всѣмъ смѣялись, вторые всегда были мрачны и плакали о суетѣ міра. Но ни тѣ, ни другіе не были похожи ни на смѣющагося Демокрита, ни на плачущаго Гераклита. Костюмъ паяца, какъ и черное домино, не даютъ еще матеріала ни для искренняго смѣха, ни для дѣйствительной трагедіи. Представители того и другого направленія были по большей части пустыми свѣтскими людьми, искавшими развлеченія или въ чтеніи книгъ Вольтера или въ фантастическихъ сценахъ, разыгрывавшихся въ масонскихъ ложахъ. Но, вообще говоря, мистики были и нравственнѣе и развитѣе, чѣмъ раціоналисты, въ ряду нихъ находились лица, мистицизмъ которыхъ не далеко уклонялся отъ истинъ православія, и поведеніе которыхъ нисколько не унижало имя христіанина. Слышали у насъ, конечно, и о другихъ направленіяхъ и системахъ философіи на западѣ. Уже въ началѣ XVIII вѣка Петръ I былъ знакомъ съ Лейбницемъ, а въ концѣ этого вѣка имя Канта приобрѣло всемірную извѣстность. Но книги этихъ мыслителей были глубоки и мудрены, они могли быть только предметомъ преподаванія въ школѣ, но не годились русскимъ философамъ для ихъ домашняго обихода. Вольтеръ, Гольбахъ, Дидро, или же „Химическая псалтирь“ Теофраста Парацельса, „Апология или защищеніе ордена вольныхъ каменщиковъ“ (т. е. масоновъ)— были имъ болѣе по плечу. Даже въ Московскомъ Университетѣ преподавалась масонская философія (нѣмцемъ Шварцемъ). Въ веселый вѣкъ Екатерины у насъ преобладалъ раціонализмъ, и императрица-философъ въ своихъ произведеніяхъ называла масоновъ кликушами и сибирскими шаманами. Послѣ грустныхъ событій 12-го года у насъ сталъ преобладать мистицизмъ, и согласно высочайшей волѣ при преподаваніи геометріи въ школахъ ученикамъ внушалось, что треугольникъ прообразуетъ собою тайну Пресвятой Троицы.

Въ эту пору началъ учиться философіи Ѳ. А—чъ. Глубоко-религіозное воспитаніе Ѳ. А—чъ получилъ дома, а хорошее общее образованіе въ академіи. Однако въ этомъ образованіи были пробѣлы: онъ не слушалъ въ Академіи физики, наукъ о природѣ и историческихъ. Для философа знаніе основаній этихъ наукъ необходимо, и мы имѣемъ свидѣтельства, что онъ занимался ими самъ. Въ академической библіотекѣ находятся теперь нѣкоторыя его книги по естествознанію (наприм., Даленбурга, у котораго онъ можетъ быть и принялъ взглядъ, по которому неорганическія тѣла, какъ великія въ родѣ звѣздъ и планетъ, такъ и малыя въ родѣ микроскопическихъ кристалловъ, живутъ своею особою жизнію). Гражданскую и церковную исторію вмѣстѣ съ науками ма-

тематическими онъ въ 20-хъ годахъ преподавалъ графу М. В. Толстому. А по своему характеру онъ могъ преподавать только то, что хорошо зналъ самъ. Въ 30-хъ годахъ при ревизіи тульской семинаріи онъ отмѣтилъ недостатки въ преподаваніи русской гражданской исторіи (ее преподавали тамъ по всемірной исторіи нѣмца Шрекка, въ которой она излагается на 7 страницахъ разгонистаго шрифта) ¹⁾. Обращаться къ историческимъ справкамъ ему приходилось много по дѣламъ цензуры. Онъ зналъ еврейскій языкъ (тоже преподавалъ его Толстому), переводилъ святоотеческія творенія съ греческаго (онъ любилъ творенія св. Григорія Нисскаго и переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ посылалъ черезъ своего друга Бартенева князю А. Н. Голицыну, бывшему оберъ-прокурору и министру народнаго просвѣщенія), слушалъ преподаваніе и самъ преподавалъ философію по латыни (исправлялъ слогъ въ латинской диссертациі гр. Толстого на степень доктора медицины), настолько свободно владѣлъ французскимъ, что могъ цѣнить достоинства стиля (такъ, въ одномъ письмѣ къ Бартеневу онъ говоритъ, что слогъ Мартеня несравненно изящнѣе стиля Баадера) и совершенно свободно говорилъ и еще болѣе свободно писалъ по нѣмецки (подъ его редакціей студенты перевели на нѣмецкій языкъ катихизисъ митрополита Филарета). У него имѣлась масса выписокъ изъ самыхъ различныхъ авторовъ на различныхъ языкахъ. Основательное общее образованіе есть единственный прочный фундаментъ, на которомъ философъ можетъ построить зданіе своей системы Воззрѣнія немногихъ русскихъ философовъ утверждались на такомъ прочномъ фундаментѣ, какъ у Ѳ. А—ча.

Какіе философскіе взгляды и убѣжденія онъ выработалъ? Глубоко-православный и широко-образованный, онъ въ жизни долженъ былъ столкнуться съ раціонализмомъ и мистицизмомъ, какъ въ школѣ и въ своемъ кабинетѣ имѣлъ дѣло съ Кантомъ и Гегелемъ. По природѣ общительный, охотно заводившій знакомства съ лицами самыхъ различныхъ общественныхъ круговъ и слоевъ, онъ мы видимъ, скоро по вступленіи въ жизнь знакомится и съ вольтерьянцами (наприм., съ графомъ Вл. Толстымъ) и съ лицами мистическаго направленія (наприм., Бартеновымъ). И по своей нравственно-чуткой природѣ, и по своему глубоко-религіозному воспитанію, и по основательному научному развитію, онъ, конечно, не могъ сочувствовать легкомысленной философіи Вольтера и энциклопедистовъ. Это была философія смѣха, а онъ былъ чело-

1) С. Смирнова, Исторія Московской Академіи. 1879 г. стр. 79.

вѣкъ серьезный. Графъ М. Вл. Толстой рассказываетъ, что когда его „батюшка (вольтерьянецъ) въ разговорѣ съ Ѳ. А—чемъ приводилъ кощунственныя остроты Вольтера и другихъ французскихъ писателей, Ѳ. А—чѣ не отвѣчалъ ему ни слова, но принималъ такой грустный и разстроенный видъ, что собесѣдникъ его скоро прекращалъ непріятный ему разговоръ“. Смѣхъ поддерживается сочувствіемъ или отпоромъ, но когда онъ не встрѣчаетъ ни того, ни другого, онъ замираетъ, какъ замираетъ звукъ въ пространствѣ, изъ котораго выкачанъ воздухъ. Когда графу Вл. Толстому возражали, онъ раздражался, спорилъ, сыпалъ взятыми изъ чужихъ рукъ остротами, но Ѳ. А—чѣ не сталъ вступать съ нимъ въ споръ, онъ обличилъ его своимъ молчаніемъ и своею скорбію. Результатъ былъ таковъ. Черезъ нѣсколько времени гр. Толстой въ присутствіи Ѳ. А—ча рѣшилъ сжечь все то, что было въ его библіотекѣ нечестиваго и неблагопристойнаго. На дворѣ запылалъ громадный костеръ. Нѣкоторые говорили графу, что лучше эти книги продать, нежели сжечь, но графъ Толстой отвѣчалъ: не хочу никому продавать яда; по себѣ знаю, какъ онъ пагубенъ“¹⁾,

Какъ относился Ѳ. А—чѣ къ мистикамъ и мистицизму? Въ настоящее время съ словомъ „мистицизмъ“ многіе готовы соединять представленіе о чемъ-то психопатологическомъ. Но въ общемъ это совершенно ошибочно. Существуютъ три вида мистицизма. 1) Мистицизмъ уродливый—это мистицизмъ нашихъ масоновъ, пытавшихся за отсутствіемъ дѣйствительно таинственнаго создавать его суррогаты, это—мистицизмъ новѣйшихъ теософовъ и спиритовъ, получающихъ отъ душъ умершихъ людей безграмотныя письма на раздушенной англійской бумагѣ. 2) Мистицизмъ дѣйствительно болѣзненный, это—мистицизмъ Якова Бэма и особенно Шведенборга, бесѣдовавшаго съ духами такъ же запросто и свободно, какъ бесѣдуютъ съ представителями темнаго царства лица, находящіяся въ бѣлой горячкѣ. 3) Ѳ. А—чѣ не былъ и не могъ быть подобнаго рода мистикомъ. Какъ истинный христіанинъ, онъ глубоко вѣровалъ въ будущую жизнь; мысль его часто устремлялась за предѣлы гроба. Его мистицизмъ обуславливался умѣньемъ крѣпко и горячо молиться и крѣпкою вѣрою въ Промыслъ. Горячая молитва наполняетъ сердце отрадой и заставляетъ ощущать близость Бога, твердая вѣра въ Промыслъ открываетъ пути его тамъ, гдѣ они ускользаютъ отъ взора скользящаго по поверхности явленій, но не проникающаго въ

---

¹⁾ Воспоминанія гр. М. Вл. Толстого. Русскій Архивъ 1881 г. Томъ I.

ихъ глубь. Въ сновидѣніяхъ, въ событіяхъ жизни, въ явленіяхъ природы глубоковѣрующей находитъ назиданіе, изъ чего другіе люди не извлекаютъ никакихъ выводовъ ¹⁾. Этотъ мистицизмъ былъ родствененъ и душѣ нашего философа. Онъ понималъ, какъ это понимаетъ и всякій истинный мудрецъ, что міръ есть тайна, и онъ зналъ, какъ это знаетъ каждое вѣрующее сердце, что Богъ открываетъ Себя каждому ищущему Его человѣку, и что не однимъ волхвамъ востока была послана звѣзда, но что и каждому даются указанія и предостереженія при шествованіи его по пути жизни. Онъ говорилъ, что Господь Богъ иногда посылаетъ людямъ предвѣщанія, и въ его запискахъ говорится объ архимандр. Поликарпѣ, бывшемъ ректорѣ Академіи, что онъ имѣлъ знаменательныя сновидѣнія, былъ предувѣдомленъ о смерти своего знакомаго, своей матери и, наконецъ, своей собственной. О себѣ Ѳ. А.—чъ писалъ, что Господь Богъ по неизреченному своему милосердію посылалъ Ему ободряющія мысли, облегченія послѣ молитвы и отрадныя сновидѣнія. Повидимому, онъ сочувствовалъ стремленіямъ князя Голицына оживить внутреннее христіанство ²⁾, но несомнѣнно подъ этимъ внутреннимъ христіанствомъ онъ понималъ настроенность, соответствующую духу православія, а не какую-либо піэтическую сантиментальность. Онъ не сочувствовалъ крайнимъ мистикамъ (не одобрялъ нѣкоторыхъ возрѣній Стурдзы), онъ первую своею обязанностію поставлялъ исполненіе всѣхъ требованій православно христіанской вѣры и ни въ чемъ изъ написаннаго не допустилъ и ни въ чемъ изъ того, что разсматривалъ, какъ цензоръ, но пропустилъ ничего несогласнаго съ буквою или духомъ православія. Какъ истинный мудрецъ, онъ всегда помнилъ, что мы рождены не для времени, а для вѣчности. Его мысль постоянно направлялась въ страну, откуда нѣтъ возврата, онъ тщательно собиралъ и ученія древнихъ и новѣйшія сказанія о загробной жизни. Вскорѣ послѣ того, какъ умерла его супруга, ему пришлось цензуровать рукопись, содержащую житіе св. Θεодоры. Повѣствованіе Θεодоры о ея странствованіяхъ по мытарствамъ глубоко приковало вниманіе нашего философа. Мысли о томъ, что за каждую порочную на-

---

¹⁾ Вопросъ объ „умномъ дѣланіи“ (видъ опытной мистики) былъ предметомъ многихъ споровъ, и въ XIV в., благодаря главнымъ образомъ дѣятельности Θεссалоникійскаго архіепископа Григорія Паламы, ученіе объ „умномъ дѣланіи“ было признано православнымъ.

²⁾ См. Воспоминанія гр. М. Вл. Толстого. Русскій Архивъ. 1881. Т. I стр. 288—289. Переписка Ѳ. А. Голубинскаго съ Ю. Н. Бартевымъ. Рус. Арх. 1880. 2. 3. Особен. стр. 423 и 421.

клонность, за каждое нечистое движеніе сердца въ этой жизни должно будетъ отдать отчетъ въ жизни будущей глубоко запали въ его душу. Крайне строгій къ себѣ онъ постоянно предносилъ ее своему умственному взору и въ своихъ письмахъ къ друзьямъ сурово бичевалъ себя и приписывалъ себѣ такіе недостатки, даже тѣни которыхъ въ немъ никто не могъ усмотрѣть.

Видя цѣль жизни по ту сторону могилы, онъ любилъ преимущественно тѣ философскія книги, которыя направляли мысль и воспитывали сердце для этой цѣли. У каждаго изъ находящихся въ Московской духовной академіи есть полная возможность познакомиться съ любимымъ чтеніемъ нашего философа: книги, которыя когда-то читалъ онъ, лежатъ въ академической библіотекѣ, ихъ никто не беретъ болѣе, ихъ постепенно покрываетъ пыль и заволакиваетъ плѣсень, ихъ синіе листы, старинная печать, старинный переплетъ не привлекаютъ ничьего взора. Но не смутимся ихъ непривлекательною внѣшностію, посмотримъ и почитаемъ ихъ. Изъ древнихъ философовъ мы находимъ здѣсь Платона, Плотина, Ямвлиха и Прокла—платониковъ и неоплатониковъ, Гермеса трисмегиста и др. Затѣмъ курсы древней философіи, отводящія много мѣста Египту, законамъ Ману, мудрецамъ Конфуцію и Зароастру. Авторы этихъ курсовъ искали въ восточныхъ религіяхъ то, что было въ неоплатонической философіи, и приписывали Конфуцію и Зароастру мысли, которыя нравились имъ самимъ. Теперь, когда языки востока и религіи древнихъ народовъ изучены несравненно основательнѣе и полнѣе, эти курсы не имѣютъ значенія. Но тѣ философы, которые читались *Θ. Α.*-чемъ, читаются и теперь, только въ новыхъ изданіяхъ съ комментаріями и примѣчаніями и въ новомъ освѣщеніи. Теперь ими болѣе интересуются, какъ историческимъ явленіемъ, которое имѣло свои причины и свои слѣдствія, *Θ. Α.*-чь интересовался ихъ мыслями и ихъ рѣшеніями тѣхъ вопросовъ, которые глубоко занимали его самого. Платонъ съ своею теоріею объ идеяхъ, какъ началахъ бытія, Плотинъ съ своею теоріею экстаза, Ямвлихъ съ трактатомъ „о египетскихъ мистеріяхъ“, говорящемъ объ ангелахъ, архангелахъ и общеніи съ ними (трактатъ этотъ, можетъ быть, и не принадлежитъ Ямвлиху), Проклъ съ его ученіемъ о теургіи, магіи, прорицаніяхъ, заклинаніяхъ и промыслѣ, книги Гермеса съ ихъ ученіемъ о сосредоточенномъ погруженіи во всеединую истину при безмолвіи мыслей и желаній (что называется также въ нихъ „разумною жертвою души и сердца“— *ἡ λογικὴ θυσία τῆς ψυχῆς καὶ τῆς καρδίας*), всѣ они съ ученіемъ о блаженномъ инобытіи, какъ цѣли человѣческой жизни, и съ тре-

бываніями высокой добродѣтели, какъ средства для достиженія этой цѣли ¹⁾, были родственны духу нашего философа, который смотрѣлъ на землю, какъ на мѣсто своего скитанія и, помышляя о приближающейся смерти, писалъ: „пора домой! не вѣкъ скитаться“.

Но скитаніе на землѣ не должно быть безцѣльнымъ. Любимые авторы изъ новыхъ, которыми окружалъ себя Θ . А-чъ, много разсуждали о смыслѣ этого скитанія. Вотъ, предъ нами Дежерандо (1772—1842); его книга „о нравственномъ усовершенствованіи и воспитаніи самого себя“ говоритъ, что жизнь человѣка есть лишь великое воспитаніе, цѣль котораго нравственное совершенство. Вотъ—аббатъ Ботень, сверстникъ Θ . А-ча, пережившій его. Θ . А-чъ самъ писалъ о себѣ, что онъ услаждался Ботенемъ. Высокія нравственныя требованія Ботеня прекрасно гармонировали съ требованіями духа Θ . А-ча. Ботень, какъ и Сен-Мартень, котораго тоже высоко ставилъ Θ . А-чъ, придавалъ мистическое значеніе человѣческому слову. Слово для него есть самое чистое проявленіе божественнаго въ человѣческомъ, абсолютнаго въ относительномъ, Бога въ человѣкѣ. Не придавая такого неумѣренно-преувеличеннаго значенія слову, Θ . А-чъ однако, подобно Ботеню, наставлялъ обращаться съ словомъ и самъ обращался съ нимъ крайне осторожно, слово можетъ быть нравственнымъ ядомъ и нравственнымъ лекарствомъ, можетъ направить къ свѣту истины или погрузить въ мракъ лжи. По Ботеню, міръ есть Божественная мысль, ставшая видимой, Θ . А-чъ эту мысль съ соответствующими измѣненіями приспособилъ къ православному ученію о твореніи ²⁾. Изъ философовъ XVII в. Θ . А-чъ очень любилъ Пуарэ. Богословъ и мистическій философъ, Пуарэ умѣлъ извлекать нужное и часто истинно христіанское и у Декарта, и у Бэма и у г-жи Гюйонъ. Θ . А-чъ пользовался имъ для лекцій по умозрительной психологіи и, вѣроятно, при развитіи своего ученія объ откровеніи имѣлъ въ виду сужденія Пуарэ. Пуарэ различалъ три свѣта откровенія: свѣтъ Божественный, который

---

¹⁾ Вотъ напр. изреченія одного изъ неоплатониковъ: „Мудрецъ, чтобы стать богоподобнымъ, прежде всего заботится объ очищеніи своего сердца“. Боже-ство болѣе взираетъ на наше поведеніе и на наши чувства, чѣмъ на обиліе приношеній и жертвъ“. „Нечестивый можетъ приносить гекатомбы и обогащать алтари тысячами приношеній, тѣмъ не менѣе онъ нечестивъ и святотатецъ. „Тотъ, кто чтитъ Бога, полагая, что Богъ нуждается въ его чествованіи, чтитъ Его менѣе всего“.

²⁾ Лекція по умозрительному Богословію со словъ Θ . А-ча Голубинскаго. 1868 стр. 186.

непогрѣшимъ, свѣтъ естественный и внѣшній, который не допускаетъ сомнѣнія, и наконецъ свѣтъ разума (философское изслѣдованіе) колеблющійся и непостоянный. Въ вопросѣ о злѣ Паурэ, современникъ Лейбница, высказывалъ взгляды сходные съ взглядами послѣдняго. *Θ. А-чъ* воспользовался тѣмъ, что было въ нихъ истиннаго, и студенты академіи однажды предъ Рождествомъ писали экспромптъ: *Num malum metaphysicum, scilicet limitatio rerum creaturum, re vera pro malo haberi potest?* ¹⁾

Духу *Θ. А-ча* не могъ быть неродствененъ Францъ Баадеръ (1765—1841), Этотъ католическій мыслитель, утверждавшій, что истина находится въ греческой церкви, учившій, что истинное богопознаніе возможно лишь при нравственномъ совершенствѣ, стремившійся въ своихъ умозрѣніяхъ ни на шагъ не отступить отъ догматовъ вѣры, долженъ привлекать къ себѣ вниманіе каждаго православнаго философа. Баадеръ однажды подарилъ князю А. Н. Голицыну 20 книгъ; любознательный князь немедленно забылъ о ихъ существованіи. Спустя много лѣтъ (Баадеръ уже успѣлъ умереть), онъ нашелъ ихъ въ своей библіотекѣ нераспакованными и связанными. Безъ сомнѣнія онъ бы не зналъ, что съ ними дѣлать, еслибы Бартеневъ не посоветывалъ ему подарить ихъ *Θ. А-чу* съ тѣмъ однако, что, еслибы въ нихъ оказалось что достойное вниманія, *Θ. А-чъ* написалъ бы объ этомъ или даже перевелъ бы это. Въмѣсто того, чтобы самому отыскивать въ книгахъ истину, Голицынъ великодушно уступилъ это скучное занятіе *Θ. А-чу*. Здѣсь были мистическія сочиненія (напрм., самого Баадера *Ueber die Exstase oder das Verzucktseyn der magnetischen Schlafredner*, вмѣстѣ съ поправками, сдѣланными рукою Баадера, въ этой книжкѣ мы находимъ и мѣста отчеркнутыя *Θ. А-чемъ*), записки о священномъ союзѣ, сочиненія Шуберта. Отзывы *Θ. А-ча* объ этихъ книгахъ и авторахъ лучше всего характеризуютъ его взгляды и направленіе. Баадера онъ называетъ мыслителемъ „носящимся выше земли“. Шуберта онъ называетъ „любезнымъ“ и восхищается его книгою „ночная сторона естествознанія“. Его крайне интересуютъ магнетическія состоянія Ав. Миллеръ. Вниманіе его остановилъ найденный въ этихъ книгахъ выборъ свидѣтельствъ отцевъ церкви о томъ, что Св. Писаніе необходимо не только для духовенства, но и для народа ²⁾.

¹⁾ Автобіографическія записки архіеписк. Саввы. Богос. Вѣстн. 1897. Ноябрь. стр. 354.

²⁾ Переписка *Θ. А. Голубинскаго* съ Бартеневымъ. Русскій Архивъ. 1880 т. 3, особенно 427 стр.

М. Филаретъ желалъ перевода библіи на русскій языкъ; князь Голицынъ во дни существованія библейскаго общества горячо, но неудачно взялся за осуществленіе этого дѣла: Ѳ. А-чъ и тогдашніе просвѣщенные русскіе люди понимали, какъ нужна русскому человѣку русская Библия. Одинъ изъ учениковъ Ѳ. А-ча (впослѣдствіи епископъ Дмитровскій, скончавшійся въ 1877 г.) Никодимъ прилагалъ къ русскимъ, не имѣвшимъ откровенія на русскомъ языкѣ, слова изъ книги пророка Амоса о евреяхъ: „вотъ наступаютъ дни, говоритъ Господь Богъ, когда я пошлю на землю голодъ, не голодъ хлѣба, не жажду воды, но жажду слышанія словъ Господнихъ“ (VIII, 11). Однако дѣло перевода не двигалось впередъ. Въ Московской д. академіи въ одно время распространились было литографированныя записки Павскаго, содержащія переводъ нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта. Ѳ. А-чъ пользовался ими. Св. Синодъ указомъ на имя м. Филарета предписалъ духовныхъ лицъ (изъ профессоровъ академіи) „вразумить о ихъ долгѣ преграждать распространеніе всякихъ неправославныхъ толкованій“¹⁾. М. Филаретъ предписалъ ректору академіи архимандриту Евсевию вразумить cadaго порознь секретно (прот. Делицына, прот. Голубинскаго), выражая увѣренность, что болѣе этого ничего не потребуется.

Какъ книги Баадера пришлись по сердцу и духу Ѳ. А-ча, такъ родственны были его душѣ всѣ философы, вѣровавшіе въ откровеніе, въ Бога, въ общеніе съ Богомъ. Ѳ. А-чъ любилъ Якоби, кончившаго свою философскую дѣятельность, когда онъ ее только начиналъ. Онъ любилъ Стефенса-благочестиваго натуралиста философа, Мейера—ученика вольфіанца Баумгартена. Не увлекаясь мейеровой апологіей предуставленной гармоніи и его взглядомъ на животныхъ, по которому они имѣютъ всѣ тѣ способности, какъ и люди („только между ними гораздо меньше сумасшедшихъ“), Ѳ. А-чъ цѣнилъ его доказательства безсмертія души, интересовался его взглядами на жизнь души послѣ смерти и подъ руководствомъ Ѳ. А-ча студенты перевели на русскій языкъ „ученіе вѣры“ Мейера (рукопись находится въ библіотекѣ М. Д. Академіи). Ѳ. А-чъ любилъ переводить съ своими слушателями (на урокахъ нѣмецкаго языка) своихъ любимыхъ авторовъ, такъ онъ перевелъ съ ними „превостскую ясновидящую“ Кернера и др.

Былъ у Ѳ. А-ча интересовавшій его и русскій философъ-Сковорода, котораго, въ своихъ письмахъ онъ просто называлъ Гри-

¹⁾ Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета. т. 3. стр. 117—118, указъ отъ 1844 г. 15 октября.

горіемъ Савичемъ. Этотъ мыслитель, по словамъ его біографа поэта,

Ревнитель истины, духовной богочтець,
И словомъ и умомъ и жизнію мудрець.
Любитель простоты и истинной свободы,
Безъ лести другъ прямой, довольной всѣмъ всегда,
Достигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердець примѣръ Сковорода.

Сковорода былъ философомъ, поэтомъ и благочестивымъ христианиномъ; въ своихъ размышленіяхъ онъ мудрствовалъ горняя, а неземная, его интересовала не чувственная красота міра, а нравственное воспитаніе души по ученію Писанія и на памятникѣ его вырѣзана имъ же составленная надпись; „міръ меня ловилъ, но не поймалъ“. Для Ѳ. А-ча былъ дорогъ такой соотечественникъ. Между тѣмъ и другимъ было сходство еще въ пренебреженіи къ благамъ земнымъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ русская философская періодическая печать почтила столѣтіе со времени смерти Сковороды (1794 г.) статьями о немъ. Думаемъ, что Ѳ. А-чъ заслуживаетъ несравненно большаго вниманія, чѣмъ Сковорода. По правдѣ сказать, Сковорода былъ плохимъ поэтомъ, неглубокимъ философомъ и не совсѣмъ православнымъ христианиномъ. Можетъ быть и безсознательно, вслѣдствіе недостатка образованія, онъ высказывалъ мысли близкія къ пантеизму. Затѣмъ, Сковорода любилъ рисоваться своимъ пренебреженіемъ къ благамъ земнымъ, что выражалось имъ въ чудачествахъ, грубостяхъ и нарушеніи приличій. Такое выраженіе пренебреженія всегда заставляетъ нѣсколько сомнѣваться въ его искренности и кромѣ того уже въ своемъ выраженіи получаетъ свою награду. Необыкновенно чуткій нравственно и глубоко деликатный Ѳ. А-чъ никогда не могъ позволить себѣ оскорбить чье-нибудь эстетическое чувство. Высоко образованный, онъ понималъ философскія системы, недоступныя Сковородѣ, и излагалъ ихъ такъ просто и ясно, какъ не умѣли излагать ихъ сами авторы. Глубокій и осторожный богословъ, онъ остерегался сказать какое бы то ни было слово, которое могло бы соблазнить „единаго отъ малыхъ“. Сковорода очень наивно и смѣло называлъ себя русскимъ Сократомъ и *motu proprio* отыскивалъ русскихъ Платоновъ. Ѳ. А-чъ требованія, чтобы ему внимали и у него учились, предъявлялъ только къ тѣмъ, къ кому предъявлять ихъ обязываютъ божественное повелѣніе и человѣческая совѣсть—къ своимъ дѣтямъ и ученикамъ; весьма общительный по природѣ, онъ усердно искалъ общенія съ различными людьми прежде всего

не для того, чтобы учить ихъ, но чтобы учиться у нихъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, въ убыткѣ всегда оставался онъ; учиться у новопріобрѣтенныхъ знакомцевъ оказывалось нечему, но отъ него—если желали—могли научиться многому.

Однимъ изъ признаковъ умовъ неглубокихъ и недисциплинированныхъ является то, что, при занятіяхъ философіею, встрѣчаясь съ ученіемъ, отвѣчающимъ ихъ еще непроанализированнымъ стремленіямъ духа, они обыкновенно низко и безповоротно опускаютъ предъ нимъ голову и, наоборотъ, если въ ученіи какого-нибудь философа они встрѣчаютъ взгляды противные ихъ вѣрѣ и убѣжденіямъ, они рѣшительно поворачиваютъ къ нему спиною. Богословы часто бываютъ виновны этою второю виною, которою погрѣшилъ нѣкогда Наѳанаилъ, сказавъ: „изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?“ (Іоанн. I, 46). Мы знаемъ, кругъ какихъ писателей былъ дорогъ сердцу Ѳ. А-ча (къ нимъ можно присоединить еще много другихъ подобнаго же направленія: Эккартсгаузена, Эдуарда Юнга и др.), но онъ никогда не былъ ихъ слѣпымъ поклонникомъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые умѣютъ видѣть недостатки въ друзьяхъ и достоинства въ противникахъ. Онъ цѣнилъ многое у Мейера—почти Вольфганца, но въ своемъ „умозрительномъ Богословіи“, мы видимъ, онъ полемизируетъ съ Вольфомъ. Онъ высоко ставилъ Лейбница, но не цѣнилъ въ немъ то, что Лейбницъ наиболѣе цѣнилъ у себя (теорію предуставленной гармоніи). Онъ полемизировалъ со многими положеніями Канта, но взялъ у него (съ ограниченіями) его нравственное и физико-телеологическое доказательство бытія Божія. Едва ли его духу былъ родствененъ предшественникъ Канта въ области гносеологіи—Юмъ, однако онъ вмѣняетъ ему въ заслугу, что онъ показалъ необоснованность глвныхъ положеній философіи Вольфа и, разрушивъ ихъ, разрушилъ все ¹⁾. Обожествленіе философіи у Гегеля было чуждо душѣ нашего православнаго философа, и однако онъ, сочувствовавшій въ исторіи философіи взглядамъ Теннемана и Тидемана, высоко цѣнилъ Гегеля, какъ истолкователя и историка философскихъ ученій. Его отношенія къ Шеллингу имѣютъ особенный оттѣнокъ. Нѣкоторыя сочиненія этого философа внушили ему мысль, что онъ въ дальнѣйшей дѣятельности пойдетъ по направленію къ положительной религіи. Такъ предполагали и Мейеръ и Стефенсъ, много заимствовавшій у Шеллинга (какъ много заимствовали у него и наши славянофилы и наши публицисты-философы Леонтьевъ и Катковъ). Ѳ. А-ча ждало разочарованіе. Философія откровенія Шеллинга показала,

¹⁾ Лекціи философіи Ѳ. А. Голубинскаго. 1884 г. стр. 64.

что философъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія отступить отъ пантеизма. Ө. А-чъ о книгѣ далъ такой отзывъ: „Философія откровенія не удовлетворитъ ни строгимъ философамъ, требующимъ не провѣщаній оракула, а доказательствъ,—ни любителямъ и ученикамъ премудрости Божественной. За все берется, усиливается философически вывести и таинство Троицы, и ученіе объ искупленіи, и глубины сатанины, но все по началамъ пантеизма. Давнее его направленіе, чтобы процессы жизни конечнаго міра переносить на жизнь Божества, и нынѣ сбиваетъ его съ правильной точки зрѣнія“¹⁾. Книга Шеллинга не удовлетворила Ө. А-ча ни какъ философа, ни какъ христіанина. Мы думаемъ, что при всей своей обширной эрудиціи и знаніи современныхъ ему философвъ Ө. А-чъ не зналъ одного, который могъ бы написать православно-философскую систему. Такимъ философомъ былъ онъ самъ. Онъ не написалъ ея по двумъ причинамъ: по недостатку времени (въ своей неособенно долгой жизни онъ принужденъ былъ много работать въ областяхъ далекихъ отъ философіи) и 2) по духу смиренія. Какая изъ этихъ причинъ была главною, мы не знаемъ.

III.

Съ 1826 по 1851 г. Ө. А-чъ былъ цензоромъ въ Московскомъ духовно-цензурномъ комитетѣ. Задачи цензора тогда понимались очень широко: на обязанности его лежало не пропускать въ разсматриваемыхъ имъ рукописяхъ не только никакой мысли несогласной съ православіемъ, но и никакого невѣрнаго сообщенія, невѣрнаго толкованія или искаженія факта. Цензоръ при чтеніи рукописей не только долженъ былъ дѣлать многочисленныя и обширныя поправки по наукамъ богословскимъ, историческимъ, археологическимъ и др., но и сноситься съ разными учрежденіями и лицами. Въ автобіографическихъ запискахъ преосвященнаго Саввы²⁾ мы читаемъ о тѣхъ наставленіяхъ, которыя Ө. А-чъ преподавалъ студенту Москов. д. академіи священнику І. Тихомирову (впослѣдствіи архіепископу Саввѣ) относительно того, какія мѣры нужно употребить, чтобы прошла въ печать рукопись о жизни пермскаго миссіонера архимандрита Іліи. Издателю этой рукописи сыну миссіонера-священнику вятской губ. Ө. А-чъ совѣтывалъ (черезъ І. Тихомирова) испросить благословеніе для напечатанія у своего вятскаго преосвященнаго и представить руко-

¹⁾ Русскій Архивъ. 1880 г. т. 3. Переписка Бартенева съ Голубинскимъ стр. 430.

²⁾ Богословскій Вѣстникъ. 1897. Ноябрь. стр. 360—362.

пись на усмотрѣніе пермскаго преосвященнаго, въ епархіи и подъ управленіемъ котораго проходилъ служеніе архимандритъ Илія. Письменное одобреніе рукописи послѣднимъ, сказалъ Ѡ. А-чъ, освобождало бы цензуру отъ необходимости сноситься съ пермскою консисторіею за справками о служеніи и дѣятельности описываемаго лица. Это было весною 1848 г. Осенью того же года Ѡ. А-чъ одобрилъ къ напечатанію рукопись „образъ пресвятыя Богородицы, Споручницы грѣшныхъ“. Онъ далъ о рукописи такой отзывъ: „помѣщенные въ сей рукописи сужденія о священномъ происхожденіи и достоинствахъ иконописанія и объ изображеніяхъ Пресвятыя Богородицы вообще, какъ историческихъ, такъ и символическихъ, основательны. Извѣстіе объ иконѣ Божіей Матери, Споручницы грѣшныхъ и объясненіе мыслей, содержащихся въ подписи вокругъ сей иконы истинны, не заключаютъ въ себѣ никакого упоминанія о чудесахъ и исцѣленіяхъ“. М. Филаретъ, которому была представлена рукопись и отзывъ о ней цензурнаго комитета согласный съ мнѣніемъ Ѡ. А-ча, наложилъ такую резолюцію: „мысли о символическихъ иконахъ неточны. Лице Божіей Матери всегда есть историческое, а не символическое. О иконѣ Божіей Матери, внесенной въ Никольскую церковь, что въ Хамовникахъ, еще продолжается нерѣшенное дѣло, и потому распространять о ней свѣдѣнія неблагоуременно, тѣмъ паче, что отъ имени..... сдѣланы нѣкоторыя словесныя и письменныя разглашенія, оказавшіяся ложными. Посему не могу изъявить согласія на напечатаніе представленной при семъ статьи ¹⁾. Ѡ. А-чъ былъ философомъ и богословомъ, но какъ цензоръ, онъ долженъ былъ превращаться въ археолога, и литургиста и въ историка. Понятно, что эти занятія въ чуждыхъ ему областяхъ отнимали у него много времени и сильно утомляли его. Неудивительно, что у терпѣливаго философа срывалось иногда слово если не жалобы, то сожалѣнія объ этой малопродуктивной тратѣ времени (самъ м. Филаретъ въ письмахъ къ Ѡ. А-чу иногда признавалъ ее таковою) ²⁾ и силъ, которыя онъ бы могъ посвятить на иное гораздо болѣе важное дѣло. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бартеневу (27 окт. 1850 г.) онъ говоритъ: „о своихъ занятіяхъ не знаю, что сказать вамъ. Ваши труды свободны и одушевлены, мои большею частію движутся механически“ (далѣе слѣдуетъ перечисленіе нѣкоторыхъ этихъ механи-

¹⁾ Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета, 1885 т. 3. стр. 268.

²⁾ Письма м. московскаго Филарета, хранящіяся въ императ. публич. библиот. 1891. стр. 18.

ческих трудовъ). Въ другомъ письмѣ (отъ 23 марта 43 г.) онъ говоритъ: „чтеніе ваше питательнѣе, чѣмъ мое“¹⁾.

Какъ относился Ѳ. А-чъ къ своимъ обязанностямъ цензора? На это у насъ имѣется много данныхъ. Изъ этого многого выберемъ немногое. Въ 1841 г. Ѳ. А-чу пришлось разсматривать рукопись Стурдзы и нѣкоторыя проповѣди архіепископа херсонскаго Иннокентія. О рукописи Стурдзы Ѳ. А-чъ писалъ къ тогдашнему оберъ-прокурору Св. Синода С. Д. Нечаеву:..... Боюсь не угодить ему: мѣстахъ въ пяти оказалось нужнымъ исключить его сужденія. Такъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ онъ изъ всѣхъ силъ вооружается противъ духовныхъ трактатовъ, переводимыхъ съ англійскаго, находитъ въ нихъ „пестроту, несвязность, плоскость слова и вымысловъ. Я развернулъ, пишетъ онъ, одну книжонку: *о средствахъ къ освященію*. Тутъ совѣтуетъ безымянный проповѣдникъ: молитву, чтеніе слова Божія, хожденіе во храмъ, духовное пѣніе, назидательныя бесѣды, сердечное обращеніе къ Богу; но пропускаетъ многое и важное, именно: исповѣдь и причащеніе..... То, чего въ книжкѣ нѣтъ, обличаетъ въ полной мѣрѣ ненадежность подобныхъ вѣроучителей. Они не вожди намъ, ибо давно лишили себя и насъ хотятъ лишитъ безцѣннаго участія въ двухъ таинствахъ... Главный недостатокъ въ трактатахъ состоитъ въ томъ, что обращеніе кающихся грѣшниковъ изображается въ видѣ внезапной и всецѣлой перемѣны нашего существа, совершающейся безъ малѣйшей постепенности. Не явный ли это поводъ къ самопрельщенію и къ безпечности въ дѣлѣ спасенія? Писатели, неходясь подъ гнетомъ кальвинскаго ученія о неутра- тимости примиренія и спасенія, усиливаются подкрѣпить свой догматъ невѣрными наблюденіями или вымышленными рассказами. Увы! Ежели сіи чудесныя обращенія истинны, то надлежало бы облечь ихъ доводами. Если же это одни благочестивые вымыслы, то писатели грѣшатъ“ и т. д... „Какъ могу я, продолжаетъ Ѳ. А-чъ, содѣйствовать къ обнародованію такихъ неосновательныхъ подозрѣній и придирокъ? Какъ могу пособлять инквизитору въ прегражденіи тѣхъ благодѣтельныхъ каналовъ, которыми многія сотни дѣтей и простосердечныхъ людей возбуждаются къ обращенію отъ грѣховъ? Ругаться надъ ними не значитъ ли пойти противъ благодати, безчисленными сѣтями уловляющей сердца, и способствовать къ ложному спокойствію совѣсти? Нѣтъ, хотя бы сочинитель и сталъ жаловаться высшему начальству на цен-

---

¹⁾ Переписка Ѳ. А. Голубинскаго съ Бартеневымъ. Русск. Архивъ. 1880. т. 3. стр. 422 и 430.

зуру, убѣжденіе совѣсти и страхъ, чтобы не укорить Духа благодати, не позволяютъ мнѣ согласиться съ нимъ въ этой полемикѣ“¹⁾).

Это писалъ Ѳ. А-чъ 14 мая, а 14 іюля архіепископу Иннокентію, проповѣди котораго тоже проходили его цензуру, онъ отправилъ обширное письмо, въ которомъ говоря, о высокомъ наслажденіи, доставленномъ ему проповѣдями знаменитаго витіа, представилъ ему свои соображенія по нѣкоторымъ вопросамъ, затронутымъ проповѣдями святителя. Изъ этого письма можно видѣть и глубокія познанія Ѳ. А-ча въ области священнаго писанія, святоотеческихъ твореній и вообще богословія и его изумительно внимательное отношеніе къ тому, что онъ читалъ. Для каждой новой мысли архипастыря онъ тщательно искалъ подтвержденія въ святоотеческихъ писаніяхъ и преданіи и каждое слово строго взвѣшивалъ²⁾).

Мы не знаемъ, писалъ ли Ѳ. А-чъ между 14 мая и 14 іюля еще кому-нибудь письма по дѣламъ цензуры? Вѣроятно, писалъ и, несомнѣнно, такія же точныя и обстоятельныя. Не для начала только 40-хъ ХІХ-го, но и для второго десятилѣтія ХХ-го эти письма являются поучительными. Изъ нихъ мы видимъ, что, какъ цензоръ, Ѳ. А-чъ не имѣлъ зрѣнія на лица. Онъ не боялся вліятельнаго тайнаго совѣтника Стурдзы, не смущался указывать знаменитому архіепископу промахи, обмолвки и ошибки въ его—въ общемъ—блестящихъ проповѣдяхъ. Весьма поучительно суровое отношеніе Ѳ. А-ча къ непрошенной инквизиторской и цензорской дѣятельности, карающей книги за то, чего въ нихъ нѣтъ. Къ несчастію и теперь у насъ не мало такихъ непрошенныхъ инквизиторовъ и цензоровъ, но нѣтъ уже болѣе Ѳ. А-ча, который бы могъ ихъ вразумить и наставить.

Исторія русской свѣтской цензуры показываетъ намъ, что въ прошедшемъ со стороны цензоровъ часто допускались придирки и замѣчанія совершенно несостоятельныя. Пушкину, Гоголю, Жуковскому вмѣнялись въ преступленія самыя невинныя и благонамѣренныя выраженія. Не такова, мы видимъ, была московская духовная цензура. Подъ высшимъ водительство митрополита Филарета и при такихъ дѣятеляхъ, какъ Ѳ. А-чъ Голубинскій, она выпускала книги исправленными, очищенными и дополненными. Ту книгу или брошюру, на которой было написано: цен-

---

¹⁾ Рункевичъ, Изъ церковно-общественной жизни второй четверти нашего столѣтія. 1896. стр. 28—29.

²⁾ Н. Барсовъ, Къ исторіи проповѣдей и сочиненій Иннокентія, архіепископа херсонскаго. Христіан. Чтен. 1886. ч. 2. стр. 752—753.

зорь протоіерей Голубинскій, смѣло можно было давать и старому и малому съ полной увѣренностію, что онъ почерпнетъ изъ нея лишь доброе и полезное. *Θ. А—чъ* смотрѣлъ на книги, какъ на средство воспитанія, на общество, которому предлагались книги, какъ на подлежащее воспитанію, и онъ употреблялъ всѣ мѣры и силы, чтобы обществу предлагалась духовная пища въ возможно лучшемъ и плодотворномъ видѣ.

Онъ былъ цензоромъ четверть столѣтія. Много за это время онъ долженъ былъ прочитать рукописей негодныхъ, много исправить рукописей плохихъ, много потрудиться, какъ мы видѣли, и надъ рукописями хорошими. Много времени долженъ былъ отдать онъ перепискѣ съ разными лицами по поводу рукописей. Къ счастію, эти поучительныя письма, въ которыхъ, не поступаясь долгомъ, *Θ. А—чъ* умѣлъ быть глубоко почтительнымъ къ высшимъ, любящимъ къ низшимъ и деликатнымъ ко всѣмъ, къ счастію эти письма теперь постепенно опубликовываются. Но если бы онъ не былъ цензоромъ, сколько неизмѣримо лучшаго, чѣмъ то, что онъ пропустилъ въ печать, могъ бы написать онъ самъ? Его призывали къ сотрудничеству въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія ¹⁾, онъ не могъ дать обѣщаннаго имъ опроверженія взглядовъ Литрѣ на конечныя причины (выраженныхъ Литрѣ въ статьѣ „о важности и успѣхахъ физиологін“, *Revue des deux mondes*) и успѣлъ дать только „первое письмо о конечныхъ причинахъ“ (прибав. къ твор. свят. отцовъ въ русск. перев. годъ 5, книга 2-я, 1847 г.) ²⁾. Жалѣть ли намъ о томъ,

¹⁾ Письма Филарета, м. московскаго, къ Филарету Гумилевскому. Прибав. къ творен. свят. отцевъ. Ч. XXXII. 1883 г., стр. 678—679.

²⁾ У Галахова въ его воспоминаніяхъ (*Историческій Вѣстникъ*. 1886 г. Ч. 26. Мое сотрудничество въ журналахъ стр. 321—323) приводится выписка изъ критической статьи „Отечественныхъ Записокъ“, направленной противъ писемъ о конечныхъ причинахъ. Галаховъ передаетъ какъ слышанное имъ, что *Θ. А—чъ* Голубинскій, былъ очень огорченъ этою статьею, и что само духовное начальство утѣшало его, говоря: „огорчатся тутъ нечего; развѣ ты не видишь, что въ статьѣ больше остроумія, чѣмъ дѣла“. Мы думаемъ, что если и было что-нибудь подобное, то не то, что представлялъ себѣ Галаховъ. Статья „Отечест. Запис.“ очень напоминаетъ разсужденіе Вольтера о конечныхъ причинахъ, въ которомъ онъ говоритъ, что руки созданы не для того, чтобы носить перчатки, и носъ не для того, чтобы поддерживать очки. Но только Вольтеръ, будучи умнѣе русскаго автора, не дѣлалъ изъ своего разсужденія сокрушительныхъ выводовъ: конечныхъ причинъ онъ не отрицалъ. *Θ. А—чъ*, разумѣется, прекрасно зналъ все, что говорилось за и противъ телеологій, и отлично понималъ цѣну статьи „Отечест. Запис.“ Но мы вѣримъ, что онъ былъ ею огорченъ: не самолюбіе его было оскорблено, но его любящее сердце должно было смутиться

что должность цензора отвлекла его от печатанія самостоятельных трудовъ, или радоваться тому, что, благодаря его безмѣрно добросовѣстному и глубоко разумному отношенію къ дѣлу цензора, наши отцы и дѣды читали книги въ добромъ и исправленномъ видѣ? Не знаемъ, что отвѣчать на этотъ вопросъ, но мы знаемъ, что, какъ цензоръ, протоіерей Ѳ. А. Голубинскій сдѣлалъ много добраго и полезнаго.

IV.

Голубинскаго всѣ любили—дѣти и взрослые, студенты и ректора, и малые и сильные міра, но его не только любили, его уважали, и степень этого уваженія у нѣкоторыхъ была такъ велика, что они находили болѣе удобнымъ называть его благоговѣніемъ. Двадцати двухъ—двадцати трехлѣтній экстраординарный профессоръ Ѳ. А. Г-ий—не блестящій красотою, близорукій (по описанію гр. М. В. Толстого ¹⁾), безъ сомнѣнія, далеко не въ модномъ костюмѣ производитъ такое впечатлѣніе на аристократа вольтеріанца гр. Вл. Толстого, что тотъ — страшный любитель кощунства и насмѣшекъ надъ святынею — въ присутствіи его смолкаетъ, не позволяетъ себѣ ни одного оскорбительнаго слова по отношенію къ религіи и кончаетъ тѣмъ, что передаетъ аутодафѣ всѣ свои вольтеріанскія книги. Сынъ вольтеріанца графъ Мих. Толстой, ученикъ Ѳ. А-ча, подъ вліяніемъ своего учителя, изъ доктора медицины превращается въ богослова, до конца своей жизни работаетъ въ области исторіи русской церкви и, пройдя длинный жизненный путь (графъ умеръ на 84-мъ году отъ роду), заявляетъ что онъ не встрѣчалъ никого умнѣе и лучше Ѳ. А-ча Голубинскаго. Полумасонъ Бартеневъ, образованный другъ князя Голицына, въ своихъ письмахъ къ Ѳ. А-чу выражаетъ почтительный восторгъ передъ скромнымъ философомъ. Онъ, чиновникъ IV класса, пишетъ къ нему письма не какъ равный къ равному, а какъ почтительный и робкій ученикъ къ горячо любимому глубокопочитаемому наставнику. Баронъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи въ 1843 г. съ цѣлю ея изученія, былъ очарованъ и восхищенъ Ѳ. А—чемъ, котораго онъ посѣтилъ. Все въ немъ плѣнило Гакстгаузена: изумительная ученость и ясность знаній, глубокая набожность и его „внѣшній видъ“ прекрасный и интеллигентный, и какая то особенность въ манерахъ испол-

---

видя, какою пустою, легкомысленною и вредною духовною пищею начинаютъ питать русское общество. Его скорбь была законна.

¹⁾ Воспоминанія гр. М. Вл. Толстого. Русскій Архивъ. 1881. Т. I. стр. 264.

ненныхъ необыкновенно простой и почти дѣтской граціи, сообщавшихъ ему какую то невыразимую прелесть“¹⁾. Въ 1848 г. Баронъ Гакстгаузенъ съ любезнымъ препроводительнымъ письмомъ послалъ изъ Вестфалии *Э. А—чу* свою книгу о Россіи (Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie), въ которой эпиграфомъ, характеризующимъ положеніе Европы, поставилъ слова *Э. А—ча*, не совсѣмъ удачно передавъ ихъ по французски. Бывшій оберъ-прокуроръ и министръ народнаго просвѣщенія, могущественный князь А. Н. Голицынъ „съ утѣшеніемъ“ видѣлъ въ *Э. А—чѣ* „стремленіе сочетавать любовь къ знаніямъ въ мірѣ духовномъ съ любовью къ ближнимъ въ мірѣ скорбей, а науку ума съ наукою сердца, проникнутаго ученіемъ Христа Спасителя, на завѣтъ любви утвержденномъ“²⁾. Онъ подарилъ *Э. А—чу* свой портретъ, послалъ ему книги: за эти знаки вниманія *Э. А—чѣ* платилъ ему сторицею, указывая, что нужно читать въ книгахъ, и переводя съ различныхъ языковъ для князя полезное и интересное.

Просвѣтитель сибирскихъ инородцевъ архим. Макарій Глухаревъ въ тяжестяхъ и невзгодахъ жизни ищетъ успокоенія въ своей любви къ *Э. А—чу*. Въ статьяхъ объ архим. Макаріи³⁾ мы находимъ такую сцену. Въ то время онъ былъ ректоромъ костромской семинаріи. У него были непріятности и невзгоды, которыя безъ сомнѣнія должны были волновать его сердце. Однажды онъ ѣздилъ по дѣламъ къ преосвященному. Буря на Волгѣ замедлила его обратную переправу, онъ тогда отправился къ родителямъ *Э. А—ча*, провелъ у нихъ цѣлый день и здѣсь написалъ исполненное любви письмо къ *Э. А—чу*. Представимъ себѣ эту картину. Буря бушуетъ на Волгѣ, буря бушуетъ и въ сердцѣ молодого талантливаго монаха. Но его сердце полно любовью къ людямъ, оно такъ широко, что вмѣщаетъ въ себѣ любовь и къ бѣднымъ обиженнымъ природою и судьбою жителямъ нашего азіатскаго сѣвера. Эта его любовь ищетъ отклика, сочувствія и поддержки. И какъ стрѣлка магнита обращается къ магнитному полюсу, такъ его любящее сердце обращается къ сердцу, которое горѣло горячею любовью ко всѣмъ, наиболѣе же къ труждающимся и обремененнымъ—къ сердцу *Э. А—ча*. И онъ пишетъ къ *Э. А—чу* и про-

¹⁾ р. 63 (изъ указанной въ текстѣ книги Гакстгаузена).

²⁾ Письмо кн. А. Н. Голицына къ *Э. А. Голубинскому*. Русскій Архивъ. 1880 г. Т. 3. стр. 414.

³⁾ Макарій, основатель Алтайской миссіи. Душепол. Чтен. 1890 г. Ч. 3. Особ. стр. 394—396.

ненныхъ необыкновенно простой и почти дѣтской граціи, сообщавшихъ ему какую то невыразимую прелесть“¹⁾. Въ 1848 г. Баронъ Гакстгаузенъ съ любезнымъ препроводительнымъ письмомъ послалъ изъ Вестфалии Ѳ. А—чу свою книгу о Россіи (*Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie*), въ которой эпиграфомъ, характеризующимъ положеніе Европы, поставилъ слова Ѳ. А—ча, не совсѣмъ удачно передавъ ихъ по французски. Бывшій оберъ-прокуроръ и министръ народнаго просвѣщенія, могущественный князь А. Н. Голицынъ „съ утѣшеніемъ“ видѣлъ въ Ѳ. А—чѣ „стремленіе сочетавать любовь къ знаніямъ въ мірѣ духовномъ съ любовью къ ближнимъ въ мірѣ скорбей, а науку ума съ наукою сердца, проникнутаго ученіемъ Христа Спасителя, на завѣтъ любви утвержденномъ“²⁾. Онъ подарилъ Ѳ. А—чу свой портретъ, послалъ ему книги: за эти знаки вниманія Ѳ. А—чѣ платилъ ему сторицею, указывая, что нужно читать въ книгахъ, и переводя съ различныхъ языковъ для князя полезное и интересное.

Просвѣтитель сибирскихъ инородцевъ архим. Макарій Глухаревъ въ тяжестяхъ и невзгодахъ жизни ищетъ успокоенія въ своей любви къ Ѳ. А—чу. Въ статьяхъ объ архим. Макаріи³⁾ мы находимъ такую сцену. Въ то время онъ былъ ректоромъ костромской семинаріи. У него были непріятности и невзгоды, которыя безъ сомнѣнія должны были волновать его сердце. Однажды онъ ѣздилъ по дѣламъ къ преосвященному. Буря на Волгѣ замедлила его обратную переправу, онъ тогда отправился къ родителямъ Ѳ. А—ча, провелъ у нихъ цѣлый день и здѣсь написалъ исполненное любви письмо къ Ѳ. А—чу. Представимъ себѣ эту картину. Буря бушуетъ на Волгѣ, буря бушуетъ и въ сердцѣ молодого талантливаго монаха. Но его сердце полно любовью къ людямъ, оно такъ широко, что вмѣщаетъ въ себѣ любовь и къ бѣднымъ обиженнымъ природою и судьбою жителямъ нашего азіатскаго сѣвера. Эта его любовь ищетъ отклика, сочувствія и поддержки. И какъ стрѣлка магнита обращается къ магнитному полюсу, такъ его любящее сердце обращается къ сердцу, которое горѣло горячею любовью ко всѣмъ, наиболѣе же къ труждающимся и обремененнымъ—къ сердцу Ѳ. А—ча. И онъ пишетъ къ Ѳ. А—чу и про-

1) р. 63 (изъ указанной въ текстѣ книги Гакстгаузена).

2) Письмо кн. А. Н. Голицына къ Ѳ. А. Голубинскому. Русскій Архивъ. 1880 г. Т. 3. стр. 414.

3) Макарій, основатель Алтайской миссіи. Душепол. Чтен. 1890 г. Ч. 3. Особ. стр. 394—396.

ситъ его молитвъ, выражаясь его языкомъ „съ истиннымъ почетомъ въ умѣ, съ искреннею любовью въ сердцѣ“.

П. И. Горскій-Платоновъ говорилъ тому, кто пишетъ эти строки что онъ питалъ къ Ѳ. А—чу чувство близкое къ благоговѣнiю. Его церковное служенiе благолѣпное, серьезное, смиренно-величавое глубоко воздѣйствовало на умъ и на сердце. Его видъ внушалъ любовь и почтенiе. Моисей отличался смиренiемъ, но Господь Богъ осiялъ его лицо такъ, что евреи не могли на него смотрѣть. Смиренiемъ отличался и Ѳ. А—чъ, и однако ему была присуща такая величавость, которая заставляла смиряться предъ нимъ и гордыхъ и сильныхъ. О томъ, какъ велъ себя этотъ ученый, къ которому съ почтительными письмами обращались vlastные мiра, П. И—чъ рассказываетъ слѣдующее. Былъ у церкви Рождества въ Сергiевскомъ Посадѣ дьячекъ Алексѣй Алексѣевичъ, у него былъ сынъ, учившiйся въ виѳанской семинарiи. Учился онъ съ сомнительнымъ успѣхомъ и ему угрожала перспектива остаться на повторительный курсъ въ томъ же отдѣленiи. Дьячекъ попросилъ Ѳ. А—ча похлопотать о переводѣ его сына, Ѳ. А—чъ похлопоталъ, и питомецъ христіанской мудрости былъ переведенъ изъ средняго отдѣленiя въ высшее. Извѣщенный объ этомъ, Ѳ. А—чъ не сталъ дожидаться, когда дьячекъ придетъ къ нему за справками, не послалъ и съ какимъ-либо служителемъ извѣщенiя объ исходѣ дѣла, онъ отправился къ дьячку самъ. Когда онъ пришелъ къ дьячку на дворъ, то по этому двору бѣгалъ тогда еще маленькiй—будущiй профессоръ академiи—П. И. Горскiй, „Какъ бы мнѣ повидать Алексѣя Алексѣевича, сказалъ П. И—чу Ѳ. А—чъ, пришлите его ко мнѣ“. Пав. Ив. отправился разыскивать Алексѣя Алекс., а Ѳ. А—чъ остался дожидаться на дворѣ. На дворѣ находилась телѣга, колеса съ которой были сняты и которая прямо осями лежала на землѣ. Скромный и тогда уже не молодой философъ, можетъ быть утомленный неблизкимъ путешествiемъ съ казеннаго двора, присѣлъ на телѣгу и сталъ ожидать Алекс. Алекс., чтобы сообщить ему о переводѣ сына.

Замѣчательны взаимоотношенiя митрополита Филарета и Ѳ. А—ча Голубинскаго. Строго дисциплинированный, могучiй умъ московскаго святителя такъ руководилъ движенiями его сердца, что близорукiе люди, полагающiе, что любовь должна выражаться въ распущенной снисходительности къ поступкамъ, готовы называть его безсердечнымъ. Повидимому, при строгости митрополита Филарета—прежде всего къ самому себѣ, а потомъ и къ другимъ—можно бы было ожидать, что медлительность Ѳ. А—ча въ исполненiи обязанностей, обычное нарушенiе имъ сроковъ при

исполненіи срочныхъ работъ, должны бы были вызывать негодование святителя. Но вотъ, что было на самомъ дѣлѣ. Въ 1832 г. протоіерей Голубинскій производилъ ревизію калужской и тульской семинаріи. Отчетъ о ревизіи онъ представилъ въ 1836 г. при такомъ отношеніи:

„выпискою изъ журнала академическаго правленія объявлено мнѣ было, чтобы я представилъ отчетъ о ревизіи калужской и тульской семинаріи съ объясненіемъ причинъ моей медлительности. Представляя благопочтеннѣйше отчетъ, я долженъ признаться, что не могу ничего сказать въ извиненіе своей медленности“.

М. Филаретъ по полученіи отчета и объясненій написалъ ректору Академіи архимандр. Филарету:

„возвращаю вамъ, Отець Ректоръ, отчетъ о ревизіи. Для поспѣшности я предложилъ бы дѣло прямо комиссіи духовныхъ училищъ, но не хочу быть орудіемъ, чтобы выставить признающагося въ медленности, потому что признающагося хочется покрыть. Между тѣмъ непонятно, за чѣмъ такъ долго дремалъ протоіерей, на искушеніе себѣ и другимъ. Объясняйтесь о медленности, или нѣтъ, какъ хотите, только скорѣе пошлите отчетъ“¹⁾.

Это „признающагося хочется покрыть“ знаменательно въ письмѣ м. Филарета. М. Филаретъ хорошо зналъ высокій умъ, глубокую честность и великое трудолюбіе Ѳ. А—ча, но множество дѣлъ давили послѣдняго, какъ египетскія пирамиды. Его торопили по дѣламъ цензуры, къ нему обращались съ просьбами, ходатайствами, письмами, являлись разные посѣтители, у него было много занятій въ академіи, всякое дѣло онъ дѣлалъ добросовѣстно. По своей глубоко честной натурѣ онъ не догадывался, что не въ комедіи только, но и въ дѣйствительности можно руководиться правиломъ „подписано и съ плечъ долой“, что, напр., если возникаютъ какія-нибудь опасенія относительно того—пропустить ли рукопись въ печать или нѣтъ, то вмѣсто того, чтобы тщательно указывать автору, что нужно исправить и вести съ нимъ утомительную переписку, достаточно не пропустить рукописи и перейти къ другимъ дѣламъ. Онъ не догадывался, что иногда можно одобрить рукопись, не читая, онъ не догадывался и о многомъ иномъ, что отлично знали его современники и чего, къ несчастію, не перестали знать ихъ потомки. Вотъ, къ этой то наивной недогадливости и снисходилъ строгій начальникъ Академіи м. Филаретъ говорившій: „пока Голубинскій преподаетъ

¹⁾ С. Смирнова, Исторія Москов. Д. Академіи. 1879. стр. 91—92.

философію въ Академіи,—я не опасаюсь“. М. Филаретъ, зная Голубинскаго, зналъ, что о. протоіерей, давъ обѣщаніе въ ближайшемъ времени представить отчетъ о ревизіи, могъ отправиться домой съ твердою рѣшимостью немедленно сѣсть за писаніе отчета, но дома его могли встрѣтить какія-либо лица, ну хотя бы дѣвицы Савичевы. Бѣдныя, безпріютныя, осиротѣвшія дѣвушки, лишившіяся отца, не имѣющія средствъ, просятъ протоіерея о помощи. Забывъ о всѣхъ ревизіяхъ, коммиссіяхъ и вообще бумажныхъ дѣлахъ, протоіерей спѣшитъ дѣломъ помощи: даетъ, что можетъ дать, самъ, проситъ другихъ, пишетъ ходатайственныя письма. Дѣвицы устроиваются съ гораздо большими удобствами и комфортомъ, чѣмъ самъ Ѳ. А—чъ, а отчетъ о ревизіи тульской семинаріи лежитъ, и протоіерей не можетъ привести никакого оправданія своей медлительности.

М. Филаретъ цѣнилъ Голубинскаго, онъ рекомендовалъ Академіи обращаться къ его мнѣнію ¹⁾, къ нему направлялъ инославныхъ и иновѣрныхъ иностранцевъ, интересовавшихся православіемъ—наприм., Пальмера ²⁾. Голубинскій высоко цѣнилъ мудрость митрополита, онъ записывалъ его слова, вопросы и рѣшенія недоумѣній на экзаменахъ, онъ цѣнилъ каждое слово его, какъ святыню. Думаемъ, что духъ знаменитаго митрополита былъ родствененъ духу скромнаго профессора. Мы говорили, какою была настроенность Ѳ. А—ча, во что онъ вѣрилъ, какія книги онъ любилъ, и мы имѣемъ основанія утверждать, что въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ книгъ, въ чтеніи которыхъ находилъ услажденіе Ѳ. А—чъ, находилъ услажденіе и м. Филаретъ (наприм., въ книгѣ Эккартсгаузена „о положительномъ началѣ жизни и отрицательномъ началѣ смерти“).

Въ теченіе сорока лѣтъ Ѳ. А—чъ жилъ постоянно въ обществѣ студентовъ: 4 года самъ въ качествѣ студента и 36 лѣтъ, какъ профессоръ. Какъ товарищъ, онъ былъ услужливъ и добръ. Каковъ онъ былъ, какъ профессоръ? Какъ онъ относился къ своимъ слушателямъ? Слѣдуя завѣту Христа, онъ былъ имъ слугою, слугою ревностнымъ, любящимъ и самоотверженнымъ, но зная, что, какъ наставникъ, онъ обязанъ отдать отчетъ о душахъ ихъ, онъ былъ далекъ отъ того, чтобы рывнодушно и безразлично относиться къ такимъ ихъ дѣйствіямъ и поступкамъ, въ которыхъ оказывается уклоненіе отъ требованій долга и закона и которые—

¹⁾ С. Смирнова, Исторія Москов. Дух. Академіи. 1879 стр. 338.

²⁾ Письма м. Филарета къ намѣстнику Лавры архим. Антонію. 1877. Т. 1. стр. 407.

сами въ себѣ еще не заключающаго что-либо особо преступнаго—при повтореніи превращаются въ трудно-исправимые наклонности и навыки. Ө. А. былъ для студентовъ постояннымъ и живымъ нравственнымъ назиданіемъ, и едва ли изъ 889 студентовъ, кончившихъ академію и бывшихъ его учениками, хотя одинъ ускользнулъ отъ его благотворнаго нравственнаго воздѣйствія. Онъ наставлялъ ихъ своимъ примѣромъ. Какъ учитель, онъ отдавалъ имъ свои знанія и свое время и кромѣ того готовъ былъ помогать матеріально (давать деньги въ займы, разумѣется, безъ отдачи), просить за нихъ, ходатайствовать, хотя бы и самъ подвергался опасности получить упрекъ за свое ходатайство.

Скажемъ прежде всего о немъ, какъ о преподавателѣ. Отличительною особенностію его изложенія была ясность—качество далеко не всегда присущее лекціямъ по философіи особенно въ первую половину XIX столѣтія, когда на очереди дня стояли туманныя пантеистическія системы, и величайшій изъ тогдашнихъ представителей философіи (Гегель), умирая, высказалъ, что его никто не понималъ и что онъ самъ понималъ себя плохо. О Голубинскомъ всѣ свидѣтельствуютъ, что онъ мудренныя философскія системы излагалъ необыкновенно понятно и просто. Безъ сомнѣнія, чтобы добиться этой ясности изложенія, недостаточно самого громаднаго философскаго и педагогическаго таланта, нуженъ еще громадный и усидчивый трудъ. Рѣшенія философскихъ вопросовъ Ө. А.—чѣ иногда излагалъ такимъ образомъ: онъ приносилъ съ собою въ аудиторію нѣсколько книгъ, въ которыхъ рѣшался предложенный имъ вопросъ, и затѣмъ, поставивъ вопросъ, говорилъ: такой-то философъ рѣшаетъ его такъ-то и прочитывалъ рѣшеніе, затѣмъ отъ себя добавлялъ: но это рѣшеніе недостаточно, оно восполняется такимъ-то философомъ и обращался къ другимъ авторамъ. Такимъ образомъ, онъ не только рѣшалъ вопросъ, но и показывалъ исторію его рѣшенія. Иногда онъ читалъ по тетрадкѣ, иногда импровизировалъ. Въ своихъ импровизаціяхъ онъ излагалъ обыкновенно задушевные взгляды на важнѣйшіе вопросы бытія и знанія. Въ такихъ случаяхъ аудиторія слушала его, не дыша. Къ концу службы Ө. А.—ча, говорятъ, его импровизаціи становились все рѣже, онъ больше уже читалъ курсъ по опредѣленному учебному плану. Часть этого курса послѣ смерти Ө. А.—ча напечатана записывавшими за нимъ его слушателями, но нужно помнить, что въ этомъ напечатанномъ курсѣ только мысли Ө. А.—ча: слогъ въ немъ принадлежитъ не автору, а записывавшимъ студентамъ. Съ изящнымъ слогомъ Ө. А.—ча мы знакомимся по его письмамъ.

Полстолѣтія отдѣляетъ насъ отъ курса Θ. А—ча и однако, несмотря на то, что онъ и сохранился далеко не въ совершенномъ видѣ, онъ не только не уступаетъ современнымъ учебнымъ курсамъ, написаннымъ, конечно, при широкомъ пользованіи трудами Θ. А—ча, но имѣетъ предъ нимъ преимущества. Во 1) въ курсѣ Θ. А—ча мы видимъ полное и основательное знаніе положеній тогдашней науки, но философы и богословы послѣдующихъ поколѣній, знакомясь съ выводами науки по трудамъ Θ. А—ча, обнаруживаютъ совершенное незнакомство съ наукою своего времени. Укажемъ одинъ примѣръ этого. Говоря въ курсѣ умозрительнаго Богословія о дѣйствіи силъ природы въ прошедшемъ, Θ. А—чъ предполагаетъ въ исторіи земли громадныя катаклизмы, геологическіе перевороты¹⁾. Все это, какъ несомнѣнное, утверждалось тогдашней наукою. Здѣсь сказывается господство идей и наблюденій Кювье и Эли де-Бомона. Въ настоящее время всѣ эти теоріи безусловно отвергнуты, на ихъ мѣсто въ геологіи стали возрѣнія Ляйэля и Дарвина, но наши философы и богословы—въ большомъ числѣ, имѣются исключенія—все еще по старому говорятъ о катаклизмахъ. Во 2) мало того. Доселѣ у насъ еще не воспользовались всѣми указаніями и разсужденіями Θ. А—ча. Укажемъ примѣръ этого. Въ нашихъ курсахъ Догматическаго Богословія обыкновенно вводится параграфъ о цѣли творенія, въ которомъ утверждается, что Богъ все сотворилъ для своей славы. Въ подтвержденіе этого тезиса приводится текстъ изъ книги Притчей: *вся содѣла Господь себе ради* (Притч. XVI, 4). По всей вѣроятности этотъ параграфъ и этотъ аргументъ цѣликомъ взяты нашими богословами изъ католическихъ учебниковъ, гдѣ дѣло обыкновенно трактуется такъ. Но Θ. А—чъ въ своемъ курсѣ раскрылъ—на западѣ въ послѣднія десятилѣтія можно показать статьи посвященныя раскрытію той-же самой мысли²⁾,—что переводъ „себе ради“ неправильно передаетъ мысль подлинника: еврейское $\text{לְפָנָיו עָשָׂה} \text{ כֻּלּוֹ}$ правильнѣе должно перевести не „себе ради“, а „чтобы соответствовало ему“ или „чтобы все смирилось предъ Нимъ“³⁾. Пишущій эти строки знаетъ только одного человека, который воспользовался указаніями Θ. А—ча; это—В. Д. Кудрявцевъ, достойный ученикъ славнаго учителя, въ своей лекціи „объ абсолютной цѣли творенія“ онъ повторяетъ взгляды

1) Лекціи по Умозрительному Богословію. 1868. стр. 195.

2) Наприм., Reinkens'a Einiges uber den Endzweck der Welterschopfung. Internat. theolog. Zeitschrift. 1893. № 1.

3) Лекціи по Умозрительному Богословію. 1868. стр. 187—188.

своего учителя, но эта лекція сохранилась у автора настоящей статьи въ такомъ же или еще въ болѣе несовершенномъ видѣ, чѣмъ въ какомъ сохранился курсъ *Θ. А—ча*.

Безъ сомнѣнія, много лѣтъ труда нужно было для составленія такого сжатаго, содержательнаго и основательнаго курса, какъ курсъ *Θ. А—ча*. Дорожа временемъ, *Θ. А—чъ* можетъ быть когда составилъ курсъ и не уклонялся въ бесѣды по дорогимъ ему вопросамъ—бесѣды многополезныя, но отнимавшія время отъ изложенія основныхъ истинъ науки, онъ спѣшилъ преподавать важнѣйшіе элементы, зная, какъ трудно будетъ потомъ безъ знанія этихъ элементовъ его ученикамъ, когда они станутъ учителями: и въ пространныхъ и въ малыхъ курсахъ по философіи тогда былъ большой недостатокъ. Восполнить знанія, полученные въ школѣ, было тогда гораздо труднѣе, чѣмъ теперь. О недостаткѣ учебныхъ пособій въ то время можно судить по тому факту, что при тогдашнемъ строгомъ отношеніи къ духу обученія нравственную философію въ семинаріяхъ преподавали по учебнику Баумейстера, въ которомъ находились „сужденія погрѣшительныя и неудобосогласимыя съ ученіемъ христіанскимъ“¹⁾. Какъ должны были дорожить тогда ученики курсомъ своего учителя! Между тѣмъ курсъ этотъ замѣчателенъ не только по своему содержанию, но и по направленію. Въ немъ замѣчательно чрезвычайно гуманное отношеніе къ мыслителямъ различныхъ религіозныхъ и философскихъ направленій. Раскрытіе ошибокъ и обличеніе заблужденій у *Θ. А—ча* проникнуто любовью къ заблуждающимся и не показываютъ никакого раздраженія, которымъ часто вѣетъ и отъ апологетическихъ статей нашихъ дней. У покойнаго В. Д. Кудрявцева сохранился въ рукописи „взглядъ на нравственную философію“ древнихъ излагавшейся *Θ. А—чемъ*. Все доброе исходитъ отъ Бога и много было добраго и въ языческой философіи—такова сущность воззрѣній *Θ. А—ча*. Такой взглядъ и такой способъ сужденія, полагаемъ, долженъ былъ весьма благотворно дѣйствовать на слушателей въ нравственномъ отношеніи.

Будущимъ преподавателямъ *Θ. А—чъ* давалъ примѣръ увлеченія дѣломъ преподаванія: звонокъ не вызывалъ его изъ класса, онъ, если позволяли условія, оканчивалъ иногда урокъ вмѣсто 4 въ 6 ч. Въ своемъ обращеніи съ студентами *Θ. А—чъ* весь былъ нравственная деликатность. Сохранилось много рассказовъ

¹⁾ С. Смирнова, Исторія москов. д. академіи. 1879 г. отчетъ *Θ. А.* по ревизіи тульской и рязанской семинарій стр. 79.

о его необыкновенной вѣжливости, снисходительности и доброжелательности. Такъ, наприм., рассказываютъ, однажды Θ . А—чъ шелъ съ связкою книгъ, связанныхъ должно быть не совсѣмъ исправно, навстрѣчу ему приближается студентъ и движеніемъ руки по направленію къ фуражкѣ обнаруживаетъ желаніе поклониться, Θ . А—чъ видитъ, что, если онъ отвѣтитъ на поклонъ студенту, его книги рассыпятся, и онъ кричитъ приближающемуся: „не кланяйтесь, г. студентъ!“ Деликатность его была такъ велика, что онъ не допускалъ мысли, что если кто передъ нимъ сниметъ шапку, то ему позволительно по нуждѣ отвѣтитъ на это однимъ наклоненіемъ головы. Рассказываютъ о немъ еще такой случай. По окончаніи урока нѣмецкаго языка со всѣми слушателями онъ имѣлъ обыкновение оставлять одного студента, которому заранѣе было задано приготовить письменный переводъ указаннаго мѣста изъ нѣмецкаго автора (студенты тогда не боялись внѣ-класснаго приготовленія къ классамъ); студентъ читалъ переводъ, а Θ . А—чъ провѣрялъ и поправлялъ его по оригиналу. Однажды, имѣя дѣло съ такимъ переводчикомъ, Θ . А—чъ сѣлъ къ нему за парту и сталъ его руководить. У студента въ партѣ въ бумажкѣ былъ завернуть нюхательный табакъ, онъ переводилъ, слушалъ указанія Θ . А—ча и отъ времени до времени аппетитно понюхивалъ. Обоняніе Θ . А—ча раздражилось этимъ запахомъ, и онъ инстинктивно протянулъ руку по тому же направленію, по которому двигалась рука студента, но вмѣсто того, чтобы захватить табакъ, онъ его рассыпалъ, и заслуженный профессоръ сталъ усердно извиняться передъ студентомъ за свою неловкость. Никодимъ, епископъ Енисейскій, рассказываетъ о себѣ, какъ онъ будучи студентомъ (1826—1830 гг.), читалъ Θ . А—чу свое сочиненіе „почему интересны въ поэзіи чудеса“. Θ . А—чъ на иное ему говорилъ: „прекрасно“, а на другое „нелѣпо“ и затѣмъ сейчасъ же начиналъ извиняться. „Такъ, говоритъ еп. Никодимъ, и этотъ мужъ ума и учености былъ простодушнѣйшій“ ¹⁾.

Какъ близко къ своему сердцу принималъ Θ . А—чъ судьбу и благополучіе студентовъ показываетъ слѣдующій случай. Въ 1826 г., когда въ Москвѣ происходили коронаціонныя торжества, въ Академіи оконченъ былъ учебный годъ и былъ выпущенъ пятый курсъ воспитанниковъ. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Михаилъ Лаговскій, которому была присуждена степень кандидата. Вслѣдствіе того, что окончаніе курса и проводы товарищей сопрово-

¹⁾ Чтенія въ обществѣ любит. духов. просвѣщ. 1882 г. Т. 3. Мысли еп. Никодима. Стр. 152—153.

ждались дружескимъ угощеніемъ, Лаговскій явился ко всеобщей (дѣло было наканунѣ 29 августа) въ Успенскій Соборъ, въ который за неимѣніемъ собственной церкви собирались тогда студенты, нетрезвымъ и сталъ пѣть безобразно. Инспекторъ іеромон. Евлампій приказалъ ему замолчать, онъ не послушался. По окончаніи службы инспекторъ сдѣлалъ ему выговоръ, Лаговскій отвѣтилъ на выговоръ дерзостію. Инспекторъ заперъ его въ карцеръ и немедленно послалъ донесеніе митрополиту о происшедшемъ. Митрополитъ Филаретъ приказалъ выпустить виновнаго съ званіемъ студента и съ дурнымъ аттестатомъ. *Θ. А*—чѣ нарочно поѣхалъ въ Москву ходатайствовать о смягченіи наказанія виновному—а тогда путешествія эти далеко не были такъ удобны, какъ теперь.—Ходатайство *Θ. А*—ча осталось безуспѣшнымъ, митрополитъ не смягчилъ своего гнѣва, онъ опасался, что слухъ о происшедшемъ могъ дойти до двора, находившагося тогда въ Москвѣ¹⁾. Безъ сомнѣнія, и самъ *Θ. А*—чѣ заранѣе предчувствовалъ, что ходатайство его имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ, что и самъ онъ подвергается опасности получить выговоръ за свое ходатайство, и однако движимый любовью къ несчастному—хотя и виновному—студенту рѣшилъ предстать съ ходатайствомъ за него предъ строгимъ и разгнѣваннымъ владыкою.

Было бы однако ошибочнымъ думать, что *Θ. А*—чѣ, ходатайствовавшій за виновныхъ студентовъ, не болѣлъ душою, когда эти студенты совершали непозволительные поступки. Онъ составлялъ для себя характеристики студентовъ, въ которыхъ отмѣчалъ какъ способности ума, такъ и качества ихъ сердца и съ горечью въ собственномъ сердцѣ иногда долженъ былъ отмѣчать темныя движенія въ юношескихъ душахъ. Никогда онъ не позволялъ себѣ ироніи ни надъ кѣмъ вообще, ни надъ студентами въ особенности. Затрагивать самолюбіе людей вообще дурно, но затрагивать юное самолюбіе особенно опасно. Безъ сомнѣнія, *Θ. А*—чѣ иногда смущался грубостію духовныхъ воспитанниковъ, которая такъ не соотвѣтствовала его благородной и нѣжной натурѣ. Въ отчетѣ по ревизіи тульской и рязанской семинарій онъ между прочимъ писалъ: „многіе изъ учениковъ въ наружныхъ тѣлодвиженіяхъ и обращеніи показываютъ незнаніе правилъ благоприличія и вѣжливости. Хорошо бы было, если бы еще въ училищѣ учителя внушали имъ сіи правила; при чемъ они могутъ имѣть пособіемъ сокращенное изложеніе оныхъ, помѣщенное въ грамма-

¹⁾ Русскій Архивъ. 1881 г. Т. 1. Воспоминанія гр. М. В. Толстого. Стр. 293—294.

тикѣ Бантышъ-Каменскаго“¹⁾. Можетъ быть нѣчто подобное онъ могъ бы сказать и о нѣкоторыхъ воспитанникахъ академіи, но онъ не говорилъ этого, не называлъ именъ. Не обличая, онъ наставлялъ ихъ своимъ примѣромъ, онъ училъ ихъ мудрости, смиренію и любви.

Прошло шестьдесятъ лѣтъ со времени смерти Ѳ. А—ча. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много лицъ умерло, много именъ позабылось. Но не забыла Московская духовная академія своего профессора Ѳ. А. Голубинскаго. Съ благодарностію и любовью вспоминаетъ она о немъ. Смиренно-величавый мудрецъ, съ кроткими голубыми глазами, съ высокимъ челомъ, услаждавшій и назидавшій своими рѣчами столь многихъ, близокъ мысли и сердцу и теперешнихъ ея наставниковъ и питомцевъ, хотя почти всѣ они родились уже послѣ того, какъ онъ умеръ. Его духовное вліяніе пережило его самого. При жизни, мы видимъ, его вліяніе не ограничивалось тѣсною сферою академіи, оно поднималось гораздо выше ея, у него учились и его указаніями пользовались люди, занимавшіе очень высокое положеніе, и въ лицѣ князя А. Н. Голицына вліяніе Ѳ. А—ча приближалось къ высшимъ правительственнымъ сферамъ. По мѣрѣ того, какъ онъ жилъ, и послѣ того, какъ онъ умеръ, его вліяніе расширялось. Сорокъ святителей вышло изъ учениковъ Ѳ. А—ча, болѣе восьмисотъ его учениковъ стали наставниками духовнаго юношества. Каждый изъ нихъ въ ту среду, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ, долженъ былъ принести нѣчто отъ того огня, который горѣлъ въ его наставникѣ. Силу духовнаго вліянія нельзя точно измѣрить и способъ ея дѣйствія трудно опредѣлить. Когда физическая теплота передается отъ одного предмета другому, то тотъ предметъ, который ее передаетъ, самъ ее теряетъ. Духовная теплота не подчиняется этому закону. Она подобна магниту, который возбуждаетъ магнетизмъ въ подобныхъ себѣ тѣлахъ, не теряя собственнаго. Искра добра, которую удается одному заронить въ сердцѣ другого, ничего не отнимаетъ отъ его собственнаго сердца. Отъ огня, который горѣлъ въ сердцѣ Ѳ. А—ча, разгорался огонь въ сердцахъ его юныхъ слушателей, вспыхивали отъ него искры и въ сердцахъ людей зрѣлыхъ и уже приближавшихся къ старости. И этотъ добрый огонь разносился по Руси и несъ съ собою тепло вѣры, знанія и любви. Ученики Ѳ. А—ча

¹⁾ С. Смирновъ, Исторія моск. д. академіи. 1879, стр. 77.

несли его съ собою—въ Симферополь и Архангельскъ, въ Вильно и Тобольскъ.

И этотъ огонь не потухнетъ. Онъ долженъ разгораться и разгораться. Вѣра и любовь должны возрастать въ человѣчествѣ. Надеждою на это живетъ академія, въ которую Ѳ. А—чъ вступилъ въ день ея открытія. Но недостаточно питать свѣтлыя надежды, должно самимъ содѣйствовать ихъ осуществленію. Одинъ изъ способовъ, которымъ можно устраивать добро въ будущемъ, состоитъ въ томъ, чтобы подражать дѣятельности тѣхъ, которые созидали его въ прошедшемъ. Объ этомъ учитъ апостоль, когда говоритъ: „поминайте наставниковъ вашихъ... и... подражайте вѣрѣ ихъ“ (Евр. XII, 7). Истинный наставникъ не перестаетъ учить, умирая. Θεодоръ Александровичъ этотъ свѣтлый образъ прошедшаго—ярко освѣщаетъ намъ путь къ свѣтлому будущему.

С. Глаголевъ.

Александръ Васильевичъ Горскій.

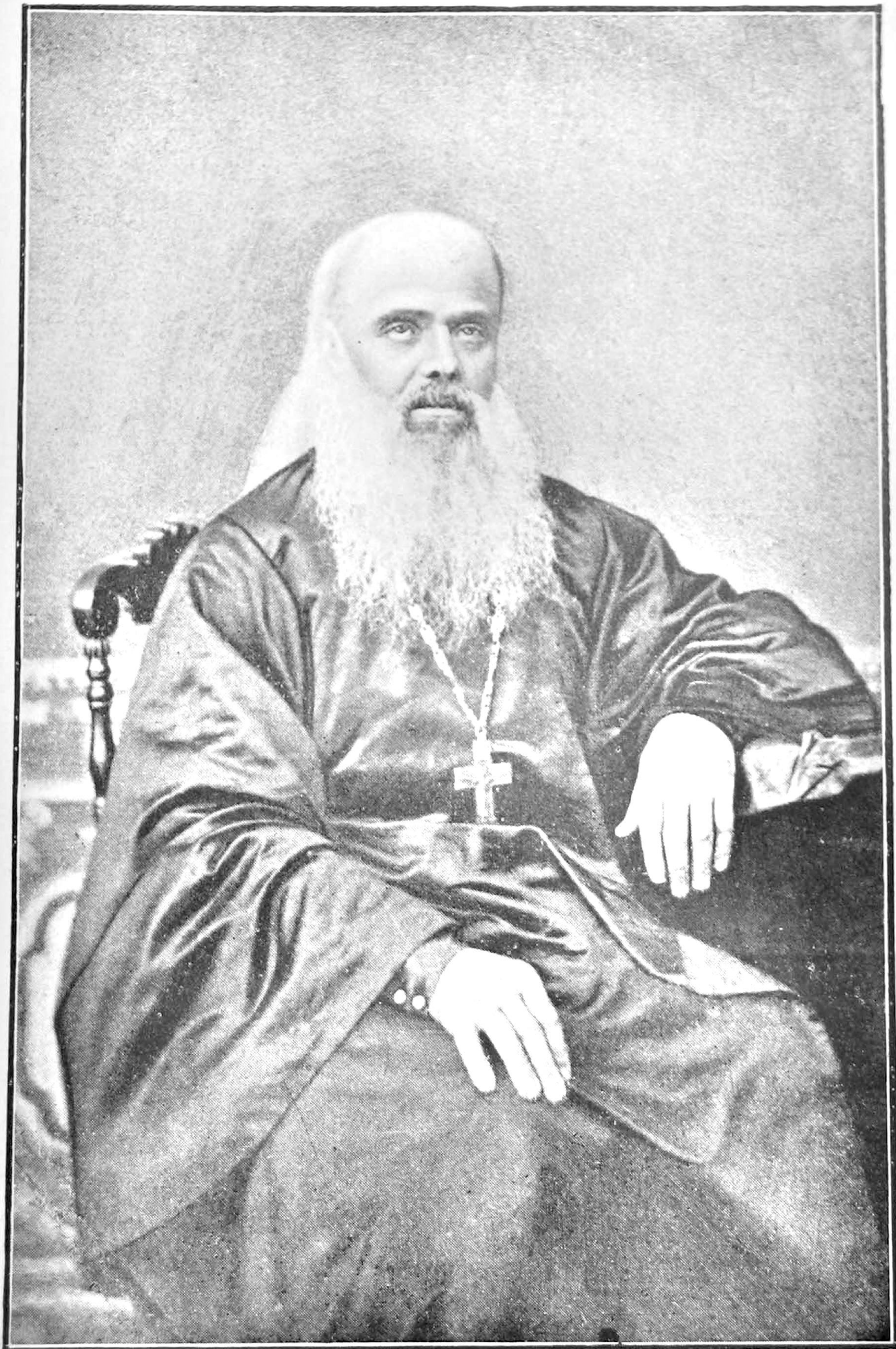
Этотъ аскетъ-профессоръ, этотъ инокъ-мирянинъ, съ подвижническою жизнію соединявшій общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаніями и трудами, это было необыкновенное явленіе. Оно едва ли повторится. Оно было созданіемъ особаго духовнаго строя въ извѣстный періодъ Московской академіи....

Гиляровъ-Платоновъ.

Воспитаніе.—Студенческіе годы.—Годы профессорства. Духовная личность.—Вліяніе времени.—Ученые труды.—Научное руководство.—Годы ректорства.

Горскій родился въ Костромѣ въ 1812 году (16 августа). Семья Горскихъ была видная въ городѣ. Отецъ—Василій Сергѣевичъ получилъ образованіе въ Троицкой Лаврской семинаріи и былъ сначала профессоромъ своей Костромской семинаріи, затѣмъ соборнымъ священникомъ. Оставивъ должность преподавателя, онъ сдѣлался смотрителемъ духовнаго училища, а получивъ санъ протоіерея кафедральнаго собора, оставляетъ и смотрительство, ограничиваясь уроками въ дворянскихъ семействахъ. Письма Василя Сергѣевича заставляютъ видѣть въ немъ интеллигентнаго по своему времени человѣка, бывшаго профессора россійской словесности и краснорѣчія, не лишеннаго поэтическаго чувства, съ умомъ крѣпкимъ отъ природы, съ здравомысліемъ, не поврежденнымъ наукой, съ опредѣленными нравственными устоями. Одна черта особенно отличала Василя Сергѣевича—необыкновенная доброта, которая перешла по наслѣдству къ А. В-чу. Его мать Ольга Кузьминишна, дочь костромского протопопа, умная женщина, была воспитана по домашнему, по старинному. Она обладала характеромъ твердымъ и, видимо, правила домомъ какъ глава. Кругъ тѣхъ понятій, какія нужны для порядка жизни, былъ одинъ и тотъ же

Протоіерей А. В. Горскій.

у обоихъ родителей Горскаго. Оба они были люди религіозные, патріархальные, проникнутые безусловнымъ повиновеніемъ церковному уставу и вѣковому укладу русской жизни, созданному церковью. Указанныя черты—взаимно дополняющее различіе въ характерахъ и полное сходство жизненныхъ понятій у родителей А. В-ча сообщили миръ да ладъ ихъ отношеніямъ, необычайную устойчивость всей жизни семьи, сообщили, наконецъ, строгую опредѣленность тому воспитанію, которое получилъ будущій ученый.

По природѣ А. В. былъ живымъ и рѣзвымъ мальчикомъ, съ необычайно чуткимъ и отзывчивымъ сердцемъ. Сердцемъ онъ понималъ все окружающее и развился раньше, чѣмъ слѣдуетъ. Преждевременное развитіе вызывается обычно какой-нибудь ненормальностью въ воспитаніи, и она имѣла здѣсь мѣсто. Можетъ быть, слишкомъ много будетъ сказать, что педагогическія понятія родителей Горскаго совпадали съ домостроевскими,—но во всякомъ случаѣ отъ нихъ сильно отзывало Домостроемъ. Между тѣмъ, педагогія древней Руси рассчитана на грубую натуру, непокорную или злую волю: она рекомендуетъ грозу и лозу, но не ласку, вовсе запрещаетъ родителямъ шутки и игры съ своими дѣтьми, ограничиваетъ проявленія сердечности. Эта отжившая система была совершенно непригодна для мягкой, одаренной необычайными сокровищами сердца А. В-ча. Горскій былъ воспитанъ „подъ грозящимъ жезломъ скромности“. Воспитатели забыли о сердцѣ ребенка: не постарались основать его нравственность на собственныхъ его чувствованіяхъ и не потрудились для этого раскрыть въ его сердцѣ Бога и Его святую религію. Все нравственное и религіозное содержаніе души не выращивалось въ ней, а влагалось со стороны, прививалось совнѣ. Вотъ въ этомъ несоотвѣтствіи между природой и воспитаніемъ Горскаго и была, вѣроятно, причина его преждевременнаго развитія. А между тѣмъ о воспитаніи А. В-ча особенно позаботились, такъ какъ онъ былъ старшимъ ребенкомъ. Его удаляли отъ сверстниковъ-шалуновъ, держали постоянно дома только со взрослыми, не выводили ни въ какое общество¹⁾. Годы дѣтства Горскаго текли тихо, скромно, мертво. По его собственному сравненію, онъ прожилъ свои дѣтскіе годы, „какъ монастырка въ своей кельѣ“. Живой и впечатлительный ребенокъ мало шалилъ и никогда не рѣзвился: тогдашней педагогіи не были доступны

---

¹⁾ Самая семья Горскихъ была невелика: у А. В-ча была одна только сестра (Юлія) и одинъ братъ—Владимиръ, младшій въ семьѣ, умершій китайскимъ миссіонеромъ въ 1847 г.

такія тонкости, какъ различіе между шалостью и рѣзвостью, она запрещала и то и другое. Изъ него вышелъ скромный и благоразумный мальчикъ, любимецъ родителей. Въ суровой школѣ домашняго воспитанія сердечность и мягкость ребенка обнаруживались только въ слабодушіи и въ скучной всеугодлиности своимъ воспитателямъ. Лѣтъ восьми онъ поступилъ въ школу, сталъ ходить въ духовное училище, продолжая жить дома. Множество шалуновъ встрѣтилъ въ школѣ благовоспитанный сынъ кафедральнаго протоіерея, сталъ шалить и самъ, но всегда умѣренно, не выходя изъ границъ. Двѣнадцати лѣтъ А. В. перешелъ въ семинарію. Его положеніе дома не измѣнилось нисколько; въ классѣ одобряли его за скромность и послушаніе. Здѣсь впервые обнаружился недостатокъ воспитанія А. В-ча. Онъ переживалъ возрастъ, когда молодая душа нуждается въ дружбѣ. Но онъ былъ мертвъ, какъ самъ сознается, въ ту пору, когда сердце начинаетъ искать другого сердца; у него было много любящихъ и любимыхъ товарищей, но ни одного друга. Тяжелыя оковы суроваго воспитанія сжали его сердце; годы дѣтства, проведенные безъ друзей, наединѣ съ своими мечтами и думами, развили раннюю дѣтскую фантазію и мысль, не приучили его къ откровенности и непосредственности въ отношеніяхъ, чѣмъ питается дружба. Онъ остался монастыркой и въ школѣ.

На всю жизнь въ душѣ Горскаго оставило свои слѣды его домашнее воспитаніе. Религіозность и церковность, добрыя наставленія и правила, какъ основы жизни хорошей духовной семьи, привитыя прочно душѣ А. В-ча, остались неизмѣнными спутниками его до конца дней. Но изъ домашняго воспитанія онъ вынесъ замкнутость, нѣкоторую боязнь сближаться съ людьми, черту характера, которая совершенно не гармонировала съ его сердечностью, съ дѣтской простотой въ житейскихъ дѣлахъ, съ удивительной доверчивостью къ людямъ.—Воспитаніе не развило твердости характера А. В-ча. Онъ положительно боялся дѣлать выборъ въ рѣшительные моменты жизни: „своя воля, свой выборъ для меня всего опаснѣе“—писалъ разъ А. В. въ подобномъ случаѣ. Тогда управляла имъ не своя, хотя и не чужая, воля. Если въ иныхъ случаяхъ и настаивалъ онъ на своемъ, то развѣ силой пассивнаго противодѣйствія. Весьма важное значеніе въ жизни его имѣли родители, которые прожили долго (отецъ померъ въ 1857 г., мать въ 1872). Изъ писемъ отца съ нѣжными или дѣловыми приписками матери, съ шаршавыми стихотвореніями младшаго братца, можно видѣть, что А. В., ужь будучи профессоромъ, оставался покорнымъ сыномъ костромской семьи.

Случалось, что родительская власть сталкивалась съ самостоятельными стремленіями сына, и слезы матери останавливали его рѣшеніе. А. В. жаловался послѣ на раздвоеніе въ душѣ, на свое всеугодливое я, которое подчиняется всякому обстоятельству, уживается со всякимъ отвратительнымъ существомъ, существуетъ ко внѣшнему счастью. Это я, по его признанію, родилось въ немъ въ лѣта дѣтства, можетъ быть, отъ воспитанія. Обличаетъ себя въ „слабодушіи“. Здѣсь онъ разумѣетъ недостатокъ смѣлости, привычку непротивленія злу, мягкость характера, граничившую со слабостью, свою неспособность стать героемъ - исповѣдникомъ. А. В. привыкъ со всѣмъ мириться и не умѣлъ бороться. Онъ чуждъ былъ заносчиванья у имѣющихъ власть, но изъ дѣтскаго возраста вынесъ привычку непрекословнаго повиновенія начальству, которую въ годы сознательной жизни превратилъ въ принципъ. Дальше мы увидимъ, что Горскій своимъ воспитаніемъ какъ нельзя лучше былъ приспособленъ для того времени, когда проходилъ свою службу, — для времени императора Николая, графа Протасова и митрополита Филарета.

Образованіе будущаго ученаго началось въ семьѣ. Велось оно по старому. Много заставляли учить на память, не справляясь, понято ли заученное. Воспитатели Горскаго, какъ онъ говоритъ, держались того застарѣлаго правила: „учи что тебѣ дано, послѣ подумаешь о томъ, что выучилъ“. Самодѣятельности въ немъ не развивали и тяготили науками память. Самъ А. В. чувствовалъ склонность къ словесности, потому что она соотвѣтствовала его живости и давала возможность, по крайней мѣрѣ, излагать своими словами чужое. Рано обнаружились у Горскаго филологическія дарованія: при изученіи языковъ онъ не любилъ механическаго зазубриванія словъ, а больше занимался производствомъ ихъ. Старая духовная школа, слишкомъ трудная для посредственнаго ученика и потому славная своей камчаткой, не угашала, а воспитывала великія дарованія. Но для А. В-ча при школьномъ обученіи было еще одно благопріятное обстоятельство. Его отецъ, бывшій ранѣе преподавателемъ семинаріи, очень заботился объ ученіи сына и, вѣроятно, не чуждъ былъ родительскаго тщеславія видѣть его въ числѣ первыхъ учениковъ. Онъ внимательно слѣдитъ за ученіемъ А. В-ча, помогаетъ ему въ занятіяхъ, не спрашиваясь и не трогая его, исправляетъ задачи, что было неприятно и обидно самому ученику. Александра Горскаго писали между первыми въ спискѣ, и онъ былъ самымъ развитымъ ученикомъ своего времени въ Костромской семинаріи. Этимъ объясняется раннее не по возрасту поступленіе А. В-ча въ нашу

академію. Въ апрѣльскомъ засѣданіи 1828 г. правленіе Московской академіи постановило вытребовать 50 воспитанниковъ изъ семинарій московскаго и казанскаго округовъ для составленія восьмого курса,—изъ Костромской потребовали троихъ. Въ четырехъ семинаріяхъ, между прочимъ и въ Костромской, выборъ былъ порученъ ревизорамъ, посланнымъ самой академіей. Въ Кострому отправился бакалавръ академіи по кафедрѣ герминеутики іеромонахъ Аѳанасій Дроздовъ. Горскій, бывший тогда въ философскомъ отдѣленіи, былъ признанъ наиболѣе способнымъ ученикомъ и, минуя богословскіе классы, прямо посланъ въ академію—одинъ вмѣсто троихъ. Достоверное преданіе, идущее отъ Ѳ. А. Голубинскаго, рассказываетъ, что Аѳанасій выбралъ въ студенты слишкомъ молодого и не учившаго богословія Горскаго, чтобы не упустить этого человѣка для своей академіи, чтобы не перехватили его, напримѣръ, въ Питеръ. Слѣдуетъ до земли поклониться Аѳанасію за его выборъ и догадку.

Академія открываетъ своему питомцу нѣкоторый просторъ и свободу дѣятельности. Просторъ и свободу почувствовалъ и юный Горскій и... испугался ихъ. Долго не могъ онъ привыкнуть къ академіи „и здѣсь держался той нитки, конецъ которой крѣпко привязанъ былъ къ Костромѣ“. Всякій шагъ онъ размѣривалъ и всякій шагъ дѣлалъ съ робостью, хотя духовная атмосфера тогдашней академіи не отличалась значительно отъ того направленія, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, и наглядно отражала достоинства и недостатки современной духовной среды. Отецъ поручилъ его заботамъ знаменитаго земляка философа Θεодора Александровича Голубинскаго. Но, уже конечно, молоденькій студентъ не могъ имѣть въ немъ постояннаго товарища. Θεодоръ Александровичъ познакомилъ Горскаго съ студентомъ Филаретомъ Гумилевскимъ, который былъ однимъ курсомъ его старше. Но „неясныя, неопредѣленныя черты души его“ не произвели живого впечатлѣнія на А. В-ча, и онъ безъ труда оставилъ бы Филарета, если бы не рекомендація благодѣтеля. Впослѣдствіи Горскій и Филаретъ стали „хотя бы и друзьями“, но ихъ сближеніе произошло на почвѣ научныхъ симпатій. Было у А. В-ча среди студентовъ еще человѣка два-три близкихъ, но тутъ была только близость, а не дружба, къ которой онъ предъявлялъ „высшее требованіе“. Разборчивый на друзей, онъ хотѣлъ любить ихъ нѣжно и искалъ такого же чувства къ себѣ, любилъ онъ ревниво и не желалъ, чтобы его другъ былъ еще чѣмъ-нибудь другомъ. Отсюда неровность въ отношеніяхъ: съ однимъ изъ близкихъ товарищей

онъ ссорился и мирился ежедневно, а другого оставить потому, что не надѣялся его отвлечь отъ дружбы съ другими. Понятно, что не легко А. В-чу было найти друзей, и онъ не нашеть. Онъ всегда чувствовалъ одиночество, скуку, пустоту души. Одно ничтожное обстоятельство показало Горскому, что онъ никогда не найдетъ себѣ среди товарищей друга по мысли, и онъ отшатнулся отъ нихъ. Разъ вечеромъ онъ игралъ въ вистъ съ своими однокурсниками-пріятелями. Горскому не везло. Партнеры шутили и обидѣли его. Чувство обиды скоро прошло, но расположенія, близости къ этимъ товарищамъ уже не вернулось. Онъ рѣшилъ тогда жить съ самимъ собою и разорвать связи съ товарищами, — рѣшилъ и исполнилъ рѣшеніе. Съ этого момента онъ повелъ свой дневникъ, задачей котораго поставилъ самонаблюденіе во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ нравственномъ. „Нѣтъ—начинаю, пишетъ онъ, и доколѣ не узнаю своей стихіи, буду вписывать въ эту тетрадку все, что имѣло особенное вліяніе на мое сердце“. „Полнота (жизни сердца) губить меня... Я хочу ее изливать, по крайней мѣрѣ, чрезъ перо на бумагу. Бумага теперь мнѣ *вѣрный другъ*. Буквы—исторіи моего сердца; и какъ непрерывна дѣятельность послѣдняго, такъ пусть будетъ непрерывно мое очертаніе самого себя; я хочу испытывать и замѣчать себя на всѣхъ точкахъ“. Это произошло въ 1830 году, когда Горскому было всего 18 лѣтъ. Такъ одинъ изъ сердечнѣйшихъ юношей отказался отъ товарищескаго общества, живой и жизнерадостный—принялъ угрюмый видъ, скромница—онъ производилъ впечатлѣніе гордеца. Его боялись. Его угрюмость и замкнутость послужили поводомъ для обидныхъ предположеній на счетъ его товарищеской чести. По переходѣ въ богословскій классъ, т.-е. на третій курсъ, противъ своего желанія А. В. былъ сдѣланъ старшимъ на младшемъ курсѣ въ 9 №, въ угловой комнатѣ подъ квартирою инспектора. Изъ товарищей однокурсниковъ къ Горскому почти никто не ходилъ, изрѣдка приходили земляки. Онъ ни съ кѣмъ почти изъ жившихъ въ его комнатѣ студентовъ не говорилъ и всегда былъ за дѣломъ. У него, какъ у старшаго, былъ отдѣльный столикъ для занятій въ свѣтломъ углу между окнами. И когда онъ садился за этотъ столикъ, то никто изъ студентовъ не позволялъ себѣ громкихъ разговоровъ, говорили шопотомъ и не ходили по комнатѣ. Въ такихъ странныхъ отношеніяхъ къ товарищамъ стоялъ А. В. Одинокъ былъ онъ среди школьныхъ товарищей. Долго и потомъ мучительно чувствовалъ онъ свое одиночество, — недостатокъ друга, который былъ бы указателемъ во всѣхъ случаяхъ внутренней его жизни, чтобы придти къ нему отдохнуть, освѣжиться отъ пыль-

ной работы послѣ бесѣды съ „мертвыми друзьями“. Обращеніе съ людьми А. В. въ послѣдствіи непрестанной работы надъ собою совершенно измѣнилъ. Всѣ, кто его помнятъ, свидѣтельствуютъ объ его доступности, простотѣ въ обращеніи, объ его общительности и искренности: онъ относился какъ - то ко всѣмъ одинаково радушно. Т. И. Филиповъ передаетъ трогательный рассказъ о сближеніи А. В-ча съ благочестивымъ, но безграмотнымъ крестьяниномъ-сборщикомъ, который, приходя на богомолье къ Троицѣ, пользовался его гостепріимствомъ и радушіемъ. А, между тѣмъ, у него всегда оставалась сторона жизни, которую онъ таилъ даже отъ самыхъ близкихъ людей. „Я не зналъ еще человѣка, говоритъ П. С. Казанскій, который бы такъ уклонялся отъ объясненія внутренняго своего состоянія, какъ покойный А. В. Никогда онъ не только не говорилъ о внутреннихъ опытахъ духовной жизни, но и уклонялся отъ всякихъ совѣтовъ касательно духовной жизни. Вызываемый неоднократно на разговоры подобнаго рода, онъ ограничивался какими то отрывочными указаніями“. Отсюда и выходило, что не мало людей считали себя друзьями А. В-ча, а онъ всегда нуждался въ другѣ...

На почвѣ одиночества и скуки у Горскаго студента не разъ возникало желаніе принять монашество. И если-бы его родители не были такъ заботливы о своемъ сынѣ, если бы А. В-чемъ не руководилъ Ѳеодоръ Александровичъ, онъ былъ бы монахомъ. Первый разъ онъ разгорѣлся этимъ желаніемъ, когда былъ на второмъ курсѣ академіи. Тогда (19 августа 1829 г.) постригли въ монашество Димитрія Гумилевскаго, будущаго Филарета черниговскаго. Насмотрѣвшись на обрядъ „живого погребенія“, 17-ти-лѣтній мальчикъ пишетъ въ Кострому просьбу благословить и его на путь иночества. Въ отвѣтъ на это отецъ Горскаго прислалъ ему рѣшительное письмо, которымъ старался расхолодить пылкаго юношу, и отказалъ въ своемъ согласіи. Но мысль о монашествѣ долго не покидала А. В-ча. Не разъ во снѣ онъ видѣлъ себя монахомъ, а вмѣстѣ и родителей, будто бы сочувствовавшихъ его постриженію. На самомъ дѣлѣ они были всегда противъ этого. Послѣ извѣстнаго намъ разрыва съ товарищами А. В. опять сталъ снова просить домашнихъ разрѣшить ему идти въ монахи. Отецъ отвѣтилъ ему уже не такъ энергично, но не совѣтовалъ самому безъ предложенія начальства принимать монашество. Когда А. В. былъ бакалавромъ академіи 28 лѣтъ отъ роду, онъ почувствовалъ неудовлетворенность въ однихъ ученыхъ занятіяхъ, пришелъ къ мысли, что не въ нихъ только заключается цѣль жизни, и сталъ опять думать о постриженіи. Отецъ уже не настаиваетъ

на своемъ запрещеніи, зато мать съ большой энергіей, ее отличавшей, и со слезами убѣждаетъ сына отказаться отъ своего намѣренія. Совѣты отца, слезы матери и вліяніе Ѳ. А. Голубинскаго убѣдили, наконецъ, А. В-ча и спасли его для академіи, для науки. Трудно точно указать время, съ котораго В. А. пересталъ стремиться къ постриженію. Но когда впослѣдствіи м. Филаретъ не разъ предлагалъ А. В-чу монашество, обѣщая викаріатство въ Москвѣ, онъ всякій разъ отказывался: онъ представлялъ владыкѣ, что принятіе иноческаго сана отвлечетъ его отъ ученыхъ и учебныхъ занятій, которымъ желалъ онъ посвятить всю свою жизнь, удалитъ отъ любимой имъ академіи и лавры и заставитъ заниматься дѣлами, чуждыми наукѣ, то въ той, то въ другой епархіи.

Но и не принявъ монашества, А. В. жилъ какъ монахъ, по признанію самого митр. Филарета, или былъ „святѣе монаха“, какъ справедливо говорили въ обществѣ. Онъ не имѣлъ никакого расположенія къ женитьбѣ. И хотя объ этомъ мечтали и просили его родители, умолялъ передъ смертью братъ изъ далекаго Китая, хотя родители нѣкоторыхъ дѣвушекъ, а можетъ быть, и эти послѣднія, любовались представительнымъ, нѣсколько поблѣднѣвшимъ отъ науки, скромнымъ бакалавромъ, — онъ все-таки не женился, отказываясь угрюмой привычкой къ одинокой жизни, представляя, что это „тяжелое состояніе“ стѣснитъ свободу его сердца, которая „въ тишинѣ и уединеніи“, и оторветъ отъ науки. Другой монашескій обѣтъ—повиновенія едва ли исполнялъ кто въ такой степени, какъ А. В. Онъ былъ очень религіозенъ и воздерженъ: съ 25 лѣтъ не ѣлъ мяса. Одна была у него свѣтская привычка—курить дешевыя сигары, которую онъ бросилъ послѣ замѣчанія митрополита предъ поставленіемъ въ священники.

Но я забѣжалъ нѣсколько впередъ. Вернемся къ студенческимъ годамъ А. В-ча и посмотримъ на его учебныя занятія. Въ академію онъ попалъ очень рано: онъ кончилъ ея курсъ, не имѣя и 20 лѣтъ,—возрастъ, въ которомъ мы еще учимся въ семинаріи; въ семинаріи онъ не изучалъ богословскихъ наукъ, и, можетъ быть, отъ того учился въ академіи не такъ блестяще, какъ это, несомнѣнно, могъ по своимъ дарованіямъ и трудолюбію: въ списокѣ онъ значился пятымъ, четвертымъ и третьимъ студентомъ. А трудолюбіе его дѣйствительно было велико. „Онъ всегда былъ за дѣломъ“, вспоминаетъ современникъ его студенческихъ годовъ П. С. Казанскій. „Когда онъ садился“ за свой столикъ въ углу 9 номера, „то не видалъ никого“. А. В. очень дорожилъ своимъ временемъ. По крайней мѣрѣ, отецъ читалъ между строками его

писемъ, что у него и часовъ нѣтъ свободныхъ, не только что дней, и онъ сдерживаетъ ревностнаго юношу. Въ студенческіе годы опредѣлилась у А. В-ча склонность къ исторической наукѣ, которой впослѣдствіи онъ такъ славно послужилъ. Изъ профессоровъ оказалъ на него замѣтное вліяніе Терновскій-Платоновъ, который въ 1828 — 1832 годахъ читалъ гражданскую исторію. Впрочемъ А. В. усердно посѣщалъ аудиторіи и другихъ профессоровъ,—тогда студенты не лѣнились слушать. Лекціи Ѳ. А. Голубинскаго, который говорилъ ихъ неторопливо на латинскомъ языкѣ, А. В. даже записывалъ. Лучшими студенческими работами Горскаго были два сочиненія по гражданской исторіи, писанныя Терновскому. Въ академіи А. В. изучилъ хорошо три древнихъ языка, зналъ онъ и три новыхъ, хотя объясняться на нихъ не могъ.

Скоро для научной любознательности Горскаго открылось обширное поприще. Окончивъ курсъ третьимъ магистромъ (1832 г.), онъ подвергался опасности быть посланнымъ въ родимую Кострому и забытымъ въ академіи. Но при помощи Ѳ. А. Голубинскаго его устроили профессоромъ Московской семинаріи по предмету церковной и гражданской исторіи, а оттуда всего черезъ годъ, въ августѣ 1833 г., опять не безъ участія Θεодора Александровича, выбрали въ академію на кафедру церковной исторіи. Поприще открывалось обширное, и у А. В-ча было много энергіи. „Я люблю науки, писалъ онъ своему покровителю, мнѣ дорогъ кругъ просвѣщенія, меня радуетъ большая свобода ума въ высшихъ кругахъ. Силы свѣжія и бодрія требуютъ дѣятельности“. Но онъ не ушелъ въ науку всецѣло. Въ его душѣ, кромѣ страстной любознательности, всегда жила пламенная религіозность. Воспитанный по церковному, онъ былъ уставщикомъ въ академіи и съ увлеченіемъ канонаршилъ своимъ громкимъ теноромъ. Въ этой церковности не было мѣста тупому обрядовѣрью, а въ религіозности отсутствовало ханжество. Религіозность была жизнью духа А. В-ча и потому отличалась глубиною проникновенія. Съ чувствомъ восторга и умиленія онъ описываетъ дни, когда пріобщался св. Таинъ, „дни благословенія и благодати“; по обычаю древнихъ христіанъ причащался онъ въ первый день Пасхи. Любимымъ мѣстомъ его молитвы былъ Троицкій соборъ, гдѣ онъ становился обычно противъ мощей преп. Сергія, между правымъ столбомъ и стѣной. Въ великіе дни церковнаго года А. В. искалъ въ себѣ настроенія, соотвѣтствующаго святымъ воспоминаніямъ, умѣлъ „чувствовать праздникъ“ и съ замѣчательной тонкостью анализируетъ

истинно-христіанское настроеніе недѣли страстей и свѣтлаго дня. Въ страстную недѣлю (какъ извѣстно о послѣднихъ десяти годахъ его жизни) А. В. выстаивалъ длинныя службы въ Троицкомъ соборѣ. Его мысль неслась къ Галгоѣ, сердце сострадало Распятому. Свѣтлый праздникъ заставлялъ его за евангеліемъ. Не звонъ, не праздничная суета, не наслажденіе трапезой, не оживленное общество создавали и составляли чувство праздника. „Праздникъ, пишетъ онъ въ первый день Пасхи, начался только еще въ области моихъ чувствъ; духа онъ коснулся только мимолетнымъ звукомъ“. Сущность праздничнаго настроенія „въ кроткомъ наслажденіи самыми высшими плодами; праздникъ—въ глубокомъ мирѣ и радости, слышимой только для внутренняго слуха“. Въ своей жизни А. В. чувствуетъ руку Божественнаго провидѣнія и въ знаменательные дни или трудныя минуты, въ часы душевнаго разлада ищетъ указанія въ первомъ открывшемся текстѣ вѣчной книги. Его религіозности не былъ чуждъ мистицизмъ, который онъ признавалъ „самой животворной и существенной частью христіанскаго богопочитанія“. Въ этомъ, можетъ быть, сказалося вліяніе его руководителя Ѳ. А. Голубинскаго.

Ясно, что религіозная потребность въ душѣ А. В-ча была не слабѣе стремленія къ научной истинѣ. И вотъ проф. Горскій ищетъ дополненія къ своему состоянію въ духовномъ званіи—въ священствѣ или монашествѣ. Но въ монашество не пускала его родительская воля, а препятствіемъ для священства была необходимость жениться. Со временемъ это препятствіе было устранено, и А. В. сталъ священникомъ.

Въ 1859 г. митр. Филаретъ даетъ Горскому порученіе составить записку о томъ, „необходимо ли требуютъ каноническія постановленія, чтобы приходскіе священники были женаты, и на какомъ основаніи, и съ какого времени утвердился у насъ обычай рукополагать не иначе, какъ когда предназначаемый къ рукоположенію вступить въ бракъ“. Митрополитъ имѣлъ въ виду желаніе самого Горскаго сдѣлаться священникомъ, не вступая въ бракъ. Порученіе было выполнено съ обычной тщательностью и безпристрастіемъ, и выводъ справки былъ такой, что „канонически не было воспрещено рукополагать во священники и діаконы изъ безбрачныхъ; но вслѣдствіе разныхъ причинъ само собою, какъ въ Греціи, такъ и у насъ на Руси, ввелось въ обычай поставлять только вступившихъ въ бракъ“. Митрополитъ согласился съ заключеніемъ Горскаго и предложилъ ему просить о поставленіи въ священники безъ брака. Такъ въ 1860 г. (24 марта) А. В. былъ рукоположенъ во священники и

въ томъ же году получилъ званіе протоіерея. Много толковъ— за и противъ вызвало небывалое у насъ происшествіе посвященія холостого. Заинтересовались даже въ высшемъ обществѣ. Гилляръ-Платоновъ рассказываетъ характерный случай, имѣющій ближайшее отношеніе къ посвященію А. В-ча. „Покойнаго митрополита Филарета разъ спросили: „почему при посвященіи во священники или дьяконы, если то мірянинъ, требуется непременно женитьба? И почему нельзя вдоваго дьякона произвести во священники?“—Нѣтъ, можно, отвѣчалъ митрополитъ, не запрещено ни то, ни другое.—Отъ чего же вы не посвящаете?“ Ницу достойнаго, отвѣтилъ іерархъ. Предразсудокъ въ обществѣ вкоренился. Митрополитъ искалъ, чтобы переломить предразсудокъ, такое лицо, предъ которымъ бы смолкли всѣ. И онъ нашелъ. Послѣ сорокалѣтняго исканія, онъ предложилъ священную степень безженному профессору Горскому, уже извѣстному ученому и притомъ подвижнику, о которомъ, узнававшіе его нѣсколько, спрашивали только съ удивленіемъ: „Что за странность! Что жъ онъ не идетъ въ монахи, исполняя монашескіе обѣты и ведя жизнь святѣе монаха?“ Митрополитъ не обманулся: посвященіе холостого Горскаго во священники удивило въ свое время какъ новость, но никого не смутило“. По письмамъ А. В-ча можно судить, въ какое восторженное состояніе пришелъ онъ, получивъ „приближеніе къ престолу благодати“. Конечно, безприходное священство (А. В. былъ присанъ къ Архангельскому Московскому собору) не открыло ему поприща пастырскаго служенія. Впрочемъ онъ и не искалъ этого поприща: онъ отказался, на примѣръ, отъ духовничества,—отъ главнѣйшей сферы пастырскаго руководства. Онъ былъ „священникомъ для себя“. Но положеніе священника удовлетворяло его религіозной потребности и, питая чувство, содѣйствовало гармоніи духа.

А. В. Горскій былъ рѣдкая нравственная личность. Постоянное самоуглубленіе, эта вѣчная борьба съ своими иногда „неукротимыми“ мыслями, настойчивое стремленіе осуществить Евангеліе въ своей жизни,—поднимаютъ его высоко изъ ряда вонъ. Въ одномъ мѣстѣ дневника онъ перечисляетъ рядъ своихъ грѣховъ, и мы видимъ отсюда, что это былъ человекъ духа, а не плоти. А. В. обладалъ живымъ критическимъ умомъ и острымъ языкомъ. Возмущавшимъ или смѣшившимъ его людямъ и людишкамъ сильно доставалось порою отъ его насмѣшливыхъ рѣчей. Но онъ тотчасъ раскаивается въ грѣхѣ осужденія, укоряетъ себя за гордость, пустословіе, у обидѣвшагося самъ проситъ прощенія. Онъ имѣлъ живой воспламеняющійся темпераментъ, иногда не могъ

удержаться отъ гнѣвной вспышки или выраженія досады, но послѣ этого чувствуетъ „сердечное оскверненіе“. Положеніе ученаго, да еще выдающагося, развиваетъ разные виды самолюбія. Въ молодыхъ лѣтахъ, по собственному сознанію. А. В. былъ не чуждъ честолюбія, но и тогда оно не составляло его страсти, слѣпой и неразумной. Его не прельщала свѣтская карьера съ почестями и чинами. „Да и напрасная мечта, справедливо разсуждаетъ онъ, съ покойною совѣстью достигнуть порядочнаго значенія въ свѣтѣ“. Онъ не любовался самимъ собою и осуждалъ проявленія само-мечтательности, какъ и суетную любознательность и мелкое ученое тщеславіе, отъ малѣйшаго зародыша котораго чувствовалъ „потерю душевной чистоты и мира“. Такъ нашъ ученый воспиталъ въ себѣ „бездну смиренія“ и не могъ поклоняться тѣмъ божкамъ, которымъ служить ученая ординарность, не могъ удовлетвориться блескомъ своей ученой карьеры. Мало того, для душевной чистоты и мира ему недостаточно было тонкаго духовнаго наслажденія, какое дается ученымъ трудомъ. Въ трудахъ кабинета есть доля эгоизма, умственного сибаритства: А. В. отлично это чувствовалъ, въ немъ жила всегда насущная потребность дѣятельной любви.

Итакъ Горскій личность въ высшей степени цѣльная. Это былъ ученый глубоко вѣрующій, убѣжденный, что во всѣ времена все высокое въ стремленіяхъ духа человѣческаго истекаетъ изъ источника святой вѣры. Въ своемъ служеніи наукъ видитъ онъ служеніе церкви, одинъ изъ видовъ духовнаго званія. Это былъ искренно религіозный и просвѣщенно-религіозный человѣкъ, который писалъ одинъ разъ м. Филарету: „стыдѣніе лица той наукъ, которая хочетъ защищать истину ложью“. Эта была, наконецъ, рѣдкая нравственная личность. Поставленный въ положеніе, неудобное для проявленій дѣятельной любви, А. В. вноситъ христіанскую добродѣтель въ дѣло науки и научнаго руководительства. Кратко сказать, А. В. Горскій былъ представитель религіозной науки, просвѣщенной религіозности и высоко-нравственной учености.

Горскій преподавалъ въ академіи 30 лѣтъ церковную исторію и 12 послѣднихъ догматическое богословіе. Тогдашняя кафедра церковной исторіи, по крайней мѣрѣ, въ первые годы службы А. В.-ча обнимала цѣлый рядъ наукъ: библейскую исторію, исторію древней и византійской церкви, русскую церковную исторію и исторію западныхъ исповѣданій, т. - е. пять теперешнихъ кафедръ. А. В. былъ профессоръ въ высшей степени добросовѣ-

стный—не опускалъ ни одного важнаго отдѣла изъ своего необъятнаго предмета, какъ объ этомъ свидѣтельствуя оставшіяся послѣ него записки. И это обстоятельство вмѣстѣ съ необычайной любознательностью А. В-ча содѣйствовало его всесторонней историко-богословской учености. Англійскій путешественникъ Стэнли былъ удивленъ его глубокими познаніями относительно англійскаго исповѣданія. А одного студента изъ свѣтскихъ А. В. руководилъ въ изученіи исторіи магометанства. Нелегко далась ему громадная ученость; да вѣдь это и предразсудокъ, будто можно сдѣлать что-нибудь въ наукѣ безъ большого труда, одними дарованіями. Сдѣлавшись бакалавромъ академіи всего 21 года, Горскій отдался неустаннымъ трудамъ. Онъ рѣдко ѣздилъ въ Кострому, не смотря на зовъ и мольбы родителей, даже, случилось, не писалъ имъ по мѣсяцу. Дома безпокоились, собирали свѣдѣнія о здоровьи сына на сторонѣ. А выдашіе въ то время А. В-ча не скрывали, что онъ безъ мѣры и безъ пощады жертвовалъ собою академическимъ трудамъ, удивлялись его безцвѣтности, худобѣ и 25-ти-лѣтней старости. 24-хъ лѣтъ А. В. Горскій былъ экстраординарнымъ профессоромъ (въ январѣ 1837 г.), а черезъ два года ординарнымъ. Скоро почувствовалось, какая громадная созидающая сила А. В. Горскій. Филаретъ Гумилевскій разъ писалъ къ нему. „На тебѣ важная лежитъ отвѣтственность за направленіе цѣлой академіи. Твое вліяніе должно быть сильнѣе всѣхъ, потому что ты сильнѣе всѣхъ до одного изъ насъ (я никому не люблю льстить, а тебѣ и нѣтъ нужды)“. Но Горскій работалъ неумоимо не только въ первые, для всѣхъ трудные, годы профессорства. Онъ скоро овладѣлъ науками въ мѣрѣ даже болѣе чѣмъ достаточной для академическаго преподаванія; рано пришла къ ученому извѣстность, а за нею слава, но онъ не почилъ на лаврахъ. Когда А. В. ужъ былъ старцемъ-ректоромъ, половину ректорской квартиры онъ обратилъ въ библіотеку съ разными отдѣленіями и вѣчно читалъ. Его день былъ строго распредѣленъ для занятій и, можно сказать, свѣтильникъ его не угасалъ ночью. Это—выразимся словами самого А. В-ча—„труженикъ просвѣщенія праздновалъ всеобщное бдѣніе въ честь истины“.

Научныя заслуги А. В. Горскаго не нашли до сихъ поръ надлежащей оцѣнки; да и сдѣлать это болѣе чѣмъ трудно. Этотъ „великанъ учености“, какъ его назвали по смерти, не оставилъ послѣ себя многотомнаго собранія сочиненій; а вмѣсто того четыре десятка статей, разсѣянныхъ по журналамъ, что для 42-хъ-лѣтняго профессорства совсѣмъ немного. Нѣтъ у него работъ, о ко-

торыхъ бы зналъ всякій образованный человѣкъ. Не сдѣлалъ онъ и подобныхъ, всѣмъ бы извѣстныхъ, открытій. Памятникомъ его поразительной учености служитъ Описание рукописей Синодальной Библіотеки, но этотъ трудъ онъ раздѣлялъ съ другимъ лицомъ, и нелегко доискаться, что въ немъ принадлежитъ Горскому и что Невоструеву. Въ его бумагахъ остались курсы по разнымъ наукамъ, которыя онъ преподавалъ. Но это не отдѣльные труды, а просто уроки, „въ которыхъ въ сжатомъ видѣ передаются главные научные результаты, впрочемъ добытые большею частію его самостоятельнымъ трудомъ“. Свою ученость А. В. сѣялъ, предоставляя собирать другимъ. Критическія замѣтки на поляхъ нашихъ академическихъ книгъ и рукописей, параллельныя цитаты, соображенія филологическаго характера,—вотъ сокровища его учености, подбираемые, но никѣмъ еще не подобранныя. Онъ безкорыстно дѣлился своими познаніями съ другими нуждающимися, начиная отъ студента, кончая академикомъ. Но разсѣяннаго не соберешь. Такую ученость не оцѣнишь даже и приблизительно. Горскій—великій ученый, который навсегда останется подъ спудомъ.

Въ этомъ въ значительной степени было повинно время, въ которое жилъ А. В. Тогда правилъ Московской паствою и пекся объ академіи митр. Филаретъ. Близость Филарета къ академіи сообщала напряженность ея мысли и большій порядокъ жизни, но, несомнѣнно, отъ нея страдала свобода научнаго изслѣдованія, а А. В-чу пришлось пострадать, можетъ быть, больше другихъ. Безпримѣрный умъ Филарета былъ все-таки умомъ своего времени, своего воспитанія. Говорятъ, это былъ единственный геній богословія, уродившійся на Руси. Но,—пусть не сочтутъ мои слова дерзостью или выходкой противъ памяти великаго человѣка,—митр. Филаретъ не зналъ исторіи, ея новыхъ методовъ и задачъ. Нѣсколько страницъ изъ дневника Горскаго, описывающихъ Филарета на его экзаменѣ, лучше всего подтверждаютъ это. Къ экзамену была представлена исторія „распространенія и угнетенія христіанства послѣ апостоловъ до Константина“. Когда отвѣчали о препятствіяхъ къ его распространенію и съ самаго начала указывали на разнообразное направленіе духа имперіи и духа христіанскаго общества, Филаретъ началъ свои замѣчанія. „Что такое духъ? Могли ли вы сами объять и изслѣдовать духъ христіанства? обращается онъ къ профессору. Могли ли вмѣстить это головы вашихъ студентовъ? Нынѣ странное направленіе въ исторіи. Смотрятъ на человѣчество, какъ на одного человѣка, и усвояютъ ему то то, то другое общес направленіе. Прекрасный

взглядъ на исторію Боссюэтовъ“. Но историческія возрѣнія Боссюэта были отсталыми и въ свое время, въ концѣ XVII стол. Это смѣлая попытка унизить исторію до степени простой послушницы теологіи. Одинъ только факторъ онъ признаетъ въ исторіи: волю Провидѣнія, управляющаго царствами и сердцами людей. „Впослѣдствіи, продолжаетъ Филаретъ, другимъ не захотѣлось все сводить къ христіанству; они выдумали каждому вѣку своихъ представителей, каждому народу свою идею. Все это пустяки!“ Въ изложеніи причинъ гоненій митрополиту не понравилось, что они оправдывались законами римской имперіи и потому были какъ-бы законнымъ дѣломъ. Онъ признавалъ одну только причину ихъ—религіозную, языческое суевѣріе. „Вотъ вы, кажется, главное то и упустили. Слона то и не примѣтили. Главною причиною... было языческое суевѣріе. А вы объ немъ ни слова“. Но оказалось, что въ курсѣ А. В-ча была указана и религіозная причина, только поставлена на третьемъ мѣстѣ. Слушая о томъ, какъ вліяла философія на образъ мыслей о христіанахъ, Филаретъ замѣтилъ. „Все теоріи. Вы говорите о сектахъ, а о святыхъ мученикахъ говорить не будете?“ Но въ концѣ экзамена услышалъ о знаменитыхъ мученикахъ.—Какія чувства испытывалъ послѣ экзамена профессоръ церковной исторіи, онъ не передалъ въ своемъ дневникѣ ни единымъ словомъ. Измѣнилъ ли онъ этотъ отдѣлъ къ слѣдующему году, къ сожалѣнію, мы не знаемъ. Знаемъ только, что метода Неандера онъ не перемѣнилъ на Боссюэтовъ.

Строга была цензура надъ академическими лекціями, но еще строже надъ печатными работами наставниковъ. У А. В-ча есть такое сообщеніе въ дневникѣ. Ректоръ академіи Филаретъ Гумилевскій, воротившись отъ митрополита, рассказывалъ о своей бесѣдѣ съ нимъ и жалобу владыки на недостатокъ у насъ духовныхъ сочиненій: „ученые духовные,—говорилъ онъ,—ничего не пишутъ“. „Да какъ и писать? замѣчаетъ отъ себя А. В. Что ни будетъ написано со стараніемъ раскрыть новую сторону въ предметѣ,—все это покажется ересью. Вотъ, на примѣръ, ересь: мысль о развитіи догматовъ“. И въ дальнѣйшихъ рѣчахъ излагаетъ свой взглядъ на этотъ коренной вопросъ богословской и церковно-исторической науки,—взглядъ вполне ортодоксальный. Филаретъ и Горскій были люди разныхъ эпохъ, несродныхъ возрѣній на Христову истину. Филаретъ былъ догматистъ—христіанство онъ считалъ неподвижной и всегда себѣ равной доктриной и въ самомъ себѣ и въ сознаніи человѣчества. Горскій былъ церковный историкъ. Твердо и православно вѣруя, онъ

допускалъ нѣкоторое развитіе христіанской догмы въ сознаніи церкви. И онъ былъ поставленъ въ невозможность раскрывать новыя стороны въ этомъ главнѣйшемъ вопросѣ своей науки. Но А. В. привыкъ подчиняться еще съ дѣтства, Филаретъ сталъ для него на мѣсто родителей. Впрочемъ, было бы несправедливостью сказать, что А. В. преклонялся только предъ внѣшней силой Филарета—предъ его властью, несомнѣнно, онъ благоговѣлъ предъ умомъ Московскаго святителя и въ его глубокомъ богословствованіи находилъ оправданіе своихъ собственныхъ строго православныхъ воззрѣній.

Помнящіе то время люди передаютъ, что никто въ академіи не понималъ такъ хорошо научно-богословскихъ требованій Филарета, какъ А. В. Горскій. Митрополиту ежегодно представляли лучшія магистерскія сочиненія студентовъ, представляли послѣ передѣлки преподавателями, и ничьи сочиненія не проходили такъ благополучно, какъ побывавшія у А. В-ча. Ученый въ такомъ положеніи становится или мученикомъ научной идеи или ея измѣнникомъ. Но А. В. не погибъ, потому что не былъ героемъ; онъ не былъ измѣнникомъ и не продалъ своего пера. Онъ только скрывалъ порой свои открытія и мало писалъ, а если и писалъ, то почти безъ обобщеній, безъ выводовъ, которые бы открывали его научные взгляды, затрогивающіе систему церковнаго вѣроученія и господствующія вѣроисповѣдныя понятія. Можетъ быть, въ этомъ сказала прежде всего особенность природныхъ дарованій ученаго — превосходство аналитической способности надъ синтезомъ, но, несомнѣнно, не остались безъ вліянія и обстоятельства, при которыхъ онъ работалъ. Не по скромности только, но и для безопасности А. В. обычно не подписывалъ своихъ статей.—Вотъ почему онъ не сказалъ своего слова, и не сдѣлалъ переворота въ наукѣ, а памятникомъ своей колоссальной учености оставилъ черную работу, нужную только спеціалистамъ—Описаніе рукописей Синодальной Библіотеки.

Любопытно прослѣдить личныя отношенія митр. Филарета къ А. В. Горскому. Митрополитъ выдѣлялъ его изъ остальной академической братіи и порой писалъ ему. Онъ встрѣчался съ Горскимъ, какъ самъ свидѣтельствуется, чаще, чѣмъ съ другими, т.-е. чаще приглашалъ его къ себѣ. Ученые подвиги и заслуги А. В-ча, его религіозность и нравственная чистота жизни нашли справедливую оцѣнку со стороны взыскательнаго начальника въ быстромъ повышеніи А. В-ча по службѣ, а особенно въ письмахъ къ оберъ-прокурорамъ по поводу разныхъ наградъ ему. Московскій владыка, не щедрый на заслуженныя похвалы и очень строгій къ

проступкамъ подчиненныхъ, рѣдко, гораздо рѣже, чѣмъ другимъ, дѣлалъ выговоры А. В-чу, — и это отъ того, что не было болѣе послушнаго и исполнительнаго человѣка въ академіи, чѣмъ проф. Горскій. Вѣря не только въ его познанія въ церковныхъ догматахъ и законоположеніяхъ, но и въ духовное направленіе образа мыслей, Филаретъ довѣрялъ ему такое важное и небезопасное для церкви съ его точки зрѣнія дѣло, какъ описаніе Синодальной бібліотеки.

Но едва ли митр. Филаретъ былъ привязанъ къ А. В-чу сердцемъ, по крайней мѣрѣ, онъ не могъ простить ему одного обстоятельства—именно отказа отъ монашества, того единственнаго пункта, гдѣ властный характеръ святителя сталкивался съ пассивнымъ противодѣйствіемъ ученаго. Не смотря на то, что митрополитъ хорошо зналъ и уважалъ мотивы отказа, онъ хотѣлъ настоять на своемъ. Поставивъ А. В-ча ректоромъ, Филаретъ послалъ ему письмо. Въ печати оно занимаетъ восемь неполныхъ строкъ, а въ немъ три раза повторено слово „послушаніе“. Скоро чрезъ другихъ А. В-чу было предложено принять монашество. Тотъ поколебался въ своемъ отказѣ, обратился къ Евангелію и ему открылся текстъ, поддержавшій его прежнее рѣшеніе: „аще кто хочетъ старѣй быти, да будетъ всѣхъ меньшій и всѣмъ слуга“. Велѣніе Божіе онъ предпочелъ волѣ святителя. Потомъ случилось, что въ ректорство А. В-ча (1866 г.) кончили курсъ два вдовыхъ священника и не постриглись въ монахи. Митр. Филаретъ усмотрѣлъ въ этомъ, и несправедливо, антимонашеское вліяніе новаго ректора и сталъ даже раскаиваться въ назначеніи А. В-ча. Въ 1866 г. Филаретъ, получивъ отъ св. Синода распоряженіе ревизовать академію, поручилъ произвести ревизію преосв. Саввѣ во время экзаменовъ. Возвратившись съ экзаменовъ, тотъ донесъ, между прочимъ, что студенты неудовлетворительно отвѣчали по догматикѣ, которую читалъ А. В.,—не было подходящаго руководства для подготовки. Филаретъ и самъ былъ потомъ въ академіи на публичномъ экзаменѣ и слушалъ отвѣты по догматическому богословію, но заставилъ преосв. Савву изложить свои сужденія на бумагѣ и его отчетъ вмѣстѣ съ своими нелестными для Горскаго замѣчаніями послалъ въ св. Синодъ. Тамъ были изумлены отзывомъ митр. Филарета о Московской академіи, которую онъ въ прежніе годы всегда превозносилъ. Послѣ этого было предложено сдѣлать строгій выговоръ протоіерею Горскому, но затѣмъ ограничились только внушеніемъ относительно преподаванія догматическаго богословія. Разсказываютъ, что это не единственный случай въ такомъ родѣ.

Въ связи съ близостью А. В. Горскаго къ митр. Филарету стоитъ то обстоятельство, что ему много привелось работать по порученіямъ особенно со стороны Филарета. Довѣря академической наукѣ, тогда охотно заваливали порученіями наиболѣе выдающихся людей въ академіяхъ. И вотъ А. В. то участвуетъ въ переводѣ Священнаго Писанія на русскій языкъ, то составляетъ историческое описаніе Троицкой лавры, то разбираетъ одинъ запущенный архивъ, пишетъ замѣчанія на проектъ университетскихъ уставовъ, о синайскомъ кодексѣ противъ Порфирія Успенскаго, наводитъ научныя справки и пишетъ изслѣдованіе по щекотливому вопросу о монашествѣ епископовъ. Въ 1860 г. А. В. былъ посланъ въ Петербургъ для работъ въ комитетъ по преобразованію духовныхъ училищъ и, когда отказывался ѣхать и указывалъ на В. Д. Кудрявцева, митрополитъ замѣтилъ: „онъ молодъ; тебя, можетъ быть, лучше послушаются“. Въ 1869 г. ужъ по порученію митр. Иннокентія А. В. снова былъ въ Петербургѣ на юбилеѣ университета и жалѣлъ, что „приходится бездѣльничать“. Митр. Филаретъ шлетъ къ нему свою рѣчь о митр. Алексіѣ, чтобы тотъ просмотрѣлъ ее въ исторической части. Во время законодательныхъ работъ о земскихъ учрежденіяхъ у Филарета спросили его мнѣнія, а онъ поручаетъ проф. Горскому навести справки о земскихъ соборахъ въ древней Руси. Знаменитый святитель обращался къ А. В-чу и въ важныхъ и въ неважныхъ случаяхъ своихъ недоуменій. Т. И. Филиповъ свидѣтельствуется, какъ объ обстоятельстве хорошо ему извѣстномъ, что во многихъ важнѣйшихъ вопросахъ церковнаго управленія, въ которыхъ св. Синодъ требовалъ отъ московскаго владыки совѣта, онъ самъ искалъ совѣта и ученыхъ указаній А. В. Горскаго и въ нихъ находилъ твердую научнообразную опору для своихъ правительственныхъ соображеній. Но разъ митрополиту захотѣлось знать— „какія наиболѣе знаменитыя лица между архіереями были у насъ изъ причетниковъ“, и А. В-чу пришлось разыскивать такихъ архіереевъ. Пробившись долго за скучнымъ и безплоднымъ дѣломъ разборки архива, онъ возропталъ, потому что былъ отвлеченъ отъ собственныхъ плановъ и предначертаній, но потомъ раскаялся и упрекаетъ „свою мятежную волю и кичливый разумъ“ за противорѣчіе обязанностямъ, сколько бы ни казались эти послѣднія ниже первыхъ. Но порученія научнаго характера увлекали А. В-ча, и онъ исполнялъ ихъ съ образцовой тщательностью. Значительная часть его печатныхъ трудовъ возникла благодаря порученіямъ. Не забудемъ и того, что Описаніе рукописей Синодальной бібліотеки онъ составлялъ по порученію митр. Филарета.

Лекціи А. В. Горскаго отличались новостью матеріала, строгостью метода и окрашивались оттѣнкомъ религіознаго одушевленія: мѣстами онѣ приближались къ произведеніямъ церковнаго краснорѣчія. Его лекціи въ первые двадцать лѣтъ профессорства нравились слушателямъ, особенно чтенія по евангельской исторіи. Нѣкоторые изъ его учениковъ и послѣ окончанія академіи хранили свои записки и читали, чтобы „возбудить и разогрѣть религіозное чувство“. Въ половинѣ пятидесятихъ годовъ пришло другое время, явились новыя требованія, а А. В. оставался при прежнихъ приѣмахъ лекторства. И съ этого времени въ его аудиторіи никогда не было тѣсно: въ его лекціяхъ стали видѣть „элементъ слащавости и недостатокъ критики“. Да, видѣли недостатокъ критики у Горскаго, у котораго научному методу учатся ученые... Одинъ изъ тогдашнихъ студентовъ (П. И. Горскій) сознавался, что къ лекціямъ А. В-ча относились „легкомысленно“. Не смотря на громкій голосъ лектора, который еще усиливался въ наиболѣе одушевленныхъ мѣстахъ, ухитрялись его не слушать, занимаясь своей работой, газетой или романомъ. На репетиціи, которую онъ разъ задумалъ произвести, самый исправный и внимательный его слушатель почти ничего не отвѣтилъ. Это огорчало впечатлительнаго А. В-ча. Онъ предлагалъ слушателямъ останавливать его вопросами или класть записочку съ вопросомъ на кафедру. Но вопросовъ не послѣдовало. А между тѣмъ было что послушать въ лекціяхъ проф. Горскаго.

Покойный А. П. Лебедевъ изучалъ рукописные курсы и конспекты А. В-ча по исторіи древней церкви, которую тотъ читалъ долѣе другихъ наукъ, и пришелъ къ слѣдующимъ сужденіямъ о Горскомъ, какъ церковномъ историкѣ. Онъ не имѣетъ у насъ предшественниковъ, если не считать составителей учебниковъ. А. В. первый на Руси ученый въ этой важной наукѣ. Методъ его работы вполне научный. Онъ былъ убѣжденъ, что церковная исторія, какъ наука, подлежитъ общимъ законамъ исторической истины и должна пользоваться одними достовѣрными источниками. Но церковная исторія—не сборникъ только фактовъ, мертвыхъ и сухихъ, она наука, которая, собирая ихъ, должна проникать во внутреннюю ихъ связь, извлекать идеи факта изъ самаго факта. Каждый отдѣлъ церковной жизни въ извѣстную эпоху долженъ излагаться такимъ образомъ, чтобы данныя раскрывались во внутренней связи между собой, такъ чтобы цѣлое представляло собою по возможности одно живое органическое развитіе началъ, находившихся внутри обозрѣваемой части церковной жизни. Слѣдовательно, Горскій былъ серьезный историкъ по своимъ научнымъ

планамъ. На свой предметъ онъ держался самага возвышеннаго взгляда:—церковная исторія представляетъ Бога въ самомъ ближайшемъ отношеніи къ человѣчеству. Въ частности, главнѣйшія стороны церковно-исторической жизни ученый разсматриваетъ, какъ обнаруженіе христіанской жизни подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ св. Троицы: обнаруженіе каждаго Лица въ извѣстной группѣ фактовъ, составляющихъ въ общемъ все содержаніе науки церковной исторіи. Въ распространеніи христіанства, твердости мучениковъ во время гоненій, апологетической дѣятельности церкви, направленной ко вразумленію язычества, не хотѣвшаго признать величіе христіанства, Горскій примѣчалъ вліяніе Перваго Лица св. Троицы, призывающаго человѣчество въ нѣдра церкви. Другія группы церковно-историческихъ явленій, касающихся внутренняго развитія и благоустройства церкви, А. В. поставляетъ подъ особенное дѣйствіе Второго Лица св. Троицы Сына Божія, Христа. Сюда относитъ онъ исторію церковнаго ученія, богослуженія и іерархіи. Область Духа Святого въ исторіи церкви, по воззрѣнію ученаго, состоитъ въ направленіи всей жизни христіанской къ практическому осуществленію идеала добра и истины. Подъ особенымъ Его водительство находятся учрежденія, касающіяся жизни христіанской, напр., монашество. Эта богословская метафизика являлась слѣдствіемъ высокой религіозности А. В-ча. Но она ровно ничему не мѣшала: не превращала его курса въ благочестивыя размышленія. Мы видѣли, что Горскій признавалъ „развитіе догматики“. Къ западной наукѣ онъ относился съ уваженіемъ, но самостоятельно. „Знакомство съ современными мнѣніями нѣмецкихъ ученыхъ (по Священному Писанію), хотя часто совершенно ложными, представляется необходимымъ для академическаго преподавателя“, заявлялъ А. В. въ одномъ докладѣ митр. Филарету. Здѣсь онъ совѣтовалъ слѣдовать апостолскому правилу: „вся искушающе, добрая держите“,—„искушающе“, объясняетъ онъ, „т.-е. обращаясь къ первоначальнымъ источникамъ“. При своей религіозности А. В. отличался очень широкимъ научнымъ кругозоромъ съ первыхъ лѣтъ профессорства. Въ письмахъ къ Филарету Гумилевскому онъ сравниваетъ два пути—два метода богословской науки: *путь всеиспытанія и путь всевѣрія*. Первый признаетъ своимъ путемъ, а въ пути всевѣрія (вѣры во всѣ преданія) онъ не видитъ совершеннаго единства. Филаретъ, еще ранѣе по одной проповѣди А. В-ча почувствовавшій въ немъ духъ, чуждый церкви, вліяніе раціоналистическаго болота, или крѣпко запущенныя когти нѣмецкаго волка, совѣтуетъ ему *слѣпо* держаться преданій церкви и перемѣнить методъ. Но напрасно

опасался Филаретъ за православіе своего ученаго друга. Онъ держалъ доброе „искушающе“. Изъ западныхъ историковъ Горскій больше всѣхъ цѣнилъ Неандера, любилъ его и изучалъ, и вліяніе этого ученаго сказалось на лекціяхъ А. В-ча. Но здѣсь не было рабскаго слѣдованія, потому что Горскій былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ древней христіанской и византійской письменности, былъ полнымъ хозяиномъ предмета. Въ иныхъ случаяхъ онъ является апологетомъ христіанской истины и дорогихъ ему вѣрованій противъ протестантскихъ ученыхъ, напр., противъ Баура, защищаетъ лицо Константина Великаго. Тѣ вопросы, которые рѣшаются въ наукѣ неодинаково, А. В. подвергаетъ всесторонней и безпристрастной критикѣ; иногда, изложивъ разные взгляды, предлагаетъ слушателямъ самимъ выбирать между ними, приводя только соображенія—за и противъ, иногда самъ рѣшаетъ затрудненія. Наука церковной исторіи очень обширна, и А. В. долженъ былъ выбирать для лекцій только нѣкоторыя изъ нея части. Выбиралъ онъ самое существенное, главное и выбранное обрабатывалъ съ тщательностью и трудолюбіемъ. Несомнѣнно, А. В. былъ способенъ къ прагматизму, къ построенію системы науки. Но въ своихъ трудахъ онъ принадлежалъ къ историкамъ объективнаго направленія, старался какъ можно тщательнѣе изложить факты, не давая своего истолкованія и объясненія. Очень поучительны тѣ требованія, какія предъявлялъ профессоръ къ своимъ слушателямъ. Онъ желалъ, 1) чтобы учащійся зналъ сущность науки, 2) источники, изъ которыхъ должно почерпать свѣдѣнія, и 3) правильный методъ. Съ этимъ нельзя не согласиться и прибавить къ этому нечего.

Не менѣе, а можетъ быть болѣе, чѣмъ для исторіи древней церкви, А. В. сдѣлалъ для молодой тогда науки Исторіи русской церкви. Заслуга его здѣсь также не оцѣнена, и курсы лекцій лежатъ въ рукописяхъ въ нашей библіотекѣ и въ одной изъ библіотекъ Румянцевскаго музея. Съ ними ознакомился нашъ извѣстный ученый покойный Н. С. Тихонравовъ, и мы приведемъ нѣкоторыя его замѣчанія объ этихъ курсахъ Горскаго. Когда А. В. начиналъ свои чтенія, живой интересъ возбудила въ литературѣ книга Полевого „Исторія русскаго народа“. Видимо, она увлекала молодого профессора, и въ первомъ его курсѣ встрѣчаются постоянныя ссылки на Полевого. Но Горскій былъ скоро въ силахъ оцѣнить поспѣшные выводы этого автора. Помогло этому вліяніе Филарета Гумилевскаго, сначала инспектора (съ 1833 г.) потомъ ректора (1835—1841 гг.) нашей академіи: онъ возбудилъ въ А. В-чѣ интересъ къ изученію рукописей академіи

и Троицкой лавры, поставилъ его на самостоятельную дорогу. Задача курса А. В-ча была широка и трудна. Онъ слѣдилъ за постепеннымъ раскрытіемъ христіанскаго ученія: „какъ ученіе прежде распространялось, какъ прилагалось къ уму, какъ раскрывалось и въ чемъ обнаруживало свое дѣйствіе“. Онъ прямо обращается къ внутренней исторіи русской церкви, когда и внѣшняя-то ея исторія была далеко не разработана. Чтобы рѣшить этотъ сложный вопросъ, ученый сосредоточиваетъ свое вниманіе на проводникѣ христіанскихъ идей въ языческую массу русскаго славянства—на литературѣ и проповѣди. Но проповѣдь и въ Византіи того времени была слишкомъ искусственна, переводная литература недоступна; истинной драгоцѣнностью оставался одинъ переводъ св. Писанія. При этомъ единственномъ проводникѣ Христовой истины въ народъ ея усвоеніе было слабо не только въ до-монгольской періодъ, но и позднѣе. Недостатокъ просвѣщенія на Руси вызвалъ въ церкви расколъ. Объясняя исторію раскола, ученый умѣетъ сохранить историческую правду во всей чистотѣ, не поступаясь ею для предвзятыхъ воззрѣній. Онъ осторожный историкъ; онъ комментируетъ историческій фактъ, а не обличаетъ старообрядцевъ и сожалеетъ, что въ полемикѣ „на помощь истинѣ призывается явный подлогъ“. Въ древнихъ памятникахъ церковной литературы А. В. указывалъ слѣды двойного аллилуія и двуперстія. Съ другой стороны въ никоновскомъ исправленіи книгъ онъ находилъ недостатки—утрату смысла при близости перевода. Въ угоду полемическимъ цѣлямъ онъ не прибѣгалъ къ софистикѣ. Многіе думали, что Стоглавъ не имѣлъ officialнаго значенія; А. В. отвергаетъ это антиисторическое мнѣніе.

Главное достоинство его историческимъ монографіямъ, которыя изданы, придаетъ то обстоятельство, что авторъ работалъ по рукописнымъ источникамъ и руководился научнымъ методомъ, который имъ усвоенъ у западныхъ ученыхъ. Изученіе русской церковной исторіи опиралось у А. В-ча, къ тому же, на широкое и близкое знакомство съ исторіей древней и византійской церкви, на знакомство съ источниками этой науки. Если отечественные памятники не представляли ему указанія на отдаленные факты церковной исторіи, онъ обращается къ церкви Константинопольской и тамъ находитъ объясненіе. Памятники русскіе, наоборотъ, объясняли ему темные вопросы въ исторіи Константинопольскаго патріархата. Такимъ методомъ сравнительнаго изученія для русской церковной исторіи воспользовался лучшей ученикъ Горскаго Е. Е. Голубинскій. При своихъ работахъ А. В.

пользовался цѣлымъ рядомъ вспомогательныхъ наукъ. Вотъ почему его работы носятъ печать рѣдкой самостоятельности и долговѣчности въ наукѣ. Многіе его статьи по русской церковной исторіи были открытіями великой важности. Кромѣ паннонскихъ житій назовемъ: открытіе свидѣтельства о походѣ руссовъ на Амастриду, доказательство подлинности посланія митр. Леонтія „объ опрѣснокахъ“, которое Карамзинъ относилъ къ концу XIV в., знаменитое слово митр. Иларіона. Горскій открылъ посланіе къ Василію, архимандриту печерскому XII стол., письмо „о нелюбкахъ“ между заволжцами и іосифлянами. Превосходно изданы и изучены имъ древнія слова на четырехдесятницу. Эти открытія, говоритъ Тихонравовъ, не были случайными находками—„это критическое завоеваніе великой ученой силы“. И остальные статьи А. В-ча, какъ основанныя на рукописныхъ данныхъ, все-сторонне изученныхъ и осторожно подобранныхъ, являлись въ свое время открытіями и признаются образцовыми до сихъ поръ, на примѣръ, его біографіи древнихъ московскихъ митрополитовъ, писанныя по порученію митр. Филарета, его статья о сношеніяхъ русской церкви съ святогорскими обителями до XVIII стол. Русская церковная исторія составляла для А. В-ча, какъ самъ онъ свидѣтельствуеть, „главный предметъ изученія—по обязанности и по любви“. Но, какъ сказано выше, эта наука была тогда очень молодая, и А. В. сознавалъ, что время построенія научной системы для нея еще не наступило. Въ то время, когда готовилась къ выходу въ свѣтъ Исторія Филарета, А. В. занимался жизнеописаніями московскихъ митрополитовъ, стараясь установить точно факты и истинное значеніе каждаго изъ нихъ. „Вотъ цѣль, говоритъ онъ, къ которой стремлюсь въ своихъ разысканіяхъ, не пускаясь въ общія обзрѣнія, которыя должны опредѣлиться сами собою по окончаніи предварительной работы“. Всякое открытіе русскихъ источниковъ одушевляло А. В-ча. „Радуясь отъ всей души вашимъ открытіямъ, обращается онъ къ Погодину. Дорожу каждой строкою оныхъ. Видно, въ нѣдрахъ земли русской хранится не одинъ самородокъ золота“. Послѣ открытія Филаретомъ Гумилевскимъ словъ Серапіона Владимірскаго (XIII ст.) Горскій писалъ Погодину. „Слова святыхъ, какъ мощи, въ свое время являются и чрезъ избранныхъ людей являются“.

Свои занятія рукописями А. В. началъ въ академической и лаврской бібліотекахъ. Но всего больше сдѣлалъ онъ открытій для русской и славянской исторіи въ Московской Синодальной бібліотекѣ, надъ описаніемъ которой работалъ въ продолженіе 13 лѣтъ (съ 1849 по 1862 г.). Раньше стали описываться грече-

скія рукописи бібліотеки иностранными учеными (Скіадою, проф. Маттеи). Главнѣйшее богатство — рукописи славяно-русскія были почти недоступны. Попытки описать ихъ возникли съ начала прошлаго столѣтія—Калайдовичемъ (въ 1825 г.), Ундольскимъ (въ 1847 г.). Но эти не выполненныя работы были предприняты не по тому широкому плану, какъ впоследствии описывалъ А. В. съ своимъ сотрудникомъ. Ужъ во время работъ его (въ 1858 г.) архим. Савва (впоследствии архіеп. тверской) не безъ помощи А. В-ча составилъ указатель ко всей бібліотекѣ. Но это только указатель рукописей, а не описаніе ихъ. Мысль о порученіи описи Синодальной бібліотеки А. В. Горскому принадлежитъ митр. Филарету, который былъ встревоженъ намѣреніемъ свѣтскихъ писателей (Ундольскаго и Погодина) напечатать описаніе бібліотеки, а также жалобами на ея недоступность. „Свѣтскіе писатели, пишутъ митрополитъ въ донесеніи св. Синоду, уже напечатали обвиненіе въ томъ, что Синодальная бібліотека не довольно известна и не довольно открыта“. Но Филаретъ держался своего взгляда на драгоцѣнное книгохранилище. „Невѣрное или неосмотрительное употребленіе древнихъ рукописей, относящихся до церковныхъ догматовъ, церковнаго законодательства, ученія и церковной исторіи можетъ произвести соблазнъ и дать пищу лжеученіямъ. Посему для всякаго приходящаго отворять дверь въ церковную бібліотеку не такъ удобно, какъ въ свѣтскую“. Поэтому, описаніе „должно быть составляемо подъ ближайшимъ надзоромъ духовнаго начальства, людьми, свѣдующими въ церковныхъ догматахъ и законоположеніяхъ“. Къ тому же церковный взглядъ откроетъ и внесетъ новыя черты, полезныя для церковной учености. Филаретъ искалъ между прочимъ въ древнихъ рукописяхъ данныхъ для обличенія „неправыхъ мнѣній, разномыслящихъ съ православною церковію“. И это важное дѣло святитель поручаетъ А. В. Горскому. Свою волю митрополитъ высказалъ въ письмѣ тогдашнему ректору академіи Алексѣю Ржаницыну (въ маѣ 1849 года). Предложеніе застало А. В-ча уже во всеоружіи учености, подготовленнымъ къ работѣ такого рода. Посовѣтовавшись съ ректоромъ, онъ взялся выполнять порученіе. А. В-чу предоставлено было право выбрать себѣ сотрудника, и онъ выбралъ Капитона Ивановича Невоструева, профессора симбирской семинаріи по Священному Писанію, магистра XII курса нашей академіи. Невоструевъ отказывался первоначально своею неподготовленностью къ работѣ и слабостью зрѣнія. А. В. его убѣдилъ. Они выработали пріемы описанія, руководясь главнымъ образомъ методомъ Востокова, и начали занятія въ сентябрѣ 1849 г. Невос-

струевъ жилъ въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, А. В. въ посадѣ. Главная работа лежала на Невоструевѣ, который имѣлъ у себя помощниками двоихъ писцовъ. А. В-чу принадлежала высшая научная цензура надъ изысканіями чудовскаго труженника. При изданіи Горскій прочитывалъ вторую корректуру. Которому изъ двухъ ученыхъ пришлось болѣе потрудиться въ этомъ дѣлѣ — вопросъ трудный и спорный. Одни приписывали весь трудъ Горскому, а на Невоструева смотрѣли, какъ на чернорабочаго; другіе держались мысли, что Горскій только слегка обдѣлывалъ, очищалъ написанное Невоструевымъ. Изученіе черновыхъ тетрадей описанія, что и сдѣлалъ Н. С. Тихонравовъ, показываетъ несправедливость обоихъ сужденій. Сначала Невоструевъ былъ не подготовленъ къ спеціальной работѣ описанія рукописей, и Горскому приходилось показывать ему элементы, азбуку. Толстыя тетради, исписанныя въ Чудовомъ монастырѣ, иногда зачеркивались крестомъ въ лаврѣ, покрывались крестиками, замѣтками, наставленіями, вопросами. Тетрадь переписывалась снова и снова исправлялась. Случалось иногда, что А. В. на основаніи своего глубокаго изученія лаврскихъ и академическихъ рукописей дѣлалъ догадку, не видя тѣхъ рукописей, которыя описывалъ Невоструевъ, и его догадка оправдывалась. Или же дѣлалось такъ, что работу начиналъ Горскій: онъ бралъ къ себѣ рукопись, прочитывалъ ее, дѣлалъ свои замѣтки и наблюденія и потомъ отсылалъ въ Москву для описанія. При описаніи было поставлено задачей составить не сухой перечень статей рукописей, но изложить „историческую судьбу тѣхъ литературныхъ произведеній, списки которыхъ попали въ Синодальную бібліотеку“. Возникло множество вопросовъ, предъ которыми терялись въ Чудовомъ монастырѣ и останавливались въ лаврѣ. А. В. писалъ иногда Невоструеву: „подумаемъ, я еще не успѣлъ себѣ составить опредѣленнаго понятія объ этомъ предметѣ“, и Невоструевъ ждетъ, до чего додумается и докопается А. В. Нѣкоторые въ высшей степени важные отдѣлы Описанія составлены самимъ Горскимъ вмѣсто написаннаго Невоструевымъ. Онъ прислалъ въ посадъ толстую тетрадь съ выдержками изъ Іоанна, экзарха болгарскаго. А. В. хоронитъ ея содержаніе подъ длиннымъ крестомъ и пишетъ свою тетрадку, которую изъ деликатности пришиваетъ къ тетради Невоструева — это блестящее, обильное новыми выводами изслѣдованіе объ Іоаннѣ экзархѣ. Вообще А. В. обращался съ своимъ трудолюбивымъ, но еще неопытнымъ, сотрудникомъ деликатно и гуманно, не оскорбляя его самолюбія. Когда Невоструевъ самъ понавѣкъ въ работѣ, онъ сталъ высказывать сужденія, несоглас-

ныя съ взглядами руководителя описанія. Выходили споры и неудовольствія. Невоструевъ тяготился опекой Горскаго. Но проходить время, онъ чувствуетъ нужду въ указаніяхъ А. В-ча, и согласіе возстановляется. Когда А. В. сдѣлался ректоромъ (1862 г.) и отказался отъ труда по описанію, Невоструевъ остался хозяиномъ дѣла. Но здѣсь то онъ и почувствовалъ нужду въ руководствѣ. Послѣднюю часть описанія—5-ю Невоструевъ выпустилъ ужь одинъ, но въ предисловіи замѣтилъ, что въ ея составленіи принималъ большое участіе и А. В. Горскій. Въ результатъ получилось такое описаніе, какихъ, по заявленію ученыхъ рецензентовъ, немного и въ европейской литературѣ. „Это—сокровищница критически очищенныхъ фактовъ для исторіи языка какъ русскаго, такъ и южно-славянскаго“; трудъ, „который составляетъ основу для изученія древней русской литературы“. Въ нашей литературѣ рядомъ съ нимъ можно было тогда поставить только Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, составленное Востоковымъ. Но трудъ двухъ ученыхъ былъ выше даже и востоковскаго Описанія, потому что Горскій превосходилъ Востокова глубиной и широтой богословскаго образованія, столь необходимаго для вѣрной оцѣнки памятниковъ древней русской литературы; превосходилъ знаніемъ византійской письменности, по отношенію къ которой наша русская стоитъ въ такой тѣсной зависимости. Вотъ почему такъ плодотворенъ для науки этотъ трудъ. Помимо того, что здѣсь впервые поставлены и въ значительной степени рѣшены такіе важные вопросы, какъ судьба кирилло-меѳодіевскаго перевода Св. Писанія, вопросъ о составѣ Библии въ древней Руси,—описатели сдѣлали нѣсколько открытій не только въ области славяно-русской литературы (о чемъ говорилось ранѣе), но и литературы византійской: нашли въ славянскомъ переводѣ произведенія греческой письменности, неизвѣстныя въ подлинникѣ. Таковы четыре слова Меѳодія Патарскаго, новая редакція христіанской передѣлки сочиненія эпиктета—Энхиридіонъ, Кормчій, духовно-нравственное сочиненіе Максима исповѣдника, древній греческій патерикъ, описанный патр. Фотіемъ, но неизвѣстный на греческомъ языкѣ.

Появленіе въ печати „Описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки“ вызвало удивленіе ученаго общества. Академія Наукъ присудила авторамъ полную Уваровскую премію. Имена Горскаго и Невоструева стали извѣстны заграничнымъ ученымъ. Но потомство едва ли достаточно оцѣнило этотъ трудъ. Въ изданныхъ пяти книгахъ описаны только 432 рукописи. VI томъ Описанія, приготовленный къ печати еще въ 1863 г., издается только теперь.

Въ дѣло науки и научнаго руководства А. В. Горскій вноситъ не только силу своего громаднаго ума и безпримѣрнаго трудолюбія, но и нравственную чистоту своей личности. Какъ великій святой не замѣчаетъ своей святости, такъ истинно великій ученый своей учености: смиреніе необходимый признакъ того и другого. И А. В. владѣлъ этой рѣдкой для ученаго добродѣтелью. Своего авторитета онъ не навязывалъ никому. Онъ не шумѣлъ съ своими открытіями. Въ какомъ-нибудь журналѣ безъ подписи А. В. помѣститъ короткую и осторожную статью, поднимающую новый вопросъ, а полвѣка спустя ученые преемники сумѣютъ внести въ нее только мелкія поправки.—Много терпѣнія, чисто отеческой заботливости и педагогическаго такта проявлялъ А. В., руководя своихъ учениковъ. Ему приходилось имѣть дѣло съ начинающими учеными, степень научной увѣренности которыхъ часто обратно пропорціональна размѣрамъ познаній, и онъ деликатно исправляетъ произведенія невѣжества, дѣлая видъ, что считается съ ученымъ мнѣніемъ, съ которымъ несогласенъ. Только послѣ этотъ человѣкъ пойметъ и оцѣнитъ степень снисходительности своего руководителя. А. В. любилъ возбуждать научную самостоятельность среди студентовъ, видя въ ней средство умственной и нравственной дисциплины студента, ожидая отъ нея большой пользы для отечественной науки. Ее онъ возбуждалъ то прямыми обращеніями, то косвенными мѣрами. Нерѣдко хаживалъ по студенческимъ номерамъ, поднималъ современные церковные или научные вопросы и вызывалъ споры. Никакого желанія навязать свое мнѣніе ученику у него не было. Онъ разъяснитъ тему, укажетъ и рѣшеніе вопроса, а студентъ придетъ какъ разъ къ противоположному. Это не обижало руководителя нисколько, никогда не вліяло на оцѣнку. Удивительную терпимость и снисходительность онъ обнаруживалъ къ колебаніямъ и даже заблужденіямъ молодыхъ умовъ. Одинъ студентъ на экзаменѣ горячо защищалъ ученіе Кальвина о предопредѣленіи. А. В. старается навести его на правильный взглядъ, но тотъ оставался непреклоннымъ, повторяя: „нѣтъ, очень основательно, очень основательно!“ А. В. не возвелъ въ ересь, можетъ быть, вліяніе какой-нибудь нѣмецкой книги или, быть можетъ, простое незнаніе билета. Другой подалъ ему сочиненіе; А. В. дѣлаетъ для себя такую отмѣтку о немъ: „Прости, Господи, грѣхъ невѣдѣнія! Совершенный атеизмъ, невѣріе“, а на самомъ сочиненіи поставилъ 3. Или вотъ замѣтка объ одной студенческой проповѣди въ тетради А. В-ча. „Проповѣдь пустая; поспѣшно написана. Указываетъ на обиды отъ начальствующихъ, говорится объ учрежденіи раздѣла имущества между всѣми по примѣру

церкви іерусалимской.—Сказывать не дозволено“.—Еще бы?! Отъ такого радикализма А. В. не видѣлъ опасности ни для церкви ни для государства. Онъ считалъ его просто шалостью молодого ума, или недомыслиемъ; надѣялся, что онъ пройдетъ съ годами, и не ошибался.

Получивъ темы по какому угодно предмету, студенты шли къ А. В-чу за справками и книгами. „Бывало, окруженный массою книгъ, размѣщенныхъ на столахъ, стульяхъ, на диванахъ и подъ столами, стульями, диванами, разставленными въ шкафахъ, этажеркахъ и даже на полу, постоянно занимающійся, А. В. Горскій всегда принималъ студента, пришедшаго къ нему за совѣтомъ или пособіемъ, спрашивалъ о ходѣ его занятій, надѣялъ нужными или полезными книгами тотчасъ или спустя нѣсколько часовъ, иногда нѣсколько дней. Иногда онъ и самъ любопытствовалъ, пообстоятельнѣе разсмотреть то дѣло, какимъ интересовался студентъ. Иногда интересный вопросъ требовалъ многихъ справокъ по спеціальной литературѣ на разныхъ языкахъ; Горскій по разнымъ изданіямъ пересматривалъ все, относящееся къ дѣлу, а за собой велъ и любознательнаго студента“... Случалось, что А. В. предлагаетъ молодому ученому рукописи или же изданія на невѣдомомъ языкѣ. Тотъ отказывается неподготовленностью, а руководитель рекомендуетъ ему поучиться тому да другому, приговаривая, на примѣръ, такъ: „вы не рѣшаетесь потрудиться прочесть этотъ памятникъ, уже обработанный другими, а чего стоило его обработать первоначально и такъ издать?“ Порою въ рекомендованныхъ книгахъ студентъ очень мало находилъ нужнаго и, прочитавъ ихъ, только усвоивалъ основательнѣе ихъ иностранный языкъ. Но это былъ педагогическій пріемъ А. В-ча. Шутя онъ замѣчалъ студенту: „вотъ видите, какъ много и какъ легко пишутъ, а прочесть нечего,—не все заграничное дорого... Не лучше ли сказано вотъ въ этой книжкѣ?“—Новая книжка, къ утѣшенію студента, дѣйствительно оказывалась уже годною для дѣла“. Студентовъ старшаго курса, пишущихъ курсовое (по нынѣшнему—кандидатское) сочиненіе, А. В. особенно усердно руководилъ и особенно заваливалъ работой. „Желая заставить работающаго обзрѣть предметъ съ возможною полнотой и съ различныхъ сторонъ, онъ заставлялъ студента читать толстыя книги, чтобы изъ нихъ воспользоваться для прямого дѣла пятью-десятью строками и часто тогда, когда студентъ кончалъ уже сочиненіе и близилось время представлять его,—присылалъ книгу самую нужную, самую главную въ рѣшеніи вопроса. Но силы были утомлены, времени не хватало. Не совсѣмъ

правилось намъ это, своего рода, ученое мучительство. И если А. В. замѣчалъ въ студентѣ недовольство такой поздней помощью,—онъ то съ благодушнѣйшей улыбкой, то съ напускной суровостью, говорилъ ему словами апостола: „да вѣдь вы еще не до крови сражались?“ Но за этими шутками, за этой дружественной простотой скрывалось совершенно сознательное стремленіе послужить родной наукѣ свѣжими научными силами. А. В. ставилъ молодую силу нерѣдко въ курсѣ науки, направлялъ ее къ разработкѣ новыхъ сторонъ. И дѣйствительно, А. В. умѣлъ воспитывать ученыхъ, очень много сдѣлавшихъ для русской исторической и филологической науки. Кому неизвѣстны имена ихъ?...

Было одно важное обстоятельство, которое поставило А. В-ча въ центрѣ научной жизни академіи: въ годы профессорства онъ 20 лѣтъ былъ библіотекаремъ (1842—1862). Наша богатая библіотека А. В-чу больше, чѣмъ кому-либо, обязана своимъ богатствомъ. Онъ былъ страстный библіоманъ. Ужъ не говоря о томъ, что онъ слѣдилъ за всѣмъ, что выходило по богословскимъ и историческимъ наукамъ на западѣ и у насъ, и все выдающееся выписывалъ въ библіотеку,—онъ прочитывалъ большую часть поступавшихъ книгъ и исцещрялъ ихъ поля своими замѣтками. Кромѣ того ему обязана наша библіотека такими приобрѣтеніями, какъ рѣдкія изданія, оставшіяся послѣ архіепископа тобольскаго Аѳанасія Протопопова, рукописи Волоколамскаго монастыря, дублиеты старопечатныхъ книгъ изъ библіотеки Московской Синодальной типографіи, старопечатныя книги и рукописи, отобранныя у старообрядцевъ и переданныя въ академію изъ Московской Синодальной библіотеки и консисторіи, наконецъ, собственная библіотека А. В-ча, поступившая въ академію послѣ его смерти. А. В. былъ идеальный библіотекарь. Въ то время наша библіотека не имѣла ни печатныхъ каталоговъ ни подвижного и очень бѣдна была справочными пособіями. Библіотекарь замѣнялъ эти пособія и каталоги, потому что зналъ книги не только по названію, но и по содержанію. При этоть А. В. былъ библіотекарь въ высшей степени благодушный и предупредительный. Онъ не отказывался идти за книгами и днемъ и ночью. Рассказываютъ даже не въ видѣ анекдота, что въ вечернюю и ночную пору А. В. ходилъ въ библіотеку изъ предосторожности безъ огня и отыскивалъ нужныя книги ощупью. Свои библіотеческія обязанности онъ понималъ нѣсколько широко. Онъ не только подыскивалъ требуемыя книги, но и рекомендовалъ ихъ на темы по всѣмъ предметамъ; и больше того, что скажетъ и

укажетъ студентамъ А. В., имъ не было и нужды искать и читать.—Если бы было позволено сравнить тогдашнюю учащуюся академію съ фабрикой, то безъ большого преувеличенія ея паровымъ двигателемъ надо признать А. В. Горскаго. „Наука, эрудиція, трудъ надъ первоисточниками, новые шаги, требуемые въ разработкѣ знаній, не только мірскихъ, но и духовныхъ: вотъ тонъ, который слышался и задавался“ поступившему тогда въ академію и задавался главнымъ образомъ А. В.-чемъ. Историческая постановка преподаванія богословскихъ наукъ въ Московской академіи есть дѣло преимущественно Горскаго. Въ тѣ годы, когда учился А. В., самымъ любимымъ предметомъ въ академіи была философія. Филаретъ Гумилевскій и А. В. Горскій произвели переворотъ въ учебной постановкѣ академіи и на самое видное мѣсто поставили исторію церкви. Но вліяніе Филарета было непродолжительно—въ концѣ 1841-года его перевели изъ Академіи—и главнымъ дѣятелемъ въ этомъ направленіи остался Горскій. Проводникомъ новаго направленія богословской науки въ общество служилъ академическій журналъ „Прибавленія къ твореніямъ св. отцовъ“,—разрѣшенный къ изданію въ ректорство Филарета, но начавшійся издаваться уже послѣ него (съ 1843 г.). А. В. съ самаго начала былъ однимъ изъ его редакторовъ и всегда самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ.

Но ограничивать научное руководство и вліяніе А. В.-ча только академіей значило бы уменьшать его заслуги. Онъ представлялъ примѣръ удивительнаго научнаго безкорыстія. Кажется, онъ не считалъ своимъ того, что пріобрѣлъ годами неусыпнаго труда, не дорожилъ тѣми находками, которыя прославили бы его имя, и охотно, предупредительно, съ наслажденіемъ дѣлился своими познаніями. Если существуетъ добродѣтель научнаго альтруизма, то А. В. чистѣйшій представитель этой добродѣтели. Чуждый авторскаго самолюбія, онъ забывалъ даже и о своемъ авторскомъ правѣ. Онъ помогалъ тѣмъ ученымъ, которые годились ему въ ученики; дѣлился своими познаніями и соображеніями съ людьми, стоявшими на одной научной высотѣ съ нимъ. При его помощи работали А. Н. Муравьевъ, Савва, впоследствии архіеп. тверской, гр. М. В. Толстой, Филаретъ, архіеп. черниговскій. За его совѣтами обращались такіе ученые, какъ Погодинъ, Срезневскій, Сухомлиновъ, Бодянский. Въ бумагахъ А. В.-ча сохранилась часть огромной научной переписки, именно письма къ нему. Скромный ученый деревенской академіи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду двигателей русской исторической и филологической науки. Немудрено, что „нѣкоторыя ученые обще-

ства безъ его исканія, по выраженію м. Филарета, избрали его въ свои члены“¹⁾. Въ день юбилея академіи 1 октября 1864 г. онъ получилъ отъ Московскаго университета дипломъ на званіе почетнаго члена университета; въ слѣдующемъ году—степень доктора богословія отъ Св. Синода, въ 1867 г. признанъ докторомъ русской исторіи отъ совѣта Петербургскаго университета.

Въ 1862 году (23 октября) А. В. былъ назначенъ ректоромъ нашей академіи. Еще раньше, послѣ перевода архимандрита Сергія Ляпидевскаго въ декабрѣ 1860 г., митр. Филаретъ зналъ о желаніи нѣкоторыхъ видѣть ректоромъ протоіерея Горскаго и самъ этого желалъ. Но непремѣннымъ условіемъ митрополитъ поставилъ ему тогда вступленіе въ монашество, потому что считалъ неудобнымъ и необычнымъ, чтобы бѣлый священникъ-протоіерей первенствовалъ надъ архимандритомъ - инспекторомъ; видѣлъ здѣсь московскій святитель опасность церковнаго переворота—возвышенія бѣлаго духовенства надъ монашествомъ. „Да не поколеблются опоры дома Божія“, заключалъ онъ свои соображенія. А. В. рѣшительно отказался отъ монашества и ректоромъ былъ избранъ Савва (Тихомировъ), в послѣдствіи архіеп. тверской. Этотъ ректоръ, какъ самъ признавался, неуклонно слѣдовалъ добрымъ и благонамѣреннымъ совѣтамъ А. В-ча. Скоро мѣсто ректора опять освободилось, и на него былъ назначенъ протоіерей Горскій. Говорятъ, митрополита убѣдилъ въ его назначеніи намѣстникъ лавры Антоній, духовникъ Филарета. То неудобство, что ректоръ протоіерей въ служеніи долженъ былъ становиться выше архимандрита инспектора, было устранено пожалованіемъ новому ректору митры. Въ слѣдующемъ году (какъ говорилось ранѣе) митр. Филаретъ сдѣлалъ послѣднюю попытку склонить А. В-ча къ монашеству чрезъ намѣстника лавры Антонія. Но онъ отказался снова, рассуждая, что не слѣдуетъ ему переходить на другое поприще служенія. „Развѣ академія мало открываетъ дѣла усердію? пишетъ А. В. въ своемъ дневникѣ.—Развѣ не полезное для церкви служеніе воспитателя высшаго духовнаго училища? Развѣ церковь не должна имѣть въ академіи для себя опору, пользуясь добросовѣстными трудами ученой опытности?“ Услышавъ снова

---

¹⁾ А. В. состоялъ почетнымъ членомъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей (съ 1845 г.), Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія (съ 1863 г.), Кіевской и Казанской Духовныхъ академій (съ 1869 и 1873 г.г.), Общества Любителей Россійской Словесности (съ 1869 г.).

желаніе митрополита, А. В. обратился къ Евангелію и отказался уже безповоротно.

На первыхъ порахъ отношенія новаго ректора къ студентамъ какъ-то не ладились. Желаніе сблизиться съ ними въ духѣ и направленіи, какъ говорилъ онъ имъ при вступленіи на должность, пока не исполнилось. Во-первыхъ, страдала академическая экономія, въ которой А. В. не чувствовалъ себя такимъ сильнымъ, какъ въ наукѣ. Потомъ вышло неудовольствіе изъ за литературнаго вечера, устроеннаго студентами безъ ректорскаго разрѣшенія. Въ попыткахъ вызвать на откровенность и довѣріе усматривали заднюю мысль, почву благопріятную для шпіонства и доносовъ. Въ томъ же учебномъ году разыгралась непріятная исторія съ сочиненіемъ инспектору Михаилу, которое студенты отказались подавать. Ни уговоры ректора, ни угрозы, ни наивное желаніе заинтересовать вопросомъ темы — объ измѣненіи взглядовъ на Библію въ продолженіи всѣхъ вѣковъ христіанства—не привели ни къ чему. Видно было, что не установилась еще почва для начальственнаго вліянія А. В-ча въ академіи.

Но установилась она скоро. А. В. имѣлъ неоспоримый авторитетъ умственный, ученый и нравственный, котораго было достаточно для благоустройства академіи, для сильнаго вліянія ректора на молодые умы и воли. Митр. Филаретъ писалъ одинъ разъ. „Въ ученomъ академическомъ кругѣ для *поверхности* надъ дугими, кромѣ другихъ достоинствъ, нужна признаваемая ученость, особенно въ начальствующихъ“. А конечно, ученость А. В-ча стояла выше всякаго сомнѣнія и признавалась всѣми. Этотъ обычай „хожденія къ ректору“ по каждому научному вопросу свидѣтельствуеъ о признаніи, что А. В. стоитъ въ этомъ отношеніи выше всѣхъ другихъ въ академическомъ кругѣ. Но онъ не лишенъ былъ и другихъ необходимыхъ достоинствъ. Онъ любилъ студентовъ, а такъ какъ „любовь и искренность должны быть едино“, по его выраженію, то онъ былъ съ ними искрененъ. Когда онъ называлъ ихъ „дѣтками“, то выражалъ свои неподдѣльные чувства. Онъ не сочувствовалъ крутымъ мѣрамъ и слишкомъ былъ добръ для того, чтобы наказывать. Этотъ воспитатель обращался къ лучшимъ сторонамъ человѣческой природы, вѣря только въ нихъ, стараясь развить въ подчиненной ему молодежи любовь къ наукѣ, любовь къ школѣ, откровенность и довѣріе къ себѣ. Кажется, здѣсь было больше оптимизма, чѣмъ нужно, но, несомнѣнно, его педагогія достигала своихъ цѣлей въ значительной степени. Дѣтки А. В-ча называли его въ отвѣтъ „папашей“. Подъ одной фотографической группой курса студентовъ вмѣстѣ съ ректоромъ, которую можно

видѣть въ ректорской квартирѣ, подписаны слова изъ пророка Исаи: „се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ“. Академія была тогда семьей. Одинъ воспитанникъ петербургской гимназіи, попавшій въ то время въ нашу академію, былъ пораженъ и умиленъ этой простотой, семейностью въ отношеніяхъ, которыя у насъ царили, которыя передавались отъ ректора и къ остальнымъ, и свидѣтельствуешь о важномъ воспитательномъ вліяніи такой атмосферы на студенчество. Въ иныхъ случаяхъ эта атмосфера давала особенно себя знать, напр., въ день св. Пасхи, о чемъ не могутъ забыть воспитанники А. В-ча. Много трогательныхъ рассказовъ объ его добротѣ къ студентамъ записано и хранится въ памяти его учениковъ. Онъ былъ довѣрчивъ какъ ребенокъ, и нѣкоторые проводили его. Но нерѣдко случались примѣры трогательнаго довѣрія и откровенности къ этому ректору. Вотъ онъ радуется, узнавъ, что больной отецъ одного студента выздоровѣлъ. Здѣсь не удивительна радость этого безконечно добраго сердца, удивительно то, что студентъ пошелъ съ своимъ горемъ къ ректору и открылся ему. Случилось и такъ, что, узнавъ стороною о невзгодахъ кого-нибудь, онъ призоветъ его къ себѣ, разговорить и утѣшить. Радость каждаго изъ учениковъ становилась его радостью, лицо его просвѣтлялось, онъ улыбался и обычно дарилъ студенту что-нибудь на память объ этомъ моментѣ — просфору, книжку. Если въ его семьѣ появлялся тяжелый больной, А. В. только и зналъ, что ходилъ въ больницу: садился у его постели, развлекалъ его разговорами, самъ поправлялъ подушку, исполнялъ больные капризы, для развлечения присылалъ легкія книги или лакомства больному. Смерть студента была для А. В-ча горемъ отца. Говорятъ, слезы лились изъ его глазъ ручьями при прощаніи съ покойникомъ. Среди надгробныхъ рѣчей его, полныхъ высокаго истинно христіанскаго лиризма, слышались рыданія по безвременно утраченномъ сынѣ. На память о почившемъ онъ бралъ себѣ его карточку. Когда А. В. хлопоталъ объ устройствѣ особаго академическаго кладбища (1871 г.), вѣроятно, у него была мысль какъ бы объ отдѣльной усыпальницѣ для академической семьи. вмѣстѣ съ духовной милостынею онъ раздавалъ и матеріальную, едва ли считая и помня. Конечно, въ семьѣ не безъ уroda и не безъ огорченій. А. В. не терпѣлъ лжи или циничной откровенности о грѣхахъ безъ сожалѣнія о нихъ или съ похвалой, огорчался проявленіями холодности къ религіи. Возмущенный неисполненіемъ религіозныхъ обязанностей, онъ упрекалъ, гнѣвался. Но любовь давала себя знать. „Голосъ, готовый сдѣлаться грознымъ, являлся упрашивающимъ, жалобнымъ... Упреки смѣ-

нялись мольбами“. Случалось, что огорченный или взволнованный онъ плакалъ на глазахъ у всѣхъ. Но надъ этими слезами не смѣялись. Напротивъ, и студенты и подчиненное ректору начальство берегли А. В-ча отъ огорченій и далеко не все доходило до него, что могло бы его разстроить. Къ тому же его стыдили. Академія того времени не могла похвалиться строгостью внѣшней дисциплины, и приходилось нерѣдко скрывать отъ ректора то, что ему нужно было знать: А. В. стоялъ надъ академіей, выше многихъ ея дрызгъ. Но она могла гордиться рѣдкими въ учебныхъ заведеніяхъ нравственными связями учениковъ и начальника. Вліяніе А. В-ча, какъ нравственнаго авторитета, простиралось на его воспитанниковъ и послѣ академіи. Одинъ студентъ, не чуждый извѣстнаго русскаго порока, окончивъ курсъ, покупалъ карточку А. В-ча, тогдашняго ректора, и говорилъ товарищамъ, что приобрѣтаетъ ее больше нежели на память себѣ,—„на разумъ и волю“.

А. В. обладалъ рѣдкимъ, почти исключительнымъ, характеромъ: власть не только не испортила его, напротивъ, сдѣлала выше и чище. Раньше онъ не прочь былъ подсмѣяться за глаза и въ глаза—это была потребность его живой критической мысли—сказать острое словечко о тѣхъ, кто его возмущалъ или смѣшилъ. Сдѣлавшись начальникомъ академіи, онъ никогда не позволялъ себѣ этого. Даже больше того. Онъ сталъ сдержаннѣе, ласковѣе и деликатнѣе. Никогда никто изъ профессоровъ не слыхалъ отъ него выговоровъ или замѣчаній. Если необходимо было дать понять человѣку его провинность, А. В. скажетъ о своемъ неудовольствіи ему осторожно чрезъ другого или только погорюетъ самъ съ собой. У него не было враговъ и недоброжелателей: напротивъ, было не мало сердечно преданныхъ ему людей. Съ ними онъ былъ откровеннѣе, во многое посвящалъ ихъ, чего не говорилъ другимъ. Но и эти другіе, дальше стоявшіе отъ него, признавали его власть, которая имѣла основаніе въ безспорномъ духовномъ превосходствѣ А. В-ча. Въ профессорскихъ семействахъ А. В. былъ желаннымъ, хотя очень рѣдкимъ, гостемъ. Здѣсь онъ былъ другомъ и любимцемъ дѣтей, которыхъ самъ очень любилъ и ласкалъ. Единство и согласіе въ профессорскомъ кругу—вотъ чего больше хотѣлось А. В-чу. Въ послѣдніе годы А. В-ча въ академической корпораціи произошли нѣкоторыя неудовольствія, которыя, говорилось послѣ, убавили его жизни.

И отношеніе къ студентамъ и отношеніе къ профессорамъ покоились у А. В-ча на томъ возвышенномъ взглядѣ, какого онъ держался на академію. Онъ видѣлъ въ ней духовно-ученое брат-

ство, опору церкви, источникъ богословскаго вѣдѣнія для православнаго общества. Вступительную лекцію по исторіи церкви онъ начиналъ разъ прошеніемъ великой ектеніи—„о святѣмъ храмѣ семъ и съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ входящихъ въ оный, Господу помолимся“; при чемъ подъ святымъ храмомъ разумѣлъ храмъ богословской науки; вѣры, благоговѣнія и страха Божія, какъ настроеній, онъ требовалъ отъ служителя науки богословской, иными словами, отъ служителя Христовой церкви въ званіи ученаго богослова. А когда А. В. хлопоталъ и добился устройства храма въ стѣнахъ академіи, то кромѣ практическихъ удобствъ имъ руководило желаніе, чтобы Господь даровалъ „намъ счастье жить подъ однимъ кровомъ съ Его жилищемъ“, „дабы болѣе и болѣе самимъ и нашимъ юношамъ проникаться духа церковнаго“.—Отъ академіи, какъ цѣлаго учрежденія, А. В. требовалъ служенія обществу и вмѣстѣ церкви распространеніемъ богословскихъ знаній: отсюда его проектъ богословскаго словаря, не осуществившійся не по винѣ А. В-ча. Это дѣло онъ велъ вполне самостоятельно. Митр. Филаретъ „никогда не сочувствовалъ этому предпріятію“: А. В. осаждаеть его просьбами, а въ своей рѣчи 1 окт. 1864 г. въ день полувѣкового юбилея академіи, посоветовавшись предварительно съ академическимъ братствомъ и, конечно, съ владыкой, приглашалъ всѣхъ получившихъ высшее образованіе въ академіи, ознаменоватъ день собранія такимъ предпріятіемъ, въ которомъ бы всѣ могли принять участіе. Здѣсь онъ разумѣлъ составленіе церковно-богословскаго словаря. Митр. Филаретъ внезапно по какому-то вдохновенію, какъ свидѣтельствуеть преосв. Савва, святками 1865 г. самъ предложилъ деньги А. В-чу на его изданіе. Дальнѣйшая исторія этого предпріятія извѣстна. Дѣло было начато скоро: опредѣлялись работы, разыскивались пособія и источники, составлялись алфавиты, уже въ февралѣ шли обсужденія предпріятія и распредѣленіе работъ. А въ октябрѣ того же года А. В. писалъ преосв. Саввѣ: „Мы теперь хлопочемъ, какъ вести дѣло по изданію словаря, — собираемъ „источники“, собираемъ людей; стараемся уяснить себѣ требованіе, задачи, требованія нашей публики духовной и не духовной“. Нѣкоторыя статьи для словаря были уже написаны. Говорили о скоромъ осуществленіи предпріятія, заинтересовавшаго общество. Но оно не осуществилось и до сихъ поръ. Въ годы ректорства А. В-ча въ академіи введенъ былъ новый уставъ 1870 г., которому онъ во многомъ не сочувствовалъ. Тѣмъ не менѣе ему пришлось перестраивать академію по новому, и онъ исполнилъ это съ свойственной ему добросовѣстностью. Преосв. Макарій (Булгаковъ), ревизовав-

шіи преобразованную академію въ годъ смерти А. В-ча, нашель ее въ полномъ порядкѣ и далъ самый лестный отзывъ о ректорѣ. „Достоуважаемый отецъ протоіерей, всю жизнь свою посвятившій на служеніе наукѣ, давно уже засвидѣтельствовалъ предъ ученымъ міромъ свою основательную и многостороннюю богословскую ученость, особенно церковно-историческую, своими замѣчательными сочиненіями и при своемъ зрѣломъ умѣ, многолѣтней опытности и глубоко-религіозномъ и строго-нравственномъ направленіи служить надежнымъ руководителемъ не только для воспитанниковъ, но и для самихъ наставниковъ академіи“.

Еще была одна выдающаяся особенность въ отношеніяхъ А. В-ча къ академіи. Этотъ „прочный ректоръ“, съ дѣтскихъ лѣтъ почти взятый академіей, любилъ ее какъ вторую родину, съ нѣжностью сына. Еще въ тѣ годы, когда онъ былъ молодымъ профессоромъ, трудно было его вытащить изъ посада, и родные огорчались, что онъ рѣдко навѣщалъ ихъ на ваканціяхъ. Онъ приросталъ къ академіи, хотя не забылъ и родины. Много лѣтъ въ концѣ жизни собирался онъ посѣтить свою Кострому, но такъ и не собрался. Уѣзжая по необходимости куда-нибудь изъ академіи, онъ тосковалъ по ней. Въ послѣдній годъ своей жизни, лѣтомъ 1875 г. по совѣту врачей послѣ долгихъ уговоровъ близкихъ людей А. В. былъ отправленъ на дачу въ Ахтырку (въ 12-ти верстахъ отъ посада), но не могъ прожить тамъ и мѣсяца, загрустилъ по академіи и возвратился умереть сюда. Его послѣднимъ желаніемъ было похорониться вблизи академіи, на нашемъ кладбищѣ.

Болѣзнь, сведшая А. В-ча въ могилу, была застарѣлая: врачи назвали ее воспаленіемъ внутренней оболочки артерій. Онъ не любилъ лѣчиться и за постояннымъ трудомъ забывалъ о себѣ. Первый разъ А. В. почувствовалъ приступы болѣзни приблизительно около 45 года своей жизни. Не одинъ разъ давала она себя знать и послѣ, а въ декабрѣ 1874 года оказалось, что болѣзнь неизлѣчима. Когда, возвратившись съ дачи, А. В. появлялся на креслахъ въ академическомъ саду и, по народному выраженію, наглядывался на свѣтъ Божій, его сослуживцы и воспитанники, окружая больного, чувствовали, кого они теряютъ. Незадолго до своей смерти онъ говорилъ: „съ меня довольно—послужилъ“. Здѣсь и скромное выраженіе чувства исполненнаго долга и выраженіе благодарности Создателю. Послѣдними предсмертными словами А. В-ча были: „я хочу скорѣе домой“. Было ли это воспоминаніе о далекой родинѣ — послѣдняя мысль о землѣ, или первое откровеніе новаго міра, болѣе близкаго его душѣ, чѣмъ земля,—неизвѣстно.

Смерть А. В-ча была великимъ горемъ академіи. Одинъ очевидецъ погребенія рассказываетъ: „на домашнихъ панихидахъ священнослужители едва могли произносить возгласы: рыданія заглушали ихъ. Въ день похоронъ пространныя трапезная церковь лавры была переполнена его почитателями... И наставники и студенты горячо оплакивали своего ректора. Я не видалъ сухихъ глазъ“. Памятникъ на могилѣ А. В-ча поставленъ его учениками.

С. Смирновъ.

U. Kuyper

Викторъ Димитріевичъ Кудрявцевъ-Платоновъ.

Викторъ Димитріевичъ родился 9 окт. 1828 г. въ погостъ Кудре-ревъ (отсюда можетъ быть и его фамилія) Новоржевскаго уѣзда Псковской губ. Отець его былъ сначала причетникомъ, но кончилъ жизнь протоіереемъ. Онъ служилъ въ полку и вмѣстѣ съ полкомъ долженъ былъ постоянно странствовать по Россіи. Вмѣстѣ съ отцомъ странствовалъ и маленькій Викторъ Кудрявцевъ. Вслѣдствіе этого будущему философу для полученія низшаго и средняго образованія пришлось пройти цѣлую серію учебныхъ заведеній. Сначала онъ учился въ Свенцянскомъ уѣздномъ для дворянъ училищѣ (Виленской губ.), затѣмъ въ только что открытомъ варшавскомъ духовномъ и потомъ въ семинаріяхъ волынской, моголевской и черниговской. Въ 1848 г. Викторъ Кудрявцевъ поступилъ въ Московскую Академію. Здѣсь, какъ лучшей по успѣхамъ, онъ получилъ стипендію м. Платона и къ своей фамиліи прибавленіе—Платоновъ. Въ 1852 году онъ окончилъ курсъ первымъ магистромъ и былъ оставленъ бакалавромъ по библейской исторіи и греческому языку. Въ 1854 г., оставляя Академію, профессоръ философіи Ѳ. А. Голубинскій указалъ на В. Д., какъ на своего желательнаго преемника. В. Д. занялъ кафедру философіи и преподавалъ философію въ Академіи до самой смерти (послѣдняя лекція была прочитана имъ за нѣсколько дней до кончины). Если маленькій Кудрявцевъ, обходя страны, умножалъ разумъ, то придя въ возрастъ совершенный, онъ покидалъ Посадъ, гдѣ находится Академія, только по нуждамъ и дѣламъ. Но жилъ неизмѣнно въ Посадѣ, разрабатывая здѣсь въ деревенской тиши систему своей философіи. Неоднократно его вызывали отсюда. Весь 1861 г. онъ преподавалъ въ Петербургѣ логику и исторію философіи наследнику цесаревичу Николаю Александровичу и психологію Николаю Максимиліановичу, герцогу лихтенбергскому. Въ 1881—1882 г.г. онъ провелъ много времени въ Петербургѣ надъ разработкою устава академіи введеннаго въ 1884 г. Но въ общемъ вся его жизнь прошла

около академіи и въ служеніи академіи. При немъ и при его дѣятельномъ участіи въ академіи образовалось братство преподобнаго Сергія для вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ и бывшимъ воспитанникамъ академіи. Онъ былъ сначала товарищемъ предсѣдателя братства, а затѣмъ его предсѣдателемъ до своей кончины. Здоровье В. Д. было слабымъ съ самаго дѣтскаго возраста, а съ 1861 года его никогда не оставлялъ катарръ горла, но за всѣмъ тѣмъ онъ мало и рѣдко лежалъ въ постели и его болѣзненность не мѣшала его занятіямъ. И предъ своею смертію онъ слегъ 1 декабря 1891 г., а 3-го декабря его уже не стало.

Три черты выступаютъ въ характерѣ В. Д. Кудрявцева: аккуратность, скромность и постоянство. Онъ былъ аккуратенъ съ раннихъ лѣтъ. Онъ хранилъ свои ученическія тетрадки и книги, всѣ бумаги и рукописи, они были у него классифицированы и систематизированы. Когда былъ пятидесятилѣтній юбилей варшавскаго духовнаго училища, В. Д.—чъ послалъ между прочимъ въ училище книгу, которую онъ получилъ въ награду, когда учился въ училищѣ въ составѣ его перваго курса. Сохраненныя имъ ученическія и студенческія тетради являются цѣннымъ матеріаломъ для исторіи нашей духовной школы. В. Д.—чъ былъ аккуратнымъ исполнителемъ всѣхъ возлагавшихся на него порученій. Онъ былъ аккуратнѣйшимъ профессоромъ, никогда онъ не сокращалъ разъ установленнаго срока для лекціи, страшный кашель мучилъ его, но онъ не оставлялъ своего поста. Характеръ человѣка въ нѣкоторой мѣрѣ выражается въ его почеркѣ. Онъ писалъ красивымъ, четкимъ, чрезвычайно разборчивымъ почеркомъ. Писать разборчиво значитъ освобождать отъ труда читателей. В. Д.—чъ всегда заботился о нихъ. Говорятъ, аккуратность есть вѣжливость королей. Аккуратность во всякомъ случаѣ есть выраженіе заботы о тѣхъ, по отношенію къ которымъ являются аккуратными. Другою чертою В. Д.—ча была скромность. Онъ быстро занялъ въ академіи выдающееся положеніе. Учитель наслѣдника, авторъ выдающихся трудовъ, профессоръ, на котораго съ довѣріемъ и надеждою смотрѣли высшія власти и къ которому съ любовью и почтеніемъ относились студенты, онъ никому не давалъ чувствовать своего превосходства. Для своихъ сослуживцевъ онъ являлся добрымъ и хорошимъ товарищемъ. Его домъ былъ открытъ для всѣхъ. Радужно онъ и его жена (дѣтей у нихъ не было) встрѣчали каждого. Для академической корпораціи его домъ былъ объединяющимъ центромъ. Но занимая особенное положеніе въ академической семьѣ, онъ не только не подчеркивалъ этого положенія, но на оборотъ, не давалъ его чувствовать. Со всѣми онъ обра-

щался, какъ равный. По отношенію къ высшмъ онъ придержи-
вался еще той субординаціи, въ которой воспитывалъ своихъ под-
чиненныхъ м. Филаретъ, но онъ никогда не проявлялъ къ нимъ
униженія и льстивости, его скромность не мѣшала ему сознавать
свое достоинство, какъ человека и профессора. Болѣе всего уди-
вляетъ въ В. Д-чѣ постоянство его воззрѣній. Онъ не мѣнялъ
своихъ взглядовъ; то, что онъ утверждалъ въ своихъ учениче-
скихъ тетрадяхъ, онъ утверждалъ и въ своихъ предсмертныхъ
философскихъ трудахъ. Во время его профессорской и ученой
дѣятельности возникъ и развился дарвинизмъ, создалось много
соціальныхъ ученій, образовались новыя теченія въ философіи.
Они не имѣли никакого вліянія на его философское міросозер-
цаніе. Какихъ воззрѣній держался онъ на школьной скамьѣ, тѣ
сохранилъ онъ въ теченіе своей почти сорокалѣтней профессор-
ской дѣятельности. Студентомъ онъ писалъ сочиненіе о единствѣ
рода человѣческаго“ (ректоръ Алексій далъ ему тему: „о про-
исхожденіи всѣхъ людей отъ одной четы“, м. Филаретъ измѣнилъ
это заглавіе) и въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи онъ намѣ-
чаетъ переизданіе этого сочиненія, какъ и другихъ, безъ измѣ-
неній. Всѣ его сочиненія написаны равно изящнымъ и литера-
турнымъ стилемъ, всѣ они превосходно обработаны и ни на од-
номъ изъ нихъ не чувствуется вѣяніе эпохи. В. Д—чѣ касался
новѣйшихъ естественнонаучныхъ теорій, пользовался новыми кни-
гами и пособіями, но они не опредѣляли ни его метода, ни его
рѣшеній вопросовъ. Почему это такъ? Должно думать, потому
что всѣми его воззрѣніями управляла религіозная вѣра, какъ
всею его дѣятельностью управляла религіозная настроенность.
Онъ былъ глубоко благочестивымъ христіаниномъ. Студенты ака-
деміи учившіеся при В. Д—чѣ никогда не забудутъ, конечно, его
скромно благоговѣйной фигуры за правымъ клиросомъ въ ма-
ленькомъ академическомъ храмѣ, около него его жена, его вѣр-
ная подруга и помощница, всегда раздѣлявшая съ нимъ молитвы
(она умерла въ январѣ, а В. Д—чѣ въ декабрѣ 1901 г.). Примѣръ этого
благочестиваго философа былъ поучителенъ и назидателенъ. Рели-
гіозною настроенностью обуславливалась его христіанская скром-
ность. Всѣ свои средства (въ общемъ болѣе полутора ста тысячъ) онъ
завѣщалъ на монастыри, церкви, благотворительныя учрежденія.
Его религіозною вѣрою всецѣло опредѣлялась его философія.
Центральною идеею его философіи является идея Бога. Все онъ
приводитъ къ Богу, объясненіе всего находитъ въ Богѣ, вѣра въ
Бога служитъ у него основаніемъ для вѣры въ познавательныя
и нравственныя силы человека. Онъ разрабатывалъ главнымъ

образомъ гносеологію и метафизику, но какого бы предмета не касалась его работа, всегда она не столько рѣшаетъ ту или иную гносеологическую или метафизическую проблему, сколько доказываетъ, что существуетъ Богъ, что безъ вѣры въ Бога нельзя вѣрить въ наши познавательныя способности, что безъ идеи о Богѣ невысказана идея истины и. т. д. Въ своихъ философскихъ и вообще во всѣхъ своихъ работахъ онъ былъ *апологетомъ христіанскаго теизма*.

Философію В. Д—чъ опредѣлялъ такъ: философія есть наука объ абсолютномъ и идеяхъ разсматриваемыхъ въ отношеніи къ абсолютному, въ ихъ взаимной связи и въ проявленіи въ бытіи феноменальномъ. Центръ тяжести этого опредѣленія лежитъ въ своеобразномъ пониманіи идеи, которому слѣдовалъ В. Д—чъ. По его мысли всякій предметъ, всякое существо есть реализація идеи о немъ, реализація всегда болѣе или менѣе несовершенная. Есть идея человѣка, всякій человѣкъ является воплощеніемъ этой идеи, но воплощеніемъ несовершеннымъ, дѣйствительность всегда стоитъ ниже идеи. Но все существуетъ дѣйствительно постольку, поскольку воплощаетъ въ себѣ идею. Отсюда идея есть настоящая, подлинная дѣйствительность. Поскольку предметъ осуществляетъ идею, постольку онъ истиненъ, и истину В. Д—чъ опредѣляетъ, какъ согласіе предмета съ идеею о немъ. Идея есть сущность, предметъ есть явленіе, идея есть производящее, предметъ есть произведенное. Разсмотрѣніе идей показываетъ, что онѣ находятся между собою въ отношеніи соподчиненія и зависимости; одна идея относится къ другой, какъ низшее къ высшему. Ни одна идея конечныхъ вещей не можетъ характеризоваться признакомъ самобытности и самоцѣльности, поэтому во главѣ системы идей должна стоять идея абсолютнаго, необходимаго, самодовлѣющаго бытія, т. е. Бога. Гармоничный міръ идей имѣетъ свою причину и основаніе въ Богѣ, міръ феноменальный чѣмъ болѣе приближается къ Богу, какъ своей цѣли, тѣмъ болѣе совершенно реализируетъ въ себѣ міръ идей. Изъ всей системы философіи В. Д—ча наименѣе яснымъ и понятнымъ является это его разсужденіе о томъ, что философія есть наука объ идеяхъ. Хотя онъ, давая опредѣленіе философіи и не цитируетъ никакихъ трактатовъ, несомнѣнно, что онъ свое опредѣленіе философіи заимствовалъ у французовъ и можетъ быть далеко не изъ первыхъ рукъ. Во Франціи въ самомъ началѣ XIX столѣтія было направленіе опредѣлявшее философію, какъ науку объ идеяхъ, это направленіе носило имя идеологій. Дестютъ де Траси въ 1801 г. началъ издавать *Elements d'ideologie*. Къ этому направленію примыкала школа Кузена. У

В. Д—ча его теорія идей не связана органически со всею системою. Во многих частях своей философіи онъ забываетъ о своемъ идеальномъ мірѣ. Затѣмъ настаивая на томъ, что идея есть дѣйствительность, онъ не выясняетъ, какимъ образомъ самой идеѣ принадлежитъ существованіе. Какъ существуетъ идея человѣка? Вѣдь, если человѣкъ существуетъ постольку, поскольку воплощаетъ идею, то съ другой стороны идея повидимому реализуется только въ дѣйствительномъ человѣкѣ. У В. Д—ча повидимому представляются существующими видовыя и родовыя идеи—виды и роды онъ склоненъ разсматривать, какъ нѣчто вѣчно неподвижное. Точка зрѣнія, нужно замѣтить, совершенно оставленная во второй половинѣ XIX столѣтія. Совершенно не рѣшаетъ В. Д—чъ вопроса о томъ, какъ между предметомъ и его идеею можетъ возникнуть несоотвѣтствіе. Представимъ себѣ, что есть идея алмаза. Какимъ образомъ въ природѣ кристаллъ алмаза явится не совершеннымъ проявленіемъ этой идеи? Философія Платона пытается дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, В. Д—чъ не даетъ никакого. Мы только можемъ догадываться, зная его и всѣ его труды, что въ данномъ случаѣ за его философскимъ разсужденіемъ скрывается богословская вѣра. Свободныя твари не осуществили своего назначенія, уклонились отъ того, чтобы всецѣло воплотить въ себѣ идею, тѣнь ихъ грѣха упала на всю вселенную, и міръ пересталъ служить точнымъ выраженіемъ идеи о немъ. Міръ не пребываетъ болѣе въ истинѣ. При такомъ взглядѣ ясно, что міръ можетъ вернуться къ истинѣ лишь подъ условіемъ, что всегда пребывала и пребываетъ абсолютная истина, т. е. Богъ.

Въ этой вѣрѣ въ существованіе абсолютной истины В. Д—чъ, находитъ спасеніе отъ абсолютнаго скептицизма въ сферѣ познанія. Сторонникъ абсолютнаго скептицизма говоритъ: я сомнѣваюсь во всемъ. В. Д—чъ анализируетъ эту формулу. Онъ находитъ въ ней прежде всего утвержденіе факта бытія. Съ точки зрѣнія скептика существуетъ сомнѣніе и существуетъ его сомнѣвающееся „я“. Говоря о себѣ „я“, скептикъ тѣмъ самымъ утверждаетъ и фактъ собственнаго существованія и фактъ существованія внѣшняго міра (не-я). Но что такое сомнѣніе скептика? Это предположеніе, что его представленія о вещахъ несоотвѣтствуютъ вещамъ, что они не истинны. Такимъ образомъ сомнѣніе скептика обуславливается убѣжденіемъ, что есть объективная истина. Эта объективная истина, которая несовершенно и часто неправильно отражается въ нашихъ представленіяхъ, есть Богъ. Признаніе бытія Божія есть реальный принципъ философіи, потому что только въ Богѣ міръ физическій и духовный могутъ найти до-

статочное объяснение и только при признаніи бытія Божія можно настаивать на достовѣрности нашего познанія. При отрицаніи бытія Божія не можетъ быть никакого ручательства за эту достовѣрность. Къ реальному принципу философіи должно присоединить принципъ формальный—признаніе самодостовѣрности нашего мышленія. Этимъ принципомъ въ дѣйствительности руководились всегда всѣ философы и всѣ люди, не исключая сторонниковъ абсолютнаго скептицизма. При оцѣнкѣ этихъ соображеній В. Д-ча нужно имѣть въ виду, что онъ въ сущности оставляетъ безъ разсмотрѣнія два вопроса заданные философіею второй половины XVIII и второй половины XIX вѣка. Первый (кантовскій): изъ необходимости мысли слѣдуетъ ли необходимость вещи? второй (эволюціонный), дополняющій и разъясняющій первый: не эволюционируетъ ли самое наше мышленіе, не имѣютъ ли принципы его только условнаго, временнаго и относительнаго значенія?

В. Д-чъ утверждаетъ достовѣрность нашего познанія. Онъ даетъ метафизическій анализъ эмпирическаго, раціональнаго и идеальнаго познанія. Эмпирическое познаніе имѣетъ дѣло съ матеріальными и духовными явленіями. Стремленіе нашего мышленія къ единству побуждало матеріалистовъ свести все къ единой матеріальной первоосновѣ, идеалистовъ—къ единой первоосновѣ духовной. В. Д-чъ отрицаетъ односторонность тѣхъ и другихъ. Существуютъ самостоятельно матерія и духъ, а свое объединеніе они находятъ въ единой первопричинѣ—Богѣ. Отсюда система В. Д-ча является трансцендентальнымъ монизмомъ. Говорятъ, что наши эмпирическія представленія о вещахъ субъективны. Въ природѣ нѣтъ ни тепла ни холода, ни запаховъ, ни цвѣтовъ, ни звуковъ, ни сладкаго, ни горькаго вкуса. В. Д-чъ защищаетъ теорію, по которой нашимъ субъективнымъ воспріятіямъ отвѣчаютъ объективныя свойства вещей, и этими объективными свойствами и вызываются наши субъективныя состоянія. И научный анализъ явленій постепенно все болѣе и болѣе достигаетъ того, что изъ подъ субъективныхъ наслоеній вскрываетъ ихъ объективную основу. Всѣ эмпирическія явленія происходятъ въ пространствѣ и во времени. По теоріи Канта пространство и время суть апріорныя формы чувственности, пространственно-временныя представленія прежде-опытны и субъективны. Въ природѣ нѣтъ ни пространства, ни времени, но нашъ духъ созданъ такъ, что онъ представляетъ все существующимъ въ пространствѣ и времени. Съ точки зрѣнія матеріализма пространство и время должны быть объективными реальностями. В. Д-чъ рѣшаетъ проблему такимъ образомъ. Возрѣнія пространства и времени намъ прирождены, этимъ объяс-

няется ихъ всеобщій и универсальный характеръ. но они развиваются въ насъ подъ воздѣйствіемъ опыта и вмѣстѣ съ опытомъ. Пространство и время, какъ прирожденные воззрѣнія, мыслятся нами безконечными. Но это не есть безконечность дѣйствительности, а только безконечность возможности. Возможно безконечное количество формъ (возможно, наприм., безконечное количество различныхъ треугольниковъ) и возможно безконечное количество измѣненій въ предметъ (представимъ себѣ четырехугольникъ на шарнирахъ; нужно безконечное время для того, чтобы осуществить всѣ тѣ формы, которыя онъ можетъ принять). Но дѣйствительность конечна и формы и измѣненія существуютъ въ конечномъ числѣ, и пространство и время, какъ формы бытія дѣйствительнаго, ограничены. Конечность пространства и времени по мысли В. Д-ча есть необходимый выводъ изъ теистическаго міровоззрѣнія, представить пространство и время безконечными значитъ придти къ пантеизму. Но этотъ взглядъ В. Д-ча нельзя принять. Безконечность не тоже, что абсолютность. Безконечное въ одномъ отношеніи можетъ быть конечно во многихъ другихъ. Притягивающая сила каждой матеріальной частицы безконечна по сферѣ своего дѣйствія, но конечна по своей напряженности. Арифметическій рядъ можетъ быть безконеченъ по числу своихъ членовъ, но конеченъ по суммѣ (представимъ рядъ: 2, 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, каждый послѣдующій членъ вдвое менѣе предыдущаго; продолженный до безконечности этотъ рядъ даетъ въ своей суммѣ 4). Плоскость можно разсматривать какъ сумму безконечнаго числа линій. Вообще признакъ безконечности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть приписываемъ ограниченнымъ и условнымъ вещамъ. Но не соглашаясь въ этомъ пунктѣ съ взглядомъ В. Д-ча, должно обратить вниманіе, какъ заботливо онъ каждый вопросъ бытія и знанія обсуждалъ непремѣнно при свѣтѣ своей руководящей теистической идеи.

Взглядъ В. Д-ча на наше эмпирическое познаніе самъ собою предрѣшаетъ вопросъ о характеристикѣ нашего рациональнаго познанія, о значимости нашихъ категорій качества, количества, причинности, модальности. Ясно, что имъ должна отвѣчать объективная дѣйствительность, иначе и наши эмпирическія познанія будутъ только субъективными. В. Д-чь устанавливаетъ взглядъ на категоріи путемъ разбора теорій Канта и Гегеля, причемъ въ общемъ отдаетъ предпочтеніе сужденіямъ послѣдняго. Категоріи преждеопытны, но какъ и воззрѣнія пространства и времени, способность пользованія категоріями и ихъ отчетливое представленіе развиваются вмѣстѣ съ опытомъ и по поводу опыта. Категоріи

приложимы къ изученію не только міра конечнаго, но и къ Абсолютному, т. е. къ Божеству. Въ этомъ отличіе категорій отъ возрѣній пространства и времени. Послѣднія приложимы только къ феноменальному міру. Категоріямъ должно придать систематическое построеніе, ихъ должно генетически вывести изъ одного начала.

Кромѣ міра эмпирическаго, кромѣ міра категорій есть еще міръ идей. Мы имѣемъ идеи истины, добра и красоты, идею абсолютнаго совершенства, идею Бога. Общій взглядъ В. Д—ча на наше познаніе самъ собою уже подсказываетъ выводъ, что этимъ идеямъ отвѣчаетъ объективная дѣйствительность, даже болѣе, что именно эти идеи и суть наиболѣе дѣйствительно существующія. Устанавливая это путемъ тщательнаго анализа, В. Д—чъ выдвигаетъ здѣсь новое положеніе, стоящее въ гармоничномъ согласіи съ его взглядомъ на эмпирическое и рациональное познаніе. Какъ тамъ, признавая прежде опытность возрѣній пространства и времени и категорій разсудка, онъ однако считалъ опытъ необходимымъ для ихъ окончательной выработки и сформированія, такъ и здѣсь признавъ идеи врожденными, онъ однако ихъ развитіе и окончательное образованіе ставитъ въ зависимость отъ опыта. У человѣка есть органъ для воспріятія сверхчувственнаго. Сверхчувственное воздѣйствуетъ на этотъ органъ и подъ вліяніемъ этого воздѣйствія развиваются и сформировываются представленія человѣка о Божествѣ и высшемъ мірѣ.

Развитію этой мысли о существованіи у человѣка особаго органа для воспріятія божественнаго воздѣйствія В. Д—чъ посвятилъ трактатъ „объ источникѣхъ идеи Божества“ и свою докторскую диссертацию. „Религія, ея сущность и происхожденіе“. Религія по его взгляду есть результатъ взаимоотношенія между Богомъ и человѣкомъ. Послѣдніе четыре (12—15) тезиса его диссертации утверждаютъ слѣдующее. „12. Кромѣ общаго промыслительнаго отношенія Бога къ міру должно быть допущено особенное религіозное отношеніе Его къ человѣку. Такое отношеніе не можетъ ограничиваться только тѣмъ, что Богъ сообщаетъ человѣку идею о Себѣ (теорія врожденныхъ идей). Для объясненія происхожденія религіи должно допустить возможность постояннаго дѣйствованія Божества на нашъ духъ, которое можно назвать откровеніемъ естественнымъ. 13. Возможность такого религіознаго дѣйствованія Божества на нашъ духъ вытекаетъ какъ изъ самаго понятія о Богѣ и высшемъ достоинствѣ человѣческой природы, такъ и изъ наблюденія надъ спосо-

бомъ приобрѣтенія нами познанія о предметахъ реально существующихъ. 14. Дѣйствованіе Божества на нашъ духъ предполагаетъ особенный органъ или способность для воспріятія этого дѣйствованія—*умъ*. Дѣятельность этой способности по отношенію къ сверхчувственному есть воспринимательная, аналогическая по формѣ съ дѣятельностью чувствъ внѣшнихъ по отношенію къ міру внѣшнему. Знаніе сверхчувственного сообщаемое этою способностію есть непосредственное. 15. Характеръ непосредственности принадлежащій первоначальной дѣятельности ума не только не исключаетъ возможности разсудочнаго знанія въ области религій, но и необходимо его предполагаетъ. Мышленіе есть не случайный или незаконный (какъ у Якоби), но существенный элементъ въ дѣлѣ религій“. Эти тезисы естественно вызываютъ вопросъ: если у человѣка есть особый органъ для воспріятія сверхчувственного, если Божество воздѣйствуетъ на этотъ органъ, то почему представленія о Божествѣ у людей такъ разнообразны, и противорѣчивы, а нѣкоторые мыслители даже совсѣмъ отрицаютъ существованіе Божества? Относительно послѣднихъ В. Д—чъ замѣчаетъ, что нѣкоторые мыслители сомнѣвались и въ бытіи чувственного міра. Въ общемъ въ отвѣтъ, который онъ даетъ на этотъ вопросъ, слышится опять богословъ. Нашъ органъ богопознанія, говоритъ В. Д—чъ, пораженъ болѣзнію, вслѣдствіе этого воспріятія его неотчетливы, тусклы, смутны; вслѣдствіе этого людямъ для того, чтобы они познали Бога, кромѣ откровенія естественнаго необходимо откровеніе сверхъестественное.

Цѣлый рядъ изслѣдованій у В. Д—ча служитъ къ обоснова- нію и раскрытію устанавливаемыхъ имъ взглядовъ на религію. Определеніе религій, какъ взаимоотношенія Бога и человѣка, дополняется трактатомъ о промыслѣ. В. Д—чъ старается доказать въ этомъ изслѣдованіи, что идея промысла и факты чудесъ не стоятъ въ противорѣчій съ требованіями философіи, хорошо объясняютъ религіозную вѣру народовъ и подтверждаются тщательными историческими изслѣдованіями. Возможность религіознаго знанія защищаемую въ сочиненіи о религій В. Д—чъ защищаетъ еще спеціально противъ Конта въ трактатѣ „религія и позитивная философія“ (актовая академическая рѣчь 1874 г.). Различные взгляды на Божество В. Д—чъ разбираетъ въ трактатахъ: деизмъ, пантеизмъ, атеизмъ и теизмъ (особая статья посвящена имъ религіозному индифферентизму), причѣмъ выводъ его тотъ, что только теистическое представленіе Божества, какъ премірнаго творца и промыслителя, отвѣчаетъ философской пытливости ума и запросамъ сердца. Свое разсужденіе о теизмѣ

онъ дополнилъ обширнымъ изслѣдованіемъ о доказательствахъ бытія Божія. Онъ далъ тщательное изложеніе и анализъ съ историческимъ обзорѣніемъ космологическаго, телеологическаго, онтологическаго, гносеологическаго, психологическаго, историческаго и нравственнаго доказательствъ бытія Божія. Выводъ, къ которому въ концѣ концовъ приходитъ В. Д—чъ, тотъ же, который онъ высказалъ въ своихъ разсужденіяхъ о религіи. Optima demonstratio бытія Божія есть эмпирическое—непосредственное ощущеніе божественнаго воздѣйствія на насъ. „Богъ, говоритъ онъ, скажемъ словами Якоби, непосредственно даетъ ощущать Себя и близокъ къ намъ въ нашемъ собственномъ духѣ точно также, какъ природа даетъ ощущать себя и близка къ намъ въ нашемъ собственномъ тѣлѣ. Поэтому мы можемъ дерзнуть на смѣлое слово, что въ Бога мы вѣримъ, потому что *видимъ* Его, хотя конечно не тѣлесными очами“. Самое лучшее доказательство бытія Божія найдетъ человѣкъ, ведущій богоподобную жизнь, потому что такой будетъ наиболѣе сильно сознавать въ себѣ дѣйствія Божества.

Философскія изслѣдованія о религіи дополняются у В. Д—ча рядомъ другихъ трудовъ антропологическаго, этнографическаго, историческаго и библейско-историческаго характера. Правда, нѣкоторымъ изъ этихъ трудовъ (первобытная религія, политеизмъ, религія некультурныхъ языческихъ народовъ, религія культурныхъ языческихъ народовъ) В. Д—чъ далъ общее заглавіе „изъ чтеній по философіи религіи“, но въ нихъ на самомъ дѣлѣ историческій и этнографическій матеріалъ рѣшительно преобладаетъ надъ философскимъ. Въ ряду этихъ трудовъ первое мѣсто занимаетъ магистерская диссертация „О единствѣ рода человѣческаго“. Она направлена противъ полигенистическихъ теорій державшихся въ первую половину XIX вѣка. Тогда господствовало ученіе о неизмѣняемости видовъ. Устанавливая, что различныя человѣческія племена представляютъ собою различные виды, мыслители дѣлали выводъ, что эти племена не могли произойти отъ общихъ родоначальниковъ, что у различныхъ человѣческихъ расъ никогда не было общихъ предковъ. В. Д—чъ защищалъ моногенистическую теорію, по которой различіе человѣческихъ расъ могло образоваться и образовалось подѣ дѣйствіемъ времени и различныхъ условій при первоначальномъ единствѣ человечества. Положительный тезисъ В. Д—ча есть тотъ, что библейское ученіе о происхожденіи рода человѣческаго отъ одной четы есть истина. Но уже вскорѣ послѣ того, какъ В. Д—чъ напечаталъ свою диссертацию, стала развиваться теорія, которая не только не при-

давала значенія различію племенъ, но и стирала грань отдѣляющую человѣка отъ животныхъ. По этой теоріи люди произошли отъ обезьянъ или обезьяноподобныхъ существъ. В. Д—чъ разборъ этой теоріи посвятилъ трактатъ „о первоначальномъ происхожденіи на землѣ рода человѣческаго“. Этотъ трактатъ напечатанъ за десять лѣтъ до выхода въ свѣтъ книги Дарвина „о происхожденіи человѣка“ и по этому понятно, въ немъ не предусмотрѣны многіе доводы десцендентной теоріи. Устанавливая, что человѣчество произошло отъ единой четы непосредственно созданной Богомъ, В. Д—чъ даетъ религіозную исторію человѣчества происшедшаго такимъ образомъ. Въ разсужденіи „о единобожій, какъ первоначальномъ видѣ религіи рода человѣческаго“ В. Д—чъ выясняетъ библейское повѣствованіе о судьбахъ религіи въ родѣ человѣческомъ. Его тезисъ тотъ, что библіею утверждается совершеннѣйшій монотеизмъ, что монотеизмъ и былъ изначальной религіею человѣчества. Въ рядѣ другихъ статей онъ развиваетъ, что процессъ религіозной исторіи былъ процессомъ деградации. Онъ пытается представить, что у культурныхъ языческихъ народовъ въ древнѣйшее время религія была выше и совершеннѣе, чѣмъ въ послѣдующее, что языческій политеизмъ вышелъ изъ монотеизма. Но съ другой стороны онъ признаетъ, что общій умственный процессъ и присущая человѣческому духу идея единого Бога побуждали язычниковъ по мѣрѣ ихъ развитія очищать принявшія крайне грубый характеръ вѣрованія своихъ предковъ, систематизировать ихъ представленія о богахъ и сводить системы боговъ къ единству.

Свое теистическое міропониманіе В. Д—чъ обосновываетъ и своими изслѣдованіями по космологіи. Міръ, его происхожденіе, свойства и исторію В. Д—чъ находитъ возможнымъ истолковывать только при признаніи бытія премірнаго Творца. Матеріалисты хотятъ объяснить все существующее изъ теоріи атомистическаго строенія матеріи. В. Д—чъ въ трактатѣ „матеріалистическій атомизмъ“ доказываетъ, что атомистическая теорія вызываетъ серьезныя возраженія со стороны естествознанія и является совершенно неудовлетворительною съ философской точки зрѣнія. Особенно не можетъ быть допущена мысль, что атомы суть вѣчно изначальное, вѣчное. Понятно, къ какому началу обращается мысль В. Д—ча, когда онъ говоритъ о происхожденіи матеріи. Но онъ мыслить Бога не только непосредственной причиною матеріальной первоосновы міра. Въ разсужденіи „самостоятельность начала органической жизни“ онъ устанавливаетъ, что живыя существа сами собою не могли возникнуть изъ неорганической

матеріи, что въ нихъ есть особый жизненный принципъ, который, значитъ, былъ непосредственно призванъ къ бытію Творцомъ. Въ изслѣдованіи „О происхожденіи органическихъ существъ. Теорія трансформациі“ В. Д—чь идетъ далѣе. Онъ подвергаетъ критическому разбору дарвинистическую теорію происхожденія видовъ и явно склоняется къ мысли, что различные типы живыхъ существъ были непосредственно призваны къ бытію Творцомъ. Подвергнувъ критикѣ теорію самобытности матеріи и естественнаго происхожденія жизни и видовъ, В. Д—чь въ самые послѣдніе годы своей жизни началъ изслѣдованіе „о происхожденіи міра“. Понятно, онъ отвергнулъ матеріалистическое, дуалистическое и пантеистическое рѣшенія проблемы и принялъ теистическое. При этомъ онъ поднималъ вопросъ въ статьѣ „регрессивная и прогрессивная теорія происхожденія міра“—нужно ли представлять процессъ мірообразования прогрессивнымъ или регрессивнымъ. По его мнѣнію Божественное откровеніе указываетъ въ исторіи міротворенія и регрессивныя и прогрессивныя черты. Сначала творится міръ высшихъ духовъ, затѣмъ—міръ вещественный. Это процессъ регрессивный (сначала существа ближайшія къ Богу, затѣмъ отдаленнѣйшія), но процессъ созданія міра вещественнаго по описанію кн. Бытія является всецѣло прогрессивнымъ. Космологическія изслѣдованія В. Д—ча находятъ себѣ дополненіе и разъясненіе въ статьяхъ „телеологическая идея и матеріализмъ“, „телеологическое значеніе природы“, „безусловный прогрессъ и истинное усовершенствованіе рода человѣческаго“. Въ этихъ статьяхъ В. Д—чь устанавливаетъ, что природа свидѣтельствуетъ о цѣлесообразномъ строѣ міра и заставляетъ предполагать, что конечною цѣлью цѣлесообразныхъ процессовъ міровой жизни является человѣкъ. Жизнь человѣчества тоже представляетъ цѣлесообразный процессъ прогресса, но этотъ наблюдаемый умственный процессъ не есть еще дѣйствительно истинный процессъ, а только условіе такового. Побѣды одержанныя человѣкомъ надъ природою, надъ пространствомъ и временемъ (желѣзныя дороги, телеграфы) суть только средства, благодаря которымъ человѣку удобно работать надъ своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ, которое и представляетъ собою истинный прогрессъ. Цѣль этого прогресса лежитъ по ту сторону бытія. Жизнь человѣка не ограничивается этимъ міромъ, онъ предназначенъ для вѣчности, его душа бессмертна. В. Д—чь далъ трактатъ „бессмертіе души“. Онъ изложилъ четыре доказательства бессмертія: онтологическое, психологическое, телеологическое и теологическое. Есть въ этомъ трактатѣ одна подроб-

ность останавливающая на себѣ вниманіе. В. Д—чь затрогиваетъ вопросъ о безсмертіи животныхъ (въ психологическомъ доказательствѣ) и повидимому онъ не прочь допустить это безсмертіе, хотя и выражается и говоритъ очень осторожно.

Всѣ сочиненія В. Д—ча написаны спокойнымъ, объективнымъ языкомъ. Онъ не негодуетъ на своихъ противниковъ, спокойно онъ взвѣшиваетъ ихъ аргументы, отдаетъ должное ихъ знаніямъ и уму и опровергаетъ то, съ чѣмъ онъ несогласенъ. По самой природѣ своей онъ не могъ быть любителемъ полемики и не могъ допускать полемики запальчивой и страстной. Но есть у него одна критическая статья „Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Спб. Томы I—V, 1861—1862“. Съ душевною болью, видно, онъ отмѣчаетъ враждебный по отношенію къ христіанству тонъ статей словаря, но за всѣмъ тѣмъ спокойно раскрываетъ неосновательность и противорѣчивость этихъ статей.

Сочиненія В. Д—ча изданы братствомъ преподобнаго Сергія, состоящимъ при Московской духовной Академіи, въ теченіи 1893—1894 г.г. въ трехъ томахъ по три выпуска въ каждомъ томѣ (всего 9 книгъ). Но это изданіе не заключаетъ въ себѣ всего того, что было напечатано и тѣмъ болѣе написано В. Д—чемъ. Имъ напечатано нѣсколько проповѣдей, которыя не вошли въ изданіе. У него осталась ненапечатанная рукопись „о чрезвычайныхъ духовныхъ дарованіяхъ въ церкви Апостольской“; многія изъ лекцій, которыя онъ читалъ (объ абсолютной цѣли творенія, о святости) ненапечатаны. Отъ него остался доселѣ неизданный курсъ логики. Судьба его рукописей является нѣсколько загадочной, но еще не потеряна надежда, что онъ могутъ быть найдены и доставлены Академіи, и тогда братство преподобнаго Сергія, которому В. Д—чь завѣщаль право изданія всѣхъ своихъ сочиненій, не замедлитъ съ ихъ опубликованіемъ.

В. Д—чь Кудрявцевъ является въ Московской Академіи преемникомъ и продолжателемъ Ѳ. А. Голубинскаго, онъ развилъ и обосновалъ воззрѣнія своего учителя, но не видно, чтобы онъ отступалъ отъ нихъ, особенно въ существенномъ. Для многихъ работъ В. Д—ча можно указать источники, которыми онъ широко пользовался, но онъ всегда утилизировалъ ихъ въ цѣляхъ апологіи теистической философіи, первымъ представителемъ которой на Руси считается Голубинскій. Для своей магистерской диссертациі В. Д—чь много использовалъ Катрфажа. „Естественную исторію человѣка“ (эта работа Катрфажа въ послѣдствіи подъ заглавіемъ *L'Esprèse humaine* выдержало при его жизни 9 изданій).

Для докторской диссертации В. Д—чь широко утилизировать книгу (2 тома) Пфлейдерера „Die Religion, ihr Wesen und Geschichte. 1869—70, но на мѣсто Geschichte В. Д—чь поставилъ Ursprung (Пфлейдереръ впоследствии переработалъ и значительно дополнилъ свою книгу). Пользовался В. Д—чь Ульрици (въ анализѣ познанія), Фехнеромъ (въ трактатѣ объ атомизмѣ), Ревилемъ (о религіяхъ народовъ) Тренделенбургомъ (въ лекціяхъ по логикѣ), но онъ не шелъ за тѣми учеными, работами которыхъ пользовался, но утилизировалъ ихъ для защиты своихъ принциповъ. В. Д—чь умѣлъ брать то, что ему нужно, но не становился въ зависимость отъ того, у кого бралъ.

Отмѣчаютъ, что В. Д—чь „для оправданія теистическаго міровоззрѣнія довольствовался критикою извѣстныхъ философскихъ ученій, не подвергая основныя данныя человѣческаго сознанія новому самостоятельному пересмотру“ (Колубовскій, см. Брокгауза и Ефрона Энциклопедич. словарь, полутомъ 32, стр. 929). Позволительно думать, что психологическій анализъ могъ бы заставить В. Д—ча нѣсколько измѣнить свои воззрѣнія, именно отказаться отъ теоріи особаго органа для воспріятія Божества. Во 1) къ чему размножать число органовъ духа при незнаніи духа? Во 2) у самого В. Д—ча проскальзываетъ, да и всякій вѣрующій человѣкъ непременно это приметъ, что Божество непосредственно воздѣйствуетъ на всего человѣка и на его чувство и на его волю. Въ 3) съ христіански-богословской точки зрѣнія духъ Божій живетъ въ человѣкѣ, и это обитаніе Св. Духа прежде всего выражается въ настроенности человѣка, а не въ составляемыхъ имъ умозаключеніяхъ. В. Д—чь принялъ гипотезу особаго органа отъ Якоби чрезъ Голубинскаго, но психологія и богословіе одинаково отвергаютъ эту гипотезу. За всѣмъ тѣмъ нельзя В. Д—ча упрекать за то, что онъ не занялся пересмотромъ фактовъ сознанія. Онъ далъ очень много, онъ далъ защиту тезиса построенную на критикѣ философскихъ ученій. Такая работа была необходима. Другіе должны продолжать это дѣло защиты путемъ психологическихъ и историческихъ изслѣдованій. Очень жаль только, что многіе ученики В. Д—ча вмѣсто того, чтобы вступить на этотъ новый путь, продолжаютъ слѣдовать его методу и доводятъ его ad absurdum, составляя книги изъ разбора безчисленныхъ мнѣній — часто не имѣющихъ никакого значенія и цѣны — и нерѣдко топя истину въ хаотическомъ конгломератѣ теорій. Ставятъ В. Д—чу въ упрекъ растянутость изложенія въ его трудахъ. Дѣйствительно даже и подъ его ученическими и студенческими работами рецензенты нерѣдко отмѣчали длинноту

рѣчи. Но нужно замѣтить, что, благодаря этой растянутости, его сочиненія отличаются необыкновенной ясностью. Большая часть его трудовъ не можетъ подать повода къ спорамъ или перетолкованіямъ. Но сжатое изложеніе очень легко можетъ вызвать недоразумѣнія. Можно указать у В. Д—ча кое-гдѣ натянутость доводовъ. Такъ, говоря о взаимоотношеніи Бога и человѣка, возможность непосредственнаго воздѣйствія Божества В. Д—чь между прочимъ доказываетъ тѣмъ, что духъ человѣческій—хотя и конечный, какъ духъ ближе къ Богу, который есть духъ, чѣмъ къ матеріи, съ которою онъ находится во взаимодействіи, а говоря о взаимодействіи духа и матеріи, В. Д—чь утверждаетъ, что духъ человѣческій, какъ конечный, ближе къ матеріи, чѣмъ къ Богу. Но такіе доводы у него исключительны, случайны и не имѣютъ значенія въ его системѣ. Гораздо важнѣе вопросъ: высказался ли до конца въ своихъ сочиненіяхъ В. Д—чь? Нужно думать, что нѣтъ. Несомнѣнно, онъ писалъ то, что думалъ, но онъ писалъ не все, что думалъ. Онъ былъ очень остороженъ и боялся подать поводъ къ соблазну. Было указано, какъ осторожно и неопредѣленно высказался онъ по вопросу о безсмертіи животныхъ. На одномъ коллоквиумѣ въ 1885 г. онъ развилъ теорію, что ангелы грѣшатъ и падаютъ, но такъ, что сами поднимаются. Человѣкъ палъ такъ, что самъ не могъ подняться, но сохранилъ желаніе подняться. Діаволь палъ такъ, что не можетъ подняться самъ и не хочетъ подниматься при содѣйствіи высшей помощи. Безъ сомнѣнія, В. Д—чь имѣлъ много подобныхъ богословскихъ и философскихъ теорій, которыя не хотѣлъ предавать печати.

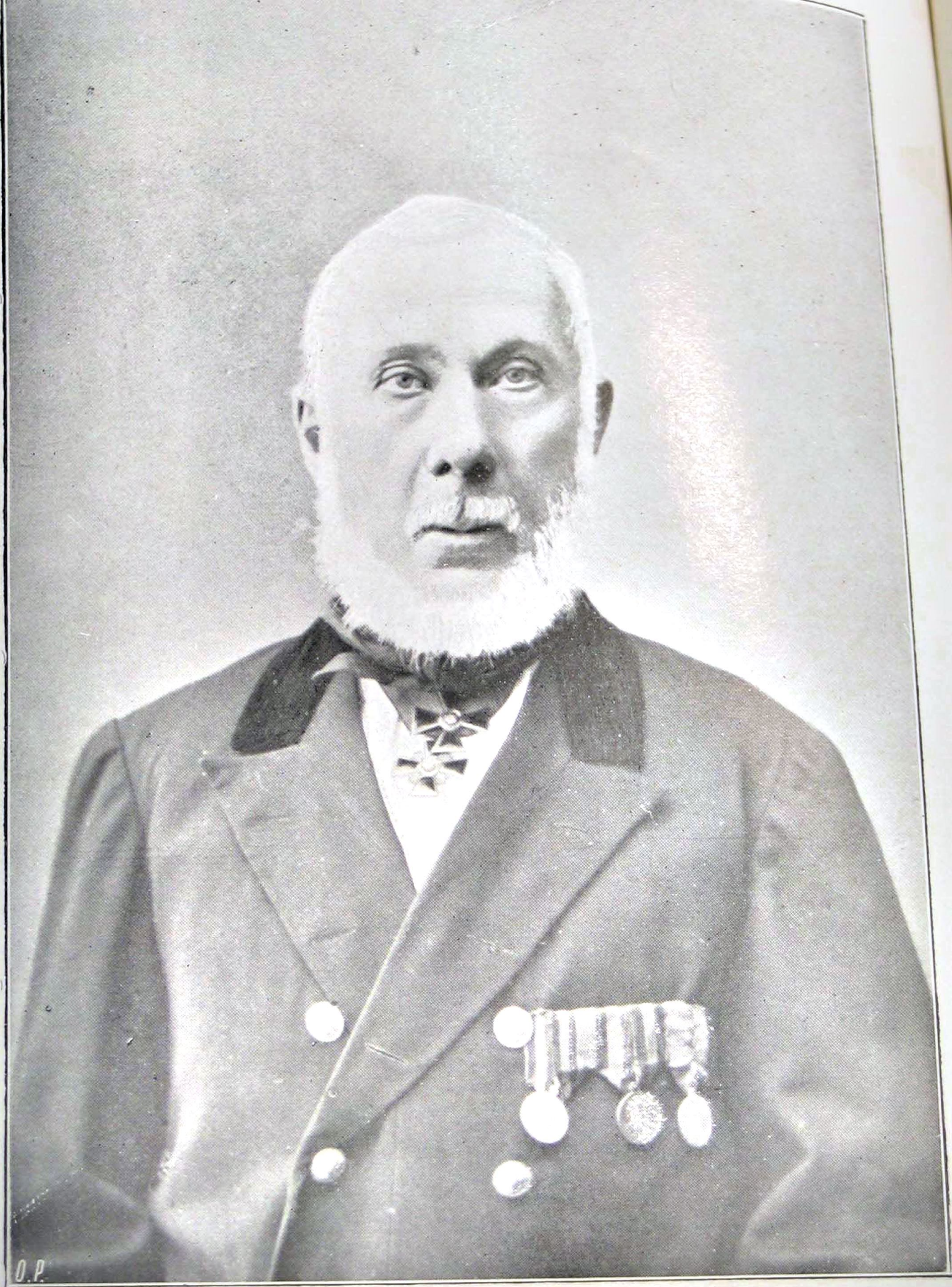
Но того, что онъ сдѣлалъ, никогда не должно забыть русское общество и никогда не забудетъ Московская Академія. Его значеніе громадно. Онъ одинъ изъ немногихъ духовныхъ началъ писать изящнымъ литературнымъ языкомъ, и его сочиненія даже черезъ вторыя и третьи руки (наприм., черезъ учебникъ по Основному Богословію архим. Августина) учили духовныхъ воспитанниковъ учить и писать литературною русскою рѣчью. Его сочиненія значительно содѣйствовали исчезновенію нелѣпо напыщеннаго полуславянскаго, полурусскаго штиля. Но не въ этомъ его главная заслуга. Въ высшей степени важно для нашего умственнаго и нравственнаго просвѣщенія, что онъ научилъ многихъ изъ своихъ учениковъ и читателей правильно относиться къ своимъ философскимъ и религіознымъ противникамъ. Тонъ бахвальства, ничѣмъ не оправдываемаго презрѣнія и ужаснѣйшая брань обычно характеризовали отношеніе русскихъ духовныхъ и недуховныхъ писателей къ противни-

камъ. Лже-философъ Кантъ, юродъ Гегель, лженатуралистъ Дарвинъ, это—сравнительно самые снисходительные отзывы духовной печати о западныхъ мыслителяхъ. В. Д—чъ училъ собственнымъ примѣромъ относиться съ уваженіемъ къ своимъ противникамъ, не закрывать глаза на то, что они сдѣлали хорошаго, не ругать, а серьезныя возраженія противопоставлять тѣмъ ихъ мнѣніямъ, которыя мы признаемъ несправедливыми. Онъ училъ далѣе стараться правильно понимать и оцѣнивать доводы противниковъ, не называть сильныя возраженія слабыми, не извращать мысли противника. Точно также никогда онъ не обнаруживалъ тенденціи къ переоцѣнкѣ своихъ доводовъ. Отказываясь принять какую-либо теорію, онъ откровенно высказывалъ, что его возраженія противъ нея вовсе не имѣютъ рѣшающаго значенія, что его соображенія имѣютъ только силу вѣроятности. Это благородное отношеніе къ противникамъ и строгое отношеніе къ себѣ поучительно для ученыхъ и литераторовъ далеко не одной Россіи. Наконецъ, тѣ, кому дороги принципы христіанскаго теизма, должны признать, что онъ сдѣлалъ для него столько, сколько могли сдѣлать только немногіе. Показателемъ важнаго значенія его трудовъ служить отношеніе къ этимъ трудамъ противниковъ. Они его уважаютъ, они признаютъ, что его труды чужды односторонности, что его доводы серьезны и съ ними нелегко считаться.

Два университета—Московскій и Петербургскій (послѣдній черезъ министра народнаго просвѣщенія гр. Путятина) въ 1861 г. пытались отнять В. Д—ча у Академіи, предлагая ему кафедры философіи. Но В. Д—чъ не оставилъ Академіи. Не пожелалъ его отпустить и м. Филаретъ. В. Д—чъ отдалъ свои силы и жизнь Академіи, и Академія всегда будетъ съ гордостью вспоминать своего замѣчательнаго философа, славнаго защитника христіанскихъ идеаловъ.

Литература. Сочиненія В. Д. Кудрявцева-Платонова. 3 тома. Серг. Пос. 1893—1894 г.г. Начальныя основанія философіи его-же. О В. Д—чѣ см. въ 1-мъ томѣ его сочиненій біографію написанную проф. И. Н. Корсунскимъ и изложеніе его философіи сдѣланное проф. А. И. Введенскимъ. Въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1892, № 1 см. статью П. П. Соколова, въ Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія 1893 г. статью П. В. Тихомирова. А. И. Введенскій свое изложеніе философіи В. Д—ча первоначально сдѣлалъ въ Вопросахъ философіи и психологіи.

Профессоръ Д. Ѳ. Голубинскій.

ПРОФЕССОРЪ

Димитрій Θεодоровичъ Голубинскій.

(1832 г. 19 мая—1903 г. 23 Ноября).

Съ Димитріемъ Θεодоровичемъ Голубинскимъ, можно сказать, сошла въ могилу старая Академія. Почти полвѣка московская Академія управлялась властною рукою митрополита Филарета, и это управленіе могуче сказывалось на всѣхъ сторонахъ жизни Академіи. Особенно оно сказывалось на работахъ профессоровъ, на всѣхъ учено-литературныхъ трудахъ выходившихъ изъ Академіи. Димитрій Θεодоровичъ среди профессоровъ Академіи былъ послѣднимъ, на которомъ всецѣло отразился духъ школы первой половины XIX столѣтія, онъ былъ живымъ воплощеніемъ традицій школы за первое полстолѣтіе ея существованія, онъ твердо зналъ эти традиціи и свято хранилъ ихъ. Своими воспоминаніями о прошломъ онъ служилъ живою лѣтописью для Академіи. Но онъ является не только выразителемъ духа воспитавшей его эпохи, онъ представляетъ собою то лучшее въ нравственной сферѣ, что могли создать своимъ воспитательнымъ вліяніемъ лучшіе представители тогдашней богословской школы. Представлявшій собою по выработкѣ характера, по твердости своихъ нравственныхъ принциповъ, по строгости своихъ правилъ жизни исключительно высокое нравственное явленіе, онъ, являясь по своимъ традиціямъ человѣкомъ для насъ прошлой эпохи, по своимъ нравственнымъ качествамъ являлся для насъ человѣкомъ изъ другого міра.

Онъ былъ сыномъ профессора Академіи Θεодора Александровича Голубинскаго, котораго называютъ родоначальникомъ русскаго теизма. Философъ-священникъ, соединявшій въ себѣ высокое образованіе и глубоко-смирненное благочестіе, былъ воспитателемъ своего сына и въ жизни сталъ для него идеаломъ. У Θεодора Александровича было девять человѣкъ дѣтей, изъ нихъ пятеро

умерли очень маленькими, остались въ живыхъ дочь Марія и сыновья: Сергій, Димитрій и Петръ. Димитрій родился въ 1832 г. 19 мая. Жена Θεодора Александровича Анна Ивановна, урожденная Кутневичъ, сестра извѣстнаго протопресвитера Кутневича, была родомъ изъ западнаго молдавскаго края. Ея мать, бабушка Димитрія Θεодоровича, помнившая и знавшая еще Георгія Ковневскаго, кажется, была для Димитрія Θεодоровича первой учительницей исторіи. Своими разказами о прошломъ она доводила маленькаго мальчика отъ его настоящаго (около 40-го года XIX столѣтія) почти на цѣлое столѣтіе назадъ—къ половинѣ XVIII вѣка. Можетъ быть эти разказы бабушки—правдивые, назидательные и содержательные—впервые возбудили въ мальчикѣ любовь къ тому, что было, къ тѣмъ, которые умерли. Безъ сомнѣнія вся высоконравственная семья Голубинскихъ направляла мысль мальчика такъ, что изъ прошлаго нужно выбирать хорошее, что не все должно вспоминать, что для нравственнаго блага настоящаго и будущаго порою полезно забыть кое-что прошедшее.

Дѣтство Димитрія Θεодоровича не долго было свѣтлымъ и радостнымъ. Ему не было еще девяти лѣтъ, когда умерла его мать. А затѣмъ послѣдовательно и непрерывно смерть стала отнимать у него одного за другимъ близкихъ ему людей. Въ 1844 г. Димитрій Θεодоровичъ послѣ домашняго приготовленія поступилъ въ виѳанскую семинарію. Ему было всего лишь 12 лѣтъ и самъ онъ, какъ говорилъ, не желалъ спѣшить съ своимъ образованіемъ, онъ просилъ своего родителя дозволить ему остаться на повторительный курсъ въ младшемъ классѣ или, кажется, просилъ о томъ, чтобы ему не поступать въ Академію непосредственно по окончаніи курса. Θεодоръ Александровичъ не согласился. Тѣмъ обстоятельствомъ, что ему не давали передохнуть при прохожденіи образованія, Димитрій Θεодоровичъ отчасти былъ склоненъ объяснить то, что ему не удалось узнать нѣмецкаго языка. Онъ зналъ только французскій. Вѣроятно занятія нѣмецкимъ откладывались за недосугомъ въ томъ предположеніи, что учитель нѣмецкаго языка былъ всегда на лицо: Θεодоръ Александровичъ преподавалъ нѣмецкій языкъ и прекрасно владѣлъ имъ. Юный Голубинскій въ семинаріи уже велъ дневникъ, который потомъ продолжалъ всю жизнь. Интересно, что при тогдашнихъ порядкахъ даже Димитрій Голубинскій оказывался заслуживавшимъ наказанія. Такъ профессоръ Ключаревъ, впоследствии архіепископъ харьковскій Амвросій, два раза ставилъ его столбомъ въ классѣ. Разумѣется, оба раза по недоразумѣнію. Въ 1843 г., когда Димитрій Θεодоровичъ перешелъ въ богословскій классъ, 26 сентября

митрополитомъ Филаретомъ онъ былъ посвященъ въ стихарь, т. е. въ степень церковнаго чтеца и онъ дорожилъ этою степенью и говорилъ, что не считаетъ себя вправѣ искать степеней высшихъ. Поднимался вопросъ о принятіи имъ монашества, еще серьезнѣе и упорнѣе поднимался вопросъ о принятіи имъ священства, но онъ оставался міряниномъ или—вѣрнѣе—монахомъ въ міру. Очень можетъ быть, что мысль о священствѣ занимала его. Молиться за другихъ и себя предъ престоломъ, совершать безкровную жертву за близкихъ и знаемыхъ, это казалось высокимъ счастьемъ для его отца, для Александра Васильевича Горскаго, такъ это должно представляться и всякому благочестивому человѣку. Димитрій Θεодоровичъ, рассказывая о томъ, какъ его склоняли къ священству, говорилъ: „вѣдь, предъ принятіемъ сана я долженъ исповѣдаться во всѣхъ грѣхахъ моей жизни, а вдругъ священникъ бы нашелъ у меня такой грѣхъ, который дѣлаетъ невозможнымъ мое посвященіе“. И онъ остался въ стихарѣ, стихарь онъ надѣвалъ 30 сентября и читалъ въ академическомъ храмѣ паремьи наканунѣ храмоваго праздника и дня акта Академіи и въ стихарѣ онъ завѣщалъ похоронить его, что и исполнено.

Въ 1849 г. Димитрій Θεодоровичъ лишился двухъ своихъ дядей, изъ которыхъ одинъ и жилъ въ домѣ его родителя. Въ 1850 г. онъ поступилъ въ Академію. Академическіе годы были для него не только годами полученія высшаго образованія, но и годами полученія высшихъ уроковъ терпѣнія. Его старшій братъ Сергѣй, студентъ академіи, страдалъ чахоткою, онъ болѣлъ долго и умеръ въ концѣ января 52-го года. На похоронахъ простудился младшій Голубинскій—Петръ, и скарлатина въ три дня унесла его въ могилу. Сестра Димитрія Θεодоровича еще въ 1847 г. вышла замужъ (она умерла въ 1858 г.) такъ, что Димитрій Θεодоровичъ остался теперь одинъ въ семьѣ своего родителя. Скоро онъ долженъ былъ остаться совсѣмъ однимъ. Въ 1854 г. онъ окончилъ курсъ пятымъ магистромъ и былъ оставленъ при академіи бакалавромъ по кафедрѣ физики и математики. Θεодоръ Александровичъ подалъ въ оставку и отправился на свою родину въ Кострому, гдѣ неожиданно схватилъ холеру и скончался 22 августа. Мы слышали, что Димитрію Θεодоровичу предлагали бесплатно занимать казенную квартиру представленную его родителю, но онъ отклонилъ это предложеніе, онъ нанялъ себѣ домъ въ Посадѣ около церкви св. Ильи пророка, перенесъ туда обстановку, въ которой жилъ его отецъ, и не внося никакихъ новшествъ, прожилъ здѣсь до смерти. Пытался, правда, было онъ устраивать въ своей квартирѣ звонокъ, но назойливые посѣти-

тели приходившіе къ нему съ просьбами обрывали у него звонки, и онъ прекратилъ попытки ихъ устраивать. Приходившіе къ нему возвѣщали о своемъ прибытіи стукомъ въ окно нижняго этажа, гдѣ находилась прислуга, и тогда имъ отпиралась дверь.

Отъ своего родителя Θεодора Александровича Димитрій Θεодоровичъ получилъ наслѣдство только не такое, какое дѣти обыкновенно получаютъ отъ отцовъ. Отецъ оставилъ сыну бѣдныхъ, которыхъ призрѣвалъ и которыхъ теперь долженъ былъ призрѣвать сынъ. Это наслѣдство Димитрій Θεодоровичъ принялъ съ любовью и исполнялъ по отношенію къ нему всѣ евангельскія обязательства. И получаемый имъ теперь денежный капиталъ въ видѣ скромнаго бакалаврскаго жалованья и пріобрѣтенный имъ духовный капиталъ въ видѣ знаній онъ долженъ былъ отдавать другимъ. Онъ сталъ теперь вмѣсто отца профессоромъ въ Академіи и благотворителемъ бѣдныхъ въ Посадѣ. Весьма вѣроятно, что, когда Димитрій Θεодоровичъ вступилъ на кафедру, запасъ его знаній не былъ обширнымъ, но едва ли когда кромѣ него входилъ на кафедру профессоръ въ столь юномъ возрастѣ съ столь твердо выработаннымъ непоколебимымъ міровоззрѣніемъ съ такою твердою нравственною волею, съ такимъ яснымъ взглядомъ на путь, который предлежитъ человѣку на землѣ.

Мы сказали, что на немъ отпечатлѣлась эпоха первой половины XIX вѣка. Намъ могутъ возразить, что въ Академіи онъ учился уже въ началѣ второй половины столѣтія, и эта вторая половина и была эпохой его дѣятельности. Это вѣрно, но новая эпоха началась на Руси не съ 51-го года, а съ вступленіемъ на престолъ новаго императора. Суровость и строгость характеризовали время до Александра II. И замѣчательно, какъ покойный сумѣлъ усвоить лучшее изъ обоихъ эпохъ—онъ усвоилъ отъ первой строгость и требовательность къ себѣ и отъ второй—мягкость и снисходительность къ другимъ. Поэтому въ себѣ самомъ онъ представлялъ воспитанника суроваго режима. Онъ строго исполнялъ требованія академическаго устава, былъ всегда безусловно покоренъ и почтителенъ къ гражданской и церковной власти. Только разъ, какъ знаетъ это авторъ настоящей статьи, въ 1897 г. ему приснилось, что онъ самовольно разорвалъ одинъ указъ ¹⁾ и то, проснувшись, онъ испугался. Насколько онъ былъ

---

¹⁾ Указъ св. Синода, послѣдовавшій въ отвѣтъ на протестъ профессоровъ по поводу отчета о ревизіи Московской дух. академіи въ хозяйственномъ и воспитательномъ отношеніи, произведенной членомъ учебнаго комитета П. И. Нечаевымъ.

дисциплинированъ и насколько онъ дисциплинировалъ самого себя, можно только удивляться. Онъ любилъ стихи и не мало зналъ наизусть. Но онъ любилъ выбирать у поэтовъ гуманныя и благородныя мысли. Онъ любилъ Жуковского. Изъ Пушкина нерѣдко передъ другими читалъ „Анчаръ“. О Лермонтовѣ онъ говорилъ, что „Демона“ его не читалъ, но его „ангела“ зналъ наизусть и по поводу „Валерика“ говорилъ: „вотъ, господа, и военный былъ и свѣтскій, а посмотрите, какія у него иногда встрѣчаются гуманныя мысли—онъ говоритъ въ Валерикѣ послѣ описанія кроваваго сраженія:

Я думалъ: жалкій человекъ!

Чего онъ хочетъ? Небо ясно.

Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,

Не непрестанно и напрасно одинъ воюетъ онъ.

Зачѣмъ?“

Беллетристическихъ произведеній онъ не читалъ, пародій на стихотворенія, сатиръ, насмѣшекъ, каррикатуръ онъ не признавалъ. Какъ онъ смотрѣлъ на подобныя занятія, можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ 1847 г. застрѣлился (зарядивъ пистолетъ пуговицею) студентъ Академіи Сергѣй Куняевъ. Онъ оставилъ послѣ себя такое стихотвореніе:

Не жилецъ уже я на бѣломъ свѣту,

Не кормилецъ я отцу, матери,

Не защита я сестрамъ, братьямъ моимъ.

Отъ меня, мой другъ, не жди помощи.

Истошила грусть, тоска лютая

Молодую грудь, тѣло крѣпкое.

Высохъ мозгъ у меня, сердце выныло.

Кровь застыла во мнѣ, прерывается духъ.

И глядитъ мнѣ въ глаза съ злой улыбкою смерть.

А пожить по душѣ не успѣлъ еще я,

И всего то мнѣ 22 года ¹⁾).

Обсуждая иногда судьбу этого несчастнаго студента, Димитрій Θεодоровичъ говорилъ, что былъ у него повидимому нѣкоторый грѣхъ—духовная гордость. Куняевъ умѣлъ рисовать. Между его товарищами былъ одинъ имѣвшій собаку и любившій выпить. Куняевъ изобразилъ этого своего товарища на такомъ рисункѣ. Стоитъ кабакъ. Къ нему направляется студентъ. Собака опередившая своего хозяина и очевидно отлично знавшая намѣренія

---

¹⁾ Стихотвореніе записано авторомъ настоящей статьи со словъ Д. Θ. Голубинскаго.

хозяина, лапами стучится въ дверь кабака. Эта товарищеская насмѣшка, которую при дружественныхъ отношеніяхъ между товарищами мы готовы признать невинною и безобидною, въ глазахъ Дмитрія Θεодоровича была недопустимой, онъ готовъ связать съ нею печальную судьбу Куняева, а объ изображенномъ въ карриатурѣ товарищѣ говорилъ: Богъ судилъ ему быть потомъ священникомъ и онъ скончался не такъ давно въ санѣ протоіерея.

Какъ былъ строгъ покойный къ словамъ! Выше въ приложеніи къ нему мы употребили слово „міровоззрѣніе“. Онъ не употреблялъ этого слова. Оно, говорилъ онъ, введено въ употребленіе нѣмецкой идеалистической философіей (Weltanschauung) и заключаетъ въ себѣ пантеистическій смыслъ. Конечно, должно признать, что филологически онъ правъ. Подъ міровоззрѣніемъ мы разумѣемъ воззрѣніе на все, значить, и на Бога, значить и Богъ включается въ міръ. Теперь въ самомъ словѣ міровоззрѣніе не ищутъ указанія на его характеръ (нерѣдко употребляютъ выраженіе: теистическое міровоззрѣніе), но должно признать, что поэтому филологически оно далеко не соотвѣтствуетъ обозначаемому имъ понятію. Дмитрій Θεодоровичъ писалъ не январь, а генварь, потому что слово январь напоминаетъ о языческомъ богѣ Янусѣ, онъ писалъ Георгій, а не Юрій, потому что имени Юрій нѣтъ въ христіанскихъ святцахъ. Онъ постоянно помнилъ слова Спасителя: „за всякое праздное слово, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда“ (Мѣ. 12, 31). Слово можетъ и соблазнять и убивать, съ нимъ нужно обращаться въ высшей степени осторожно и употреблять его непременно ясно. По поводу выраженія: Архимандритъ Макарій написалъ любовное письмо къ Θεодору Александровичу Голубинскому, Дмитрій Θεодоровичъ сказалъ, что любовное нужно замѣнить словами исполненное любви, иначе оно можетъ подать поводъ къ двусмысленнымъ толкованіямъ. Дмитрій Θεодоровичъ безусловно не дозволялъ употреблять церковныя и священныя выраженія о нецерковныхъ предметахъ. Въ этой его осторожности по отношенію къ слову сказалось и вліяніе митрополита Филарета, требовавшаго строгого обращенія съ словомъ, и его родителя много лѣтъ бывшаго цензоромъ въ эпоху самой суровой цензуры и нравственный характеръ его самого страшно смущавшагося мыслию, что онъ можетъ кого-либо соблазнить.

Какъ преподаватель, Дмитрій Θεодоровичъ отличался ясностью изложенія. По отношенію къ физикѣ онъ руководился правиломъ своего предшественника Николая Александровича Сергіевскаго:

никогда не производить въ аудиторіи опыта, который ранѣе не былъ произведенъ наединѣ въ кабинетѣ. Преподаваніе его по необходимости должно было быть очень элементарнымъ, такъ какъ слушатели не владѣли даже элементами математическаго познанія. Физико-математическое образованіе вообще въ духовныхъ академіяхъ непрерывно шло на убыль. Сначала было особое физико-математическое отдѣленіе, затѣмъ раздѣленіе на отдѣленія было уничтожено, преподаваніе физико-математическихъ наукъ сдѣлано обще обязательнымъ и было отмѣнено преподаваніе дифференціального и интегральнаго исчисленій. А затѣмъ было отмѣнено и совсѣмъ преподаваніе физико-математическихъ наукъ. Можно пожалѣть, что не осталось курса Дмитрія Теодоровича. Этотъ курсъ несомнѣнно долженъ былъ отличаться тою ясностью и строгостью, которыя характеризуютъ классическихъ математиковъ и которыя къ сожалѣнію отсутствуютъ у многихъ современныхъ, дающихъ порою совершенно неосновательныя доказательства теоремъ. Дмитрій Теодоровичъ любилъ ссылаться на точность Эвклида и указывалъ, что его теперь искажаютъ. Воззрѣній новой геометріи, нашедшей своего родоначальника въ Лобачевскомъ, онъ не раздѣлялъ, но и не отрицалъ рѣшительно. По теоріи Лобачевскаго сумма угловъ плоскаго треугольника менѣе двухъ прямыхъ. Это „менѣе“ можетъ быть обнаружено только на громадныхъ треугольникахъ, если, наприим., соединить воображаемыми прямыми три звѣзды и произвести измѣреніе угловъ этого треугольника. Лобачевскій и произвелъ такую провѣрку и нашелъ подтвержденіе своей теоріи. Дмитрій Теодоровичъ указывалъ, что въ этомъ аргументѣ—который въ сущности у Лобачевскаго не имѣетъ значенія—есть нѣкоторый логическій кругъ, такъ какъ измѣреніе производилось Лобачевскимъ по принципамъ обычной геометріи и поэтому можетъ свидѣтельствовать только объ ошибкѣ того, кто измѣрялъ. Дмитрій Теодоровичъ приводилъ и доказательство эвклидова постулата, на отрицаніи котораго утверждаются всѣ новыя геометрическія представленія. Вотъ—сущность принимавшагося имъ доказательства. Если двѣ прямыя (BC и EF) перпендикулярны къ третьей (CD), то тогда какой бы малый уголъ ни образовывала линія (CA) съ однимъ изъ перпендикуляровъ (BC), она непремѣнно при продолженіи пересѣчетъ и другой (EF). Опишемъ произвольнымъ радіусомъ изъ C точки пересѣченія линій BC и CA четверть окружности. Допустимъ, что уголъ BCA образованный нашими прямыми содержится и разъ въ данномъ прямомъ углѣ (четверти окружности). Если разстояніе между перпендикулярами BC и EF равно нѣкоторой

товымъ уже работамъ. Такъ это въ исторической части. То же самое и въ полемической: спорные вопросы не ставятся на идейно-принципiальную почву,—полемика строится схоластически и резонерски-раціоналистически, безъ объективно-научнаго изученiя предметовъ спора, въ видѣ препирательства съ противникомъ, причемъ полемическiе доводы часто не выдерживаютъ научно-объективной критики и даже могутъ быть обращены, при помощи того же резонерства, противъ самого полемиста.

Но тотъ же долгъ правды, въ защиту С. К-ча, требуетъ указать на то, что онъ былъ начинателемъ новой и чрезвычайно трудной дисциплины и шелъ еще не проложенною дорогою. Въдѣ и современное русское расколо—и секто-вѣденiе не далеко ушло. Увеличился только внѣшне-историческiй материалъ для изученiя, но принципiально-идейная сторона какъ въ изученiи исторiи русскаго расколо-сектантства, такъ и въ полемикѣ съ нимъ остается на прежнемъ уровнѣ.

Впрочемъ, къ чести С. К—ча должно сказать, что и этому, столь же второстепенному, предмету, какъ и русская гражданская исторiя, его исключительный профессорскiй талантъ смогъ сообщить необыкновенную привлекательность среди студентовъ: лекцiи по расколу посѣщались также охотно, если даже не болѣе, какъ и по русской гражданской исторiи.

Греческiй языкъ также былъ предметомъ не первой важности. Онъ имѣлъ, кажется, еще меньшее значенiе, чѣмъ русская гражданская исторiя. Эту кафедру до С. К—ча занимали бакалавры или переходившiе на другiе предметы, или уходившiе въ Москву на священническiя мѣста, или же пользовавшiеся этимъ предметомъ въ качествѣ прибавочной синекуры къ скудному бакалаврскому окладу. Обычно онъ предоставлялся двумъ бакалаврамъ—одному въ высшемъ, другому въ низшемъ отдѣленiяхъ. Вмѣстѣ съ гражданскою исторiей и расколомъ С. К—чъ преподавалъ греческiй языкъ въ низшемъ отдѣленiи. Такъ—до академической реформы 1870-го года, когда, по уставу 1869-го года, для греческаго и латинскаго языковъ были учреждены двѣ самостоятельныя кафедры. Оставивъ гражданскую исторiю и расколъ, С. К—чъ теперь взялъ себѣ одинъ греческiй языкъ ¹⁾ и препода-

¹⁾ Почему С. К—чъ оставилъ свой главный и любимый предметъ—русскую гражданскую исторiю, по коей онъ прiобрѣлъ себѣ уже почетную извѣстность своими научными трудами и популярностью среди студентовъ, это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что, какъ показываетъ вышеупомянутое прошенiе его 1867-го года митрополиту объ опредѣленiи его на мѣсто священника при Московской церкви Иоанна Предтечи у Креста, онъ въ виду приближавшагося 25-лѣт-

валъ его на всѣхъ курсахъ до новой академической реформы 1884-го года, когда по новому уставу, онъ, какъ ректоръ академіи, не могъ занимать самостоятельной кафедры и долженъ былъ ограничиваться двумя лекціями, добавочными къ какой либо богословской дисциплинѣ. С. К-чъ избралъ предметъ нишушаго эту статью: Священное Писаніе Новаго Завѣта, отграничивъ себѣ спеціальную область греческаго новозавѣтнаго языка, коего преподавателемъ онъ состоялъ до своего увольненія въ отставку 30-го іюля 1886-го года.

Какъ предметъ третьестепенный, переходный или же добавочный для молодыхъ бакалавровъ, греческій языкъ не пользовался вниманіемъ ни у студентовъ, ни у преподавателей. Для послѣднихъ не было ни побужденій ни даже возможности серьезно относиться къ этому предмету. Обычно преподавателями его молодые бакалавры состояли очень недолго, такъ какъ вскорѣ или „выбывали изъ Академіи на священническія мѣста въ Москву“, или переходили на другіе болѣе важные предметы, или же соединяли съ этими послѣдними греческій языкъ въ качествѣ прибавочной синекуры. Всѣ эти случаи весьма неблагоприятны были для надлежащаго преподаванія языка. Въ первомъ случаѣ кафедра замѣщалась лицами, не думавшими посвящать себя служенію академической наукѣ и смотрѣвшими вонъ изъ Академіи. Во второмъ—греческимъ языкомъ занимались только *сui gratio salis*, по нуждѣ, до ближайшей возможности перейти на другую науку. Въ послѣднемъ же случаѣ молодые бакалавры на первыхъ порахъ все рвеніе должны были устремлять на главные предметы ихъ преподаванія, за коимъ, какъ, знаемъ тогда зорко наблюдали ректоры и въ особенности самъ строжайшій митрополитъ Филаретъ.

Сергѣй Константиновичъ сразу же измѣнилъ постановку преподаванія и по этому, хотя и добавочному, предмету. Благодаря широтѣ своего научно-профессорскаго горизонта, можетъ быть по вліянію и при содѣйствіи знакомства съ московскими университетскими филологами, молодой бакалавръ съ первыхъ же годовъ преподаванія греческаго языка въ нисшемъ двухлѣтнемъ отдѣленіи вмѣсто прежнихъ случайныхъ и отрывочныхъ переводовъ изъ классиковъ, Новаго Завѣта и церковныхъ писателей,—открылъ чтенія по исторіи греческой литературы, начиная временемъ ея

няго пенсіоннаго срока службы, задумалъ оставить Академію, предоставивъ болѣе трудныя и отвѣтственныя дисциплины молодымъ силамъ: Н. И. Субботину и В. О. Ключевскому.

возникновенія и кончая Христіанскимъ періодомъ, а въ послѣдствіи прибавилъ и языкъ новогреческій.

Для наглядности предлагаемъ сравнить, собственноручно преподавателями написанныя, ультра-лаконическія программы греческаго языка, по коимъ сдавалъ экзамены С. К—чь въ теченіе четырех-лѣтняго своего академическаго ученія (1840—1844), съ программами и курсомъ лекцій самого С. К—ча.

Приводимъ программы 1840—1844 годовъ полностью ¹⁾:

„Въ 1840/41 г. По классу Греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи переведены были изъ классической христоматіи отрывки изъ исторіи о войнѣ Пелопонесской Фукидида и четвертая книга достопамятностей Ксенофонта съ филологическимъ разборомъ. При семъ повторяемы были правила изъ синтаксиса Греческаго языка. Дома Студентами переведено на отечественный языкъ второе обличительное слово Григорія Богослова противъ Юліана. Баккалавръ Греческаго языка Василій Соколовъ“. „По классу Греческаго языка Студенты низшаго отдѣленія въ первую половину 1841/42 года занимаемы были переводомъ съ Греческаго языка на Русскій изъ классической христоматіи отрывковъ изъ Греческой исторіи Геродота съ грамматическимъ и критическимъ (?) разборомъ. Дома Студентами на отечественный языкъ переведено нѣсколько писемъ Св. Григорія Богослова. Баккалавръ Греческаго языка Василій Соколовъ“. „Въ текущую треть сего года Студенты низшаго отдѣленія по классу Греческаго языка занимались переводомъ съ Греческаго на Русскій языкъ. Переведены—съ грамматическимъ, филологическимъ (?) и археологическимъ разборомъ: 1. Разговоры въ царствѣ мертвыхъ—Лукіана,—2, Исторія Пелопонесской войны книга 1. Фукидида. Баккалавръ Димитрій Левитскій ²⁾. 1843 г. Мая 28“. „Студенты, по классу Греческаго языка въ высшемъ отдѣленіи, въ теченіе второго полугодія сего 1840/41 года, занимаемы были переводомъ изъ Учебной Греческой книги, чтеніемъ изъ Новаго Завѣта и переводомъ на бумагу изъ Отцевъ Церкви. 1. Изъ Учебной Греческой книги переведены Отрывки изъ Наставника Климента Александрійскаго; при чемъ постоянно припоминаемы были правила Грамматическія и присовокупляемы объясненія филологическія. 2. Изъ Новаго Завѣта прочтены посланія св. Апостола Павла къ Римлянамъ и къ Евреямъ съ Грамматическимъ, филологическимъ (?) и критическимъ (?) разборомъ. 3. Дома на бумагу Студенты занимались переводомъ словъ (6-го

¹⁾ Съ орографіей оригиналовъ.

²⁾ Въ Исторіи Моск. Дух. Акад. невѣрно обозначенъ: Левицкій.

8, 15, 18, и 21-го) Св. Григорія Богослова. Баккалавръ по классу Греческаго языка въ Высшемъ Отдѣленіи Петръ Славолюбовъ. 27-го Мая 1841 года“. „Студенты по классу Греческаго языка въ высшемъ отдѣленіи, въ текущую Сентябрскую треть сего 1841 года, занимаемы были: переводомъ изъ учебной Греческой книги, чтеніемъ изъ Новаго Завѣта и переводомъ на бумагу изъ Отцевъ Церкви. 1. Изъ учебной Греческой книги переведены—Св. Григорія Богослова первыя три слова о Богословіи противъ Евноміанъ,—съ повтореніемъ правилъ Грамматики и съ объясненіемъ мыслей Св. Писателя. 2. Изъ Новаго Завѣта прочтены; а) соборное посланіе Св. Апостола Іакова и б) первое и второе соборныя посланія Св. Апостола Петра,—съ филологическими и критическими замѣчаніями. 3. Дома на бумагу Студенты занимались переводомъ 20-го и 26-го словъ св. Григорія Богослова. Баккалавръ Петръ Славолюбовъ. 15-го Ноября 1841 года“. „Студенты высшаго отдѣленія по классу Греческаго языка, въ Сентябрскую треть сего 1843 г., занимаемы были а) переводомъ изъ Учебной Греческой книги и б) чтеніемъ изъ Новаго Завѣта. 1. Изъ Учебной Греческой книги переведены αα) отрывки изъ Оригеновыхъ книгъ противъ Цельса и ββ) тринадцать отдѣленій (XX—XXXII) изъ пространнаго Катихизиса Григорія Нисскаго. 2. Изъ Новаго Завѣта прочтены пять (7—11) главъ (sic? пропущено: посланія) Святаго Апостола Павла къ Римлянамъ,—съ объясненіемъ и съ филологическими и критическими (?) замѣчаніями. 30-го ноябра 1843 г. Баккалавръ Священникъ Петръ Славолюбовъ“ „Студенты Высшаго Отдѣленія по классу Греческаго языка, въ первое полугодіе 1848-го года, занимаемы были а) переводомъ изъ Учебной Греческой книги и б) чтеніемъ изъ Новаго Завѣта. Изъ Учебной Греческой книги переведены αα) второе обличительное на Юліана слово Св. Григорія Богослова и ββ) XIX отдѣленій пространнаго Катихизиса Св. Григорія Нисскаго. Переводъ сихъ статей сопровождается указаніемъ на правила Грамматики по руководству Греческой Грамматики составленной по Буттману Д. Поповымъ,—объясненіемъ и разборомъ мыслей Св. Писателей филологическимъ, Гомилетическимъ и Богословскимъ. Изъ Новаго Завѣта прочтены семь главъ посланія Св. Апостола Павла къ Римлянамъ, съ объясненіемъ и замѣчаніями филологическими и критическими ¹⁾. Сверхъ того дома на бумагу Студенты занима-

¹⁾ Въ одномъ отчетѣ добавлено: „причемъ изъ введенія Новозавѣтной Грамматики преподавы, по руководству Винера, статьи: о цѣли, способѣ изложенія и исторіи Новозавѣтной Грамматики“ и пр. Такой специальный предметъ чтеній,

лись переводомъ словъ Св. Григорія Богослова (какихъ ?). Мая 1843 года. Баккалавръ Священникъ Петръ Славолюбовъ“.

Такой курсъ прошелъ С. К—чь въ теченіи четырехъ лѣтъ. Оба баккалавра, поступивъ одновременно въ 1834-мъ году, „выбыли на священническія мѣста въ Москву“—Соколовъ въ 1842-мъ, а Славолюбовъ въ 1844, уже съ 1843 состоявъ въ священническомъ санѣ, а Левитскій перешелъ на философію въ 1844-мъ году. Домашніе переводы на бумагу, какъ и различіе между „*чтеніемъ*“ изъ Новаго Завѣта и „*переводомъ*“ изъ Отцевъ надо понимать не въ точномъ смыслѣ, такъ какъ, на примѣръ, посланія Ап. Іакова или Ап. Павла къ Евреямъ и Римлянамъ нисколько не легче указываемыхъ свято-отеческихъ твореній, а домашніе „переводы на бумаги“ принадлежали самимъ преподавателямъ—для открытаго (публичнаго) испытанія“. О познаніяхъ въ греческомъ языкѣ Соколова и Славолюбова осталось свидѣтельство въ совместно сдѣланномъ ими, *по порученію Синода Академіи* въ 1835-мъ году, а Академіей—двумъ тогдашнимъ баккалаврамъ греческаго языка,—переводъ книги Діонисія Ареопагита о Небесной Іерархіи, оконченомъ въ концѣ 1836-го года, представленномъ Синоду и напечатанномъ отдѣльно ¹⁾.

Самъ С. К—чь, въ своей Исторіи Московской Духовной Академіи, о предшествовавшемъ ему преподаваніи греческаго языка пишетъ: „До 1823-го года, когда издана для переводовъ съ греческаго въ высшемъ отдѣленіи христоматія, составленная изъ твореній отеческихъ ²⁾, въ отдѣленіяхъ высшемъ и низшемъ для переводовъ употребляема была греческая энциклопедія аѳинскаго священника Іоанна Патусы ³⁾.... Въ низшемъ отдѣленіи въ *нѣкоторыя* курсы предварительно предлагаемы были грамматическія правила, потомъ слѣдовали чтенія о діалектахъ. Въ высшемъ студентовъ знакомили съ особенностями образа выраженія въ книгахъ Новозавѣтныхъ и въ твореніяхъ отеческихъ. Но занятіе языкомъ не оканчивалось въ классѣ: студентамъ того и другого

при тогдашней постановкѣ преподаванія греческаго языка, вѣроятно, объясняется намѣреніемъ преподавателя издать полный переводъ грамматики Винера.

1) Смирновъ, Ист. Моск. Дух. Акад. 118. 238. 259. 358. 405. 406.

2) „Составленная изъ отличныхъ сочиненій Отцовъ, содержащая въ себѣ: I. Защищенія и II ученіе умозрительное, III ученіе дѣятельное и IV поученія. Моск. Син. Тип. 1821 г. въ двухъ частяхъ.

3) *Ἐγκυκλοπαιδεία φιλολογικὴ πρὸς χρῆσιν τῶν φιλολόγων καὶ φιλομαθῶν τῆς ἑλληνικῆς γλώττης, συναρμωθεῖσα παρὰ τοῦ ἐν ἱερῶσιν αἰδεσιμωτάτου Ἰωάννου Πατουσᾶ τοῦ ἐξ Ἀθηνῶν, ὡν δὲ μετατυπωθεῖσα Πετροπόλει ἐν τυπογραφίᾳ τῆς ἀκαδημίας, τ. I—III, 1811—1822.*

отдѣленія для занятій домашнихъ назначаемы были переводы цѣлыхъ книгъ изъ твореній отеческихъ... Переводы повѣряемы были и исправляемы наставникомъ. *Съ начала 1845 г. въ низшемъ отдѣленіи открыты чтенія изъ исторіи греческой литературы, продолжавшіеся и въ слѣдующіе курсы*¹⁾.

Послѣднія, помѣченныя курсивомъ, слова С. К.—чь скромно говорить о себѣ, какъ о новаторѣ въ преподаваніи греческаго языка. Точное представленіе объ этомъ преподаваніи даетъ намъ и по этому предмету имѣющійся полный курсъ лекцій С. К.—ча, составлявшійся имъ съ 1845-го и до послѣдняго года его службы. Приводимъ содержаніе курса, также съ имѣющимися на лекціяхъ датами ихъ составленія.

Вступительная лекція. 11 сент. 1878 г. О греческомъ языкѣ: о мѣстѣ греческаго языка въ семьѣ арійскихъ языковъ и исторія перваго возникновенія языка у Пеласговъ, по Lubker'у.

Затѣмъ идутъ лекціи, составленныя въ 1845-мъ году, въ самомъ началѣ академической службы С. К.—ча.

О Эразмовомъ и Рейхлиновомъ произношеніи, съ доказательствами неправильности перваго и вѣрности второго, 2 листа 1845 г.

Изъ исторіи греческой литературы: періоды греческой литературы: I. до Гомера; II. до Александра Великаго, III. отъ смерти Александра Великаго до Константина Великаго IV. отъ Константина до паденія Константинополя. 1845 г. Янв. 22. Времена догомеровскія: Орфей²⁾—его Argonautica, Lythica и Гимны, съ выдержками изъ Гимновъ Зевсу и Эроту,—первоначальный діалектъ орф. сочиненій—дорической,—они сохранились въ позднѣйшей обработкѣ. Краткія замѣчанія о другихъ догомерикахъ: Музеѣ, Сивллиинныхъ книгахъ (съ выдержками изъ христіанскаго отдѣла) и др. Богословско-религіозный характеръ догомеровской литературы.

Характеръ греческой литературы со временъ Гомера. Гомеръ и его эпическія поэмы: Илиада и Одиссея. Взглядъ Плутарха на составъ рѣчи въ твореніяхъ Гомера и характеристика его языка, литературная характеристика.

Позднѣйшія добавленія 1876—1880 годовъ: отзывъ Квинтиліана, разборъ мнѣнія Вольфа о происхожденіи и составѣ поэмъ Гомера, свидѣтельства Флавія, Цицерона, Павзанія и Эліана о поэмахъ Гомера. Гимны и Ватрахомахія. О письменности въ вѣкъ Гомера. Древне-іонійскій діалектъ: измѣненія буквъ, склоненіе именъ и спряженіе глаголовъ.

¹⁾ Смирновъ, Ист. Ак. 61—62.

²⁾ С. К. пишетъ: Орфей,—ковечно lapsus, ибо пишетъ *орфіка*.

Поэзія епико-дидактическая (1845 г.): Гезіодъ и его Θεогонія; Труды и дни, Щитъ Геркулеса,—характеристика. Езопъ Фригійскій и его Басни. Лирика: Алкей и Сафо, Анакреонъ Теосскій, Θεотидъ Мегарскій и Симонидъ Цеосскій. Поэзія элегическая, епиграммы, епитафія.

Пиндаръ: его жизнь и творенія. Къ лекціямъ объ одахъ Пиндара: игры у грековъ — олимпійскія, пифійскія, немейскія и истмійскія: бросаніе диска, прыганіе, борьба, кулачный бой, бѣгъ, литературныя чтенія, музыка, пѣніе, живопись. 1872 г. янв.

Эсхиль, его біографія и сохранившіяся трагедіи. Прометей-узникъ: подробное изложеніе содержанія по сценамъ и характеристика. Орестія—краткое изложеніе содержанія. Трилогія Агамемнопъ съ подробнымъ содержаніемъ. Евмениды и Эринніи—характеристика трагедіи и Ореста. Персы. Отрывокъ изъ трилогіи Данаиды—Θиваида и просительницы. Лекціи составлены въ позднѣйшіе годы.

Софокль: краткая замѣтка, съ указаніемъ на Пропилеи т. 2. Лекція составлена въ поздн. годы. Сюда же относятся лекціи о греческой просодіи и стихосложеніи 1872 г. 10 марта: о долготѣ и краткости слоговъ, стихосложеніе,—и 1878 окт. объ арсисѣ, тезисѣ и цезурѣ.

О языкѣ сочиненій Платона (переписано на бѣло).

Исократъ Аѳинскій 1873 г., съ замѣчаніемъ: „по программѣ семинарскаго курса назначено въ семинаріяхъ изучать рѣчи только Исократа и Демосѳена, потому я буду говорить только объ этихъ двухъ ораторахъ,—его біографія и рѣчи: политическія, панегирикъ къ Филиппу, ареопагитская рѣчь, — похвальныя: всеэллинская рѣчь, надгробная кипрскому царю Евагору II,—похвальное слово Еленѣ, супругѣ Менелая,—Бусирисъ,—нравственнаго или паренетическаго характера: Димонику, къ Никоклесу—двѣ. Подробное изложеніе содержанія и характеристика, особенно политическихъ рѣчей.

Демосѳенъ (мартъ 1880 г.) Подробная біографія и подробный анализъ рѣчей: противъ Лептина, Филиппики (къ Филиппу, о мирѣ, объ Алонезѣ, о дѣлахъ въ Херсонѣ), Олинскія рѣчи (не кончена лекція) съ археологическимъ экскурсомъ о литургіяхъ.

Геродотъ: его біографія и содержаніе его исторіи, источники, характеристика,—языкъ съ подробнымъ изложеніемъ діалектовскихъ особенностей.

Θукидидъ: біографія Θукидида и характеръ его исторіи, сравненіе съ предшествовавшими логографами и Геродотомъ, изложеніе содержанія и характеристика его Пелопонесской войны.

Ксенофонтъ (11-го сент. 1871 г.), его жизнь и сочиненія: Исторія Греціи, Анавасисъ, Киропедія, Похвала Агиселаю, Гражданское устройство Лакедемонянъ, Достопамятности Сократовы, Аполлогія Сократа предъ судьями, Пиръ философовъ, Геронъ, Разговоръ объ экономіи, О конницѣ, Объ охотѣ, Подати или о доходахъ. Сравненіе съ Геродотомъ и Фукидидомъ.

Плутархъ—жизнь. Сочиненія: Сравнительныя жизнеописанія, Римскіе вопросы, Греческіе вопросы, Сравненіе исторіи греческой и римской, О злонравіи Геродота, О судьбѣ у римлянъ, О судьбѣ или мужествѣ Александра, О добродѣтеляхъ женщинъ, Что полезнѣе—вода или огонь, О ликѣ на дискѣ луны, Философскіе трактаты, съ изложеніемъ и критикою философскихъ взглядовъ (эклетицизмъ) Плутарха,—Пять книгъ о мнѣніяхъ философовъ, О естественныхъ причинахъ, О холодѣ, рѣкахъ и горахъ,—суевѣріи,—Разговоры во время пиршества,—Любовные рассказы.

Лукіанъ: его жизнь и подробное перечисленіе его многочисленныхъ сочиненій съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія и болѣе подробнымъ анализомъ двухъ его сочиненій: Учитель риториковъ и Смерть Перегринна.

Диогенъ Лаэртій: одна коротенькая лекція 18 сен. 1872 г.

О Сивиллиныхъ книгахъ: коротенькая замѣтка 22 окт. 1871 г. съ указаніемъ: Aus Trünke und Schoell.

О характерѣ греческаго языка Новозавѣтныхъ Писаній въ отношеніи къ греческому языку классиковъ и вообще греческихъ писателей, 1 сен. 1872 г. съ помѣтою: Aus Bleek § 26 и сл. и цитаціей грамматики Винера и др. нѣк. 18 Дек. 1872 г. Здѣсь дается характеристика языка общая и частная, по отдѣльнымъ писателямъ новозавѣтнымъ.

(Чтеніе о свойствѣ языка Новозавѣтнаго—болѣе ранняя лекція сравнительно съ предшествующей).

Дополненія. Споры гебраистовъ и пуристовъ съ замѣчаніемъ: Aus Winer и къ характеристикѣ языка книги Дѣяній—къ слову *συναλιζόμενος* Дѣян. 1, 4—9 декабря 1876 г.

Въ лекціяхъ о новозавѣтномъ языкѣ содержатся: свѣдѣнія объ образованіи *κοινή* послѣ Александра Великаго,—указаніе особенностей новозавѣтнаго языка въ сравненіи съ классическимъ въ значеніи словъ,—новыя слова, измѣненіе формъ, гебраизмы, латинизмы и христіанизмы,—частныя особенности языка новозавѣтныхъ писаній—Евангелій Матѳея и Марка, Евангелія и Дѣяній Апостольскихъ Луки, и особенно подробно и обстоятельно говорится о языкѣ посланій Ап. Павла. Особенное вниманіе С. К.—чѣ обращалъ на выясненіе христіанскаго элемента въ новозавѣтномъ

языкъ, для чего служатъ слова: σταυρός, διάκονος, οὐρανός, κόσμος, εὐλογητός, εὐλογέω, εὐλογία, δημιουργός, κτίστης, ποιητής и др. Въ бумагахъ сохранился собственноручно написанный С. К.—чемъ экзаменаціонный конспектъ билетовъ 1885—1886-го годовъ, соединенный съ моимъ конспектомъ для совмѣстнаго экзамена по Новому Завѣту. Приводимъ этотъ конспектъ, опуская цитаты: 1) Отличія языка Н. З. отъ классическаго въ значеніи словъ: πτώμα, ἀναστροφή, φθάνειν, ὄψάριον, παρακαλεῖν, ὀψόνιον, ἀποτάσσεισθαι, — ἀνακλίειν, ἀνακειῖσθαι, ἀναπίπτειν, εὐσχήμων ἐντρέπεισθαι, ἐρεύγομαι (изъ Псал.), γέννημα, ξύλον и δένδρον, ἀμήτωρ, χρηματίζειν, χορτάζειν.

2) Новыя греческія слова въ Н. З.: ἀλλοτριоеπίσκοπος, ἀνθρωπάρεσκος, ἀγενεαλόγητος, μονόφθαλμος, αίματαιχχυσία, ἀντίλυτρον, λιθοβολεῖν, οἰκοδεσπότης, ἀλεκτροφωνία, αἰσχροότης, ἀγρότης, ἀρχιτελώνης, ἀρχισυνάγωγος, ἀρχιτρίκλινος, ἀγριέλαις, πελεκίζειν (sic? а не πελεκίσεισθαι), συμμαθητής, ταπεινοφροσύνη (у С. К. таπεινοφροσύνη).

3) Измѣненіе формъ греческихъ словъ въ Н. З.: ἀνάθεμα, γενέσια, γλωσσόκομον, ἐξάπινα, αἴτημα, ψεῦσμα, ὀπτασία, ἀποστασία, ἀγαλλιᾶν, φρουάττειν, εἶχοσαν, ἔγνωκαν, ἤφιεν, ἔλεος, σίτος, λιμός, δεσμός, Πέτρος, πλοῦτος, γεύεσθαι, προσκινεῖν, ὕαλος и ὕαλιнос, φιάλη, σκότος, ἴλεως, πρύμνα, ἠβουλήθην, ἠδунήθην, ἠμελλε, πιάζω, ἦτω ВМ. ἔστω, ρήσω, προηής ВМ. проанής, βαθμός.

4) Гебраизмы въ словахъ, ихъ значеніи, въ фразахъ: ἀλληλούϊα, κορβάν, σατάν, κόρος, βάτος, σάτον, ὠσάννα, γεέννα, ἀμήν, сирскія: ἄββα, мамωνᾶ, ραββουνί, ρακά, σίκερα, μαρὰν ἀθά, ἐφφαθά (почему-то опущенъ крестный возгласъ Христа, ταλειθά κούμ и др.), ἐν Εφεσ. 1, 3. 8 (?!), ἀποκρίνεσθαι ана, αἰών—olam, εἰρήνη—shalom, ρῆμα—davar.

5) Латинизмы: λεγεών, κεντύριον, κουστοδία, κολωνία, прαιτώριον, τίτλος, κῆνσος, κοδραντής, φραγγελлоῦν, μάκελλον, βπεκουλάτωρ, биμκίνθιον, σουδάριον, лέντιον, δοῦναι ἐργασίαν, σημβούλιον λαμβάνειν, τὸ ἰκάρων ποιεῖν, ἔχε με παρητημένον.

6) Ἀπόστολος. 7) Σάρξ и Πνεῦμα. 8) Ἀνάστασις, Ἐκκλησία. 9) Πίστις, πιστεύω, εὐαγγέλιον. 10) Ἀληθής и ἀληθινός. 11) Μολύνω и μιαίνω, ἀρχαῖος и παλαιός. Въ оффиціальномъ конспектѣ есть еще 12-й билетъ: αἰτέω и ἐρωτάω, σύρω и ἐλκύω,—а въ 6-мъ билетѣ вмѣсто ἀπόστολος стоитъ: βάπτισμα и χάρις.

Въ лекціяхъ о языкѣ святоотеческомъ С. К.—чь останавливался на словахъ: Θεός, ὑπόστασις, τριάς, οὐσία, ὁμοούσιος, ὁμοιούσιος, θεοτόκος и др.

Послѣдняя лекція С. К.—ча по Новозавѣтному языку: ἑβραῖος, ἰουδαῖος и ἰσραηλίτης—помѣчена 1 апр. 1886 г., послѣ чего былъ уже послѣдній экзамень по его лекціямъ, такъ какъ въ каникулы этого года (30 іюля 1886 г.) С. К.—чь былъ уволенъ въ отставку.

Въ офіціальному конспектѣ за этими 12-ю билетами слѣдуютъ мои 24 билета: 13) О происхожденіи и взаимномъ отношеніи первыхъ трехъ каноническихъ евангелій и пр.

Источниками для лекцій по новозавѣтному и отеческому языку, кромѣ вышеуказаннаго Блека, служатъ главнымъ образомъ словари: Шлейсснера и Свицера и грамматика Винера.

До реформы 1884-го года, когда С. К—чъ, какъ Ректоръ Академіи, долженъ былъ взять двѣ добавочныя и внѣштатныя лекціи по какой либо штатной богословской кафедрѣ и онъ избралъ Новый Завѣтъ, отграничивъ себѣ спеціально новозавѣтный языкъ,—его курсъ новозавѣтно-церковнаго языка, послѣ святыхъ отцевъ, оканчивался чтеніемъ „О греческомъ богослужебномъ языкѣ“, написаннымъ въ февралѣ 1880-го года. Какъ на особенность языка указано на обиліе многосложныхъ и новообразованныхъ словъ, причемъ въ примѣръ приведены слова, составленныя съ Θεός въ началѣ: θεόβλαστος, θεογεώργητος, θεόδευτος, θεόδεκτος, θεοτύπωτος, θεούφαντος, θεοχαρή (sic? в.м. ι)τωτος, θεομάχαρ и θεομακάριστος, θεοχώρητος, θεοβήμαντος, θεοτερπής, θεόφρων, θεοπρόβλητος, θεοκήρυξ, θεοδόξατος, θεόπλευρος, θεόδροσος, θεορρήμων (С. К. θεόρρημων) θεοφωστήρ, θεοσύλλεκτος, θεοσκεύατος, θεοβάδιστος, θεοὔπλοστατος, къ коимъ присоединены нѣкоторыя другія: εὐπαρρησίατος, εὐσχιόφυλλος, εὐκατάνυκτος, ἀξιούμνητος, ἀξιόθεος, πνευματορήτωρ, ψυχάλωτος, παρθενομάρτυρ, μονενέργητος, ζωομύριστος, ζωήρητος, (надо: ζωήρρυτος—животочный), ζωοδόρητος, ζωοκνήτωρ, ἀβυσσοτόκος.

Примѣры эти, конечно, требуютъ провѣрки, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ имѣются и у церковныхъ писателей раннѣйшаго періода, каковы напр. θεοχαρίτωτος у Меѳодія Патар. Migne, Patr. Gr. 372 С, — θεομακάριστος у Игн. Ант. ib., t. 5. 708В и Меѳод. 357 с.—θεοχώρητος у Аѳанасія (псевд.) 28. 957.А. θεοκήρυξ у Льва Мудраго въ новелл. 173. 182,—εὐπαρρησίατος у Діон. Алекс. 10. 1288. С, — Евс. Кес. 20. 336. А, Дид. Ал. 29. 1140. А. Григ. Нис. 46. 744, В,—εὐκατάνυκτος въ Лѣств. Іоан. Лѣств. 88. 708. В, Анаст. Син. 89. 661, В, Θεод. Студ. 99. 864. В,—ἀξιόθεος у Игн. Ант. 5. 685. В и 717 А и Евсев. 21. 396. В,—ζωοπάροχος у Софр. 87. 3237.В.С и 3313.С и ζωήρρυτος ibid. 3981.С. (цитаты приведены по Лексикону Софоклеса).

Лекція заканчивается интересными изъ богослужебныхъ греческихъ и славянскихъ книгъ указаніями нѣкоторыхъ мѣстъ, требующихъ исправленій и разъясненій.

Въ возгласѣ: „благословенъ Богъ нашъ всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“ С. К—чъ желаетъ остроумно устранить тавтологію толкованіемъ: πάντοτε—всегда въ смыслѣ: часто,

при всякомъ удобномъ случаѣ, но не непрерывно и не постоянно,— а *ἀεί*, правильно сближая по корню съ *αἰών*, значить: всегда, постоянно, непрерывно,— въ доказательство, при тонкомъ экзегетическомъ анализѣ, приводятся для *ἀεί*: Дѣян. 7, 51 ср. Иса. 51, 13,—*πάντοτε* 26; 11; Иоан. 18, 20; Колос. 1, 3,—4, 12.

Слова псалма 133, 2 на литургіи при великомъ выходѣ: „возмите руки ваша во святая и благословите Господа“, греч. *ἐπάρατε ... εἰς τὰ ἅγια*, въ новыхъ изд. Библии: *воздѣжите руцѣ ваша во Святая, въ русск. теперь: воздвигните руки ваши ко святилицу*“: переводчикъ *ἄρατε* произвелъ отъ *αἰρέω*—беру, а не отъ *αἶρω*—поднимаю.

Богородичень 1-го гл. на *Богъ Господь*: „Гавріилу вѣщавшу тебе, Дѣво, радуйся, со гласомъ (?) воплощашеся всѣхъ Владыка“. Слова *τοῦ Γαβριὴλ φθεγγόμενου* переводчикъ принялъ за род. самост., тогда какъ это родит. завис. отъ *σὺν τῇ φωνῇ*—вмѣстѣ съ гласомъ Гавріила, сказавшаго: радуйся, воплощался Владыка всѣхъ.

Воскресный 2-й тропарь на утрени: „Почто мвѣра съ милостивными слезами, о ученицы, растворяете“, греч. *τί τὰ μῦρα συμπαθῶς τοῖς δάκρυβιν ... κινῶτε*;—надо: для чего вы, ученицы, сострадательно смѣшиваете мвѣру со слезами? Даже и при чтеніи *συμπαθοῖς* (у грековъ нѣтъ *συμπαθός*, а *συμπαθής*—*σημπαθέσι*) переводъ: *съ милостивными* останется необъяснимымъ.

Антифонъ 1-й 3-го гласа: „Въ югъ сѣющии слезами божественными жнутъ классы радостію присноживотія“, греч. *ἐν τῷ νότῳ πλείροντες...* взято изъ Псал. 125 ст. 4—5: „Возврати, Господи, плѣненіе наше, яко потоки югомъ“, затѣмъ послѣ точки ст. 5: *Сѣющии слезами, радостію пожнутъ*“. Составитель антифона читалъ съ другою пунктуациею, начиная 5 ст. съ слова: *ἐν νότῳ*.

Антифонъ 1-й, гласъ 7: „Въ югъ сѣяй скорби постныя со слезами“, греч.: *ἐν τῷ νότῳ* (ср. предш. замѣч.) *ὁ πλείρων θλίψεις μετὰ νηστείας δακρύων*, не скорби постныя, а скорби со слезами поста.

Воскресный канонъ, пѣснь 6-я 7-го гласа; „Плавающаго въ молвѣ житейскихъ попеченій съ кораблемъ потопляема грѣхми и душегубному звѣрю приметаема отъ смертоносныя глубины возведи мене“, а греческій текстъ: *ναυτιῶντα βάλω τῶν βιοτικῶν μελημάτων συμπλοῖς ποντούμενον ἁμαρτίαις*,—*βάλος* переведено: молва, а надо: волна,—и прочитано: *σὺν πλοίοις* или *πλοίῳ*, а м. т. здѣсь прилаг. *συμπλοῖς* 2-хъ оконч. соглас. съ *ἁμαρτίαις*,—отсюда такой смыслъ: изъ смертоносной глубины изведи меня, плавающаго въ волнахъ житейскихъ попеченій, потопляемаго грѣхами, плывущими вмѣстѣ со мною.

Пѣснь 8 канона того же гласа: „Неопальная огню въ Синаи *причащавшая* купина Бога яви“,—греч.: *προβοιλοῦσα*—бесѣдующая,—т. е. неопалимая огнемъ купина, бесѣдовавшая (съ Моисеемъ) на Синаѣ, показала ему Бога.

Акафистъ Богоматери, икосъ 3: „Радуйся, яко рай *пищный* процвѣтаеши“,—греч. *λειμώνα τῆς τρυφῆς*—рай сладости, а не *τροφῆς*, при томъ *λειμών* значить лугъ, а не *παράδεισος*—садъ, рай.

Икосъ 7: „Радуйся одеждо нагихъ дерзновенія“,—*χαῖρε βτολή τῶν γυμνῶν παρηβίας*, надо: одежда неимущихъ дерзновенія¹⁾.

Мы увлеклись въ эти частности подъ вліяніемъ воспоминанія о томъ большомъ удовольствіи, какое доставляли пишущему эти чтенія С. К—ча о текстѣ богослужебныхъ славянскихъ книгъ. Во время двухлѣтняго преподаванія греческаго языка въ Академіи, при практическихъ занятіяхъ съ студентами 3-го курса, пришлось самолично убѣдиться на Постной Тріоди въ изобиліи подобныхъ неисправностей славянскаго богослужебнаго текста и въ крайней нуждѣ скорѣйшаго ихъ исправленія. Обида чувствуется за академическую науку при мысли, что еще въ 70—80-хъ годахъ прошлаго столѣтія дѣло это могло быть сдѣлано уже, и притомъ не какими нибудь случайными и къ богословской наукѣ мало прикосновенными людьми, а лицами съ высокимъ научнымъ цензомъ и спеціалистами по библейскому, отеческому и богослужебному языку.

Для научной полноты дѣла конечно необходимы разночтенія какъ греческія такъ и славянскія. Но для академическаго курса было слишкомъ довольно и того, что дѣлалъ С. К—чь.

До перехода С. К—ча на Новый Завѣтъ въ 1884-мъ году, его курсъ оканчивался чтеніями о языкѣ новогреческомъ. Въ собственноручныхъ записяхъ чтенія озаглавлены такъ: „Нѣсколько замѣчаній о Новогреческомъ языкѣ. Изъ Грамматики Вамвы“. Затѣмъ на 2-мъ листѣ: „1873, январь“. Здѣсь кратко, но полно изложена этимологія языка. Кромѣ того имѣется листъ съ заглавіемъ: „Языкъ Новогреческій. Читано при Ревизорѣ 25 Апрѣля 1875 г.“ Здѣсь сообщается постепенный упадокъ классическаго языка со временъ Александра Македонскаго и образованіе сначала *Κοινή*, а потомъ языка новогреческаго, причемъ отмѣчаются эпохи: Римъ, Византія, Крестовые Походы и Завоеваніе Константинополя Турками.

Такой курсъ читалъ С. К—чь сначала въ теченіи четырехъ, а потомъ, съ 1870-го года, трехъ лѣтъ. Пишущему это, какъ

¹⁾ Впрочемъ здѣсь слав. *нагнѣ* лучше выдерживаетъ образъ одежды.

студенту XXXII курса, пришлось слушать С. К—ча въ 1873—76 годахъ, т. е. въ эпоху наивысшаго процвѣтанія классицизма въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, когда вновь преобразованная Академія ревизовалась Макаріемъ. Сорока—или сорокапяти-минутное лекціонное время раздѣлялось приблизительно на двѣ половины: первая—чтеніе лекціи, вторая—переводъ студентовъ изъ вышеуказанной христоматіи, причемъ переводился тотъ авторъ о комъ говорилось въ лекціи.

По правдѣ надо сказать, что чтенія С. К—ча по греческому языку не отличались такою же занимательностью, какъ, по преданію, его преподаваніе русской гражданской исторіи и раскола. Чтенія о греческихъ авторахъ не представляли исторію развитія греческой литературы въ стройно-органической связи и прагматической послѣдовательности,—безъ всякой попытки къ выясненію генія или духа народа, вообще безъ идейнаго освѣщенія. Это отрывочные краткіе наброски и сухія замѣчанія о жизни и сочиненіяхъ авторовъ, во внѣшне-хронологической только послѣдовательности, каковыми свѣдѣніями обычно предваряются учебно-школьныя изданія классиковъ. Только изрѣдка нѣкоторыя лекціи вызывали въ насъ образъ прежняго С. К—ча, какимъ рисовало его преданіе старцевъ. Таковы, напримѣръ, Обь Олимпійскихъ Играхъ и первая лекція, коими открывался курсъ, Обь Эразмовомъ и Рейхлиновомъ произношеніи. Тутъ бывали забавныя сцены, въ родѣ такой: нашъ Зевсъ—Громовержець блеялъ на кафедрѣ овцею. Впрочемъ и тогда уже бросалось въ умъ, что С. К—чь съ своей аргументаціи,—конечно заимствованной,—береть греческое произношеніе, такъ сказать, внѣ его многовѣковой исторіи, предполагая одинаковымъ произношеніе во времена Гомера, Софокла, эпохи *хотъ* и Византійской.

Сухость и справочный характеръ сообщавшихся свѣдѣній нисколько не утомляли студентовъ, и лекціи выслушивались со вниманіемъ. Этому способствовали: отчетливость и выразительность дикціи съ одной стороны и краткость лекціи (не болѣе 15—20 минутъ)—съ другой.

Вторая половина лекціи посвящалась практическому упражненію студентовъ въ переводѣ. Каждый приблизительно зналъ, когда и что ему надо было готовить дома, такъ какъ отвѣчали въ порядкѣ студенческаго списка. При переводѣ дѣлался грамматическій разборъ и обращалось вниманіе на корнесловъ (только греческій, а не сравнительнаго языкознанія). Переводъ сопровождался нерѣдко очень интересными историческими и археологическими поясненіями, напр. о литургіяхъ и пр. Но особенное ма-

стерство, доходившее до виртуозности, С. К—чь проявлялъ въ умѣннѣи какую нибудь трудно переводимую апокопическую фразу, несвойственный русскому языку оборотъ, оригинальный терминъ передать на русскій языкъ, такъ сказать, съ адекватною точностью въ значеніи словъ, ихъ количествѣ, расположеніи, нерѣдко даже въ самомъ корневомъ звукоподражаніи. Не смотря на коллективные усилія нѣкоторыхъ знатоковъ греческаго языка, никто не могъ сравняться въ этомъ съ С. К—чемъ, хотя бы въ рѣдкихъ случаяхъ. И я доселѣ изумляюсь такой стилистической виртуозности. С. К—чь былъ бы замѣчательнѣйшимъ изъ русскихъ переводчиковъ, если бы онъ занялся переводомъ хотя бы, на примѣръ, Аристофана, Лукіана, или Фукидида.

Къ экзаменамъ, въ билетахъ, по количеству экзаменовавшихся (приблизительно 20—25), представлялась программа всего прочитаннаго. За невозможностью выдолбить массу отрывочно-справочныхъ свѣдѣній, со множествомъ греческихъ цитатъ, студентамъ дозволялось составлять подробные конспекты для повторенія на экзаменѣ предъ отвѣтомъ и дѣленіе билетовъ на группы, обычно четыре по 4 — 5 билетовъ, помѣчавшихся внѣшними отличіями ихъ: печатки, отрѣзанные ножомъ, оторванные безъ ножа и съ крапинами. Билеты дѣлались самими студентами. При томъ они разлагались по порядку номеровъ. Приготовить отвѣтъ было не трудно, но безъ знанія языка всетаки невозможно. По содержанію группы дѣлились, на примѣръ, такъ: объ авторахъ (Пиндаръ, Софокль и пр.), объ играхъ (Олипійскихъ и пр.), языкъ новозавѣтный, языкъ новогреческій и под., смотря по тому, что читалось въ теченіе года. Кромѣ того спрашивался переводъ изъ христоматіи, для чего назначалось страницы четыре-пять, кои и переводились подъ рядъ, но вызывались студенты не въ порядкѣ списка. По новогреческому языку почему то переводилась элементарнѣйшая, годная развѣ только для народной школы низшаго типа: *Συνοπτικὴ ἐξήγησις τῶν εἰς Νέαν Διαθήκην περιεχομένων κυριωτέρων παραβολῶν, μεταφρασθεῖσα ἐκ τοῦ ἀγγλικοῦ πρὸς χρῆσιν τῆς νεολαίας ἐν Μελίτῃ 1835*. Переведены были въ 1876 г. только четыре главы: о притчахъ вообще и толкованіе притчей о сѣятелѣ и плевелахъ: 3—4 стран. въ 16 д.

¹⁾ Такой способъ экзамена по греческому языку велъ свое начало едва ли не съ самаго основанія Академіи. Даже и послѣ, на примѣръ въ 1885-мъ году, когда С. К—чь, какъ ректоръ, числился уже преподавателемъ Новаго Завѣта, вышешомѣченные 12 билетовъ были раздѣлены на группы. (На мое желаніе самому сдѣлать билеты, С. К—чь отвѣтилъ гнѣвнымъ отказомъ). Продолжалось это и при преемникѣ С. К—ча И. Н. Кореунскомъ. Сообщаемъ это конечно не

По уставу 1869-го года учебная страда занимала первые три года, съ ежегодною сдачею экзаменовъ и писаніемъ трехъ экзаменаціонныхъ эскпромтовъ (отмѣненныхъ въ 1876-мъ году) въ теченіи пяти лекціонныхъ часовъ каждый,—трехъ ежегодныхъ семестровыхъ сочиненій въ первые два года и одного кандидатскаго сочиненія въ теченіи третьяго года. Съ окончаніемъ третьяго курса пріобрѣталось право на полученіе степени кандидата богословія. Четвертый годъ или курсъ посвящался самостоятелно-научному изученію избранныхъ спеціальностей и практическимъ упражненіямъ въ преподаваніи ихъ. Избиралась одна изъ восьми группъ: 1) Св. Писаніе и евр. языкъ,—2) богословіе основное, догматическое и нравственное,—3) пастыр. богословіе, гомилетика, литургика и каноническое право,—4) общая церк. и русск. церк. исторія,—5) общая граж. и русс. гражд. исторія съ исторіей русской церкви,—6) словесность, исторія литературы, логика и одинъ изъ богословскихъ предметовъ, или общеобязательный—Св. писаніе, или спеціальный, смотря по отдѣленію,—7) психологія, исторія философіи, педагогика и богосл. предметъ, — 8) греческій или латинскій языкъ и Св. Писаніе или вообще одинъ изъ богосл. предметовъ.

Кромѣ общаго изученія спеціальностей, въ каждой изъ нихъ надлежало избрать какой либо частный предметъ для болѣе подробнаго научнаго изслѣдованія, представить въ концѣ года подробнѣйшій конспектъ изученнаго, съ указаніемъ литературы предмета, и въ комиссіи изъ преподавателей этихъ дисциплинъ дать отвѣты на вопросы ихъ по этимъ конспектамъ (нѣчто въ родѣ коллоквиума). Этотъ экзамень давалъ право на представленіе и защиту магистерской диссертациі безъ новаго устнаго испытанія (магистерскій экзамень на магистранта). Практическія занятія въ теченіи четвертаго года состояли въ знакомствѣ съ методикою преподаванія избранныхъ наукъ, въ разборѣ учебниковъ, чтеніи и разборѣ лекцій и пр.

Пишущій это избралъ спеціальностью своею изъ VIII группы: греческій языкъ съ дополнительнымъ богословскимъ предметомъ—Священное Писаніе, вмѣстѣ съ другими четырьмя товарищами, у коихъ были другіе дополнительные богословскіе предметы.

По связи съ магистерскою темою (Филонъ Александрійскій) для спеціальнаго изученія и конспекта былъ взятъ Платонъ. А практическія занятія ограничивались составленіемъ и прочтеніемъ

въ укоризну, а для характеристики: у cadaго времени и свои обычаи: *cuique suum*.

одной лекціи каждымъ изъ пяти спеціалистовъ, съ замѣчаніями С. К—ча. Темы для лекцій давались самимъ С. К—чемъ: я писалъ о синонимахъ *βίος* и *ζωή*. Обычно эти лекціи шли и на пробныя чтенія, дававшія право на преподаваніе въ семинаріяхъ по предметамъ прочитанныхъ лекцій.

Вообще о практическихъ и спеціально-научныхъ занятіяхъ четвертаго года по уставу 1869-го года надо замѣтить, что какъ по всѣмъ наукамъ такъ и по греческому языку, они шли не бойко. Это новое для академіи и трудное дѣло съ уставомъ 1884-го года такъ и завяло, не успѣвъ разцвѣсти.

Греческій языкъ, какъ и русская гражданская исторія, принадлежалъ къ такъ называвшимся тогда предметамъ свѣтскимъ или общеобразовательнымъ, а не къ церковно-богословскимъ. По этимъ предметамъ не было ни семестровыхъ, ни кандидатскихъ сочиненій. Этимъ объясняется, что за все 42-лѣтнее свое профессорство С. К—чъ не провелъ ни одной магистерской диссертациі. Даже послѣ реформы 1869-го года, оживившей научно-литературную дѣятельность академіи магистерскими и докторскими диссертациями, С. К—чъ не написалъ ни одного отзыва и не выступалъ ни на одномъ диспутѣ. Онъ не имѣлъ своей школы, какъ А. В. Горскій, архим. потомъ еп. Михаилъ и А. П. Лебедевъ.

Послѣ всего сказаннаго позволяемъ себѣ дать и, надѣемся, болѣе или менѣе правдивое и безпристрастное общее сужденіе о С. К—чѣ какъ профессорѣ греческаго языка. Его преемникъ по этому предмету, имъ самимъ предъизбранный сначала въ помощники себѣ, а потомъ занявшій его кафедру,—И. Н. Корсунскій въ своей статьѣ о С. К—чѣ замѣчаетъ: „кстати сказать, мы потому болѣе обратили вниманіе на дѣятельность С. К. Смирнова по предмету греч. языка, чтобы *разсѣять* (?) доселѣ еще существующее въ свѣтскихъ кругахъ мнѣніе, будто въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ классическая филологія *стоитъ* на низкой ступени“ стр. 50, прим. 69. Это писалось чрезъ три мѣсяца по кончинѣ С. К—ча, въ некрологѣ съ отрывкомъ надгробнаго слова уважаемому и любимому наставнику, своему благодѣтелю, въ маѣ 1889-го года. Чрезъ три года, въ 1892-мъ году эти слова повторилъ другой академическій спеціалистъ греческаго языка, профессоръ Кіев. академіи И. Корольковъ (Оттиски изъ „Гимназіи“, 1892. кн. XXXI. стр. 8, прим.). Рѣчь, конечно, о духовныхъ академіяхъ,—и авторъ замѣтки едва ли разсѣялъ это мнѣніе своими сообщеніями, въ отношеніи къ академіямъ вообще (*стоитъ*, слѣд. и въ 1870—1889 гг.).

С. К—чь конечно несравнимо превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, былъ изряднымъ профессоромъ греческаго языка въ Духовной Академіи, умѣлъ сообщать нужныя и интересныя для богослововъ свѣдѣнія, особенно по новозавѣтному и церковному языку, прекрасно владѣлъ практическимъ знаніемъ языка и отличался удивительною способностью точно передавать греческую рѣчь на русскую. Но научно-теоретическія знанія С. К—ча по греч. языку и его литературѣ не стояли на современномъ ему историко-филологическомъ научномъ уровнѣ. Мы говорили уже, что чтенія по греческой литературѣ не были построены въ научной системѣ и идейно-прагматической связи, соотвѣтственно тогдашнему состоянію этой науки, но они, какъ видно по одной изъ замѣтокъ въ его лекціяхъ, приспособлялись къ семинарской программѣ (съ 1870-го года), конечно никакого касательства не имѣвшей къ научно-теоретической постановкѣ дѣла изученія греч. литературы въ духовныхъ семинаріяхъ. А въ отношеніи самого языка незнакомство С. К—ча съ современнымъ ему положеніемъ науки доходило даже до игнорированія метода сравнительнаго языкознанія и работъ Курціуса не только въ лекціяхъ, но и въ печатныхъ трудахъ его, за исключеніемъ развѣ рѣчи о К. Экономосѣ.

Но, вѣдь, греческій языкъ и не былъ главнымъ предметомъ ученыхъ работъ и научныхъ устремленій С. К—ча: онъ всегда былъ русскимъ церковнымъ историкомъ и, какъ москвичъ, особенно—мѣстнымъ, Московскимъ. Здѣсь онъ пріобрѣлъ себѣ столь почетное мѣсто и столь непреходящую память, что онъ отнюдь не имѣетъ нужды ни въ какихъ искусственныхъ похвалахъ по тѣмъ своимъ работамъ, кои были у него второстепенными и не составляли его главнаго ученаго призванія. Умѣстныя въ некрологахъ и надгробныхъ словахъ, такія похвалы, по моему, могутъ только оскорблять или, по меньшей мѣрѣ, омрачать память людей дѣйствительно достопамятныхъ.

II.

И эту достопамятность С. К—чь пріобрѣлъ болѣе своими научно-литературными трудами, чѣмъ профессорскими чтеніями.

Какъ истый москвичъ—практикъ и дѣлецъ, С. К—чь ни въ юности, ни въ мужескомъ возрастѣ, ни въ старости—никогда не задавался мечтою „объять необъятное“, часто ведущей молодые ученые таланты къ могилѣ. Онъ не отдается предметамъ, требующимъ многолѣтней научной подготовки и напряженныхъ усилій мысли, нерѣдко окончивающихся появленіемъ плодовъ мертворо-

жденныхъ. Съ трезвою самооцѣнкою, безъ обычной юношеской самонадѣянности и преувеличеннаго мнѣнія о своихъ силахъ, С. К—чъ вслѣдъ за окончаніемъ курса принимается за работу надъ тѣмъ, что для него всего ближе и сподручнѣе, къ чему онъ вполне подготовленъ и въ чемъ онъ сознаетъ себя полнымъ хозяиномъ дѣла ¹⁾. Такъ, не покладая пера, работаетъ онъ годъ за годомъ, съ 1844 по 1889 годъ, въ теченіи 44 лѣтъ, вторично издавъ въ годъ своей смерти († 16 февр. 1889) *Спасовиоанскій монастырь, Москва 1889* ²⁾. Поучительно, что и послѣ серьезной болѣзни (апоплексическій ударъ) въ 1882-мъ году, С. К—чъ, оправившись, продолжалъ, вмѣстѣ съ профессорствомъ и ректорствомъ, свои научно-литературныя работы, впрочемъ уже только издательскаго характера.

Всѣ наиболѣе значительныя работы С. К—ча и его научныя симпатіи направлены главнымъ образомъ на родную ему Москву, преимущественно на Москву церковную, въ особенности—на духовноучебную.

Вслѣдъ за окончаніемъ курса, среди множества разныхъ мелкихъ подѣлій ³⁾, молодой бакалавръ немедленно принимается за

¹⁾ Вотъ выдержка изъ собственноручной записной книжки С. К—ча: „Орегатеа. 1844-го года (годъ окончанія курса): составилъ указатель на творенія Григорія Богослова. 1845: перевелъ нѣкоторыя письма Григорія Богослова, исправилъ *Lavsiaca Historia Palladii*, составилъ половину указателя на проповѣди Филарета. 1846: перевелъ три бесѣды Василія Великаго и составилъ *Описаніе Саввина монастыря*. 1847: перевелъ письма Василія Великаго съ 47 до 68, составилъ статью о Іустинѣ (семестровое сочиненіе), написалъ нѣсколько критикъ въ *Москвитянинѣ*. 1848: написалъ указатель на 2-е изданіе проповѣдей Филарета, половину указателя на творенія Василія Великаго“ и т. д. до 1888-го года о Іустинѣ Мученикѣ, на коемъ прекращается записъ. Продолженіе этой записи см. въ дальнѣйшемъ 3-мъ примѣчаніи.

²⁾ Корсунскій сообщаетъ, что „это изданіе самъ авторъ препроводилъ въ Виоанію (? монастырь или Семинарію?) не далѣе какъ за двѣ недѣли до своей кончины“. Стр. 14, прим. 18.

³⁾ Продолжимъ (см. 1-е прим.) здѣсь хронологическій перечень работъ С. К—ча, по его собственноручной записной книжкѣ. 1848: перевелъ изъ Ефрема Сирина подражаніе притчамъ; въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* написалъ о моровыхъ язвахъ (№ 98. 101), о началѣ Москвы (№ 124. 125), о двухъ крестныхъ ходахъ изъ Лавры, по случаю холеры,—переводы изъ Гакстгаузена,—написалъ біографію Пожарскаго,—кромѣ того нѣсколько критикъ въ *Москвитянинѣ*. 1849: Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* продолжалъ переводъ изъ Гакстгаузена, написалъ о нравственномъ характерѣ Русскихъ XV и XVI вѣка по иностранцамъ (№№ 88 и 89),—*отзывы иностранцевъ 16 и 17 вѣки о Троицкой Лаврѣ* (№ 115), перевелъ Тимошку Анкудинова изъ Олеарія (№№ 90 и 91) написалъ о иностранныхъ врачахъ въ Россіи при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ №№ 140 и 141),—перевелъ изъ *Revue Britannique*: ураганъ въ Антогаи и

свой главнѣйшій и капиталнѣйшій трудъ—исторію матери своей almae matris—Московской Славяно-греко-латинской Академіи,—и въ теченіе семи лѣтъ молодого упорнаго (баккалаврскаго или,

монастыри Востока,—изъ Chronique de Gottfroi de Bouillon хроніку объ Оливье Лифдалѣ,—написалъ о кладязѣ въ Лаврѣ Троицкой,—перевелъ изъ Ефрема Сиріна изъ III тома отъ 6-й до 93-й страницы,—въ Москвитянинѣ написалъ одну критику о книгѣ Чичагова, разобралъ рукопись о посольствѣ Милославскаго въ Турцію въ 1643-мъ году. 1850: Въ газеты послалъ взглядъ на изданіе твореній Св. Отцевъ, для Москвитянина перевелъ статью Озанама объ училищахъ въ Европѣ въ VI—IX вѣкѣ по Р. Х.,—составилъ календарь Свято-Троицкія Сергіевы Лавры,—написалъ въ газеты статью о крестномъ ходѣ въ Кунгурѣ, перевелъ о Несторіанахъ изъ путешествія доктора Грэна по востоку, составилъ описаніе Спасо-Винонскаго монастыря. 1851: Перевелъ изъ Аѳанасія анологію противъ Аріанъ, написалъ статью о значеніи русскаго духовенства, какъ сословія государственнаго (Моск. Вѣд. 1851 №№ 51, 106 и 107), послалъ въ Москвитянинѣ шараду XVII вѣка, во Временникѣ—предисловіе Симона Азарина, перевелъ 5 бесѣдъ Макарія Египетскаго (съ 27 до 32), написалъ исторію Махрицкаго монастыря, началъ въ Сентябрѣ Исторію Славяно-Греко-Латинской Академіи. 1852: Написалъ въ М. Вѣд. статью: 52-й годъ въ лѣтописяхъ русской исторіи (№ 24),—въ первой книжкѣ Твореній Св. Отцевъ 1852-го года напечаталъ начало Академіи, въ газетахъ напечаталъ (№ 39—Москов. Вѣд.): Дѣла благотворительности Троицкой Лавры,—напечаталъ свое разсужденіе о В. З. прообразованіяхъ, напечаталъ Біографію Пожарскаго съ исправленіями и дополненіями, перевелъ изъ Ефрема Сиріна толкованія на Іеремію съ XVIII главы до конца (конечно съ латинскаго, такъ какъ сирскаго языка С. К. не зналъ,—редактировалъ ли переводъ А. В. Горскій, знавшій сирскій языкъ, мнѣ пока неизвѣстно), напечаталъ въ 23 № Москвитянина письмо о Голубковѣ. 1853: Въ первой книжкѣ Твореній Св. Отцевъ за 1853 годъ напечатано продолженіе Исторіи Академіи, во второй также продолженіе о богословскихъ урокахъ, составилъ описаніе Хотькова монастыря (Моск. Вѣд. №№ 102 и 103,—краткій очеркъ исторіи Синодальной Типографіи (Моск. Вѣд. №№ 152 и 153),—въ третьей книжкѣ Твореній Св. Отцевъ напечатана судьба учениковъ изъ Исторіи Академіи,—перевелъ изъ Ефрема Сиріна толкованіе на книгу Бытія со стр. 75 до 115 (то же съ латинскаго, а не съ сирскаго), окончилъ Исторію Славяно-Греко-Латинской Академіи 11 декабря 1853 г. Gloria Deo. 1854: Къ редактору Вѣдомостей (Московскихъ) представилъ мнѣніе Маршала Мармона объ отношеніи Россіи къ Турціи (напечат. въ № 51) и еще переводъ изъ Марцеллина о стологаданіи, перевелъ изъ Аѳанасія толкованіе на Псалмы съ Псалма 104 до 118, въ газеты написалъ статью: древній русскій взглядъ на Турокъ и Царьградъ (Моск. Вѣд. № 33),—въ первую книжку Твореній Св. Отцевъ: отрывокъ изъ третьяго періода Исторіи Академіи, напечаталъ 2-е изданіе Календаря Троицкой Лавры и отдѣльную книгу: Описаніе Хотькова Монастыря, перевелъ изъ Исаака Сиріна слова 7, 8, 34, 36, 38, 39, 71, 86, 87, 89 и 90-е, — написалъ и особо напечаталъ въ сентябрѣ-октябрѣ Біографію Ѳ. А. Голубинскаго, въ ноябрѣ перевелъ VII, VIII, IX и X огласительныя слова Кирилла Іерусалимскаго. 1855: мартъ—напечаталъ Исторію Славяно-Греко-Латинской Академіи въ 1200 экземплярахъ (Laus Deo, SS. Sergio et Nicolao, semper memorandis pro eorum tibi beneficiis),—іюль—перевелъ 64 вопроса изъ толкованія Θεодорита на книгу Бытія.

по теперешнему, *доцентскаго*) труда приготавливаетъ къ печати этотъ свой трудъ, начавъ печатаніе его въ 1851-мъ году статьями въ Твореніяхъ Святыхъ Отцевъ и издавъ отдѣльною книгою въ 1855-мъ году подъ заглавіемъ: „*Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. Сочиненіе Бакалавра Московской Духовной Академіи Сергѣя Смирнова. Москва, въ типографіи Готье. 1855*“, съ цензурною помѣтою 20 дек. 1854 г. ¹⁾.

Этотъ, небольшой по внѣшнему объему (428 страницъ крупной и разгонистой печати), но громадный по своему содержанію и значенію трудъ составленъ на основаніи тщательнаго изученія не только многочисленныхъ печатныхъ первоисточниковъ на языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ (Олеарія Reisesbeschreibung, изд. въ Шлезвигѣ 1647 г.,—Bachmeister, Russ. Biblioth.), французскомъ (Hammer, Histoire de l'Empire Ottomanne,—рукоп. письмо Оренова въ архивѣ Моск. Семин. Правленія), греческомъ (греческіе лѣтописцы Зонара, Глика, Курополать) и латинскомъ (Пансіа Лигориды De perpet. fidei Eccl. univers. circ. Euchar. Paris. 1669—въ Museum Alexianum,—Korb, Diarium itiner. in Moscou, Vien. 1700), но главнымъ образомъ рукописныхъ: Московской Духовной Академіи, Виѣанской Семинаріи, Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Московской Синодальной Библіотеки, Архива Оружейной Палаты, Императорской Публичной Библіотеки, Новгородской, Софійской, Хутынскаго и Чудовскаго монастырей, Архивовъ Моск. Консисторіи, Заиконоспасскаго монастыря, Святѣйшаго Синода, Московскаго Сенатскаго, Демидовской Библіотеки, графа Муравьева и др. нѣк.

Изумительна настойчивость, съ какою С. К—чь отовсюду собираетъ матеріаль для исторіи Славяно-Греко-Латинской Академіи: онъ не оставилъ безъ вниманія, кажется, ни одного тогда извѣстнаго, даже частнаго архива, и такимъ образомъ осуществилъ классическій примѣръ пчелы въ высокой степени. Въ осо-

---

¹⁾ По записной книжкѣ С. К—ча она напечатана въ Мартѣ. Что С. К—чь началъ работать надъ Исторіею Славяно-Греко-Латинской Академіи немедленно по окончаніи курса, это видно изъ черновой тетради этого труда. Здѣсь сначала записаны собиравшіеся въ разныхъ архивахъ и изданіяхъ источники (fontes), а потомъ идетъ черновая Исторія и примѣчанія, коими и оканчивается тетрадь. Но предъ этими примѣчаніями помѣщено позднѣйшею рукою написанное начало исторіи, коимъ и начинается она въ печатномъ видѣ. Отсюда видно, что въ 1851-мъ году С. К—чь началъ не составлять Исторію, а переписывать на-бѣло и печатать ее. Было бы чудомъ, если бы С. К—чь началъ составлять Исторію въ концѣ 1851 года и окончилъ бы ее въ концѣ 1854-го года, т. е. въ три года.

бенности много потрудился онъ по изученію исторіи братьевъ Лихудовъ и преподававшихъ въ ихъ школахъ дисциплинъ на латинскомъ и греческомъ языкѣ. Хранящіяся въ Библиотекѣ Московской Духовной Академіи записки по этимъ дисциплинамъ, какъ и документы по исторіи Лихудовъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ могъ изучить, въ сравнительно короткій срокъ (7 лѣтъ), только такой практической знатокъ классическихъ языковъ, какимъ былъ С. К—чъ, и только съ его изумительною трудоспособностью и настойчивостью. По обилію и важности собранныхъ свѣдѣній, Исторія Сл-Гр-Лат-Академіи оказывается неисчерпаемою и безцѣнною сокровищницею для исторіи просвѣщенія Московской Руси въ періодъ 1685—1814 годовъ,—доселѣ незамѣненною, да и едва ли замѣнимою. При всемъ этомъ она написана языкомъ удивительно краткимъ и отчетливымъ. Поэтому она совершенно достойно,—не по вѣжливой лести, а въ истую правду,—названа въ отвѣтномъ благодарственномъ письмѣ академика Сухомлинова С. К—чу „настойною и прекрасною книгою, произведеніемъ образцовымъ, прекраснымъ явленіемъ русской словесности¹⁾“. „Я

---

¹⁾ Приводимъ здѣсь два, имѣющія значеніе для исторіи Императорской Московской Духовной Академіи, письма Сухомлинова къ С. К—чу по поводу его Исторіи Сл-Гр-Лат. Академіи:

„22 Января 1851. С.-Петербургъ.

Милостивый Государь

Сергѣй Константиновичъ!

Немедленно по полученіи книги Вашей я доставилъ ее Измаилу Ивановичу (*Срезневскому*—курсивъ въ скобкахъ принадлежитъ автору сего очерка): онъ поручилъ мнѣ передать Вамъ живѣйшую благодарность. Тогда же началъ я собирать свѣдѣнія о томъ, какъ бы удобнѣе всего получить Вамъ вспоможеніе отъ академіи (*наукъ*). Отъѣздъ Миддендорфа въ Лифляндію задержалъ нѣсколько дѣло. Теперь же и именно сегодня я узналъ, что единственное и вѣрное средство къ этому—представить Вашу прекрасную книгу на Демидовскій конкурсъ. Формальностей ненужно никакихъ: стоитъ только Вамъ написать письмо къ Измаилу Ивановичу съ изъявленіемъ желанія, чтобы книга Ваша подверглась конкурсу для полученія Демидовской преміи, и приложить одинъ экземпляръ къ письму. Надобно только сдѣлать это какъ можно скорѣе. Я сейчасъ отправляюсь къ ректору, который вмѣстѣ съ тѣмъ и академикъ и повторяю просьбу свою о Вашемъ дѣлѣ.

Душевно преданный Вамъ покорный Вашъ слуга

М. Сухомлиновъ.

Многоуважаемому Александру Васильевичу покорнѣйше прошу передать глубочайшую мою признательность за его драгоценный подарокъ. Не какой-нибудь я, а цѣлое сословіе Петербургскихъ ученыхъ собирается благодарить его за его капитальный и превосходнѣйшій трудъ (*Петерб. Университетъ почетнымъ докторствомъ*).

тысячу разъ вспоминалъ и всегда съ уваженіемъ буду помнить Ваше имя за прекрасный трудъ Вашъ—Исторію Московской Академіи“, писалъ С. К—чу 24 авг. 1856 г. въ благодарственномъ отвѣтѣ за присылку книги Чистовичъ, самъ въ 1857-мъ году издавшій Исторію С.-Петербургской Духовной Академіи¹⁾. Также и въ печатныхъ повременныхъ изданіяхъ, — не только русскихъ, но и заграничныхъ,—²⁾ книга встрѣчена была многочисленными

---

30 Сентября, 1856. С. Петербургъ.

Милостивый Государь

Сергѣй Константиновичъ.

Вы, вѣроятно, весьма недовольны на меня, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на Ваше письмо, посланное въ Іюнѣ. Но я опоздалъ отвѣтить не мѣсяцомъ, какъ можетъ казаться, даже не недѣлями, а развѣ днями, за что и прошу Вашей снисходительности. Это лѣто я провелъ въ Харьковской губерніи. Благодатный воздухъ юга и жизнь на родинѣ такъ пришлись мнѣ по душѣ, что я замедлилъ возвращеніемъ въ Петербургъ. Вотъ почему и письмо Ваше я получилъ очень поздно, именно по возвращеніи въ Петербургъ. Но это нисколько не помѣшало дѣлу о Вашей прекрасной книгѣ. Книга Ваша опоздала на конкурсъ этого года, и потому ее отложили до слѣдующаго конкурса. Ее предварительно передадутъ на разсмотрѣніе какого либо изъ извѣстныхъ ученыхъ. И вотъ въ этомъ то отношеніи мое пребываніе въ Харьковѣ было, можетъ быть, не совсѣмъ бесполезно. Часто видаясь съ преосвященнымъ Филаретомъ (*Гумилевскимъ*), епископомъ Харьковскимъ, я не разъ слышалъ отъ него самыя лестныя отзывы о вашей книгѣ. Воспользовавшись этимъ, я сказалъ ему, что она представлена на Демидовскій конкурсъ для полученія преміи, которое будетъ зависѣть отъ письменнаго о ней отзыва. При этомъ я спросилъ, не согласится ли онъ дать этотъ отзывъ, если Академія Наукъ обратится къ нему. Онъ отвѣчалъ, что не только согласится, но исполнитъ это съ величайшимъ душевнымъ удовольствіемъ, потому что „Исторія Слав. Академіи—произведеніе образцовое, и видно, что авторъ ея—свѣтлая головка“—собственныя слова Преосвященнаго. По приѣздѣ я говорилъ съ Срезневскимъ; онъ очень радъ готовности Филарета и видитъ въ ней залогъ успѣха, потому что мнѣнія преосв. Филарета пользуются полнымъ уваженіемъ въ академіи наукъ. Такимъ образомъ Вамъ остается ожидать слѣдующаго конкурса, и я съ своей стороны буду слѣдить со всевозможнымъ вниманіемъ за Вашимъ дѣломъ, которое не можетъ не быть близко всякому, кто любитъ русскую словесность и дорожитъ прекрасными явленіями ея какъ Исторія Академіи—настолярная книга преданнѣйшаго Вамъ М. Сухомлинова. Душевно чтимому Александру Васильевичу прошу передать мое искреннее уваженіе: я у него въ огромномъ долгу и рѣшительно не предвижу возможности отблагодарить хоть за сотую часть этого достойнѣйшаго человѣка,—человѣка, какихъ очень не много на бѣломъ свѣтѣ, какъ думаю я, какъ думаетъ Пр. Филаретъ и еще многіе—и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и въ Харьковѣ. Петру Симоновичу, и Отцу Иларію посылаю усердный поклонъ; не знаю, получилъ ли отецъ Иларій письмо, которое я на дняхъ послалъ ему.

¹⁾ Въ бумагахъ С. К—ча. Указано и у Корс. стр. 32 пр. 40.

²⁾ Письмо Полисадова изъ Берлина—*ibid.*

хвалебными отзывами. Въ Дѣлахъ Внутренняго управленія Академіи значится „объявленіе Высочайшаго благоволенія бакалавру Академіи Сергѣю Смирнову за его сочиненіе — Исторія Славяно-Греко-Латинской Академіи“¹⁾. Даже секретарь Моск. Дух. Консисторіи Розановъ, по его письму къ С. К—чу, „этою книгою возбужденъ былъ къ археологическимъ розыскамъ“²⁾ по составленію своей Исторіи Московскаго Епархіальнаго Управленія.

Но болѣе обстоятельную и строго-научную оцѣнку книга нашла у лицъ, по своимъ научнымъ занятіямъ и положенію стоявшимъ близко къ ея предмету: А. В. Горскаго, Митрополита Филарета и Преосв. Филарета Гумилевскаго.

Какъ неутомимый труженикъ—профессоръ общей и русской церковной исторіи и бібліотекарь книжныхъ и рукописныхъ сокровищъ академическихъ, А. В—чъ не только зналъ ихъ всѣ, въ особенности относившіяся къ его специальности, но и тщательно ихъ изслѣдовалъ, какъ свидѣтельствуя о семъ, кромѣ печатныхъ его трудовъ, и многочисленныя научныя замѣтки его на поляхъ книгъ и рукописей. По заявленію самого С. К—ча на исторію братьевъ Лихудовъ и Сл-Гр-Лат. Академіи и на хранящіяся для этой исторіи въ академической бібліотекѣ цѣнныя матеріалы направилъ С. К—ча первый А. В—чъ. Какъ знатокъ рукописей, безъ сомнѣнія онъ же указалъ С. К—чу и другія книгохранилища для этой исторіи—Моск. Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ, Моск. Синод. Б—ку и пр. Изъ неизсякаемаго источника своихъ знаній охотно снабжавшій всѣхъ, желавшихъ черпать изъ него, А. В—чъ навѣрно съ особеннымъ усердіемъ дѣлалъ это для своего пріятеля-кума, молодого и ревностнаго бакалавра на первыхъ шагахъ его ученаго поприща. Общій руководитель всѣхъ тогдашнихъ академическихъ тружениковъ науки, онъ долженъ былъ въ работѣ С. К—ча принимать тѣмъ большее участіе, что она прямо входила въ область его любимой специальности и была особенно близка его ученымъ симпатіямъ. О менѣе трудной и позднѣйшей (1867 г.) работѣ своей—Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи самъ С. К—чъ въ своемъ письмѣ А. В—чу³⁾ говоритъ, что „я ее исправилъ по Вашимъ указаніямъ“, а по тетрадкѣ изъ учебника С. К—ча по русской гражданской исторіи мы знаемъ, какъ широко А. В—чъ примѣнялъ къ дѣлу свое редак-

1) Дѣла за 1855 г. № 44.

2) Письмо *ibid.*

3) *ibid.*

торство и какъ часто употреблялъ онъ свой редакторскій карандашъ. Объ Исторіи Гр-Лат-Слав. Академіи надо это сказать тѣмъ болѣе, что ей надлежало быть представленной на разсмотрѣніе и судъ начальника и печальника Академіи Митр. Филарета, когда онъ былъ особенно строгъ и ревностенъ въ отношеніи къ ней.

Было бы впрочемъ несправедливо причислять эту работу С. К—ча къ тѣмъ, о коихъ авторамъ ихъ приходилось говорить съ нѣкоторою застѣнчивостью, напримѣръ: Св. Димитрій Ростовскій, Тридентскій соборъ и др. ¹⁾ Сохранившійся въ переплетенномъ видѣ черновикъ работы показываетъ полную авторскую самостоятельность С. К—ча. Въ началѣ, подѣ заглавіемъ, *Fontes* написаны извлеченія изъ источниковъ книги, а потомъ самая исторія, по содержанию и плану мало отличающаяся отъ книги. Участие А. В—ча поэтому могло быть только руководительное, предварительное, рекомендательное и бесѣдовательное по части источниковъ, ихъ нахожденія, критической оцѣнки, использованія и пр. под.

Первымъ официальнымъ читателемъ и цензоромъ, послѣ неофициальной критики А. В—ча и академической цензуры, былъ м. Филаретъ, которому на предварительный судъ представлялись статьи академическаго журнала. Тогдашнему Ректору Академіи архимандриту Алексію Ржаницыну Филаретъ писалъ: „Возвращаю Вамъ, Отецъ Ректоръ, рукопись исторіи Славяно-Греко-Латинской Академіи. Разборъ богословскихъ системъ достоинъ вниманія, и надѣюсь, эта исторія будетъ *выше исторіи Кіевскоѣ Академіи* ²⁾. Частныя замѣчанія мои увидите на поляхъ рукописи.—Сочинитель равно смѣется надъ стихами языческаго стихотворца въ Богословіи, и надъ свидѣтельствами Сивилль. Эти вещи совершенно различныя. Извѣстныя книги Сивилль не языческаго содержанія. Здѣсь дѣло зависитъ отъ разрѣшенія вопроса о ихъ

¹⁾ Вотъ что сообщаетъ самъ С. К—чъ: „По отдѣлкѣ церковно-историческихъ и даже богословскихъ курсовыхъ сочиненій главная работа лежала на знаменитомъ труженникѣ науки, обогащенномъ всесторонними свѣдѣніями профессоръ церковной исторіи А. В. Горскомъ. Нѣкоторыя диссертациі такъ были имъ передѣлываемы, что честь авторства уже никакъ нельзя было признать за студентомъ: почти все сочиненіе, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, принадлежало Горскому. Въ такомъ видѣ явилась въ свѣтъ въ 1847 году сочиненіе одного студента подѣ заглавіемъ: „Исторія Флорентійскаго собора“. Тутъ всякій, знакомый со складомъ ума Горскаго, узнаетъ *ex ungue leonem*. О другихъ опытахъ подобнаго рода умалчиваемъ“. Ист. М. Д. А. стр. 173—174.

²⁾ Проявленіе въ м. Филаретѣ ревливой любви къ Академіи. Разумѣется Исторія Кіевской Духовной Академіи, составленная Макаріемъ Булгаковымъ, впоследствии преемникомъ Филарета по Московской митрополіи.

происхожденіи.—Безъ разбора также смѣется онъ надъ волшебствомъ и договорами съ злымъ духомъ. Что же думаетъ онъ о волшебныхъ книгахъ, по дѣйствию проповѣди Апостола Павла сожженныхъ въ Ефесѣ? Если это были суевѣрныя бредни безъ смысла и дѣйствія: почему же онъ такъ распространились и такъ были цѣнимы? А есть ли слова сихъ книгъ производили дѣйствія (которыхъ опыты дали цѣну книгамъ): то какъ онъ это объяснить, есть ли не предположить чрезъ волшебныя слова связь человека съ духомъ ¹⁾, котораго воззрѣніе и дѣйствіе на видимый міръ тонѣе, нежели человека, и который потому можетъ сдѣлать нѣчто необыкновенное для человека? Не станетъ же злой духъ угождать человеку безкорыстно. Слѣдственно надобно предположить договоръ, по которому человекъ пріобрѣтаетъ отъ духа необыкновенныя дѣла, а духъ пріобрѣтаетъ зависимость и покорность человека. — Не скажетъ ли сочинитель, что это кончилось въ Ефесѣ? Нѣтъ. Не могли быть въ Ефесѣ собраны волшебныя книги со всего свѣта; онъ остались послѣ Ефесскаго сожженія въ другихъ странахъ. Богословъ, разсуждающій о семъ предметѣ, (и) надъ насмѣшникомъ могъ бы посмѣяться въ свою очередь, есть ли бы не было неприлично Богослову смѣяться.—Что касается до напечатанія сей рукописи въ повременномъ изданіи, всю ее напечатать было бы тяжело. По моему мнѣнію, или надобно напечатать выборъ, или раздѣлить на двѣ книжки. Тезисы вовсе ненадобно печатать въ повременномъ изданіи.—О философіи желательнo, чтобы написано было менѣе обширно, а еще менѣе о низшихъ наукахъ. Миръ Вамъ и Академіи. Ф. М. Московскій. Генв. 22. 1853“. ²⁾

Съ указанными м. Филаретомъ сокращеніями и исправленіями работа С. К—ча печаталась по частямъ въ Прибав. къ тв. св. оо. за 1852—54 годы,—а потомъ въ 1855-мъ году вышла отдѣльною книгою и въ полномъ видѣ. Представленная затѣмъ въ Академію Наукъ на Демидовскую премію, она, по предложенію и хлопотамъ Сухомлинова ³⁾, была вручена для письменнаго отзыва Филарету Гумилевскому, бывшему тогда епископомъ Харьковскимъ. Его рецензія при своей краткости, даетъ вполнѣ обстоятельное и вѣрное представленіе о трудѣ С. К—ча и авторитетную его оцѣнку. Поэтому считаемъ умѣстнымъ привести отзывъ

¹⁾ Курсивъ автора.

²⁾ Письмо напечатано въ изданіи архіеп. Твер. Саввы, М. 1883: „Письма Филарета... къ Алексію архіеп. Тверскому,—и перепечатано Корсунскимъ *ibid.*

³⁾ См. выше письмо Сухомлинова къ С. К.

цѣликомъ,—тѣмъ болѣе, что онъ напечатанъ въ мало доступномъ изданіи ¹⁾.

„Исторія Московской Академіи, послѣ введенія, объясняющаго приготовленіе и открытіе академіи, излагаетъ три періода академіи: первый—греческій, отъ Лихудовъ до Роговскаго (1685—1700); второй—латинскій, до М. Платона (1700—1775); третій — славяно-греколатинскій, отъ Платона до новой академіи (1775—1814).

Въ первомъ періодѣ первая глава излагаетъ вызовъ Лихудовъ, ихъ исторію до прибытія въ Москву, дѣятельность ихъ въ школахъ, борьбу съ учеными польскими, обвиненія противъ Лихудовъ и ихъ удаленіе изъ академіи.

Далѣе показаны: средства академіи, зданія, содержаніе и бібліотека (стр. 39—42), труды наставниковъ и занятія учениковъ. Здѣсь осмотрѣны сочиненія Лихудовъ а) для школы: грамматика, піитика, риторика, логика, психологія, физика; б) полемическія сочиненія и ораторскія. Учебники разобраны и оцѣнены довольно подробно (стр. 43—67). Исторія удаленія Лихудовъ изъ Москвы, дотолѣ темная, изложена сочинителемъ по новымъ источникамъ и вполне удовлетворительно (стр. 68—77).

Второй періодъ, латинскій, начался Палладіемъ Роговскимъ и вызовомъ ученыхъ изъ Кіева. Сочинитель пишетъ: „Говоря о Латинскомъ образованіи, мы разумѣемъ только внѣшнюю форму образованія: сущность ученія, православные догматы, строгій взглядъ на западное суемудріе оставались тѣ же, какъ при Лихудахъ, и въ новомъ періодѣ академіи... Московская академія, отъ временнаго изгнанія греческаго языка изъ круга преподаванія, не терпѣла ущербъ ни въ наукѣ, ни въ православіи, и это зависѣло отъ крѣпости ученія православнаго, внѣдрившагося въ русское сердце“.

Вторая глава говоритъ о средствахъ академіи, помѣщеніи, содержаніи и бібліотекѣ.

Жалованье учителямъ и ученикамъ было очень ограниченное, хотя оно по временамъ возвышалось: въ 1701 г. отпускали 606 р., въ 1713 г.—3483 р., въ 1756—4850 р. ²⁾. Къ тому же отъ переменъ высшаго хозяйственнаго управленія — оно выдавалось не своевременно, не полное; иногда даже не деньгами.

Въ 3 главѣ, послѣ свѣдѣній о составѣ начальствующихъ и

---

¹⁾ Двадцать шестое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 Іюня 1857 года. С.-Петербургъ 1858. Издано по опредѣленію Императорской Академіи Наукъ. Стр. 171—176.

²⁾ Счетъ здѣсь и далѣе на ассигнаціи.

учащихъ, любопытны свѣдѣнія о катихизическомъ ученіи и проповѣданіи; выписками изъ проповѣдей показанъ духъ, составъ и языкъ проповѣдей. Далѣе говорится о ученыхъ порученіяхъ Синода начальникамъ академіи, объ исключительной обязанности ректора — преподавать увѣщанія иновѣрцамъ, раскольникамъ и отступникамъ. Разборъ учебныхъ руководствъ ¹⁾ въ высшей степени любопытенъ по предмету и отличается подробностью, основательностью и скромностью критики (стр. 136—172).

Показавъ содержаніе и направленіе системъ богословскихъ разнаго времени, и усилія ихъ освободиться отъ схоластики, не всегда успѣшныя, сочинитель рѣшаетъ въ заключеніе важный вопросъ: „сдѣлала ли что нибудь полезное схоластика для богословской литературы?“ Въ своемъ отвѣтѣ онъ соглашается съ строгимъ отзывомъ Прокоповича о схоластикѣ, но прибавляетъ: „нельзя отвергать и того, что схоластика имѣла и добрую сторону. Прежде всего можно указать на то, что развитіемъ строгаго логическаго мышленія, твердостью въ сужденіяхъ, богословы обязаны были схоластикѣ: логическія формы, сами по себѣ безсодержательныя, въ приложеніи къ наукѣ усиливали твердость доводовъ и если вели иногда къ запутанности при рѣшеніи вопроса, за то способствовали къ тому, что въ системахъ, какъ говорили тогда, исчерпывалось посредствомъ ихъ полное опредѣленіе предмета. Кромѣ того схоластика много значила и въ томъ отношеніи, что изъ богослова приготавливала крѣпкаго борца въ спорахъ догматическихъ... Наконецъ строгая, разумная оцѣнка истинъ богословскихъ вела къ тому, что эти истины принимали характеръ полной убѣдительности и не оставляли мѣста слѣпому предубѣжденію и довѣрію сужденіямъ, порожденнымъ необразованностію (стр. 157—158). Послѣ разбора, столько же дѣльнаго, учебныхъ книгъ по философіи и риторикѣ, сочинитель показываетъ другія сочиненія и переводы наставниковъ Академіи.

Между занятіями учениковъ показаны пѣснопѣнія и комедіи (стр. 186—191).

Въ главѣ 4 свѣдѣнія о ректорахъ и префектахъ во многихъ случаяхъ новы и исправляютъ ошибки прежнихъ сочиненій. О проповѣдникахъ же и учителяхъ доселѣ нигдѣ не было сказано ни слова, тогда какъ весьма многіе изъ нихъ въ послѣдствіи

¹⁾ „Разборъ богословскихъ системъ достоинъ вниманія“, писалъ и М. Филаретъ. Такъ какъ многочисленныя руководства надо было читать по рукописнымъ тетрадямъ и притомъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ, то этотъ отдѣлъ должно признать самымъ цѣннымъ въ книгѣ.

занимали важныя мѣста въ церковномъ управленіи, а частію извѣстны и въ ученомъ мірѣ (стр. 192—223). Говоря о судьбѣ учениковъ (стр. 223—254), историкъ показываетъ отправленіе ихъ въ миссіи, путешествія съ ученою цѣлью, поступленіе въ академію наукъ, въ Московскій госпиталь и въ ученики другихъ вѣдомствъ; затѣмъ представляетъ списокъ замѣчательныхъ лицъ, учившихся въ Академіи, и пріобрѣтшихъ извѣстность въ государствѣ или въ области науки. Показывая ученическую жизнь Ломоносова приводимъ слѣдующій школьный опытъ его стихотвореній:

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши съли,
Въ радости запѣли;
Едва стали ясти,
Попали въ напасти,
Увязли бо ноги,
Ахъ! плачутъ убоги.
Меду полизали,
А сами пропали ¹⁾.

Въ періодѣ третьемъ прежде всего говорится о М. Платонѣ—ученикѣ, наставникѣ, директорѣ академіи; о его заслугахъ для академіи и о правахъ, данныхъ ему надъ академіею.

Вторая глава показываетъ средства академіи, содержаніе и вклады, зданія и бібліотеку.

Императоръ Павелъ назначилъ на содержаніе академіи 12,000 р.; Императоръ Александръ въ 1807 г. удвоилъ эту сумму. Ректоръ Моисей написалъ: „выдать жалованье за весь 1807 г., дабы и учащіе и учащіеся немедленно могли воспользоваться щедротами Монаршими и пролить слезы благодарности предъ лицомъ Сердцевѣдца Бога“. Изъ описи наставническихъ комнатъ 1796 г. видно, какова была умѣренность въ образѣ жизни ученыхъ того времени. Напр. въ келліи проповѣдника 4 стула худыхъ, 2 стола худыхъ, шкафъ, кровать деревянная; у учителя поэзіи—два стола ветхихъ, два стула, карта, изображающая театръ войны противъ Турокъ“. Изъ вкладовъ самый замѣчательный вкладъ В. Гр. Богдановича 5000 р.; процентныя деньги 250 р. назначены „на содержаніе 5 учениковъ переводчиковъ“. Отъ ежегодныхъ сбереженій Академія въ 1812 г. имѣла въ сохранной казнѣ собственной суммы 23,000 р.,

¹⁾ Преподаватель латинскаго и русскаго стихосложенія Квѣтницкій подѣ этимъ стихотвореніемъ подписалъ: pulchre. Ист. стр. 250.

а въ 1814 г. 30,000 р. Эта сумма назначалась на возобновленіе зданій академіи.

Въ главѣ 3: внутреннее управленіе, преподаваніе наукъ, проповѣданіе, цензура книгъ, ученія порученія, сочиненія и переводы.

Новые предметы ученія—въ богословскомъ классѣ: Каноническое право, толкованіе писанія съ герменевтикою, церковная исторія, пастырское богословіе; въ философскомъ классѣ вытѣснена схоластика, введена исторія философіи, натуральная исторія и новый видъ физики; въ риторическомъ классѣ вмѣсто Бургія-Лежай, введена всеобщая исторія съ географическими свѣдѣніями. Кромѣ того въ богословскомъ и философскомъ классахъ преподавалось высшее краснорѣчіе. Въ піитическомъ классѣ данъ перевѣсъ изученію русскаго стихотворства. Затѣмъ введены классы языковъ греческаго, нѣмецкаго и французскаго; на изученіе перваго обращено особенное вниманіе (стр. 291—318). Говоря о проповѣданіи (стр. 318—322), сочинитель показываетъ духъ проповѣдей Платона, отношенія проповѣдниковъ къ натурализму, печатныя проповѣди проповѣдниковъ. Изъ порученій, выполненныхъ академіею, неизвѣстны доселѣ были сличеніе славянской Кормчей съ греческими рукописями Синодальной Библіотеки и сличеніе печатной греческой Библіи съ греческими рукописями той же Библіотеки ¹⁾. Списокъ сочиненій и переводовъ показываетъ, что въ Академіи много занимались толкованіемъ Св. Писанія, чего дотолѣ не было.

Изъ занятій учениковъ, которыхъ число увеличилось до 1600, замѣчательны *литературныя собранія* и участіе въ дружескомъ ученомъ обществѣ 1782 года.

Глава 4—судьба наставниковъ и учениковъ (стр. 352—395) содержитъ множество новыхъ свѣдѣній. Свѣдѣнія о ректорахъ и префектахъ полны и точны. Проповѣдники и учителя въ первый разъ являются у г. сочинителя. *Исторія литературы* *приобрѣтаетъ съ тѣмъ много новыхъ свѣдѣній*. Остается указать, хотя бы по печатнымъ каталогамъ, сочиненія и переводы, принадлежащія неизвѣстнымъ дотолѣ наставникамъ академіи. Судьбы учениковъ—поступленіе въ епархіальное вѣдомство, училищная служба, переходъ въ другія учебныя заведенія, опредѣленіе на службу гражданскую, служеніе за границею. Въ заключеніе

¹⁾ По предложенію изв. проф. Оксфорд. Ун. Роберта Гольмеса, начавшаго изданіе LXX съ вариантами и продолженнаго Пэрсономъ,—сличенъ былъ списокъ № 329 по каталогу Миттен, а Владиміра 39—книга Іова съ катенами X в. пергам. Ист. Ак. стр. 333.

представлены замѣчательныя лица, вышедшія изъ Академіи на службу Отечеству (Высоцкій знаменитый врачъ, Дмитревскій Комовъ, Масловъ—секретарь общества сельскаго хозяйства, Побѣдоносцевъ, Розановъ, Цвѣтаевъ).

Въ приложеніи къ Исторіи напечатаны: 1) стихотвореніе Каріона Истомина въ похвалу Софіи за покровительство наукамъ 2) Грамата Патріарховъ о Лихудахъ: 3) Грамота П. Доснѣея къ Лихудамъ: 4) установленія богословскія 1732 года; установленія богословскія Кирилла Флоринскаго; 5) учрежденіе М. Платона для его воспитанниковъ; 6) положенія богословскія для публичныхъ состязаній 1776 г. и разговоръ объ ариѳметикѣ.

По сему обзору содержанія уже видно, что новое сочиненіе есть дорогое приобрѣтеніе для русскаго ученаго міра. Предшествовавшимъ подобнымъ сочиненіямъ оно не одолжено ни чѣмъ, ни содержаніемъ, ни изложеніемъ. Оно оригинально съ первой страницы до послѣдней. Всѣ свѣдѣнія извлечены изъ архивныхъ бумагъ, рукописей и рѣдкихъ печатныхъ книгъ. Всѣ стороны предмета осмотрѣны съ полнымъ вниманіемъ. Изложеніе—зрѣло обдуманное и отчетливое. Дѣла описаны въ духѣ покойномъ, безъ напряженныхъ похвалъ и восторговъ; онѣ представлены такъ, что сами говорятъ о себѣ.

Исторія высшаго учебнаго заведенія прежде всего должна показать значеніе сего заведенія для наукъ, которыя должны преподаваться въ немъ; затѣмъ значеніе заведенія для общества. Исторія Московской академіи написана точно въ такомъ видѣ. Самыя лучшія части ея—Исторія Лихудовъ, критическій разборъ древнихъ проповѣдей, критическій разборъ учебныхъ руководствъ по богословію и философіи и потомъ статья о наставникахъ, замѣчательная потому, что она ловко поставлена въ ряду другихъ.

Сочиненіе г. Смирнова, по важности своей для исторіи образованія, литературы, богословія, философіи и состоянія русской церкви, по оригинальности содержанія и изложенія, вполне заслуживаетъ полной Демидовской преміи“.

Въ слѣдующіе девять или двѣнадцать лѣтъ С. К—чъ, вмѣстѣ съ многочисленными мелкими подѣльями ¹⁾, работаетъ надъ вторымъ

---

¹⁾ Продолжаемъ собственноручный перочень С. К—ча его трудовъ за это время: 1855. іюль (послѣ отдѣльнаго изданія Исторіи Сл-Гр-Лат. Академіи): перевелъ 64 вопроса изъ толкованія Θεодорита на книгу Бытія. 1856 годъ: февраль—написалъ біографію Голубкова,—апрѣль—перевелъ изъ Θεодорита на псалмы съ 55 до 67 пс.,—септ.—написалъ стихотвореніе на пришествіе Государя въ

СВОИМЪ КАПИТАЛЬНЫМЪ ТРУДОМЪ, ИЗЪ ТОЙ ЖЕ ОБЛАСТИ ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ МОСКОВСКОЙ РУСИ,—НАДЪ ИСТОРИЕЙ ТРО-

Лавру,—оно 19-го сентября поднесено Императору Митрополитомъ въ Лавръ,— окт. перевелъ въ 4-ю книжку изъ Θεодорита отъ 119 до 135 псалма. 1857 годъ: Февр.: перевелъ во 2-ю книжку съ 8-й главы толкованія Θεодорита на пророчество Осіи до 21-го стиха 2-й главы Іоіля,—послалъ въ историческое общество правую грамоту Троицкаго монастыря,—Окт.: перевелъ для 4-й книжки 10-ю главу Θεодорита о Промыслѣ,—дек.: перевелъ 153 главы о молитвѣ изъ Нила Синайскаго для 1-й книжки 1858 года. 1858 годъ: Генварь и Февраль: Перевелъ Бл. Θεодорита изъ толкованія на пророка Іезекіиля отъ 32 главы до конца,—написалъ статью о вѣнчаніи брака (она кончена была еще въ 1857 г. и напечатана во 2-й книжкѣ 1858 года),—Іюнь: напечатано 2-мъ изданіемъ описаніе Хотькова монастыря,—Августъ: составилъ указатель ко 2-му изданію Исаака Сирина,—Сент.: перевелъ въ 4-ю книжку Твореній Sententiae Нила Синайскаго. 1859, Февр.: перевелъ изъ Нила Синайскаго для 2-й книжки отъ письма къ архим. Павлу до письма къ Дмитрію монаху, Lib. Epist. 66—152,—напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (№ 58) статьи о мѣстѣ погребенія діакона Θεодора,—мартъ (зачеркнуто карандашемъ: написалъ для 1-й книжки Твореній Св. Отцовъ статью о новыхъ чудесахъ Преп. Сергія) и перевелъ толкованіе Θεодорита на посланія къ Филипписіямъ и Колоссянамъ,—Апр.: написалъ для М. Вѣд. статью: объ авторѣ рукописи, открытой Безсоновымъ (№ 83),—въ 1 кн. Тв. напечаталъ статью: исцѣленія (ср. зачеркн. въ Февр.),—Окт. 7: приготовилъ ко 2-му изданію описаніе Саввина монастыря съ большими дополненіями (вышла въ 1860 г.),—8: принялся за учебникъ русской исторіи (въ 1860 г. кончилъ до Петра). 1860 годъ: Генв. 15: перевелъ для 1-й книжки изъ III книги Исидора Пелусіота письма 96—171,—29: написалъ статью: воспоминанія о Стромыпскомъ монастырѣ и послалъ къ Калачеву въ Архивъ,—въ редакцію Православнаго Обозрѣнія послалъ свою Апологетику Іустина,—Мартъ 16: окончилъ статью: Сербскій попъ Юрій Крыжаничъ и его опроверженіе Соловецкой челобитной (напечатано въ 4-й кн. 1860 г.),—Іюнь: напечаталъ въ іюльской книжкѣ Душеп. Чт. 12 сказаній Кассіана о подвижникахъ,—Авг. перевелъ еще 12 сказаній изъ Collationes Кассіана (напечатаны въ Сент. кн.),—написалъ для Чт. Истор. Общ. статейку о древнемъ Симеоновскомъ монастырѣ,—для Митрополита перевелъ съ новогреческаго большое письмо Шаде изъ Константинаополя,—Окт. написалъ статью: В. М. Дроздовъ, учитель Троицкой Семинаріи. 1861, Мартъ: перевелъ изъ Григорія Нисскаго 9 главъ изъ 2-й книги на псалмы — о надписаніяхъ псалмовъ (напеч. въ 3-й кн.),—Апрѣль—написалъ статью: посѣщенія Троицкой Лавры Императр. Елисаветою Петровною (напеч. въ М. В. № 99),—въ ред. Душ. Чт. послалъ статью о чудѣ отъ Преп. Сергія въ 1749 году (напеч.),—Сент. написалъ статью: цѣльбоносное посѣщеніе болящей дѣвицы пр. Сергіемъ (напеч. въ 3-й кн. Тв. Св. Оо.),—Окт. написалъ житіе Преп. Сильвестра Обнорскаго для Душ. Чт. (напеч. въ ноябр. кн.),—окончилъ 1-й періодъ Исторіи Троицкой Семинаріи и сдалъ для напечатанія въ 4-й книжкѣ Тв. Св. Оо. (напечатано). 1862, Февр. 21—23 написалъ службу Преп. Сильвестру Обнорскому,—Нояб. напечатана въ 3-й кн. Тв. 1-я глава 2-го періода Тр. Сем., Нояб. 2 (?): написалъ 2-ю главу 2-го періода Тр. Сем. (напеч. въ 4-й кн.),—сдѣлалъ разборъ латинскаго словаря Леонтьева. 1863, Мартъ—написалъ отзывъ о книгѣ Лаврентьева: Жизнь Преп. Сергія,—Іюль—написалъ для Зрителя статью: Ими.

ицкой Семинаріи. И эта работа сначала печаталась отдѣльными статьями въ Твореніяхъ Святыхъ Отцовъ и прибавленіяхъ къ нимъ за 1861—64 годы. Потомъ въ 1867-мъ году она вышла отдѣльною книгою: „Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи. С. Смирнова. Изданіе почетнаго блюстителя М. Дух. Акад. А. В. Толоконникова. Москва. Тип. Готье. 1867“, „въ воспоминаніе совершившагося пятидесятилѣтія служенія Высокопр. Филарета, Митр. Московскаго, въ санѣ епископа, 5 авг. 1817—5 авг. 1867 года“.

По своему общему характеру, содержанію, плану, изложенію Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи представляетъ полное подражаніе и частію какъ бы продолженіе или вторую часть Исторіи Сл.-Гр.-Лат. Академіи: два періода — до митрополита Платона—схоластическій 1742—1761 и Платоновскій—антисхоластическій 1761—1814,—управленіе, внѣшнее устройство, внутренняя сторона—преподаваніе и учебники, и ихъ характеристика и оцѣнка, труды наставниковъ, бытъ и занятія учениковъ,—судьбы начальствующихъ, наставниковъ и учениковъ и пр. Какъ и Исторія Сл.-Гр.-Лат. Академіи, этотъ трудъ составленъ на основаніи рукописнаго матеріала. Но находженіе и изученіе этого матеріала было несравненно легче, чѣмъ въ первомъ трудѣ: почти весь онъ

Екатерина II въ Лаврѣ въ 1762 г.—написалъ проповѣдь на день Преп. Сергія—5-го Іюля—напеч. въ 3-й кн. Прибавленій,—Авг. написалъ разборъ Греко-русскаго Словаря Синайскаго,—Сент. напечаталъ въ 3-й кн. Прибавленій: Богословскій и философскій классы Троицкой Семинаріи,—*Окт. 19 окончилъ Исторію Троицкой Семинаріи—sit gloria Deo!* Дек. написалъ біографію П. С. Деляцына, напечаталъ изъ исторіи Тр. Сем. въ 5 и 6-й кн. написалъ разборъ отчета Осимена о преподаваніи древнихъ языковъ. 1864, Авг. во 2-й кн. напечаталъ изъ Исторіи Тр. Семинаріи,—разсмотрѣлъ двѣ латинскія грамматки: Кюпера и Михайловскаго,—Окт. написалъ и напеч. Историческую Записку о Моск. Дух. Академіи по случаю 50-лѣтняго ея юбилея и списки наставниковъ и студентовъ,—въ № 220 Моск. Вѣд. напечаталъ описаніе празднованія юбилея Академіи,—перевелъ четыре письма Св. Димитрія Ростовскаго (напеч. въ Душеносл. Чт. Май),—написалъ для сборника описаніе празднованія юбилея Академіи 1865, Мартъ—написалъ статью: Закавказскіе сепаратисты (напеч. въ Русс. Вѣстникѣ, Май),—Іюль—напечаталъ въ 5 и 6-й кн. Прибавленій Вступительную лекцію философскую Кутневича (переводъ съ латин.),—Окт.—написалъ статью: Питомецъ Сперанскаго В. И. Знаменскій (въ Русс. Вѣстн. 1866 г. Янв.).—1866, Апрель—написалъ статью: Дневникъ Корба (Рус. Вѣст. Апрель и Декабрь):—Май—написалъ Указатель для обозрѣнія Геосиманскаго Скита и напечаталъ. 1867, Мартъ—написалъ статью: Кандія, историческій очеркъ (напеч. въ Рус. Вѣстн. Мартъ),—*Мартъ 3*: напечаталъ на суммы (почетнаго блюстителя Моск. Дух. Акад.) А. В. Толоконникова Исторію Троицкой Семинаріи (1200 экз.) къ (50-лѣтнему) юбилею (служеніи въ епископскомъ санѣ) Митрополита Филарета,—написалъ записку о его дѣятельности по отношенію къ М. Д. Академіи (въ ходѣ не пошла)“.

находится въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, частію въ Академіи и Виѳанской семинаріи,—и притомъ только на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Какъ и въ первомъ трудѣ, лучшею и самою значительною частію его является изложеніе и оцѣнка преподаванія дисциплинъ, особенно богословскихъ, философскихъ и риторическихъ,—разборъ учебниковъ и под. съ замѣтною тенденціею къ осужденію до-Платоновской схоластики и восхваленію успліи Платона къ постепенному освобожденію отъ нея въ богословіи и другихъ наукахъ. И въ отношеніи къ этому труду во всей силѣ остается то, что Высокопр. Филаретомъ сказано о первомъ: отъ первой и до послѣдней страницы онъ весь оригиналенъ и доселѣ незамѣнимъ при изученіи просвѣщенія въ Московской Руси второй половины 18-го и начало 19-го столѣтія.

Первыми и домашними руководителями и критиками этого труда, какъ и перваго, еще до его напечатанія, были тѣ же А. В. Горскій и м. Филаретъ. Въ бумагахъ С. К—ча есть такое письмо: „Достоуважаемый А. В—чъ! Имѣю честь препроводить Вамъ при семъ исторію Троицкой Семинаріи. *Я ее исправилъ по Вашимъ замѣчаніямъ.* Только оставилъ на Ваше благоусмотрѣніе и исправленіе (ибо времени мало было дано мнѣ на исправленіе) слѣдующія мѣста: стр. 35 об. 36—прошу Васъ вставить нѣсколько строкъ для объясненія дѣла,—стр. 39 об.—то же,—стр. 40 об. то же, просмотрѣть примѣчаніе и пр. О. Ректоръ (архим. Савва) желаетъ, чтобы Исторію Семинаріи *Вы представили Владыкѣ*“ ...Письмо помѣчено 5-мъ іюля 1861 г. Оригинала Исторіи мы не видали, но судить о характерѣ замѣчаній А. В—ча и его исправленій можемъ по тетради учебника русской гражданской исторіи. И все сказанное нами о предварительномъ руководствѣ А. В—ча при составленіи Исторіи Сл.-Гр.-Латинской Академіи всецѣло примѣнимо конечно и къ Исторіи Троицкой Лаврской Семинаріи.

Замѣчанія м. Филарета находятся въ его письмѣ А. В—чу отъ 17 авг. 1864 г. „Прочиталъ я въ Вашемъ изданіи разговоръ о географіи. Для чего печатаются такія сочиненія, есть ли не для оскорбленія предковъ и самаго изданія Вашего и для охлажденія пріобрѣтателей изданія? Прошу не прогнѣваться; думаю, что это правда“ ¹⁾ (письма м. Филарета къ А. В. Горскому, № 26.—Приб. къ Тв. Св. Отцевъ, 1882, ХХХ ч. стр. 61).

Изъ многочисленныхъ благодарственныхъ писемъ, полученныхъ С. К—чемъ въ отвѣтъ на присылку книги, конечно съ

¹⁾ Напеч. во 2-й кн. Прибавл. къ Тв. Св. Оо. за 1864 г.

похвальными отзывами ¹⁾, приведемъ два, принадлежащія авторитетнымъ лицамъ—академикамъ—Сухомлинову и Бычкову.

Первый въ письмѣ отъ 31-го мая 1868 года благодарить за прекрасную книгу и затѣмъ пишетъ: „По Вашему желанію, я написалъ о ней и отослалъ статью свою въ Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія. Вѣроятно она будетъ помѣщена въ февральской книжкѣ журнала. Книга Ваша *такъ полна важныхъ и любопытныхъ свѣдѣній*, что я счелъ за лучшее, хотя въ самомъ бѣгломъ очеркѣ, познакомить читателей съ ея богатымъ содержаніемъ. Крѣпко, крѣпко благодаримъ Васъ *всѣ мы, занимающіеся русскою исторіей и словесностью*. Передайте мой усердный привѣтъ Вашему ректору, а нашему доктору русской исторіи, душевно чтимому мною А. В. Горскому. Желая Вамъ написать еще такую же прекрасную вещь (чтобы ихъ было три: Исторія Славяно-Греко-Латинской Академіи, Исторія Троицкой Семинаріи и Вашъ будущій трудъ), остаюсь искренно преданнымъ и признательнымъ Вамъ“.

Второй въ поздравительномъ письмѣ по случаю присужденія С. К—чу Уваровской преміи 25 сент. 1868 г. сообщаетъ: „Отзывъ доцента Пекарскаго самый лестный, указаны лишь недосмотры и обмолвки самые ничтожныя. Впрочемъ Вы должны были быть заранѣе увѣренными, что трудъ, на который потрачено много времени и который основанъ на изысканіяхъ въ архивахъ, всегда встрѣтитъ полное сочувствіе въ академической средѣ“.

Изъ печатныхъ отзывовъ о книгѣ сравнительно бѣльшую обстоятельность имѣютъ два, принадлежащія выше упомянутымъ—Пекарскому и Сухомлинову.

Академикъ Пекарскій составилъ рецензію по порученію Академіи Наукъ, такъ какъ книга была представлена на Уваровскую премію.

„Въ исторіи русскаго просвѣщенія XVIII вѣка, пишетъ рецензентъ, нашимъ духовнымъ учебнымъ заведеніямъ суждено было занимать видное мѣсто, такъ какъ въ нихъ почти исключительно и довольно долго получили первоначальное воспитаніе первые изъ русскихъ ученыхъ писателей, переводчиковъ, даже корректоровъ.... Отсюда понятно, что судьбы образованности русскаго духовенства не есть принадлежность одной церковной исторіи, но изученіе ихъ должно необходимо входить въ исторію всего просвѣщенія и всей литературы русской по крайней мѣрѣ до Карамзина. Понятно поэтому, что всякое появленіе новаго труда изъ

¹⁾ Имѣются въ бумагахъ С. К—ча.

области знаній, о которой здѣсь говорится, нельзя не считать полезнымъ пріобрѣтеніемъ для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы.... Имя автора Исторіи Троицкой Семинаріи давно извѣстно тѣмъ, кто занимается исторіею просвѣщенія въ Россіи. Одинъ изъ главныхъ трудовъ его—именно „Исторія Московской Духовной Академіи“—признанъ отъ Академіи наукъ достойнымъ награды... Настоящее его сочиненіе касается учебнаго заведенія, возникшаго только около половины прошлаго (т. е. 18-го) столѣтія и принадлежавшаго къ разряду среднихъ духовныхъ училищъ. Слѣдовательно исторія его не можетъ быть столь замѣтною, какъ напр. духовныхъ Академій; но тѣмъ не менѣе Троицкая семинарія заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ по множеству вышедшихъ изъ нея воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторые занимали въ послѣдствіи высшія іерархическія степени, а другіе сдѣлались извѣстными на ученомъ поприщѣ, такъ и по дѣятельному участию въ судьбахъ этого заведенія приснопамятнаго Московскаго Митрополита Платона. Все это, а также и то обстоятельство, что въ послѣднемъ произведеніи г. Смирнова мы имѣемъ пока единственную подробную исторію Русской семинаріи, придають особенное значеніе разбирательному труду“... Затѣмъ идетъ краткое изложеніе содержанія книги, причемъ отмѣчаются нѣкоторыя частности. „Ученики являлись сначала въ семинарію неохотно, начальство посылало въ отчины Лавры солдатъ для принудительнаго набора учениковъ, многіе уклонялись отъ ученія посредствомъ жинитьбы, другіе дѣлались бѣглецами, въ 1744 г., лавра исходатайствовала семинаристамъ исключеніе изъ податнаго сословія,—въ первый періодъ съ 1742 по 1761 г. преподаваніе было поставлено по Кіевскому образцу съ дѣленіемъ на классы: фара, инфима, сентаксима, пінтика, философія и богословіе,—преподаваніе послѣдней началъ только въ 1751 г. ректоръ Аѳанасій Волховскій по Теофану Прокоповичу съ исключеніемъ или передѣлкою всего того, что можно было почестъ за лютеранство ¹⁾),—въ преподаваніи поэзіи, латинской просодіи было отведено мѣсто болѣе значительное чѣмъ изученію русскаго стиха, который при этомъ принимался только силлабическаго размѣра,—стало быть преобразование въ русскомъ стихѣ Тредіаковскаго и поэтическіе образцы Ломоносова тогда считались нововведеніями, еще не усвоенными школою,—арифметика, геометрія, тригонометрія, географія и исторія считались предметами второстепенными,—изъ

¹⁾ Изъ вышеприв. письма С. К—ча къ Горскому видно, что со стороны послѣдняго были какія-то указанія относительно этого.

древнихъ языковъ преимущественнѣе всего обращалось вниманіе на латынь, на этомъ языкѣ преподавались всѣ науки,—наставники были обязаны составлять и произносить катихизическія поученія и проповѣди въ воскресные и праздничные дни,—учплись по 13—14 лѣтъ,—изученіе латинскаго языка было для нѣкоторыхъ такъ трудно, что они рѣшались ложно показывать за собою слово и дѣло, предпочитая жестокое тѣлесное наказаніе, а потомъ отдачу въ солдаты или матросы. Второй періодъ, съ 1761 по 1814-й годъ, отмѣченъ тѣмъ, что за это все время былъ сначала преподавателемъ, потомъ ректоромъ и наконецъ протекторомъ м. Платонъ: богословіе Платона служило руководствомъ, которое разсмотрѣно г. Смирновымъ подробно,—по его отзыву это былъ первый опытъ рѣшительнаго изгнанія у насъ схоластики изъ богосл. системы, — кромѣ того онъ знакомитъ съ лекціями ректоровъ, преподававшихъ богословіе,—на конспектѣ р. Иларіона м. Платонъ выразилъ желаніе, „чтобъ догматы по возможности трактовались короче и чтобъ устрояемы были пустые и безпольные вопросы, которыми обезображены книги римскихъ католиковъ“,—философія преподавалась по Бурмейстеру,—риторика сначала и недолго такъ наз. Вратиславская (Амвросія Серебренникова, изд. въ Бреславлѣ), а потомъ Бургія.—стихи было обязательно составлять, хотя и вопреки совѣту Платона не требовать этого отъ всѣхъ, „а поощрять тѣхъ, въ комъ откроется къ стихотворству свободная жила“,—математика и исторія продолжались считаться предметами второстепенными,—всеобщая исторія преподавалась по Лакрозу, Гольбергу, Фрейеру и Шреку,—русская церковная—по руководству самого Платона, а русская гражданская—по Щербатову. Большая часть времени у семинаристовъ уходило на изученіе латинскаго языка, такъ что подъ его вліяніемъ находилась и русская рѣчь. Передавая свѣдѣнія о проповѣдяхъ наставниковъ и ректоровъ,—между прочимъ сообщаетъ, что о первой печатной проповѣди учителя Троицкой Семинаріи Василія Михайловича Дроздова, потомъ Филарета Митрополита Московскаго, Платонъ писалъ своему викарію Августину: „а у меня проявился отличнѣйшій проповѣдникъ — учитель Дроздовъ. Я сообщу его проповѣдь—и удивитесь“. Затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о бытѣ семинаристовъ, сообщаются инструкціи Платона, говорится о диспутахъ, экзаменахъ, вокаціонномъ времени,—наконецъ помѣщены краткія извѣстія о судьбѣ начальствующихъ, наставниковъ и воспитанниковъ, причемъ первое мѣсто отведено недавно усопшему м. Филарету. Наконецъ сообщаются свѣдѣнія о хозяйственной части семинаріи, обстоятельно излагаются разныя

руководства и лекцій по главнымъ предметамъ“ и т. п. „Все это собрано чрезвычайно тщательно, съ любовью къ предмету и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ основательнымъ знаніемъ его... Съ начала и до конца г. Смирновъ строго держится въ предѣлахъ избранной имъ скромной задачи—изложить исторію Троицкой Лаврской Семинаріи въ XVIII и началѣ XIX столѣтія (не уклоняясь въ сторону побочных и соприкосновенныхъ областей), и исполняетъ ее добросовѣстно, не забывая обозначать всѣ источники, которыми онъ пользовался. Нельзя также не поставить въ заслугу изслѣдователя и того, что эти источники почти исключительно состоятъ изъ рукописей и дѣлъ, работать по которымъ гораздо труднѣе, чѣмъ по печатнымъ, обработаннымъ матеріаламъ“.

„Произведенія самыя совершенныя не бываютъ изъяты отъ неполноты и недостатковъ. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія на трудъ г. Смирнова, то можно бы замѣтить, что онъ слишкомъ обилень на выписки, напр. изъ старинныхъ проповѣдей и т. п., и скупъ на характеристическія подробности о лицахъ, такъ какъ краткія извѣстія формулярныхъ списковъ, не давая о нихъ понятія, какъ о живыхъ людяхъ, представляютъ ихъ какими-то автоматами, проходившими лѣствицу чиновъ и отличій съ нисшихъ ступеней на высшія.

За недостаткомъ особенно крупныхъ промаховъ, можно указать на нѣкоторые маловажные, въ родѣ слѣдующихъ: на 1-й стр. сказано, что „мысль объ учрежденіи семинаріи въ Тр.-Сер. Лаврѣ родилась при посѣщеніи сей обители имп. Анною Ивановною въ 1738 году“. Этого не могло быть, потому что государыня, выѣхавъ изъ Москвы въ 1732 году, не покидала потомъ Петербурга до самой кончины своей въ 1740 году. На стр. 4-й „Кабинетъ Ея Величества“ названъ „Тайнымъ Кабинетомъ“. На стр. 55, говоря объ Академіи Наукъ 1746—1752 годовъ, авторъ называетъ ее „Россійскою Академіею“; подъ послѣднимъ названіемъ дѣйствительно существовало до 1841 г. ученолитературное учрежденіе, основанное въ 1783 г. независимо отъ Академіи Наукъ. Нельзя также не считать недостаткомъ въ такомъ полезномъ для справокъ трудѣ, какъ книга г. Смирнова, что она, имѣя 586 стр. и заключая въ себѣ множество именъ и мелкихъ подробностей, не только не снабжена указателемъ, но не имѣетъ даже подробнаго оглавленія“.

„Если я не считалъ себя въ правѣ умолчать о подобныхъ недостаткахъ, то въ заключеніи съ тѣмъ большею свободою могу засвидѣтельствовать, что „Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи“ удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя изложены въ

установленъ объ Уваровскомъ конкурсѣ для присужденія сочиненію награды“¹⁾).

Еще до выхода Исторіи Троицкой Лаврской Семинаріи С. К.—чь началъ работы по Исторіи своей *almae matris*.

Въ 1864-мъ году имъ была составлена „Историческая записка о Московской Духовной Академіи, по случаю празднованія ея пятидесятилѣтія“²⁾. Изъ писемъ м. Филарета къ Горскому и изъ примѣчаній къ нимъ С. К.—ча (письма изданы С. К.—мъ) видно, что онъ намѣревался издать къ юбилею полную исторію Академіи за ея пятидесятилѣтіе, но успѣлъ приготовить только три главы: открытіе Академіи, учебная часть и ученые труды наставниковъ. Поэтому онъ къ юбилею только „составилъ въ сжатомъ видѣ историческую записку объ Академіи“³⁾. Такимъ обра-

1) Отчетъ объ одиннадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, 25 сент. 1868. СПб. 1869. Стр. 58—64.

2) Напечатана въ „Сборникъ, изданномъ Моск. Дух. Академіею по случаю празднованія ея пятидесятилѣтія, Москва, тип. Готье, 1864“.

3) Ibid. п. 29, стр. 64, отъ 15 сент. 1864. „Прочитана мнѣ записка о Академіи. Она слушается съ занимательностью. Я посовѣтовалъ только говорить о недостаткахъ схоластическаго ученія безъ насмѣшки и презрѣнія и безъ схоластическихъ выраженій. Вѣкъ, смѣющійся надъ схоластикой, не платитъ ли ей давнъ хуже прежняго, толкуя, даже не въ школахъ, туманно и тяжело, объ абсолютномъ и условномъ, объ абстрактномъ и конкретномъ, о субъективномъ и объективномъ, о категоріяхъ, объ отрицаніи, какъ объ умственномъ преступленіи,—хотя отрицаніе иногда есть высокое знаніе,—даже въ газетахъ, читаемыхъ простонародіемъ, звуча латынью: *de jure, de facto*, даже вопреки законамъ грамматики: *statu quo*. Также замѣтилъ я, что хвалить живыхъ рано и особенно въ глаза“. Издатель писемъ, самъ С. К.—чь, сообщаетъ въ примѣчаніи: „Историческая записка о М. Д. Академіи составлена была проф. Акад. С. К. Смирновымъ, читана имъ была въ рукописи митрополиту и потомъ по напечатаніи прочитана на юбилейномъ актѣ. По словамъ Владыки, онъ замѣтилъ автору записки, что „хвалить живыхъ рано“; замѣчаніе это сдѣлано при чтеніи слѣдующаго мѣста изъ записки: „сохрани, Господи, на многая лѣта нашего славнаго первосвятителя!“ Митрополитъ, выслушавъ это, сказалъ: „славеиъ ли я, судить объ этомъ Богъ, и приказалъ зачеркнуть слово: *славнаго*“. Въ письмѣ отъ 5 Окт. 1864, послѣ празднованія юбилея (1-го Окт.) М. Ф. пишетъ: „Печатная историческая записка объ Академіи, кажется, много сокращена противъ рукописи. Правда, что она теперь имѣетъ болѣе правильный видъ, нежели когда была расширена выписками изъ уроковъ, частію не довольно занимательными, частію не пропорціально длинными. Не знаю, не можно ли было бы сохранить въ ней историческія и философскія мысли“. С. К. замѣчаетъ: „Говоря о печатной исторической запискѣ объ Академіи, М. припоминаетъ прочитанные имъ три главы полной исторіи М. Д. Академіи, которыя были написаны проф. С. К. С.—мъ и представлены М.—ту въ Мартѣ 1864 г. Авторъ не успѣлъ окончить къ юбилею полной исторіи Академіи и составилъ въ сжатомъ видѣ историческую записку объ Академіи“. Напечатана въ Юбил. Сборникѣ.

зомъ пожеланіе академика. Сухомлинова было значительно запоздалымъ. Уже въ мартѣ 1864-го года были готовы три главы Исторіи Академіи, представляющія наиболѣе трудную и важнѣйшую часть исторіи: открытіе Академіи, учебная часть и ученые труды наставниковъ. Но полное окончаніе Исторіи Академіи послѣдовало только чрезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ Исторіи Троицкой Семинаріи, когда была издана „Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія (1814—1870)—С. Смирнова. Москва. 1879. Универс. тип.“¹⁾ Замедленіе въ работѣ имѣло своимъ хо-

Подъ „историческими и философскими мыслями“ разумѣются краткія замѣчанія автора по поводу лекціи по богословію и философіи—см. въ главѣ „Учебная Часть“ стр. 12 дал. Ibid., стр. 68, пис. 32. Затѣмъ по поводу статьи С. К—ча въ томъ же Сборникѣ „Празднованіе пятидесятилѣтія М. Д. Академіи“ М. Филаретъ 25 Окт. 1864 г. ibid. пис. 33, стр. 69—70 между прочимъ писалъ: „...Юбилей Академіи, по моему мнѣнію, значитъ: Еврейскій праздникъ въ Академіи. Я сказалъ бы: праздникъ пятидесятилѣтія Академіи. Впрочемъ спорить за сіе не буду... Не все написано, что я сказалъ послѣ адреса Московскаго духовенства. Вотъ полныя мои мысли и слова: Я сказалъ, что для меня въ высшей степени утѣшительно видѣть такое общее, такое искреннее сочувствіе Московскаго духовенства въ Академіи и особенно по тому, что это есть выраженіе *всегдашняго единства въ духѣ чистаго православія и церковнаго братолюбія*. Не помню полныхъ словъ отвѣта моего Г. Ректору Университета (С. И. Баршеву), но помню, что думалъ: Вполнѣ цѣню благосклонный отзывъ представителя Университета о дѣятельности Академіи и съ особеннымъ удовольствіемъ вижу, что высшая обитель науки всеобщей къ обители науки духовной простираетъ дружественную руку. Вотъ что нашелъ я нужнымъ сказать. Въ другой разъ читать меня уже не заставляйте и печатайте, какъ разсудите“.

1) Окончаніе собственноручной записи С. К—ча его трудовъ. „1867 Авг. 2-е изданіе указателя для обозрѣнія Скита,—перевелъ шесть писемъ съ греческаго отъ Патріарховъ и другихъ лицъ, присланныхъ по случаю юбилея Митрополита. *Ноябрь*. Въ №№ Моск. Вѣд. 256 и 257 напечаталъ: празднованіе дня 5-го Августа 1867 г. въ нѣкоторыхъ городахъ имперіи. *Декабрь*. Въ Современной Лѣтописи, воскресн. прибавл. къ Моск. Вѣд. 3-го Декабря № 44 напечаталъ: Учитель Троицкой Семинаріи В. М. Дроздовъ, — въ Русскій Архивъ послалъ: цензурныя дѣла 1786—1787 г. съ предисловіемъ (напечатана въ изданіи: XVIII вѣкъ, томъ 1). 1868 годъ, *Февр.*: послалъ въ Русскій Вѣстникъ статью: изъ воспоминаній Митрополита Филарета, составленную по запискамъ А. В. Горскаго (возвратилъ назадъ),—*Августъ*: статья сія напечатана въ Правосл. Обзорѣніи за Августъ,—въ Сентябрь того же журнала напечаталъ статью: нѣсколько словъ по поводу статьи Мельникова, напечатанной въ Апрельѣ Русскаго Вѣстника: изъ прошлаго. 1869, *Мартъ*: послалъ въ М. Археологическое общество на имя Графа А. С. Уварова статью: открытіе древнихъ надгробныхъ надписей въ Троицкой Лаврѣ,—*Апрѣль*: напечаталъ 4-мъ изданіемъ мой указатель къ обозрѣнію Геосиманскаго скита,—*Апрѣль*: напечаталъ описаніе Виѳанскаго монастыря,—приготовилъ къ печати письма М. Платона къ Амвросію и Августину (печатаются въ майской книжкѣ Правосл. Обзорѣнія) и вышли еще отдѣльно съ указателемъ. 1870, *Іюнь*: напечаталъ 5-мъ изданіемъ указатель Скита,—*Ав-*

рошимъ послѣдствіемъ то, что С. К.—чъ написалъ исторію цѣлостнаго и законченаго періода, который справедливо названъ у

густъ: напечаталъ о чудотворной иконѣ Богоматери въ Геосимапскомъ скптѣ. *1872 годъ*: напечаталъ 3-мъ изданіемъ описаніе Хотькова монастыря. *1873 годъ*: написалъ рѣчь о Экономосѣ и прочиталъ 1-го Окт. (напеч. въ отчетѣ за 1873 г.),— *Августа 1*: напечаталъ докторское сочиненіе: Филологическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ при чтеніи посланія Ап. Павла къ Ефесянамъ (sit gloria Deo!),—написалъ статью въ Совр. Изв. о приѣмѣ студентовъ въ Лавру. *1874, Августъ*: написалъ статью: Преп. Аѳанасій Высоцкій (напеч. въ Сент. кн. Душен. Чт. и отд. оттиск:),—выпустилъ новыя изданія указателя Скита и о чудотв. ик. Богоматери,—*Сентябрь*: написалъ въ Совр. Изв. статьи: о Посадской полиціи, о приѣмѣ студентовъ въ Академію и изъ Серпухова (корреспонд.) о 500-лѣтіи Высоцкаго м—ря. *1875, Мартъ*: подготовилъ къ печати четвертую главу изъ Исторіи Моск. Дух. Академіи,—*Апрѣль*: издалъ вновь описаніе Хотькова монастыря (4-е изд.),—*Августъ*: издалъ 7-е изданіе книжки о чудотворной иконѣ Богоматери (4800 экз.),—въ Моск. Вѣд. №№ 265 и 266 напечаталъ двѣ статьи: протоіерей Алекс. Васил. Горскій (некрологъ) и похороны А. В. Горскаго (объ перепечатаны въ Прав. Обзор. Дек. 1875 г. и во многихъ газетахъ и Епарх. Вѣдомостяхъ. *1876*: въ М. Вѣд. напечаталъ о пребываніи въ Лаврѣ Бразильскаго Императора,—въ Нояб. кн. Прав. Обзор. напечаталъ рѣчь (1 Окт.): воспоминанія объ А. В. Горскомъ и еще Sortes Sanctorum (рѣчь напечатана при годичномъ отчетѣ о М. Д. Академіи). *1877, дек. 12* говорилъ въ публичномъ собраніи рѣчь по случаю юбилея Имп. Александра I о состояніи Академіи въ его время. *1879, Мартъ 31*: вышла въ свѣтъ моя Исторія М. Д. Академіи. *Δόξα ἐν ὑψίστοις Θεῷ!* *Апр. 6*: говорилъ въ Троицкомъ Соборѣ проповѣдь при погребеніи М. Иннокентія, напечатана въ 98 № Моск. Вѣд. *1880*: въ концѣ Сент. и началѣ Окт. напечаталъ въ Моск. Вѣд. двѣ статьи: 1) объ открытіи Братства Преп. Сергія 26 Сент. въ М. Д. Академіи; 2) о посѣщеніи В. Князьями Сергіемъ Александровичемъ и Константиномъ Константиновичемъ Лавры и Академіи,—объ открытіи Братства напечаталъ въ 4-й кн. Прибавленій къ Тв. Св. Отцевъ,—составилъ указатель къ описанію рукописей Волоколамской библіотеки для напечатанія въ Чтеніяхъ Моск. Истор. общества (напечатана). *1882*: издалъ путеводитель отъ Москвы до Троицкой Сергіевой Лавры,—напечаталъ въ 3-й кн. Приб. къ Тв. Св. Оо. статью: кончина и погребеніе Макарія М. Московскаго, тутъ и проповѣдь моя на его погребеніе, она напечатана до сего въ Моск. Вѣд. № 165,—*Августъ 30*: говорилъ въ Успен. Соборѣ проповѣдь, которая напечатана въ Моск. Вѣд. № 242,—*Сент.*: напечаталъ въ Моск. Вѣд. о пребываніи Митроп. Іоанникія въ Троицкой Лаврѣ № 271. *1883, Янв.*: напечаталъ въ 1-й кн. Прибавленій слово и рѣчь по случаю юбилея Митроп. Филарета,—*Апрѣль*: въ 1-й книжкѣ—письма Филарета Черниговскаго къ А. В. Горскому,—*Май*: въ № 142 Моск. Вѣд. статью: 22 мая въ Троицкой Лаврѣ.—*Іюль*: въ 4-й книжкѣ прибав. напечаталъ о Палладіи Роговскомъ съ примѣчаніями къ его проповѣдямъ,—въ № Моск. Вѣд. 28 Сент. напечаталъ о пребываніи Митрополита въ Академіи.—*Ноябрь*: въ IV кн. Прибавл. напечаталъ письма Митр. Филарета къ Филарету Черниговскому. *1884, Янв.*: напеч. въ 1 кн. Приб. вторую половину писемъ Митр. Филарета къ Филарету Черниговскому,—*Февр.*: напечаталъ особою книгою: Преподобный Сильвестръ Обнорскій.—*Мартъ*: во второй кн. Прибавл. напечаталъ продолженіе писемъ Филарета Чер-

историка Филаретовскимъ и посвященъ „памяти великаго святи- теля Филарета, Митрополита Московскаго“. Съ своей стороны считаемъ также справедливымъ присоединить и имя незабвен- наго А. В. Горскаго, имѣвшаго въ исторіи Академіи за этотъ періодъ не меньшее значеніе, чѣмъ М. Филаретъ, а въ научно- руководственномъ и нравственно-воспитательномъ отношеніи не- сравненно болѣе вліятельное и близкое. И эта послѣдняя часть исторической трилогіи составлена по образцу первыхъ двухъ и отражаетъ всѣ ихъ характерныя особенности. Только работать надъ нею историку было еще легче, чѣмъ даже надъ исто- ріею Троицкой Семинаріи. Рукописный источникъ ограничивается только академическимъ архивомъ. Съ 1840—го года С. К—чъ самъ участвуетъ въ исторіи Академіи. А для 1814—1840 годовъ онъ имѣлъ: печатныя записки Измайлова, устныя сообщенія сво- ихъ старшихъ сотоварищей: перваго магистра перваго курса П. С. Делицына, третьяго магистра того же перваго курса Θ. А. Голу- бинскаго,—затѣмъ: Горскаго А. В. (VIII к.) ¹⁾, М. Л. Ловцева, тестя С. К—ча (съ 1818 по 1827 г. см. Ист. Ак. стр. 195),—пись- менныя сообщенія Шиллегодскаго, П. Е. Покровскаго (VI к. 1824—1828), С. И. Баршева (VII к. 1826—1829), Саввы Тихомирова (XVII к. 1846—1850) и др ²⁾.

ниговскаго къ А. В. Горскому,—въ 3 и 4 кн. Прибавл. напечаталъ Дневникъ А. В. Горскаго. 1885, Янв.: въ 1-й кн. Прибавл. прод. дневника Горскаго, во 2-й кн. окончаніе дневника и терминологию Отцовъ Церкви въ ученіи о Богѣ,—*Февраль*: издалъ 6-е изданіе Хотькова м—ря,—*Май*: въ 3-й кн. Приб. Письма Филарета Черниговскаго къ А. В. Горскому,—*Іюнь*: напечаталъ въ іюньской кн. Душепол. Чтенія статью: ученики Преп. Сергія,—*Ноябрь*: въ IV кн. Приб. письма Филарета къ викарію Иннокентію. 1886, Янв. въ Прибавл. 1 кн. напеча- талъ некрологъ: Н. Д. Мансветовъ съ моею проповѣдью,—*Іюль и Октябрь* напечаталъ въ 3 и 4 кн. Прибавл. Письма М. Филарета къ намѣстнику Лавры Аѳанасію. 1887: напечаталъ въ Русскомъ Архивѣ № 5, 6 и 7 письма Павла Петровича къ Митр. Платону,—*Авг. и Сент.* въ Душеп. Чт. напечаталъ автобіо- графію Митр. Платона,—тамъ же въ *Окт.*: Преп. Тихонъ Калужскій Чудотво- рець,—въ Чтеніяхъ истор. общества кн. 2: о древнемъ Симеоновскомъ монастырѣ, а въ Душ. Чт.—шесть писемъ Митр. Платона къ Евгению Казанцеву (напеч. въ *Декабр.* кн.). 1888: въ Душеп. Чтеніи (Іюнь и Іюль) напечаталъ Апологетику Іустина мученика“ (послѣдняя, нетвердою рукою и неразборчиво сдѣланная запись).

¹⁾ Съ этими „тремя столпами академіи“ С. К—чъ стоялъ въ самыхъ близ- кихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ: Горскому онъ былъ кумомъ, а у Голубин- скаго онъ еще во время студенчества былъ домашнимъ учителемъ его сына, проф. Д. Θ. Голубинскаго.

²⁾ Эти письма хранятся въ бумагахъ С. К—ча. Ср. Корсунскій, стр. 38—39, прим. 51—54 и Саввы Автобіографическія Записки IV. 105, 115. Въ одномъ изъ писемъ отъ 29-го марта 1874-го года С. К—чъ писалъ Саввѣ: „По получе-

Какъ и въ предшествующихъ двухъ исторіяхъ, въ Исторіи Моск. Дух. Академіи самую цѣнную въ научномъ отношеніи часть представляютъ: изложеііе и оцѣнка наставническихъ лекцій—курсовъ, особенно богословскихъ и философскихъ, занятія студентовъ—ученый кружокъ, сочиненія семестровыя и курсовыя, темы для нихъ, публичные экзамены,—непосредственно-близкое, постоянно-бдительное и всестороннее руководство Академіей со стороны Митрополита Филарета,—его внимательное, обвѣянное глубоко проникновеннымъ богословскимъ геніемъ и широкою научною опытностью, отношеніе къ наставническимъ курсамъ, экзаменамъ, студенческимъ сочиненіямъ, академическому журналу, ко всей научной дѣятельности Академіи, даже ко всей вообще ея жизни. Выясненіе такого отношенія Филарета къ Академіи въ теченіи всего перваго періода ея бытія придаетъ этому труду С. К—ча единство и цѣлостность.

Другую общую черту Исторіи Академіи, уже имѣющуюся и въ первыхъ двухъ работахъ и отмѣченную м. Филаретомъ, представляетъ отрицательное отношеніе историка къ схоластической методѣ. Въ исторіяхъ Сл-Гр-Латинской Академіи и Троицкой Лавровской Семинаріи, послѣдніе періоды ихъ—Платоновскіе—отмѣчаются какъ періоды анти-схоластическіе, когда стоявшій во главѣ школь м. Платонъ стремился освободить догматику отъ схоластики католицизма и усилить русскій языкъ съ исторіею. Преобразование обѣихъ школь въ Моск. Дух. Академіи еще болѣе содѣйствовало этому. Правда, схоластика на первыхъ порахъ еще господствовала. Но уже философъ Голубинскій, читавшій лекціи на русскомъ, вмѣсто латинскаго (его предшественникъ Кутневичъ) языка, совершенно оставилъ схоластику, погрузившись главнымъ образомъ въ изученіе исторіи философіи и древнихъ восточныхъ религій. Еще болѣе рѣшительный ударъ схоластикѣ нанесли знаменитые историки-богословы: Филаретъ Гумилевскій и особенно А. В. Горскій. Первый „выступалъ (въ догматикѣ) на попріице ученія съ новыми приемами—съ критикою источниковъ, съ филологическими соображеніями, съ исторіей догматовъ, съ опроверженіемъ протестантскихъ мнѣній“ (И. А. 20) и, прибавимъ, съ

ніи новой ученой степени (доктора богословія) не отдыхаю еще на лаврахъ. Въ свободное время отъ лекцій и отъ другихъ дѣлъ занимаюсь продолженіемъ исторіи нашей Академіи, которой только четвертую часть успѣлъ написать къ юбилею Академіи. Работа довольно широкая и не безтрудная, потому что приходится непремѣнно встрѣчаться съ великою личностью Филарета, почти въ теченіе полувѣка управлявшаго судьбами Академіи. Конца труда еще не вижу“. Т. IV. стр. 746. Ср. т. V. стр. 905—906.

тщательнымъ критико-экзегетическимъ анализомъ библейскихъ текстовъ. Но главнымъ освободителемъ Академіи отъ схоластическаго раціонализма и основателемъ научно-историческаго въ ней направленія былъ А. В. Горскій. „До временъ знаменитаго церковнаго историка А. В. Горскаго не было, можно сказать, серьезнаго и обстоятельнаго преподаванія церковной исторіи въ Академіи... Ученикъ Филарета Гумилевскаго, а потомъ другъ... скоро превзошелъ его“ (стр. 36). Послѣ 30-лѣтняго преподаванія вынужденный, по уставу 1869-го года, какъ ректоръ, перейти на богословскій предметъ и избравъ догматическое богословіе, А. В—чъ въ теченіи 12 лѣтъ преподавалъ ее въ духѣ своего учителя Филарета Гумилевскаго, но весьма значительно углубленномъ въ научномъ отношеніи. Исторія догмата и обширный научно-экзегетическій анализъ библейскихъ текстовъ, а иногда и цѣлыхъ главъ, отдѣловъ, даже книгъ (напр. посланіе къ Евреямъ въ отдѣлѣ о первосвященническомъ служеніи Спасителя). Такъ во всеоружіи европейской науки въ теченіи 30 лѣтъ преподавая церковную исторію и 12 лѣтъ догматику, А. В—чъ является упразднителемъ раціоналистическо-схоластической методы и основателемъ научнаго богословско-историческаго направленія въ Академіи.

Впрочемъ эту наиболѣе существенную сторону исторіи Академіи С. К—чъ не раскрываетъ, а только вскользь, отрывочными замѣтками, касается ея. И эта третья часть исторической трилогіи, какъ и первыя двѣ, въ своихъ основныхъ чертахъ остается капитальнымъ и превосходнымъ справочникомъ, не имѣя характера исторіи идейно-прагматической.

При своемъ появленіи Исторія Московской Духовной Академіи встрѣтила въ ученомъ мірѣ такой же радушный пріемъ, какъ и Исторія Сл-Гр-Лат. Академіи и Троицкой Лаврской Семинаріи.

„Приношу Вамъ усерднѣйшую благодарность“, пишетъ академикъ Сухомлиновъ въ отвѣтъ на присылку книги ему, 18 апр. 1879 г.,—за Вашъ привѣтъ (пасхальный) и за Вашу прекрасную книгу. Съ великимъ удовольствіемъ приму участіе въ ея разсмотрѣніи, когда она поступитъ на Уваровскій конкурсъ. Но мнѣ неловко написать рецензію въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія ¹⁾, потому что я, какъ членъ второго отдѣленія Академіи Наукъ, состою непремѣннымъ членомъ комиссіи для разсмотрѣнія Уваровскихъ наградъ. Рецензія же въ Журналъ Министерства должна появиться ранѣе приговора Академіи и

¹⁾ Очевидно, С. К—чъ просилъ объ этомъ Сухомлинова въ своемъ къ нему письмѣ.

должна быть написана лицомъ, не участвующимъ въ этомъ приговорѣ... Въ двадцатыхъ числахъ мая... постараюсь прїѣхать хоть на нѣсколько часовъ въ Вашъ благословенный край—въ Лавру и въ Академію, которыя такъ дороги мнѣ по воспоминаніямъ молодости“. Но еще до выхода книги С—въ, въ 1876 г. 6-го мая, писалъ ¹⁾: *Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю появленія въ свѣтъ Вашего труда по исторіи Московской Духовной Академіи. До какой степени всѣ, любящіе русскую науку, дорожатъ Вашими трудами, видно изъ того единодушнаго сочувствія, которое выразилось при выборѣ Васъ въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ“* ²⁾... Другой академикъ Бычковъ въ письмѣ отъ 7 апр. 1879 г. благодаритъ за присылку Исторіи М. Д. Академіи, „труда, который я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ и пользою для себя, такъ какъ онъ сообщаетъ много неизвѣстныхъ фактовъ“. И 10 сен. 1880 г. сообщаетъ объ единогласномъ присужденіи малой Уваровской награды за прекрасный трудъ,—„въ рецензій Чистовича Вы найдете нѣсколько новыхъ интересныхъ документовъ объ Академіи, извлеченныхъ изъ синодальнаго архива. Приношу еще разъ искреннюю благодарность за присылку мнѣ Твореній Св. Отцевъ. Въ каждой книжкѣ я зачитываюсь Евангельской Исторіей покойнаго А. В. Горскаго. Какая прелесть и по содержанию и по языку!“

Обширную рецензію на книгу С. К—ча составилъ, по порученію Академіи Наукъ, вышеупомянутый ея членъ-корреспондентъ и профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи И. А. Чистовичъ, самъ издавшій въ 1857-мъ году „Исторію С.-Петербургской

¹⁾ Начало письма: „Душевно уважаемый Сергѣй Константиновичъ! Приношу Вамъ искреннюю и глубокую благодарность за обязательное исполненіе просьбы моей о присылкѣ рукописей. Желая представить возможно полный очеркъ дѣятельности и судьбы замѣчательныхъ русскихъ людей, посвятившихъ себя наукѣ, я имѣлъ нужду въ свѣдѣніяхъ, относящихся къ началу ихъ образованія...“

²⁾ Конецъ письма: „Скоро ли сдѣлается извѣстнымъ архивъ незабвеннаго А. В. Горскаго? Безъ сомнѣнія много важнаго находится въ письмахъ къ нему другой знаменитости Вашей Академіи—къ глубокому сожалѣнію также покойнаго Филарета Черниговскаго. Будучи связанъ съ нимъ втѣченіе многихъ лѣтъ чувствомъ глубокой пріязни и уваженія, я потерялъ въ покойномъ Филаретѣ Черниговскомъ одного изъ близкихъ мнѣ людей, память о которомъ сохранится навсегда въ душѣ моей. Одинъ изъ редакторовъ просилъ меня написать статью о покойномъ Филаретѣ и я охотно принялъ это предложеніе. Если у Васъ, многоуважаемый С. К—чь, найдутся какіе либо матеріалы, которые Вы признаете удобнымъ сообщить мнѣ, очень меня обяжете. Но само собой разумѣется, что было бы несравненно лучше, если эти матеріалы были напечатаны и освѣщены Вами, и я бы воспользовался ими уже изъ Вашего труда. Да поможетъ Вамъ Богъ трудиться для пользы русской науки и всѣхъ любящихъ и се и Васъ. Искренно и глубоко Васъ уважающій М. С.“

Духовной Академіи. СПб. 1857“, (1809—1856 гг.) съ предшествовавшими ей Александроневскими школами: Славенская Школа (1721—1725 гг.), Славено-Греко-Латинская Семинарія (1725—1788), Главная Семинарія (1788—1797) и Академія (1797—1809) ¹⁾. Рецензентъ, впрочемъ, вдается болѣе въ собственныя поясненія, касающіяся общей исторіи всѣхъ академій, даже всѣхъ духовныхъ школъ, — по поводу реформы ихъ при графѣ Протасовѣ. Собственно о книгѣ С. К—ча, опуская заимствованія изъ нея и изложеніе ея содержанія, съ характеромъ рецензіи говорится не много. „Авторъ излагаетъ факты такъ, какъ они улеглись и сохранились въ документальныхъ источникахъ, не вдаваясь въ разьясненіе ихъ далѣе тѣхъ указаній, какія даютъ архивные документы, очень рѣдко обращаясь къ источникамъ живаго преданія, очень мало внося воспоминаній, какія могли бы сообщить объ Академіи бывшіе ея воспитанники, и не внося почти ничего изъ своихъ личныхъ впечатлѣній. Памятники сохраняются во всякомъ случаѣ долѣе, нежели живое преданіе, которое скоро забывается и чрезъ одно-два поколѣнія уже исчезаютъ безслѣдно. Тѣмъ не менѣе этому живому преданію очень мало дано значенія въ трудѣ автора ²⁾. Но обратимся къ разсмотрѣнію самой книги“ (стр. 22)... Изложивъ затѣмъ реформы при Протасовѣ, рецензентъ замѣчаетъ: „Нужно ли говорить, что всѣ эти реформы частію прямо и непосредственно, частію же посредственно коснулись и Московской академіи, хотя главнымъ центромъ движенія была С.-Пет. академія? Авторъ исторіи Моск. Академіи обозначилъ введеніе новыхъ наукъ только хронологически: но оно находилось въ связи съ общими и важнѣйшими перемѣнами въ направленіи вообще образованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (стр. 34)... положивъ между прочимъ основаніе изданію при Московской духовной академіи журналъ подъ названіемъ: „Творенія Св. Отцевъ“, въ 1840-мъ году, когда на нее возложенъ былъ на первый разъ переводъ главнѣйшихъ отцевъ—Аѳанасія, Василія, Григорія Богослова и др., такъ какъ другія академіи были уже заняты своими періодическими изданіями (стр. 35). Сказавъ затѣмъ объ

¹⁾ Напечатана въ Запискахъ Имп. Академіи Наукъ, т. XXXIX, прилож. № 8: „Отчетъ о двадцать-третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова. СПб. 1881“, стр. 21—50.

²⁾ Ср. подобное же въ отзывѣ Пекарскаго объ Исторіи Троицкой Лаврской Семинаріи. Въ этомъ отношеніи Исторія Моск. Дух. Академіи С. К. Смирнова представляетъ полную противоположность Исторіи Казанской Духовной Академіи П. В. Знаменскаго, но вполнѣ сходствуетъ съ Исторіей СПбургской Духовной Академіи самого И. А. Чистовича и Исторіей Кіевской Академіи Макарія.

отношеніи м. Филарета къ Академіи и пр. по исторіи С. К—ча, рецензентъ даетъ такое общее заключеніе: „Сводя въ одно всѣ сдѣланныя замѣчанія, мы можемъ сказать, что книга протоіерея Смирнова, излагающая исторію Московской Академіи въ продолженіе 50-лѣтняго періода ея, отъ одного преобразованія (1814) до другого (1870), заключающая въ себѣ богатое собраніе матеріаловъ для исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи и вообще для исторіи отечественнаго просвѣщенія, любопытная по своимъ подробностямъ о судьбѣ лицъ, получившихъ высшее образованіе въ М. д. Академіи и съ честію трудившихся и трудящихся на разныхъ поприщахъ церковнаго, общественнаго и гражданскаго служенія, сообщающая весьма много любопытныхъ данныхъ о высокочтимомъ Русскою Церковью покойномъ Московскомъ святителѣ Филаретѣ, бывшемъ въ теченіе почти полувѣка непосредственнымъ руководителемъ Академіи, — составляетъ весьма почтенный вкладъ въ нашу историческую литературу. Служа продолженіемъ изданной авторомъ Исторію Моск.-сл.-гр. латинской академіи, она отличается такими же достоинствами отчетливаго и занимательнаго изложенія, какими отличается первый его трудъ. Можно было бы желать болѣе полнаго изображенія собственно внутренней жизни академіи, болѣе цѣльныхъ и законченныхъ образовъ важнѣйшихъ ея дѣятелей—Филарета Гумилевскаго, Голубинскаго, Горскаго и другихъ, и болѣе полной оцѣнки ихъ ученой дѣятельности и заслугъ для науки и просвѣщенія ¹⁾: но всякому, знакомому съ этого рода трудами, извѣстно также, какъ нелегко вести подобную критическую работу тамъ, гдѣ не собрано еще первоначальныхъ матеріаловъ для внѣшней исторіи учебнаго заведенія ²⁾. Въ этихъ случаяхъ добросовѣстно собранный, очищенный и стройно расположенный матеріалъ составляетъ весьма важную подготовку для послѣдующихъ ученыхъ трудовъ на томъ же поприщѣ, которые безъ сомнѣнія тѣмъ менѣе будутъ возбуждать желанія подобныя вышеизложенному, чѣмъ менѣе будутъ стѣснены этою первоначальною работою собиранія и очистки матеріала. По уваженію къ изложеннымъ достоинствамъ сочиненія протоіерея Смирнова, я съ своей стороны полагаю бы совершенно справедливымъ отличить этотъ почтенный трудъ меньшею наградой графа Уварова“ (стр. 49—50).

---

¹⁾ Упрекъ этотъ можетъ быть предъявленъ и къ Исторіи СПбургской Духовной Академіи Чистовича,—ср. предш. прим.

²⁾ Одно другому конечно не препятствуетъ и даже мало соприкасается: т. е. внѣшняя исторія академіи къ оцѣнкѣ ученой ея дѣятельности.

Но наилучшую рецензію на книгу С. К—ча написалъ талантливый преемникъ его по кафедрѣ русской исторіи В. О. Ключевскій¹⁾. Рецензія примѣтна особенно тѣмъ, что принадлежитъ лицу, получившему низшее и среднее образованіе въ духовныхъ — училищѣ и семинаріи, а высшее въ Московскомъ университетѣ, — и бывшему профессоромъ сначала въ Академіи, а потомъ одновременно и въ Университетѣ. Съ своимъ обычнымъ и неподражаемымъ искусствомъ В. О. использовалъ работу С. К—ча для того, чтобы трудолюбиво-собранныя въ ней фотографіи и тщательно исполненные рисунки нѣсколькими своими собственными дополнительными чертами опытнаго мастера и знатока эпохи сосредоточить и оживить въ одномъ маленькомъ, но стройномъ и яркомъ эскизѣ, давъ своей рецензіи видъ художественной иллюстраціи къ лучшей и главнѣйшей части книги, именно объ учебно-учебной сторонѣ Академіи. Приведемъ здѣсь извлеченія изъ рецензіи. Двѣ опасности предстояли новой академіи. Одна, которой она умѣло избѣжала — унаслѣдованіе схоластики и школьныхъ преданій Славяно-Греко-Латинской Академіи. Но „гораздо серьезнѣе была опасность, присутствовавшая при самой колыбели новой академіи. Академія родилась въ эпоху, когда въ умахъ образованнаго европейскаго общества, не исключая и русскаго, уже утверждались идеи, точнѣе говоря, влеченія, которыя вскорѣ получила оффиціальное международное выраженіе въ актѣ 14 сен. 1815 г. Эпоха, самое имя которой отзывается чѣмъ-то ветхимъ, очень поношеннымъ и требовавшимъ заплатъ (реставрація), открылась при великой путаницѣ понятій, на которую горько жаловались люди, еще стоявшіе на ногахъ среди тогдашняго всеобщаго колебанія. Почти за годъ до открытія Московской академіи, въ письмѣ изъ Петербурга къ Шейну отъ 18 ноября 1813 г. С. С. Уваровъ, попечитель Петерб. учебнаго округа, писалъ: „Состояніе умовъ теперь таково, что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія безопаснаго, т. е. огня, который бы не жегъ; другіе (большинство) сваливаютъ въ одну кучу Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги... словомъ, это такой хаосъ криковъ, ожесточенныхъ партій, страстей, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо. Кидаютъ другъ другу въ лице выраженіями: „религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, философъ, франкъ-масонъ, фанатикъ“ и т. п. Словомъ, полное безуміе“. Такое направленіе умовъ, становясь господствующимъ въ высшихъ сферахъ, под-

¹⁾ Православное Обозрѣніе, 1879 т. I стр. 802—825.

вергало большой опасности высшую школу. Если прежде пытались самую глубокую тайну вѣры низвести до простой математической выкладки или паталогического процесса, то теперь явилось желаніе изъ простыхъ геометрическихъ фигуръ построить тайны каббалистики и изъ ариѳметическихъ чиселъ извлечь апокалипсическое ясновидѣніе. Сама по себѣ сентябрьская идея 1815 привинтитъ штыкъ къ Евангелію, какъ идея въ высшей степени прикладная, практическая, не касалась высшей школы, ни свѣтской, ни духовной, занимавшейся отвлеченнымъ, чистымъ знаніемъ. Но эта идея имѣла одно послѣдствіе, которое могло коснуться ея очень близко и больно. Вліятельные люди, въ молодости разстроившіе свой умственный аппетитъ пикантными философскими и нефилософскими книжками прошлаго вѣка, до излишества приправленными солью и перцемъ, теперь захотѣли поправить его сухояденіемъ душеполезнаго знанія. Отсюда родился въ усталомъ образованномъ обществѣ богословскій дилеттантизмъ. Каждый непосвященный дилеттантъ спѣшилъ не только послушаться вдохновенныхъ вѣщаній какой-нибудь мадамъ Крюденеръ, или какого-нибудь патера Госпера, но и ощутить въ себѣ самомъ дѣйствіе непосредственнаго вдохновенія, а ощутивъ его, вѣщать другимъ,—вѣщать, даже ничего не ощутивъ. Но такъ какъ въ этихъ людяхъ богословскій дилеттантизмъ соединялся съ нѣкоторыми прикладными стремленіями пропаганды, притомъ иногда вооружался неоспоримымъ практическимъ авторитетомъ, то легко представить себѣ послѣдствія, какими грозило высшей школѣ это неожиданное распространеніе любительской теологіи“¹⁾.

„При такихъ предзнаменованіяхъ родилась Московская духовная академія, открывшаяся торжественнымъ актомъ 1 окт. 1814 г. На актѣ прочитанъ былъ Высочайшій указъ, въ которомъ Комиссіи духовныхъ училищъ внушалось обратить вниманіе на академію, „чтобы устроить ихъ въ прямомъ смыслѣ *училищами истины*“,—и выражалась надежда, что на основаніи евангель-

¹⁾ Въ этой блестящей характеристикѣ однакожь есть не мало преувеличенной и риторики. „Штыкъ привинтитъ къ Евангелію“;... по Евангелію вѣдь не смертоносное ружье, къ коему привинчивается штыкъ. Идея священнаго союза—великая христіанская идея!.. Проведеніе Евангелія въ жизнь и осуществленіе христіанскаго ученія въ жизни (твореніе правды Христовой) и должно быть наивысшею задачею и послѣднею цѣлью личной, семейной, общественной и государственной жизни во всѣхъ сторонахъ, а слѣд. и въ наукѣ. И сужденія В. О.—ча должно относить не къ идеѣ священнаго союза самой по себѣ и не къ искреннимъ ея глашатаямъ и творцамъ, а къ тѣмъ, кто думалъ прикрыть этой идеей свою духовную наготу и безидейность.

скаго дѣятельнаго христіанства „можно будетъ созидать то учене, кое нужно имъ (духовному юношеству) по ихъ состоянію, не опасаясь злоупотребленія разума, который будетъ подчиненъ освященію Вышнему“. Въ этомъ указѣ еще незамѣтны спеціальныя черты, которыми характеризовались языкъ и міросозерцаніе Священнаго союза. Но боговѣды-любители безъ труда могли направить свое вниманіе исключительно на то, чтобы предохранить школу отъ злоупотребленій разума, болѣе всего заботясь объ огнѣ, который бы не жегъ, и потому не грѣлъ. Извѣстно, какую художественную инструкцію въ этомъ смыслѣ составилъ для директора и ректора Казанскаго Университета своеобразно-знаменитый въ свое время Магницкій, задумавшій перестроить систему общественнаго образованія въ Россіи соотвѣтственно „акту Священнаго Союза“¹⁾.

„Не смотря на эти предзнаменованія²⁾, новорожденная Академія съ перваго шага пошла своей дорогой. Она не пошла прямо въ противную сторону отъ того направленія въ какомъ хотѣли повести умы авторизованные и неавторизованные толковники Акта Священнаго Союза; но она и не понесла фонаря при движеніи по этому недостаточно освѣщенному пути. Въ своемъ правдивомъ рассказѣ о ходѣ преподаванія въ Академіи о. Смирновъ отмѣтилъ только одно яркое проявленіе того специфическаго духа, которымъ проникнута упомянутая инструкція... именно въ лекціяхъ Бажанова по всеобщей словесности (1814—1818 г. Ист. Ак. стр. 52 сл.). Въ лекціи о вкусѣ почтенный эстетикъ полагаетъ, что „для положительныхъ законовъ вкуса, какъ и для всякаго положительнаго закона, нужна власть покровительствующая или побуждающая³⁾, и силу этой власти онъ усматриваетъ не только въ сужденіяхъ такъ называемой просвѣщенной публики, она открывается ему рѣшительнѣе и опредѣленнѣе не только въ наставленіяхъ ученыхъ обществъ, покровительствуемыхъ Верховною Властью, но и въ руководствахъ Главнаго Управленія касательно народнаго просвѣщенія, а наконецъ и „въ постановленіяхъ Верховной Власти, касающихся до направленія свободы мыслей и вообще просвѣщенія къ цѣлямъ, достойнымъ человѣчества“. Такъ свобода мыслей привела бакалавра словесности не только къ

1) В. О. К—ій риторически преувеличиваетъ значеніе „огня разума“. Составитель сего очерка и авторъ Исторіи Академіи держатся иного взгляда, по которому „огонь разума можетъ грѣть, а не жечь“. Притомъ задачи *духовныхъ* школъ могутъ быть гораздо шире *мірскихъ* или свѣтскихъ школъ.

2) Указаны самимъ В. О—мъ, но ихъ нѣтъ у С. К—ча.

3) Конечно и ограничивающая или преграждающая.

проекту полиціи эстетики, но и къ потребности пополнить дѣйствующее государственное законодательство постановленіями о вкусѣ¹⁾.

„Въ разсказѣ о. Смирнова разсѣяны обильно указанія на то, какъ новая академія постепенно освобождалась отъ схоластическихъ славяно-греко-латинскихъ преданій... Прежде всего, въ новой академіи сталъ спадать наружный покровъ, которымъ въ прежней школѣ наука прикрывалась отъ глазъ непосвященнаго общества. Своеобразная школьная латынь, посаженная нѣкогда въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ преподавателями, приходившими съ Кіевскаго юга, перешла и въ новую академію, ведя за собой сросшіеся съ ней приемы схоластической науки. Но она не нашла поддержки въ новой школѣ. Уже въ 1819 г. Коммиссія Духовныхъ Училищъ рѣшила, что богословскія лекціи могутъ быть въ академіи читаны какъ на латинскомъ, такъ и на русскомъ языкѣ, и на этомъ основаніи ректоръ Кириллъ въ 1820 г. открылъ курсъ догматическаго богословія по-русски: „эта новость, замѣчаетъ авторъ, принята была въ академіи съ сочувствіемъ“. Преподаваніе на латинскомъ языкѣ выводилось и въ семинаріяхъ, и самъ митр. Филаретъ его не поддерживалъ“...

„Не сразу установились въ новой академіи порядокъ и приемы преподаванія. Сначала довольствовались учебниками и курсами предшественниковъ, или дополняя или только повторяя,—отступление отъ Библейской Исторіи Филарета не дешево обошлось бакалавру Побѣдинскому, который былъ вынужденъ просить Правленіе академіи исходатайствовать ему прощеніе у Владыки... Книга о. Смирнова должна окончательно разсѣять предразсудокъ, будто наука шла въ академіи уединенно, по монастырски, не соприкасаясь съ движеніемъ богословскаго знанія на Западѣ и потому отставая отъ него. Напротивъ, скорѣе можно замѣтить, что эта наука, въ ущербъ собственной самостоятельности, иногда слишкомъ внимательно прислушивалась къ голосу западной богословской учености и въ первую половину 56-лѣтней жизни Моск. Академіи слишкомъ охотно давала значеніе авторитетовъ западнымъ богословамъ и церковнымъ историкамъ. Съ самаго почти начала рѣдкій курсъ, читанный въ Академіи, не имѣлъ въ своемъ основаніи иностранныхъ руководствъ. О. Смирновъ въ

¹⁾ Однакожъ безобразныя выходки упадочниковъ послѣдняго времени доказываютъ необходимость и здѣсь ограниченія свободы или произвола „дѣлами, достойными челоуѣчества“, въ противномъ случаѣ анархія сумазбродства можетъ дойти и до декольте готтентотскихъ красавиць.

своемъ изложеніи тщательно отмѣчаетъ эти руководства. Ректоръ Поликарпъ (съ ноября 1824 г.) по догматикѣ руководствовался „преимущественно“ вышедшей незадолго предъ тѣмъ книгой Либермана, также системами Добмайера, Фрейера и Виста. Даже Филаретъ Гумилевскій, одинъ изъ лучшихъ догматистовъ моск. академіи, имѣлъ руководителями для себя римско-католическихъ богослововъ Клея и Бреннера, книги которыхъ появились около того времени, когда Филаретъ началъ читать богословіе въ Академіи. Точно также въ преподаваніи пастырскаго богословія руководились Шенкелемъ, Ценнеромъ и др. Нѣтъ нужды говорить, какое значеніе имѣли въ академическомъ преподаваніи церковной исторіи западные авторитеты, подобные Неандеру и Гизелеру“.

„Повидимому самъ м. Филаретъ не находилъ ничего предосудительнаго и опаснаго въ этихъ тѣсныхъ связяхъ православной академіи съ богословской литературой, развившейся въ средѣ чуждыхъ исповѣданій. Самъ А. В. Горскій пользовался при обработкѣ частей своего богословскаго курса новѣйшими сочиненіями западныхъ богослововъ—Каниса, Филиппа и др. ¹⁾ Это однако нисколько не помѣшало ему ни оставаться строго православнымъ преподавателемъ, ни относиться съ строгой критикой къ богословскимъ и церковно-историческимъ авторитетамъ Запада, особенно Тюбингенской школы. Между тѣмъ эти связи приносили возбужденіе въ ученый академическій кругъ, давали толчекъ къ новымъ работамъ и, начавшись простымъ заимствованіемъ или подражаніемъ, завершились критическимъ отношеніемъ къ западнымъ руководителямъ и попытками самостоятельнаго построения науки. На счетъ этихъ иноземныхъ и инославныхъ ученыхъ вліяній можно отнести нѣкоторую долю участія въ судьбѣ двухъ кафедръ, которыя проходятъ особенно яркими чертами по научной исторіи моск. академіи до 1870 г., хотя, разумѣется наибольшая доля участія въ этомъ принадлежитъ личнымъ качествамъ нѣкоторыхъ преподавателей. Это—кафедры философіи и церковной исторіи. Значеніе первой создано было Ѳ. А. Голубинскимъ, значеніе второй—А. В. Горскимъ, при нѣкоторомъ содѣйствіи Филарета Гумилевскаго. Страницы объ этихъ преподавателяхъ принадлежатъ къ числу лучшихъ въ книгѣ о. Смирнова: его можно упрекнуть здѣсь только въ одномъ недостаткѣ—зачѣмъ онъ не

¹⁾ Какъ по церковной исторіи онъ пользовался трудами даже протестанта и шлейермахеріанца Неандера. Даже м. Филаретъ въ своей Библейской Исторіи мудро пользовался классическимъ трудомъ евангелика Буддея *Historia ecclesiastica set.* См. проф. Смирновъ А. „М. Филаретъ, какъ авторъ Начертанія Библейской Исторіи. М. 1883. стр. 40.

написалъ объ этомъ вдвое или втрое больше страницъ. Впрочемъ ученая дѣятельность и вліяніе того и другого изъ названныхъ преподавателей могло бы дать любопытное содержаніе для цѣлой монографіи ¹⁾. Въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій съ философской каѣдры шло самое сильное научное вліяніе на студентовъ академіи. Основаніе этому вліянію положено было еще даровитымъ Кутневичемъ. Горячій поклонникъ современной ему нѣмецкой философіи, онъ первый пробудилъ въ слушателяхъ живѣйшій интересъ къ ея идеямъ. Выписывая во множествѣ нѣмецкія философскія книги, Кутневичъ знакомилъ съ ними свою аудиторію и сообщалъ серьезность студенческимъ занятіямъ философіей. Студенты, несмотря на то, что Кутневичъ читалъ по латыни, доходами при немъ, по замѣчанію историка, до увлеченія въ изученіи науки мудрости. Голубинскій поддержалъ и даже усилилъ вліяніе каѣдры, замѣнивъ на ней своего учителя. Онъ преподавалъ философію 36 лѣтъ (до 1854 г.), начавъ преподаваніе еще при Кутневичѣ: онъ не былъ подражателемъ, поклонникомъ ни Шеллинга ни Гегеля; онъ напротивъ съ строгою критикою относился къ этимъ корифеямъ философіи своего времени. Читатель найдетъ въ книгѣ о. Смирнова очень сжатую, но выразительную характеристику философской системы Голубинскаго, немного эклектичной, отличавшейся богословскимъ направленіемъ, но представлявшей во всякомъ случаѣ замѣчательную попытку построить самостоятельное и своеобразное міросозерцаніе на началахъ разума и откровенія (стр. 47—51). Современи Голубинскаго Московской Академіи принадлежитъ первенство среди другихъ духовныхъ Академій по каѣдрѣ философіи, съ успѣхомъ поддержанное его сотрудниками и преемниками ²⁾.

Позже началось значеніе церковно-исторической каѣдры въ Московской Академіи. Истиннымъ виновникомъ этого значенія былъ А. В. Горскій, ставшій бакалавромъ церковной исторіи въ 1833 г. и 30 лѣтъ читавшій этотъ предметъ. Авторъ справедливо замѣтилъ (стр. 36), что серьезное изученіе церковной исторіи особенно отечественной, по памятникамъ было въ началѣ 30-хъ годовъ совершенной новинкой въ Академіи. По рассказамъ одного изъ лучшихъ участниковъ въ этомъ изученіи П. С. Казанскаго, въ то время академическое преподаваніе историческихъ наукъ и особенно исторіи церковной было въ жалкомъ положеніи. Одинъ изъ предшественниковъ Горскаго Терновскій-Платоновъ преподавалъ церк. исторію такъ плохо, что за это перемѣщенъ былъ

¹⁾ И, замѣтимъ, не одной.

²⁾ В. Д. Кудрявцевъ, А. И. Введенскій.

(въ 1828 г.) на гражданскую исторію. Другой (Платонъ) вмѣсто церк. исторіи читалъ сочиненія г-жи Гіонъ и Юнга Штиллинга. Въ 1830 г. кафедрѣ церковной исторіи занялъ Филаретъ Гумилевскій. Но бакалавръ Филаретъ въ началѣ далеко еще не былъ тѣмъ, чѣмъ сталъ впоследствии на должности ректора академіи и въ санѣ епископа. При томъ онъ преподавалъ исторію всего полтора года. Въ это время и слушалъ его Горскій, вскорѣ занявшій его мѣсто по церковно-исторической кафедрѣ (1833 г.). Покинувъ кафедрѣ церковной исторіи, онъ не покинулъ своихъ занятій этимъ предметомъ и такимъ образомъ встрѣтился въ научныхъ стремленіяхъ съ своимъ бывшимъ слушателемъ, молодымъ и любознательнымъ бакалавромъ церковной исторіи. Единство научныхъ интересовъ, сходство характеровъ, нѣсколько поэтическое настроеніе обоихъ соединили ихъ самой тѣсной, душевной дружбой. Пишущему эти строки П. С. К—ій изображалъ въ своихъ воспоминаніяхъ вступленіе Филарета на должность ректора началомъ новой эпохи для Академіи. Тогда стали въ большомъ количествѣ выписывать нѣмецкія книги по богословію и церковной исторіи; оба друга съ большимъ рвеніемъ обратились къ изученію рукописей... и открыли въ этомъ новомъ источникѣ обильный запасъ дотолѣ невѣдомыхъ церковно-историческихъ фактовъ. Такъ на мѣсто прежняго богословско-философскаго направленія теперь стало возникать и усиливаться направленіе церковно-историческое“.

„При первомъ взглядѣ трудно догадаться, какъ могли совмѣщаться и мириться въ академическихъ аудиторіяхъ вліянія съ столь различныхъ кафедръ, какъ философская и церковно-историческая, какая цѣпь научныхъ интересовъ могла протянуться отъ открытаго Горскимъ слова русскаго митрополита XI в. Иларіона о пользѣ душевной до діалектики Гегеля, противъ которой предостерегалъ своихъ слушателей Голубинскій въ эпоху общаго увлеченія ею. Однако связь между столь отдаленными другъ отъ друга областями знанія съ теченіемъ времени обозначилась явственно, такъ сказать въ лицахъ. Научныя струи, возникшія независимо одна отъ другой и долго шедшія параллельно, потомъ слились, и изъ ихъ встрѣчи вышло своеобразное направленіе богословской науки, которое создало Московской Академіи почетную извѣстность въ русскомъ богословскомъ мірѣ и отпечатокъ котораго доселѣ замѣтенъ на людяхъ, образовавшихся подъ его вліяніемъ. Его своеобразность и заслуга состояла въ приложеніи церковно-исторической критики и историко-философскаго анализа въ выработкѣ богословско-догматической доктрины,—если не цѣль-

ной законченной системы, то опредѣленныхъ и твердыхъ пріемовъ богословскаго изслѣдованія. Горскій, перешедши къ догматикѣ послѣ многолѣтняго чтенія церковно - историческаго курса, построеннаго имъ на строго-богословскомъ основаніи, положилъ въ основу своего догматическаго курса исторію догмата ¹⁾. Съ другой стороны Голубинскій, строгій критикъ новѣйшихъ философскихъ системъ, создалъ изъ своихъ историко-философскихъ работъ курсъ умозрительнаго богословія. Такъ церковный историкъ и философъ сошлись и подали другъ другу руку у кафедры богословія. Съ разныхъ точекъ зрѣнія можно различно судить о такомъ направленіи; но едва ли какая точка зрѣнія откажетъ ему какъ въ строгомъ согласіи съ задачами духовно-академическаго образованія, такъ и въ силѣ и самостоятельности мысли“.

Отмѣтивъ потомъ тяжелое положеніе богословской науки во всѣхъ вообще академіяхъ благодаря цензорскимъ вторженіямъ въ нее разныхъ дилеттантовъ-любителей богословія со стороны, и особенную строгость и бдительность митр. Филарета по отношенію къ академіи Московской,—нападеніе академика Буткова на П. С. Казанскаго, осмѣлившагося отвергать принадлежность Нестору нашей начальной лѣтописи,—дѣло бакалавра Побѣдинскаго, дерзнувшаго сдѣлать отступленія отъ Библейской исторіи Филарета и дополненія къ ней,—поучительную исторію съ многострадальнымъ разсужденіемъ Руднева о ересяхъ и расколахъ въ русской церкви ²⁾,—В. О. заканчиваетъ рецензію такъ:

„Исторія книги Руднева можетъ служить нагляднымъ объясненіемъ условій, при которыхъ развивалась академическая наука. Стороннее вмѣшательство указываетъ на источникъ, изъ котораго

¹⁾ Церковная исторія строилась Горскимъ богословски. „Основная мысль церковной исторіи Горскаго отличается замѣчательною оригинальностью. Всѣ явленія церковно-исторической жизни онъ разсматриваетъ какъ обнаруженіе дѣйствія трехъ лицъ Св. Троицы, при чемъ показывается дѣятельность каждаго изъ этихъ лицъ въ опредѣленной группѣ явленій. Въ конспектѣ его читаемъ слѣдующее: „главныя стороны, съ которыхъ долженъ быть разсматриваемъ предметъ (церк. ист.): а) призваніе народовъ въ нѣдра церкви, б) руководство въ церкви, в) плоды этого руководства въ жизни. 1) Въ *призваніи* проявляется особенное дѣйствіе Бога Отца,—съ исторіей призванія соединяется исторія гоненій, мучениковъ, апологетовъ. 2) *Руководство*—дѣло Главы церкви, котораго тройственное служеніе продолжается въ церкви,—соотвѣтственно сему раскрывается здѣсь исторія ученія церковнаго, богослуженія и управленія (церковь—училище, храмъ и царство). 3) Раскрытіе положенныхъ началъ въ *жизни* христіанской подъ особеннымъ вліяніемъ Духа Святаго,—учрежденія, касающіяся жизни христіанской, напр. монашество, житія святыхъ“. Ист. М. Д. Акад. стр. 37.

²⁾ Прибавимъ Муравьева и другихъ „любителей обличеній“, какъ называетъ ихъ м. Филаретъ.

вытекала иногда взыскательность м. Филарета, оберегавшаго „мнѣніе о достоинствѣ духовныхъ училищъ и образованнаго духовенства“. Съ другой стороны становится яснымъ, чего стоили успѣхи, достигнутые академической наукой, ея работникамъ. Тѣмъ больше имъ чести и тѣмъ больше имѣютъ они правъ на признательную память о нихъ въ явившихся имъ на смѣну поколѣніяхъ“.

„Съ сожалѣніемъ оставляемъ множество другихъ любопытныхъ подробностей въ книгѣ о. Смирнова, которыя трудно исчерпать. Въ дополненіе къ тому, что сказано объ условіяхъ жизни ученой академической корпораціи, упомянемъ только о жалованьи преподавателей. Съ основанія Академіи до 1870 г. ординарный профессоръ получалъ 1200 р. асс., бакалавръ 600 р. Если переложить тогдашніе ассигн. рубли на наши по текущему курсу (1879 г.), то окажется, что бакалавръ 1818 г. получалъ менѣе 300 нашихъ бумажныхъ рублей—жалованье иного волостного писаря нашего времени“.

Книга, давшая возможность написать такую рецензію, сама говоритъ за себя.

Нужно впрочемъ замѣтить, что приведенные отзывы далеко не выясняютъ всего значенія исторической трилогіи С. К—ча въ исторіи просвѣщенія на Руси въ 17—19 вѣкахъ. Такого, болѣе обстоятельнаго и всесторонняго выясненія С. К—чъ вправѣ ожидать отъ послѣдующихъ знатоковъ дѣла. И каковы бы ни были ихъ сужденія о частныхъ сторонахъ этихъ трехъ исторій, несомнѣнно то, что ихъ общая научная цѣнность должна возвышаться съ дальнѣйшимъ движеніемъ самой исторіи.

Къ этимъ тремъ главнымъ и обширнымъ трудамъ С. К—ча примыкаютъ мелкія и частныя работы, такъ или иначе относящіяся къ исторіи Академіи.

1. Профессоръ Московской Духовной Академіи протоіерей *Петръ Спиридоновичъ Делицынъ*, въ Прибавл. къ твор. св. оо. 1863 ч. XXII и отдѣльное изданіе. 2. *Феодоръ Александровичъ Голубинскій*, М. 1855 (очеркъ сокращенъ въ печати сравнительно съ рукописью, по совѣту м. Филарета, какъ сообщалъ Д. Θ. Голубинскій—Корсун. стр. 8, прим. 8). *Протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій*—некрологъ и описаніе похоронъ въ Москов. Вѣд. 1875, № 265 и 266 и 4. *Воспоминанія объ А. В. Горскомъ* и *Sortes Sanctorum* въ Прав. Обозр. 1876, ноябрь и въ Годовомъ Акад. Отчетѣ за 1876-й годъ (актовая рѣчь). 5. Проф. М. Д. А. *Иванъ Даниловичъ Мансветовъ*, Приб. 1886 ч. XXXVII. 6. *Учитель Троицкой Семинаріи Василій Михайловичъ Дроздовъ* (потомъ митр. Филаретъ),—написана въ 1860 г. Окт. по записи самого С. К—ча,

напечатана потомъ въ *Соврем. Лѣтописи* при Моск. Вѣд. 1867 № 44. 7. *Вступительная лекція В. И. Кутневича по философіи*—перев. съ латинскаго, съ некрологомъ его Прибавл. 1864 ч. XXIII. 8. *Празднованіе пятидесятилѣтія Московской Духовной Академіи*—Моск. Вѣд. 1864 № 220 и въ *Юбилейномъ Сборникѣ*, М. 1864. 9. *Историческая записка о Моск. Дух. Акад. по случаю празднованія ея 50-лѣтія*—въ томъ же *Сборникѣ*. 10. *Слово и рѣчь въ М. Д. Академіи при воспоминаніи о столѣтней годовщинѣ рожденія м. Филарета*—о дѣятельности его по отношенію къ Моск. Дух. Академіи—въ Прибавл. 1883, XXXI. 11. *Одинъ изъ питомцевъ Сперанскаго—Василій Потаповичъ Знаменскій*—Русс. Вѣстн. 1866. I. 12. *Дневникъ А. В. Горскаго*—изд. съ примѣч. въ Прибавл. 1884, ч. XXXIV и 1885 ч. XXXV (есть небольшіе пропуски). Ср. Саввы Автоб. Зап. Т. VI. стр. 371 и 381 сл.—13. *Изъ воспоминаній митр. Филарета*—составл. по запискамъ А. В. Горскаго—Прав. Обозр. 1868, авг. (по записи С. К—ча: послана 7 февр. 1868 г. въ Рус. Вѣстн., но возвращена). Ср. Сав. IV. 24. 109.—14. *Автобіографія митроп. Платона*—Душеп. Чт. 1887, авг. и сент. ср. Саввы Автобіогр. Зап. т. VIII. стр. 235.—15. *Письма м. Платона къ Амвросію (Подобѣдову) и Августину (Виноградскому)* съ предисл. и примѣч. въ Прав. Обозр. за 1869—70 г.г. и отдѣльно въ 1870 г. съ указателемъ. Ср. Саввы Авт. Зап. IV, 109. 153. 200.—16. *Шестъ писемъ м. Платона къ Евгенію Казанцеву*, Душеп. Чт. 1887, дек.—17. *Письма Имп. Павла Петровича и другихъ высочайшихъ особъ къ м. Платону* въ Рус. Архивѣ 1887, № 5, 6 и 7 ср. Саввы Авт. Зап. т. VIII. стр. 235.—18. *Письма Филарета Черниговскаго къ А. В. Горскому*, съ примѣч. въ Прибавл. 1883. XXXI,—1884. XXXIII,—1885. XXXVI.—19. *Письма Филарета м. Московскаго къ А. В. Горскому* съ примѣч. Приб. 1882. ч. XXIX и XXX.—20. *Письма Филарета м. Московскаго къ Филарету архіеп. Черниговскому* съ примѣч. Приб. 1883 XXXII и 1884 XXXIII.—21. *Письма м. Филарета къ намѣстнику Лавры Афанасію*, Приб. 1886. XXXVIII.—22. *Письма Филарета м. Московскаго къ викарію Иннокентію*—Приб. 1885. IV. Ср. Савв. VII. 259.—23. *Рѣчь о состояніи М. Д. Академіи при Имп. Александрѣ I*—юбил. 1877 г. 24. Сюда можемъ помѣстить изданіе: *Десять поученій перваго русскаго доктора богословія игумена Паладія Роговскаго* съ предисл. и примѣч. Прибавл. 1883 г. III. Ч. XXXII. 25. Наконецъ многочисленныя письма самого С. К—ча къ Саввѣ, архіеп. Тверскому, т.т. I—IX, касающіяся разныхъ сторонъ и событій академической жизни, напечатанныя въ „Автобіографическихъ Запискахъ Саввы“ — см. по указателямъ, приложеннымъ къ каждому тому.

Затѣмъ слѣдуетъ длинный рядъ капитальныхъ работъ, ученыхъ справокъ и мелкихъ замѣтокъ С. К—ча, относящихся къ исторіи и археологіи монастырей преимущественно Московской епархіи и особенно Троицкой Сергіевой Лавры: 1. *Историческое описаніе Саввино-Сторожевскаго монастыря*—1 изд. 1846,—2-е съ большими дополненіями 1860 г. и 3-е 1877.—2. *Описаніе Спасо-Виѳанскаго монастыря*, нѣск. изд. 1-е 1850 г. и послѣднее 1889 г. за двѣ-три недѣли до смерти (см. объ этомъ трудѣ письма м. Филарета къ намѣстнику Антонію, т. III. 57. 58. 66 дал, 74. 75. 94. 107—109 и Саввы Автоб. Зап. IV. 109). 3. *Историческое описаніе Махрицкаго монастыря* М. 1851.—4. *Покровскій Хотьковъ дѣвичій монастырь*, изд. 1-е М. 1854 (сначала въ Моск. Вѣд. 1853 г. № 102 и 103 подъ заглавіемъ: „Хотьковъ монастырь и Радонежь“); 2-е дополн. 1858,—3-е 1872,—4-е 1875, 6-е 1885.—5. *Нѣчто о древнемъ Стромынскомъ монастырѣ* въ Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній, изд. П. Калачевымъ 1859. т. III.—6. *Указатель къ обзорѣнію Геосиманскаго скита* нѣск. изд. начиная съ 1866 г.—7. *Нѣчто о древнемъ Симеоновскомъ монастырѣ* въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1888. отд. 2.—8. *Преподобный Сильвестръ Обнорскій* въ Душеп. Чт. 1861, ноябрь и отдѣльная книга въ 1884 г. и служба ему (ср. Саввы Авт. Зап. II. 715 и VII. 75—76. 184).—9. *О чудотворной иконѣ (Черниговской) Богоматери въ пещерномъ храмѣ Геосиманскаго скита*—нѣск. изд. 1-е 1870 г. 7-е въ 1875 г. Ср. Саввы Зап. IV. 249.—10. *Преподобный Аванасій Высоцкій* въ Душеп. Чт. 1874, сент. и отд.—11. *Посѣщенія Троицкой Лавры Имп. Елисаветою Петровною* въ Моск. Вѣд. 1861, № 99,—*Имп. Екатерина II въ Троицкой Лаврѣ въ 1762-мъ г.*—въ Зрителѣ 1863 г. 13. *Отзывы иностранцевъ 16—17 в. о Троицкой Сергіевой Лаврѣ*—Моск. Вѣд. 1849. № 145.—14. *О кладязѣ въ Троицкой Лаврѣ*—Моск. Вѣд. 1849.—15. *Дѣла благотворительности Троицкой Лавры*—Моск. Вѣд. 1852 № 39.—16. *О чудѣ отъ преп. Сергія въ 1749 г.* Душеп. Чт. 1861 г.—17. *Цѣльбоносное посѣщеніе болящей дѣвицы преп. Сергіемъ* въ Приб. 1861. III.—18. *Открытіе древнихъ надгробныхъ надписей въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ* въ Трудахъ 1-го археол. съѣзда въ Москвѣ т. II, 1871 г.—19. *Путеводитель отъ Москвы до Троицкой Сергіевой Лавры*, 1 изд. 1882 г. М. Саввы IV. 306.—20. *Ученики преп. Сергія Радонежскаго* въ Душеп. Чт. 1885, іюнь.—21. *Правая грамота царя Алексѣя Михайловича Троицкому Сергіеву монастырю на владѣніе деревнею Ильинскою* съ предисл въ Чтен. Моск. Общества Исторіи, кн. II. отд. V. стр. 115—134 и отд. брош. 1858 г.—22. *Церковно-историческій мѣсяцесловъ Троицкой Сергіевы Лавры*, 1 изд. М. 1850 г.,—2-е дополн. М. 1854 г.—(см. о немъ

мнѣніе м. Филарета въ собраніи его мнѣній и отзывовъ, изд. Саввою т. 3. 373—374.—23. *О предисловіи къ житію Преп. Сергія, писанномъ келаремъ Симономъ Азарынымъ*—Врем. Общ. Ист. и Древн. т. X, кн. 10. 1851 г. и отд. изд.,—Сюда же присоединимъ: 24. *Краткій очеркъ Московской Синодальной Типографіи въ Моск.* Вѣд. 1853 г. № 152 и 353 ¹⁾.—25. *Преп. Тихонъ, Калужскій Чудотворецъ въ Душеп.* Чт. 1887 г. Окт.

Статьи по Русской Исторіи: 1. *Сказанія русскихъ летописцевъ о началѣ Москвы и свидѣтельство иностранныхъ писателей XV и XVI в. о ея состояніи въ Моск.* Вѣд. 1848 № 124 и 125.—*Путешествіе по Россіи барона Гакстгаузена*—переводъ—въ Моск. Вѣд. 1848 №№ 138. 146. 155. 156,—1849 №№ 1. 4. 5. 53—54. 81. 82.—3. *Иноземные врачи въ Россіи при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ*—Моск. Вѣд. 1849 № 140 и 141.—4. *О значеніи русскаго духовенства какъ сословія государственнаго съ XIV до конца XVII в.* Моск. Вѣд. 1851 №№ 51. 106. 107 (рецензія въ Журналъ Мин. Нар. Просв. 1851 г. ч. 71 стр. 121—127 отд. VI и ч. 72 стр. 111—116 ч. VI. 5. *Біографія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго М.* 1852 изд. испр. и дополн. изъ ранн. статьи въ Отеч. Зап. 1849 г. т. LXVII, кн. 12,—Библ. для Чт. 1852 т. 116,—Сѣв. Пчела 1853 № 47.—6. *Шарада XVII вѣка въ Москвитянинѣ* 1851.—7. *Тимошка Анжудиновъ*, перев. изъ Олеарія, въ Моск. Вѣд. 1849 № 90 и 91.—8. *О посольствѣ Ильи Даниловича Милославскаго и дьяка Леонтія Лазаревскаго въ Турцію въ 1643 г.* во Врем. Общ. Ист. и Древн. 1850 т. VI.—9. *Нравственный характеръ и образъ жизни русскихъ XV и XVI в. по иностраннымъ свидѣтельствамъ* въ Моск. Вѣд. 1879 № 88 и 89.—10. *Древній русскій взглядъ на Турокъ и Царь-градъ*—Моск. Вѣд. 1854 № 33.—11. *Краткія историческія свѣдѣнія о моровыхъ язвахъ въ Россіи*—Моск. Вѣд. 1848 № 98 и 101.—12. *Пятьдесятъ второй годъ въ летописяхъ Русской исторіи*—Моск. Вѣд. 1852

¹⁾ Въ бумагахъ С. К.—ча есть копія съ письма М. Филарета къ ректору Академіи Евгенію Сахарову-Платонову отъ 11 окт. 1853, гдѣ рѣчь идетъ объ этой работѣ: „Возвращаю Вамъ, Отецъ Ректоръ, исторію Синодальной Типографіи. Что же не доведена она до настоящаго времени? Для чего бы не сказать, что послѣ 1812 года ея зданіе перестроено, и какъ сіе произведено было дѣйствиємъ посторонняго начальства, не соразмѣрившаго своихъ дѣйствій съ способами (т. е. средствами примѣч. мое), то она была вслѣдствіе сего обременена значительнымъ долгомъ. Усиліе покрыть его препятствовало въ которое время усовершенію произведеній ея: но при попеченіи начальства долгъ покрытъ, хозяйство благоустроено, и произведенія усовершены? Впрочемъ о семъ только напоминаю, а не настою на сіе. Вѣроятно, можно было бы и любопытно было бы показать счетъ, сколько типографія выпустила экземпляровъ Библіи и Новаго Завета. Миръ Вамъ и еущимъ съ Вами. Ф. М. Московскій“.

№ 27 (рец. Погодина, Москвит. мелочи 1852. II № 6 мартъ кн. 2).
 13. *По поводу мнѣнія о мѣстѣ погребенія расколоучителя діакона
 Θεодора—*Моск. Вѣд. 1859 № 58.—14. *Сербскаго попа Юрія Крыжа-
 нича опроверженіе Соловецкой Челобитной —* Прибавл. 1860. IV.
 ч. XIX. 15. *О сочинителѣ рукописи: Русское государство въ
 XVII вѣкѣ:—*въ статьѣ доказывається, что авторомъ былъ сербскій
 попь Юрій Крыжаничъ—Моск. Вѣд. 1859 № 83—16. *Мнѣніе мар-
 шала Мармона объ отношеніи Россіи къ Турціи—*перев. съ франц.—
 Моск. Вѣд. 1854 г. № 51.—17. *Дневникъ Корба (Korb, Itinerarium)
 перев. съ предисл. Русс. Вѣст. 1866 № 4 и 12.—*18. *Цензурная
 вѣдомость 1786—1788 годовъ съ предисл. въ „Восемнадцатомъ Вѣкѣ“
 изд. П. Бартеневымъ, 1868 г. т. 1, стр. 425—452.*

И по другой своей профессорской спеціальности—греческому
 языку—С. К—чъ не мало потрудился, именно надъ переводами *оте-
 ческихъ твореній*, имѣющими для русской богословской науки не
 меньшее значеніе, чѣмъ выше перечисленные церковно-историче-
 скіе его труды. Переводчѣская дѣятельность С. К—ча падаетъ глав-
 нымъ образомъ на время съ 1845 по 1861 годъ ¹⁾ когда имъ было
 переведено и напечатано въ „Твореніяхъ святыхъ Отцевъ“: 1. *Ва-
 силія Великаго: бестѣды 19, 20 и 21 въ 1846 г. и письма 47—68 въ
 1847 г.—*2. *Григорія Богослова—нѣкоторыя письма въ 1844—45 г.—*
 3. *Аѳанасія Алекс. апологія противъ аріанъ въ 1851 г. и толкованіе
 на псалмы 104—118 въ 1854 г.—*4. *Григорія Нисскаго 9 главъ изъ
 2 книги на Псалмы—о надписаніяхъ Псалмовъ въ 1861 г.—*5. *Ки-
 рилла Иерусалим. 7—10 Огласительныя слова въ 1854 г.—*6. *Ефрема
 Сирина: подражаніе притчамъ въ 1848 г.,—изъ III т. греч. соч.
 стр. 6—93, въ 1849 г.,—толкованіе на Иеремію съ XVIII гл. до
 конца—съ латин. ²⁾ въ 1852 г. и на книгу Бытія стр. 75—115—
 тоже съ латин. въ 1853 г.—*7. *Макарія Египетскаго бестѣды 27—23
 въ 1851 г.—*8. *Нила Синайскаго: 153 главы о молитвѣ въ 1858 г.
 Мысли въ 1858, письма—отъ письма къ архим. Павлу до письма къ
 монаху Димитрію Lib. III. ер. 66—152 въ 1859 г.—*9. *Исаака Си-
 рина слова 7. 8. 34. 36. 38. 39. 71. 86. 87. 89. 90 — въ 1854 г.—*

¹⁾ Объяснять это можно во 1-хъ тѣмъ, что „Творенія Святыхъ Отцевъ въ
 русскомъ переводѣ“ издавались съ 1843 по 1863 годъ, потомъ въ 1871—1872
 годы и затѣмъ съ 1880 года, когда С. К—чъ былъ уже ректоромъ,—во 2-хъ
 тѣмъ, что въ 1859-мъ г. С. К—чъ сдѣланъ былъ ординарнымъ профессоромъ и
 уже менѣе надобности имѣлъ восполнять скудость своего содержанія такимъ
 сравнительно (напр. съ журнальными и газетными статьями) труднымъ и мало
 оплачивавшимся заработкомъ, какъ переводы отеческихъ твореній при Моск.
 Дух. Академіи.

²⁾ Ибо сирскаго языка С. К. не зналъ.

10. *Исидора Пелусіота* — III кн. письма 96—171 въ 1860 г.—
 11. *Феодорита*: 64 вопроса изъ толкованія на книгу *Бытія* въ 1855 г.,—на *Псалмы* 55—57 и 119—135 въ 1856 г.—на *малыхъ пророковъ съ Осии* 8 гл. до 21 ст. 2 гл. *Іоилы* въ 1857 г.,—десять главъ о *промыслѣ* въ 1857 г.,—толк. на *Іезекіиля* отъ гл. 32 до конца въ 1858 г., на посланія къ *Филиппійцамъ* и *Колоссянамъ* въ 1859 г.—12. *Лавсанкъ Палладія* — исправленъ переводъ въ 1845 г.—13. *Преп. Кассіана Римлянина* 24 сказанія о подвижникахъ его времени—съ латин.—въ *Душеп. Чт.* 1860 кн. 7 и 9.—14. *Св. Димитрія Ростовскаго* четыре письма съ латин. въ *Душеп. Чт.* 1864 кн. 5. 15. *Указатель къ твореніямъ Григорія Богослова* въ 1844 г. 16. *Указатель ко 2-му изд. Исаака Сирина*. 17. *Указатель къ твореніямъ Василія Великаго*.

Извѣстно, съ какою зоркостью, иногда даже подозрительностью, слѣдилъ м. Филаретъ за всею вообще академическою жизнью, въ частности—за тщательностью и достоинствомъ академическихъ изданій и въ особенности—переводовъ святоотеческихъ твореній, чтобы „не давать повода и малымъ и большимъ“ и „да не хулится имя духовной Цензуры и Академіи“ разными „любителями обличеній“ въ родѣ Муравьева ¹⁾. Легко судить по этому, какъ

¹⁾ Письма м. Филарета къ намѣстнику Антонію, т. III. № 931 и къ архіеп. Тверскому Алексію, № 95 и 96 стр. 83—84. Ср. отъ 3 ноябр. 1847: „Не любо мнѣ было увидѣть, что въ *письмахъ Василія Великаго* есть недосмотры переводившихъ, которые вредятъ достоинству изданія и вниманію читающихъ. Есть мѣста, которыя исправляютъ прежній переводъ: а есть такія, которыя заставляютъ обращаться къ нему. У меня нѣтъ подлинника, и потому я не могъ дѣлать съ нимъ сличеній: что бы можно было судить, правду ли говорю, я записалъ, что легко бросалось въ глаза, и посылаю“ (переводъ принадлежалъ С. К—чу) № 14 стр. 15.—Отъ 8 января 1848: „Замѣчанія г. Горскаго на переводъ Исаака Сирина велѣлъ я возвратитъ Вамъ. Онѣ достаточно показываютъ, что переводъ не годится для изданія“ (новый переводъ, часть коего принадлежитъ С. К—чу, изданъ въ 1854 г.), № 22 стр. 24. По поводу неисправностей перевода „отвѣта Прав. Вост. Церкви на окружное посланіе папы римскаго“ въ 1849 г. февр. 3-го (пропускъ нѣск. строкъ и пр.), Ф. замѣчаетъ: „что есть ли съ такимъ же вниманіемъ и разборчивостью производится переводъ писаній святыхъ Отецъ!“ № 41 стр. 38. Отъ 1851 г. окт. 7: „Благодарю за Лѣствичника. И трудившагося въ переводѣ благодарю. Но.. и переводчику, и разсматривавшимъ переводъ, можно было бы не пропустить мѣста, которое и безъ справки съ подлинникомъ, себя обличаетъ. Напримѣръ: „взошелъ побѣдителемъ на самый верхъ осмой степени“. Что за верхъ у степеней? Степень, не конусъ, а плоскость“. № 94 стр. 82. Отъ 19 нояб. 1851 г. „Возвращаю замѣчанія на Варсанофія Великаго съ моими замѣчаніями. Въ переводѣ Аѳанасія Великаго встрѣчаю недоразумѣнія. Вотъ напримѣръ, маленькое: „стадо комаровъ“. До сихъ поръ мы видали рой комаровъ, безпастырный: а теперь является стадо, которое требуетъ и пастыря. Кто же пастырь?, Не Отецъ ли Протоіерей Петръ“

тяжелъ, неблагодаренъ и самоотверженъ былъ тогда для академическихъ работниковъ всякій научно-литературный трудъ, и особенно—по переводу святоотеческихъ твореній. Не анекдотъ, а былъ, что одинъ талантливый преподаватель, послѣ суровой критики м. Филарета на его статью, въ горделивомъ чувствѣ обиды, навсегда бросилъ авторское перо изъ рукъ ¹⁾. А другіе предпочитали и совсѣмъ не браться за него. Тѣмъ болѣе чести тѣмъ, кто, подобно Делицыну, Горскому, С. К—чу и др., съ благороднымъ смиреніемъ учились у премудраго наставника, слѣдуя приточному: „даждь премудрому вину, и премудрѣйшій будетъ“.

Затѣмъ въ 1871—72 г. академическій журналъ былъ возобновленъ и С. К—чъ назначенъ редакторомъ изданныхъ тогда: VIII-го и послѣдняго тома твореній св. Григорія Нисскаго и продолженія перевода твореній св. Епифанія Кипрсакаго, на что указаніе находимъ въ одномъ изъ писемъ С. К—ча къ Саввѣ (т. IV.

(т. е. проф. Делицынъ, бывший главнымъ руководителемъ и редакторомъ переводовъ). Можно было бы указать недоумѣнія важнѣе сего: но, глава о глаголахъ,—старайтесь не давать повода и малымъ и большимъ“. „Кажется, уже говорилъ я прежде, что *ὑράματα* значитъ *письмо*, а не *писма*, подобно какъ на латинскомъ: *litterae*“. № 96 стр. 83—84. Отъ 29 мар. 1853 г.: „Прилагаемое при семъ примѣчаніе на одно мѣсто Исаака Сирина, отдайте, Отецъ Ректоръ Цензорамъ... Какъ желалось бы, чтобы каждая мысль св. Отца передава была въ переводѣ, съ свойственною ей точностью и ясностью, но особенно мысль догматическая, въ которой неточность можетъ быть близка къ мраку или заблужденію. Св. Аѳанасія на Аріанъ въ словѣ 2 (переводилъ С. К—чъ) читается: „Ап. не сказалъ: перворожденъ *иныхъ* тварей, чтобы не почли единого изъ тварей“. Что значитъ: *иныхъ тварей*? По толкованію акад. словаря: *не тѣхъ же самыхъ тварей*. Это не даетъ никакого смысла. Посовѣтуемся объ употребленіи слова: *иный*. Напримѣръ иные люди мирно принимаютъ обличеніе. Это значитъ: *нѣкоторые*. Еще: это иной переводъ; это значитъ: *инаковый*. Обратимся къ тексту: перворожденъ *инаковыхъ* тварей;—перворожденъ *нѣкоторыхъ* тварей! Это все противъ смысла Отца, и противъ истины. Переводчикъ думалъ, что: *иныхъ*, тоже значитъ, что: *другихъ*. Нѣтъ. Напримѣръ: Еврейскій языкъ старѣе *другихъ* языковъ,—это значитъ: *всѣхъ*. Евр. языкъ старѣе *иныхъ* языковъ,—это значитъ *нѣкоторыхъ*. Для чего бы не сказать: *перворожденъ другихъ тварей*, или еще яснѣе: *перворожденъ прочихъ тварей*“. Далѣе идутъ поправки къ Лѣствицѣ. №№ 127—128 стр. 112—113. Ср. № 131 стр. 116 Ф. собирався провѣрять переводъ Исаака Сирина по греч. подлиннику. Ср. другія сообщенія объ отношеніи м. Филарета къ научно-литературнымъ трудамъ и лекціямъ академическихъ профессоровъ въ Ист. Моск. Дух. Академіи С. К—ча и у Корсунскаго: Къ исторіи изученія греческаго языка въ Моск. Дух. Академіи,—Митр. Филаретъ,—Къ исторіи перевода Библии.

¹⁾ Баккалавръ словесности и литературы Е. В. Амфитеатрова, не напечатавшій ни одного труда послѣ того, какъ его „Общій характеръ священной поэзіи евреевъ“ (Прибавл. т. V) подвергся строгой критикѣ м. Филарета.

стр. 559—560), хотя въ своей записной книжкѣ онъ нигдѣ объ этомъ не упоминаетъ.

Съ возобновленія „Твореній Святыхъ Отцевъ и прибавленій къ нимъ“ въ 1880-мъ году, С. К—чъ бывшій уже ректоромъ Академіи, до конца службы 30 Іюля 1886-го года, состоялъ вмѣстѣ съ проф. В. Н. Потаповымъ оффиціальнымъ редакторомъ издававшихся тогда переводовъ твореній Кирилла Александрійскаго и Епифанія Кипрскаго. Корсунскій, занимавшійся переводомъ вмѣстѣ съ проф. П. И. Казанскимъ, свидѣтельствуеъ, что „творенія св. Кирилла Александрійскаго и Епифанія Кипрскаго, вышедшія въ 1880—1886 годы, главнымъ образомъ ему (С. К—чу) обязаны тѣмъ видомъ ихъ, въ какомъ они имѣются въ русскомъ переводѣ“ (стр. 40). Но до 1884-го года редакторомъ перевода творенія Кирилла („О поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ“, часть коего была переведена мною, и „Глафира“) былъ Потаповъ, тщательно провѣрившій и исправлявшій каждое слово перевода по подлиннику. А С. К—чъ редактировалъ переводъ изъ Епифанія и (послѣ Потапова до іюля 1886-го года) Кирилла, но ограничивался, сколько то извѣстно мнѣ лично, только рѣдкими стилистическими поправками карандашными, не свѣряясь съ подлинникомъ, какъ, въ еще большей мѣрѣ, практиковалъ это дѣло и преемникъ его ректоръ Христофоръ. Такое отношеніе къ дѣлу редактированія переводовъ конечно зависѣло отъ довѣрія къ переводчикамъ (Корсунскому и Казанскому) и отъ того, что ректорская должность оставляетъ мало времени для другихъ работъ. И самъ С. К—чъ явно не признавалъ за собою редакторскаго труда: въ перечисленіи своихъ научно-литературныхъ работъ, отмѣтивъ даже свои корреспонденціи газетныя о Посадской полиціи и приѣмѣ студентовъ въ Академію, онъ нигдѣ не далъ ни малѣйшаго намека на свое редакторство Кирилла и Епифанія, хотя объ исправленіи Лавсанка упомянулъ въ записи. Сообщаемъ это для того, чтобы снять съ С. К—ча всякую отвѣтственность за точность и вѣрность этихъ переводовъ и возложить эту отвѣтственность всецѣло на самихъ переводчиковъ.

Кромѣ того С. К—чу принадлежать нѣкоторыя работы, хотя и имѣющія научный характеръ, но для его спеціальности какъ бы случайныя и постороннія. Таковы двѣ студенческія работы—семестровыя сочиненія по философіи, при содѣйствіи Ѳ. А. Голубинскаго ¹⁾ напечатанныя въ Москвитянинѣ, когда С. К—чъ былъ

¹⁾ Напомнимъ, что студентомъ С. К. состоялъ домашнимъ учителемъ единственнаго сына Ѳ. А—ча—Димитрія Ѳеодоровича, потомъ профессора Академіи по физикѣ и математикѣ и естественно-научной апологетикѣ.

еще студентомъ. Какъ и всѣ даровитые студенты тогдашніе С. К—чъ конечно увлекался философіей и лекціями философа Ѳ. А. Голубинскаго, и слѣдствіемъ этого увлеченія были два прекрасные семестряка: 1. *Нѣчто объ идеяхъ Платона* въ Москвитянинѣ 1843 г. ч. IV. № 8 стр. 413—446: въ работѣ видна обширная начитанность въ нѣмецкой литературѣ по исторіи философій—Brucker, Richter, Ritter, Walch, Herbart, Plessing, Schulze,—тщательное изученіе первоисточника по греческому оригиналу,—обстоятельное и систематически-стройное изложеніе предмета и выработанный точный языкъ,—содержаніе таково: отношеніе Платона къ предшественникамъ, этимологія слова, опроверженіе мнѣнія объ ипостасности идей и доказательство того, что идеи суть чистыя высшія понятія и въ то же время сущности. 2. *Исторія ученія древнихъ о метемпсихозѣ* въ Москв. 1844 г. ч. II. № 4. Апрѣль, стр. 281—304. Сохранился оригиналъ этого сочиненія съ датою: „1841 г. Ноября 25, Сергѣя Смирнова“—въ началѣ и „подано 1841 года ноября 24 дня“ въ концѣ,—огромная тетрадь въ 270 страницъ, изъ коихъ 240 стр. по 19 строкъ текста и 30 стр. весьма убористаго письма съ 236 примѣчаніями изъ источниковъ и пособій на греч. лат. нѣм. и франц. языкахъ,—въ концѣ рецензія Голубинскаго: „Очень хорошо. Видно въ сочинителѣ обширное знаніе древнихъ мнѣній. Собственныя сужденія, (за исключеніемъ весьма не многихъ), основательны. Разсмотрѣніе и опроверженіе гипотезъ, стороною прикасающихся къ метемпсихозу (эманатизма, мнѣнія о предсуществованіи души и низпаденіи въ земной міръ) лучше было бы сократить. Слогъ ясный и ровный“,—въ печатной статьѣ сочиненіе сокращено втрое, оставлено только 85 примѣчаній. Оба эти сочиненія С. К—ча для историка Академіи любопытны какъ показатель интеллектуально-научнаго уровня тогдашнихъ студентовъ: судя по рецензіи (очень хорошо), сочиненіе С. К—ча было не изъ самыхъ лучшихъ и работы перваковъ (Богословскаго, Зернова, Протопопова—С. К—чъ въ философ. списокъ занимаетъ всегда 4-е мѣсто) значительно превосходили. — 3. *Св. Іустинъ мученикъ и философъ* въ Прибавл. 1849 г. т. VIII стр. 404—429 4. *Предизображеніе Господа нашего Іисуса Христа и Церкви Его въ Ветхомъ Заветѣ. Сочиненіе С. Смирнова. М. 1852*—курсовое или магистерское,—состоитъ изъ подбора отеческихъ мѣстъ о ветх. прообразахъ вообще, ихъ дѣйствительности, важности и пользѣ (первая часть),—и самыхъ прообразовъ — историческихъ лицъ: патріархи, вожди, цари, пророки,—свящ. мѣсть: скинія, храмъ и Іерусалимъ,—свящ. лицъ: первосвященникъ, священникъ, левиты—свящ. время: суббота, новомѣсячіе, праздники, посты,—свящ.

дѣйствій: обрѣзаніе, жертвы. Работа имѣетъ чисто справочный характеръ и всѣ отеческія мѣста приведены и провѣрены по подлинникамъ. При сужденіи объ этой работѣ надо знать, что темы курсовыхъ сочиненій не избирались свободно, какъ семестровыя, — а назначались и потомъ подвергались свободной и широкой передѣлкѣ наставниковъ, доходившей до полнаго почти обезличенія авторовъ. Первое (назначеніе темы) было и по отношенію къ С. К—чу, а второго (передѣлка) невозможно допустить потому, во 1-хъ, что, судя по двумъ приведеннымъ семестрякамъ, С. К—чъ и по своимъ лингвистическимъ знаніямъ и по своему умственному развитію не только могъ легко справиться съ темою самъ, но былъ даже выше ея, — во 2-хъ, сочиненіе печаталось имъ долго спустя по окончаніи курса, когда онъ былъ уже бакалавромъ и слѣд. имѣлъ полную возможность не подчиняться наставнической передѣлкѣ, если бы таковая была. б. Сюда же относимъ и пятый, такъ сказать, оффиціальныи трудъ С. К—ча, его докторскую диссертацию, которую онъ, какъ ординарный профессоръ, по уставу 1869-го года, обязанъ былъ представить и защитить въ трехгодовой срокъ: „Филологическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ, въ сличеніи съ классическимъ, при чтеніи посланія Ап. Павла къ Ефесеянамъ. С. Смирнова. М. 1873“. Книга состоитъ изъ двухъ частей: а., общія свѣдѣнія о діалектѣ *κοινη* и языкѣ новозавѣтномъ и частію LXX (стр. LXIV) и б. отдѣльныя примѣчанія филологическія къ терминамъ посланія въ порядкѣ главъ и стиховъ (156 стр.). съ алфавитнымъ указателемъ (117 словъ) въ концѣ. Въ качествѣ докторской диссертации трудъ С. К—ча подвергся критикѣ: во 1-хъ отъ проф. А. Θ. Лаврова, написавшаго оффиц. отзывъ по порученію Совѣта Академіи, и во 2-хъ на публичномъ диспутѣ отъ разныхъ лицъ. Бывшій преподавателемъ греческаго языка въ Академіи въ 1862—1870 годахъ и отличный знатокъ его, Лавровъ говоритъ ¹⁾ что „сочиненіе С. К. Смирнова относится къ ученой области, у насъ доселѣ почти совершенно не подвергавшейся ученой обработкѣ. Западная литература представляетъ множество сочиненій, изслѣдующихъ предметъ, избранный авторомъ, съ разныхъ сторонъ. У насъ (сколько мнѣ извѣстно) о новозавѣтномъ греческомъ языкѣ существуетъ только одно сочиненіе Миляева „синтаксисъ греческаго языка съ примѣненіемъ общихъ правилъ къ Новому Завѣту“ 1847 г. ²⁾. Между тѣмъ

¹⁾ Отзывъ находится въ Журналахъ Совѣта М. Д. Ак. 1873 г. № 9 и полностью напечатанъ у Королькова.

²⁾ Корсунскій почему то указываетъ еще на Словарь Церковно-Славянскаго

необходимость ученых трудовъ въ этой области и у насъ становится ошутительною... Въ виду этого выборъ предмета для ученаго изслѣдованія, сдѣланный авторомъ, можно назвать счастливымъ.... Авторъ ограничиваетъ свою задачу только разсмотрѣніемъ особенностей въ значеніи именъ и нѣкоторыхъ глаголовъ, не касаясь особенностей конструкцій. Но въ замѣнъ сего, не ограничиваясь текстомъ посланія къ Ефесеянамъ, авторъ беретъ для сравненія и уясненія мѣста и слова изъ другихъ новозав. книгъ и изъ перевода LXX. Иногда авторъ еще болѣе расширяетъ свою задачу и обращается къ языку отцовъ и къ языку богослужебному. Движеніе—во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное и обѣщающее въ будущемъ прекрасные плоды—разъясненіе богослужебныхъ дѣйствій и смысла церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній. Должно сожалѣть только, что авторъ мало воздѣлалъ это не изрытое западными учеными и во всякомъ случаѣ благодарное поле. Общій пріемъ автора состоитъ въ томъ, что онъ при изъясненіи того или другого слова приводитъ примѣры употребленія его у классическихъ писателей и затѣмъ сравниваетъ съ нимъ употребленіе того же слова у LXX и въ Новомъ Завѣтѣ. Очень рѣдко при такомъ сравненіи авторъ обращается къ корню и составу слова и его образованію съ цѣлю уясненія основнаго, кореннаго значенія слова и связи съ этимъ кореннымъ значеніемъ всѣхъ производныхъ отъ него, встрѣчающихся у классическихъ и новозавѣтныхъ писателей. Это, по моему мнѣнію, недостатокъ въ сочиненіи. Вслѣдствіе недостатка такого въ собственномъ смыслѣ филологическаго толкованія все изслѣдованіе получаетъ видъ лексикографическаго исчисленія различныхъ случаевъ употребленія того или другого слова у различныхъ писателей безъ объединенія ихъ въ одномъ общемъ и коренномъ значеніи слова и безъ указанія связи частныхъ значеній слова съ общимъ, кореннымъ. Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ, вмѣсто филологическаго толкованія, представляетъ догматико-экзегетическіе трактаты. ....Изслѣдованіе проф. С. К. Смирнова есть трудъ въ этомъ родѣ у насъ первый, трудъ серьезный и полезный". На диспутѣ ¹⁾ проф. Лавровъ иллюстрировалъ эти свои замѣчанія на частныхъ примѣрахъ: *ἀγαπάω* и *φιλέω*. Проф. Ф. А. Сергіевскій указалъ на

языка—Востокова, „гдѣ съ церк.-слав. словами почти повсюду сопоставляются соотвѣтствующія имъ по значенію греческія и нѣк. др.“ Стр. 13 прим. 16. Но какое же отношеніе это имѣетъ къ греческому новоз. языку и какія же это „нѣк. др.“ работы?

¹⁾ Правосл. Обзор. 1874. III. 2. стр. 162. Странникъ, 1873, IV. 2. стр. 126—127. Москов. Вѣд. 1873 № 270.—Соврем. Изв. 1873 № 60.

невыясненность латинскаго элемента въ новозавѣтномъ языкѣ и возражалъ противъ объясненія нѣкоторыхъ словъ въ посланіи къ Ефесянамъ. Но особенно подробной и детальной критикѣ подвергъ книгу профессоръ-гебраистъ П. И. Горскій-Платоновъ, указавшій чуть не на каждой страницѣ множество опущеній, не точностей и невѣрностей всякаго рода. Напротивъ, специалисты по греческому языку отнеслись къ книгѣ съ полнымъ одобреніемъ. Проф. Кіев. Дух. Академіи по греч. языку И. П. Корольковъ въ отзывѣ Лаврова видитъ „надлежащую оцѣнку труда“ С. К—ча и „съ своей стороны, въ дополненіе къ этому отзыву, замѣчаетъ, что книга можетъ служить для преподавателей греческаго языка прекраснымъ пособіемъ, въ которомъ очень подробно и основательно выяснено значеніе многихъ словъ и выраженій, употребляющихся въ Н. З. совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ у классическихъ писателей, напр. *ἄγιος ἀγάπη, ἐκκλησία, εὐαγγέλιον, χάρις* и др.,—объясненіе многихъ изъ указанныхъ словъ, имѣющихъ важное значеніе въ новоз. религіи, занимаютъ въ книгѣ нѣсколько страницъ и представляютъ цѣлые трактаты догматико-археологическаго и историко-филологическаго характера“. Другой академическій специалистъ по греческому языку, преемникъ С. К—ча, И. Н. Корсунскій говоритъ: „эти труды по справедливости стяжали ему славу лингвиста,—ими раскрыта новая, доселѣ почти неизвѣстная на Руси, область языкознанія: разработана научнымъ путемъ та эпоха въ исторіи языка греческаго, когда послѣдній... явился въ формѣ *κοινή διάλεκτος*“ (стр. 12). Съ своей стороны мы, признавая книгу С. К—ча даже и въ настоящее время полезнымъ пособіемъ при объясненіи греческаго текста Новаго Завѣта и не касаясь разныхъ частныхъ упущеній и недосмотровъ, въ качествѣ общихъ недостатковъ ея кратко отмѣтимъ два — со стороны филологической: нѣтъ прагматической исторіи значенія словъ,—того, что называется „жизнью словъ“,—со стороны экзегетической: нѣтъ психологіи словъ,—раскрытія терминовъ и понятій въ связи съ личностью писателей и историческимъ положеніемъ ихъ писаній. Но удовлетворительныхъ попытокъ въ этомъ родѣ нѣтъ доселѣ даже и въ заграничныхъ работахъ. Во всякомъ случаѣ книга С. К—ча по своему научному уровню и разработкѣ предмета несравненно выше нѣкоторыхъ, много позднѣе явившихся, попытокъ въ этомъ родѣ: *Н. Фоккова—Къ чтенію церковно-греческаго новозавѣтнаго языка и византійскаго, Кіевъ 1886*,—*А. Некрасова—Чтеніе греческаго текста св. Евангеліи, 1888. Казань* (по двумъ-тремъ ходовымъ нѣмецкимъ комментаріяхъ въ родѣ Мейера) и др. нѣк.,—хотя за это время сдѣлано

уже много за границую (Кремеръ) ¹⁾.—6. Дополненіемъ или продолженіемъ предшествующаго труда служатъ статьи: *Особенности греческаго языка новозавѣтнаго* въ Прибавл. 1886 г. ч. XXXVIII и отд. брош.,—и 7. *Терминологія Отцевъ Церкви въ ученіи о Богѣ* въ Прибавл. 1885 г. ч. XXXV. Обѣ работы имѣютъ совершенно такой же характеръ, какъ и „Филологическія замѣчанія“.—Обѣ статьи суть лекціи С. К—ча. 8. Наконецъ актовая рѣчь С. К—ча „*Константинъ Экономосъ и сочиненіе его о сродствѣ славяно-русскаго языка съ эллинскимъ*“, напечатана въ изданіи подъ заглавіемъ: „Годичный актъ въ Московской Духовной Академіи 1 октября 1873 года. Москва 1873“. С. К. серьезно разбираетъ сочиненіе Экономоса, хотя оно представляетъ собою только филологическій курьезъ.

По примѣру своего родителя ²⁾, С. К—чъ упражнялся въ опытахъ стихотворенія и церковнаго краснорѣчія. Въ первомъ году

¹⁾ Въ бумагахъ С. К—ча есть письмо Сухомлинова отъ 11 нояб. 1873 г. въ отвѣтъ на присылку ему этой книги: „Отъ всей души благодарю Васъ за присылку Вашего филологическаго труда. Я употреблю всѣ усилія, чтобы исполнить Ваше желаніе, хотя и не могу обѣщать Вамъ ничего положительнаго по той простой причинѣ, что не имѣю непосредственнаго участія въ учрежденіи, которое будетъ судить о Вашей книгѣ“. Рѣчь очевидно, о докторствѣ С. К—ча въ Синодѣ.

²⁾ Н. Барсуковъ въ „*Жизнь и труды М. П. Погодина, СПб. 1888*“, стр. 21—22 на основаніи Дневника Погодина, сообщаетъ: „Семейство Погодина жило въ приходѣ Николая Чудотворца, что въ Кобыльскомъ, въ которомъ въ то время священствовалъ Константинъ Смирновъ. Погодинъ ходилъ слушать его проповѣди и добрый пастырь „одобрялъ занятія“ мальчика. Однажды о. Константинъ разсказалъ Петру Мойсеевичу (отецъ М. П. Погодина) два анекдота о какихъ-то русскихъ подвигахъ. Мальчикъ Погодинъ положилъ ихъ на бумагу,—сочиненіе начиналось такъ: „гостепріимство и благотворительность суть наслѣдственныя добродѣтели русскихъ“. Въ дневникѣ Погодина 1822 г. 8 мая записано: „Послѣ всенощной заходилъ къ священнику. Не узналъ меня, но обрадовался, вспомнивъ свое пророчество обо мнѣ. Всегда бывало судилъ я о его проповѣдяхъ“. Очевидно, въ дневникѣ есть и другое нѣчто объ отцѣ С. К—ча. У самого С. К—ча въ книгѣ „Спасо-Визанскій монастырь“ приведено стихотвореніе за подписью: „Учитель Константинъ Смирновъ Платону“, подъ заглавіемъ: „Юпитеровъ судъ“. Начинается такъ:

„Какіе зрю огни эфирны
Въ превыспреннихъ горятъ странахъ,—
На горизонтѣ звуки лиры—
Сіяетъ большій свѣтъ въ мірахъ!...
Треножникъ гдѣ златокованный,
Наслѣдственный всѣмъ мудрецамъ?
Въ Европѣ есть богоизбранный
Отецъ безчисленнымъ отцамъ...
Восходитъ передъ Божій тронъ,

своего студенчества С. К.—чь написалъ стихотвореніе по случаю посѣщенія Лавры и Академіи наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ съ супругою, 25 мая 1841-го года: стихотвореніе поднесено м. Филаретомъ Наслѣднику, и авторъ его записанъ былъ на первое мѣсто въ списокъ студентовъ младшаго отдѣленія за 1841 годъ бакалавромъ Е. В. Амфитеатовымъ ¹⁾. Затѣмъ, уже бакалавръ Академіи, С. К. въ 1856 году составилъ стихи „на пришествіе“ Александра Николаевича въ Лавру послѣ коронаціи въ Москвѣ, приведенные въ Ист. М. Акад. въ приложеніи ²⁾. Сти-

Гремитъ спасенія словамъ,
Гласить златыми тамъ устами
Въ Россіи мудрый мужъ Платонъ...
Живи отецъ чадолюбивый,
Теки свѣтило Росско въ вѣкъ
Тобой на небо и—кичливый
Превознесетъ человекъ!—
Того щастливцы всѣ желаютъ!—
И небеса то восклицаютъ!
Твои доброты... не сочту!—
Меня пернатость оставляетъ,
Младый Икаръ въ щедротахъ таетъ—
Какъ въ морѣ,—какъ въ волнахъ тону.

¹⁾ Дѣла по внутреннему управленію за 1841 годъ № 62,—С. Смирновъ, Исторія М. Д. Академіи стр. 368. Почему то эти стихи свои С. К. не привелъ въ Исторіи Академіи.

²⁾ Стр. 374 и 624—628. Вотъ нѣкоторыя выдержки:

Обитель Сергія святая
Воздвиглась отъ своихъ холмовъ,
Царя съ Царицей принимая
Подъ свой священно-древній кровъ...
Настало время испытанья:
Скончался Мудрый Николай,
Тебѣ оставивъ завѣщанье
Спасти отъ бѣдъ родимый край...
И въ это тягостное время,
Какъ на благой душѣ Царя
Думъ грустныхъ возлежало бремя,—
Онъ здѣсь—въ стѣнахъ монастыря!...
Вдали гремѣли громы битвы.
Искали жертвъ огонь и мечъ:
А здѣсь съ оружіемъ молитвы—
Съ оплотомъ противъ страшныхъ съчъ
Царь предстоялъ благоговѣйный
Передъ Заступникомъ Святымъ,
Побѣдъ иль мира даръ священный
Прося воителямъ своимъ...
Какъ ты великъ Царь полвселенной
Въ сияньи чудной доброты!

хотвореніе, написанное прилично случаю и съ остроуміемъ, не обнаруживаетъ въ авторѣ дара поэзіи,—и замѣчаніе Корсунскаго: „оно дышетъ живымъ и глубокимъ чувствомъ, отличается мѣткостью характеристики лицъ“ и пр. должно цѣнить съ точки зрѣнія некрологической стилистики. Надо замѣтить, что оно писано спустя 19 лѣтъ по смерти Пушкина и подражаетъ Державину. Кромѣ того Корсунскій говоритъ: „мы помнимъ также прекрасное стихотвореніе С. К—ча, написанное и произнесенное по случаю 40-лѣтія службы въ должности намѣстника Сергіевой Лавры арх. Антонія въ 1871 году: см. въ Моск. Вѣд. 1871 № 61“¹⁾. Другихъ стихотвореній С. К—ча пока не извѣстно.

Столь же прилично и остроумно составленными, но безъ ораторскаго дара, являются нѣсколько проповѣдей С. К—ча: 1. *На день Преп. Сергія 5-го іюля* 1863 г. въ прибавл. 1863 г. кн. III. ч. XXII.—2. *На погребеніе Иннокентія М. Московскаго* 1879 г. въ Моск. Вѣд. № 98.—3. *На погребеніе Макарія М. Моск.* 1882 г. въ Прибавл. кн. III. и Моск. Вѣд. № 165.—4. *Въ день тезоименитства Государя Александра II 30-го авг.* въ 1882 г. Моск. Вѣд. № 242.—5. *Въ день 100-лѣтія со дня смерти М. Филарета* 1883 г. Прибавл. к. I.—6. *При погребеніи проф. И. Д. Мансветова* 1886 г. Прибавл. кн. I—и рукописныя, въ бумагахъ С. К—ча:—7. *По случаю холеры въ 1848-мъ году* (у Корсун. ст. 7).—8. *Въ день Срѣтенія Господня* на текстъ Лук. 2, 27—о приспособленіи христіанъ къ духу времени путемъ подчиненія его духу Христову (рукопись старая, повидимому, 50—хъ годовъ). 9. *Въ Крымскую войну*, въ день всѣхъ Святыхъ, на текстъ Матѳ. 24, 6—съ историческими справками и цитатами изъ историческихъ документовъ по русской исторіи.

Для полноты списка трудовъ С. К—ча проводимъ и разныя его мелкія и случайныя работы, критическія замѣтки, корреспонденціи и пр.²⁾—1. *Нѣсколько критикъ въ Москвитянинѣ* за 1847 и

Вѣнчанный и превознесенный!
 О, какъ любвеобиленъ ты!
 Вѣнецъ—Твой подвигъ, наша слава,
 Твой скипетръ—Твой трудъ, а нашъ покой:
 Намъ огражденіе—Держава,
 Тебѣ—заботъ символъ святой.
 Тебѣ порфира—отягченье,
 Намъ—облегченье и покровъ;
 Твой тронъ—для насъ успокоенье,
 Тебѣ вмѣстилище трудовъ и т. д.

1) Корсун. стр. 11 прим. 13.

2) Статьи, при коихъ точно не помѣчены заглавія и даты ихъ изданія, внесены въ этотъ списокъ изъ записной книжки С. К—ча.

1848 года.—2. *Крестный ходъ изъ Троицкой Лавры по случаю холеры въ Моск. Вѣд.* 1848 № 121.—3. *Критика на книгу Чичагова въ Москвитянинѣ* 1849 г.—4. *Переводъ изъ Revue Britannique—Ураганъ въ Антагоа и монастыри Востока* въ 1849.—5. *Взглядъ на изданіе твореній Св. Отцевъ* 1850 г.—6. *О крестномъ ходѣ въ Кунгуръ—газеты* 1850 г.—7. *Письмо о Голубковѣ* въ Москвит. 1852. № 23—8. *Переводъ изъ Марцеллина о стологаданіи* въ Моск. Вѣд. 1854 г.—9. *Біографія Голубкова* 1856 г.—10. *Указатель ко 2-му изданію проповѣдей М. Филарета* въ 1848 г.—11. *Указатель къ описанію рукописей Волколамской бібліотеки (сост. Іосифомъ)* въ Чт. Общ. Ист. и древн. Росс.—12. *О сочинителѣ рукописи, открытой Базилевскимъ: Русское государство въ XVII вѣкѣ—въ Моск. Вѣд.* 1859 г. № 83.—13. *Объ исцѣленіяхъ при мощахъ Преп. Сергія* въ Приб. 1859, I.—14. *Описаніе празднованія 50-лѣтняго юбилея Моск. Дух. Академіи* въ Моск. Вѣд. 1864 № 220, и въ юбилейномъ Сборникѣ.—15. *Нѣмецкіе сектанты за Кавказомъ въ Рус.* Вѣст. 1865, май.—16. *Празднованіе дня 5 Августа 1867 года. (50-лѣтній юбилей епископства м. Филарета)* въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи—*Моск. Вѣд.* № 256 и 257.—17. *Нѣсколько словъ по поводу статьи Мельникова въ Рус. Вѣст.* апрѣль: „Изъ прошлаго“—*Правосл. Обзор.* 1868, сент.—18. *О приѣмѣ студентовъ на содержаніе Лаврою* въ 1873 г.—въ *Соврем. Извѣстіяхъ* 1873 г. Сент.—19. *О приѣмѣ студентовъ въ Академіи и о Посадской полиціи* въ *Соврем. Изв.* 1874 г. Сент.—20. *Изъ Серпухова—о 500-лѣтіи Высоцкаго монастыря* въ *Соврем. Изв.* 1874 г. сент.—21. *О церковномъ благословеніи и вѣнчаніи брака противъ новоженцевъ* въ *Прибавл.* 1858 г. кн. 2. т. XVII.—22. *Несторіане—изъ путешествія доктора Грэна по Востоку* въ *Москвит.* 1851 г. ч. 2. кн. 4.—23. *Изъ Chronique de Gottfroi de Bouillon—объ Оливье Лифдалѣ* въ *Моск. Вѣд.* 1849.—24. *Переводъ изъ Озонама—объ училищахъ на западѣ Европы съ VI до IX вѣка* по Р. Х. въ *Москвит.* 1850 г. ч. IV. кн. 8.—25. *Кандія, истор. очеркъ* въ *Русс. Вѣстн.* 1867, 3.—26. *О пребываніи въ Лаврѣ и Академіи Бразильскаго Императора* *Моск. Отд.* 1876 г. 28. *Объ открытіи Братства преп. Сергія при Моск. Дух. Академіи* 26 окт. 1880 г. въ *Моск. Вѣд.* за Сент. и Окт. 29. *Описаніе посѣщенія Троицкой Лавры Государемъ Имп. Александромъ II и его супругою съ вел. княжною Марією Алекс. и вел. Княземъ Сергіемъ Алекс. въ 1861 г. 5—6 авг.—Моск. Вѣд.* Марія Алекс., будучи 8 л. безъ 4-хъ мѣсяцевъ, по желанію Авг. Родителейъ была причащена Святыхъ Таинъ послѣ исповѣди у самого м. Филарета, на что указаніе однакоже было вычеркнуто самимъ митрополитомъ, предварительно прочитавшимъ описаніе, составленное С. К—мъ (Автоб.

Записки Саввы, т. II. стр. 616—618). 30. *О посѣщеніи Лавры и Академіи Великими Князьями Сергіемъ Алекс. и Константиномъ Конст.* Моск. Вѣд. 1879, окт.—31. *Кончина и погребеніе Макарія м. Московскаго*—Моск. Вѣд. 1882 № 165 и Прибавл. 1882 кн. III.—32. *О пребываніи м. Иоаннікія въ Троицкой Лаврѣ*—Моск. Вѣд. 1882 № 271,—33. *О прот. Ипполитѣ Мих. Богословскомъ-Платоновѣ* въ *Соврем.* Лѣт. 1871, 4.—34. *Пребываніе м. Иоаннікія въ Академіи*—Моск. Вѣд. 1883, 28 сент. № 269.—35. *Высочайшее посѣщеніе Троицкой Лавры и Академіи* 22 мая 1883 г. Приб. 1883 г. ч. XXXII и Моск. Вѣд. № 142.—36. *Рѣчь въ день 100-лѣтія со дня рожденія м. Филарета* въ Прибавл. 1883, кн. 1.

Въ заключеніе назовемъ извѣстныя намъ неизданныя въ печати работы. Кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ проповѣдей, въ бумагахъ С. К—ча хранятся сдѣланные для м. Филарета переводы писемъ къ нему: Дмитрія Николаева Шаде съ новогреческаго въ 1860 г. и съ греческаго отъ патріарховъ и др. лицъ: патр. Алекс. Іероѳея 1856 г. мая 8 изъ Каира,—Каирскаго братства 1856 г. 3 мая, Іероѳея Антиох. изъ Константинополя 1859 г. 9 іюня,—его же 1860 г. 1-го іюня,—Кирилла архіеп. изъ Каира 3 февр. 1862.—Аѳин. архіеп. Мисаила 1862 г. 15 мая и др.,—и въ 1867-мъ году авг. „переводъ шести писемъ съ греческаго отъ патріарховъ и другихъ лицъ, присланныхъ по случаю юбилея митрополита“ (изъ Записной книжки). Кромѣ того въ академическихъ дѣлахъ имѣются, составлявшіеся по порученію высшаго начальства и Академіи, отзывы С. К—ча: объ *этимологіи греческаго языка* въ 1851-мъ г. (Акад. Конфер. дѣло 1851, № 13) и о *краткой греческой грамматикѣ Кирилла Богословскаго* въ 1852-мъ (Дѣло № 18), представленныхъ въ рукописи и потомъ, согласно указаніямъ С. К—ча, исправлявшихся авторомъ до 1858-го года когда по новому отзыву С. К—ча объ эти работы окончательно были одобрены къ печати (дѣло № 6),—о *Греческой грамматикѣ И. Синайскаго*, представленной въ печатномъ видѣ и признанной, на основаніи отзыва С. К—ча „не удовлетворительнымъ руководствомъ“ (ibid. 1861, № 7),—о *латинскихъ словаряхъ*—полномъ и сокращенномъ—*Леонтьева* (1862 г. дѣло 13)¹⁾,—о *книгѣ Лаврентьева: Жизнь преп. Сергія* (1863 г. мартъ, по зап. С. К—ча),—о *грамматикѣ и греческо-русскомъ словарѣ Синайскаго*: словарь допущенъ къ упо-

¹⁾ С. К—чъ указалъ на отсутствіе въ словарѣ Леонтьева христіанскихъ терминовъ, имѣющихся въ употреблявшемся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ словарѣ Крнеберга,—и конференція предложила Леонтьеву исправить словарь согласно указаніямъ С. К—ча, что онъ „съ бранью и гнѣвомъ отвергъ“. Саввы Зап. II. 769—770.

требленію въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ при условіи исправленія соотвѣтственно отзыву С. К—ча (Дѣла 1863 г. №№ 6 и 7 и 1864 № 11),—объ отчетѣ Осимена о преподаваніи древнихъ языковъ (? по зап. книжкѣ 1863 г. декабрь),—о *двухъ грамматикахъ—Кюнера и Михайловскаго* (Зап. кн. 1864 авг.),—мнѣніе по вопросу высшаго начальства о мѣрахъ къ улучшенію въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ преподаванія языковъ, въ особенности греческаго и латинскаго (Дѣла 1863 г. № 10, ср. Корсун. стр. 48—50). Въ записной книжкѣ С. К—ча помѣчено еще: „1867 авг. Записка о дѣятельности м. Филарета по отношенію къ М. Д. Академіи“, съ замѣткою въ скобахъ: „въ ходъ не пошла“,—и: „1877 г. дек. 12. Говорилъ въ публичномъ собраніи рѣчь по случаю юбилея Импер. Александра I-го о состояніи Академіи въ его время“¹⁾.

Сюда же наконецъ должно отнести и многочисленныя ученныя порученія отъ разныхъ лицъ. Для академика, директора Импер. Публ. Библіотеки, а потомъ члена Государственнаго Совѣта А. Ѳ. Бычкова С. К—чъ дѣлаетъ точныя копіи съ рукописей и провѣряетъ въ нихъ даты²⁾. Сухомлинову высылаетъ рукопись библіотеки Моск. Академіи³⁾,—сообщаетъ ему, по его просьбѣ, свѣдѣнія объ академикахъ, получившихъ образованіе въ Троицкой Семинаріи и Духовной Академіи⁴⁾,—Сухомлиновъ обращается

¹⁾ Въ Запискахъ Саввы упоминаются сдѣланныя для него и присланныя С. К—мъ въ 1884 г. „опись бумагъ м. Филарета, сданныхъ имъ въ 1858 г. въ акад. библіотеку“ и „справка о всѣхъ бумагахъ м. Филарета въ Виѳан. Семинаріи и Моск. Академіи за 1826—1829 годы“ (VII. 291. 295. 298. 316. 331). Но въ бумагахъ С. К—ча есть „опись бумагъ“, написанная рукою Корсунскаго,—вѣроятно и „справка“ сдѣлана была, по порученію С. К—ча, тоже Корсунскимъ.

²⁾ Въ бумагахъ С. К—ча Письма отъ 25 сен. 1881 г. и 11 мая 1882 г. Въ первомъ между прочимъ сообщается: „Сегодня въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ была присуждена полная Уваровская премія Е. Е. Голубинскому за его Исторію Русской Церкви. Не смотря на многія, бросающіяся въ глаза, недостатки его обширнаго и почтеннаго труда, нельзя не отдать справедливости и многимъ его достоинствамъ, которыя въ значительной степени превышаютъ первые. Со временемъ онъ и самъ отъ нѣкотораго откажется, а нѣкоторыя видоизмѣнитъ. Покорнѣйше прошу передать ему мое искреннее поздравленіе съ полученною наградой“.

³⁾ Ibid. Письмо 11 ноября 1871 г.

⁴⁾ 3 мая 1877 г. „Будьте такъ добры сообщить мнѣ, гдѣ именно надо искать свѣдѣній объ этихъ лицахъ (Барсовъ, Десницкомъ, Боженовъ и т. д.)—у Васъ или въ Москвѣ. Вамъ это очень хорошо извѣстно, такъ какъ Вы пользовались многими архивами для Вашихъ превосходныхъ трудовъ—исторіи Московской Академіи и Лаврской Семинаріи. Въ трудахъ своихъ Вы упоминаете обо всѣхъ названныхъ мною лицахъ. Ваши указанія облегчатъ мою работу, и пріѣхавши

къ С. К—чу „съ усерднѣйшею просьбою оказать доброе содѣйствіе въ новомъ его академическомъ предпріятіи—изданіи полнаго собранія сочиненій Ломоносова, съ объяснительными примѣчаніями и съ біографіей!“¹⁾... Съ таковою же просьбою Сухомлиновъ обращается къ С. К—чу за своего ученика Е. В. Пѣтухова „не отказать ему въ совѣтахъ и указаніяхъ относительно его работъ“²⁾. Для Саввы (впослѣд. архіеп. Тверскаго) С. К—чь описываетъ нѣкоторыя рукописи Синод. Библіотеки³⁾, переводитъ съ греческаго рукописный отрывокъ изъ Улпія Римлянина, напечатанный въ Указателѣ Моск. Син. Б—ки⁴⁾, сообщаетъ о замѣчаніяхъ Филарета и его отношеніи къ дѣламъ цензурнаго комитета при Московской Академіи⁵⁾, дѣлаетъ справки въ архивѣ Виѣанской Семинаріи⁶⁾ и пр. Для митр. Филарета, вмѣстѣ съ А. В. Горскимъ и П. С. Казанскимъ, С. К—чь составляетъ отвѣты на вопросы о Земскомъ соборѣ⁷⁾, переводитъ съ новогреческаго письма разныхъ лицъ. Для митр. Макарія дѣлаетъ справки въ рукописяхъ академ. бібліотеки о патр. Никонѣ, за что получаетъ благодарность отъ митрополита чрезъ его секретаря Ѳ. П. Богоявленскаго, въ письмѣ послѣдняго отъ 4 ноября 1880 г. и пр. Съ своей стороны и самъ С. К—чь постоянно и широко пользуется для своихъ ученыхъ работъ услугами хранителей рукописныхъ и книжныхъ сокровищъ, ученыхъ спеціалистовъ (Бычкова), директора канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода (Ненарокова) секретаря духовной консисторіи (Розанова), настоятелей монастырей, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его обширная переписка съ разными лицами.

Такъ, годъ за годомъ, мѣсяць за мѣсяцемъ, день за днемъ

въ Москву, я обращусь прямо туда, куда Вы меня направите, а потомъ для пополненія свѣдѣній, явлюсь и къ Вамъ. Сдѣлайте одолженіе, отвѣчайте мнѣ поскорѣе, дорогой Сергѣй Константиновичъ“.

1) „Я предполагаю въ началѣ мая пріѣхать въ Москву, чтобы ознакомиться съ архивомъ Заиконоспасской школы, въ которой учился Ломоносовъ. Вамъ такъ хорошо извѣстенъ этотъ архивъ, Ваши разысканія въ немъ дали такую богатую пищу для изслѣдователей, что я считаю для себя долгомъ просить Вашихъ указаній. Гдѣ помѣщается архивъ, въ которомъ надо искать свѣдѣній о школьныхъ годахъ Ломоносова“?.. Ibid. Письмо отъ 28 марта 1887 г.

2) Ibid. отъ 29 мая 1885 г.

3) Саввы Автоб. II. 335 сл. 338.

4) Переводъ пересмотрѣнъ А. В. Горскимъ. Очевидно, С. К—чь не полагался на себя и прибѣгалъ къ содѣйствію А. В—ча, II. 371. 387—388.

5) VII. 390 сл.

6) VIII. 234. 235.

7) Саввы, II. 689—691.

протекаетъ многолѣтняя жизнь С. К—ча сначала въ учебномъ, а потомъ въ ученomъ подвижничествѣ: писаніи лекцій, составленіи ученыхъ трудовъ, исполненіи ученыхъ порученій, ученой перепискѣ¹⁾. Конечно, въ этомъ ученomъ подвижничествѣ С. К—чъ много уступалъ своему старшему сотоварищу по профессурѣ, предшественнику по ректурѣ и другу А. В. Горскому, который, можно сказать, жилъ и дышалъ наукою. Но все же и онъ съ благородною гордостью и смѣло могъ сказать о себѣ, что подвижался добрымъ подвигомъ науки и потерялъ не особенно много дней въ жизни для своего научнаго призванія.

III.

Кромѣ прямыхъ работъ по наукѣ С. К—чъ не мало потрудился и надъ такими дѣлами, кои имѣютъ къ наукѣ косвенное отношеніе, говорю о его секретарствѣ по изданію академическаго журнала и административныхъ должностяхъ помощника ректора, инспектора и ректора Академіи.

Съ 1854 по 1871 г. С. К—чъ состоялъ секретаремъ редакціоннаго комитета по изданію *Твореній Св. Отцевъ и приложеній къ нимъ*. Эту, бѣдно оплачивавшуюся, но весьма хлопотливую и отвлекавшую отъ прямыхъ научныхъ занятій, должность С. К—чъ, благословенный многочисленною семьею, вынужденъ былъ взять въ восполненіе скудости тогдашнихъ преподавательскихъ окладовъ академическихъ (600 р. бакалавръ, 1200 р. орд. проф. на ассигн. т. е. на наши приблиз. 300 и 600 р.).

Съ 1874-го года С. К—чъ, по избранію Совѣта Академіи, занималъ должность помощника ректора Академіи на церковно-практическомъ отдѣленіи, до введенія новаго Устава 1884-го года, упразднившаго отдѣленія и должности помощниковъ Ректора. Впрочемъ должность эта не соединялась съ какими-либо многосложными обязанностями и мало вредила научнымъ занятіямъ.

Гораздо болѣе отвлекали отъ науки, но зато и гораздо боль-

1) По сообщенію Саввы, уже 8 іюля 1887 г. С. К—чъ видимо слабѣлъ послѣ постигшаго его паралича въ 1882-мъ году (VIII. 346). А между тѣмъ, по записной книжкѣ, онъ въ 1887—1888 годахъ издаетъ: письма Имп. Павла къ митр. Платону, Преп. Тихонъ Калужскій, Автобіографія митр. Платона, Древній Симеоновскій монастырь, Письма м. Платона къ Евгению Казанцеву и Апологетика Іустина мученика. Изъ писемъ С. К—ча къ Саввѣ видно, что 5-го марта 1887 г. С. К—чъ шлетъ Саввѣ ученую архивную справку и сообщаетъ о своихъ работахъ по изданію писемъ Имп. Павла къ м. Платону и о намѣреніи издать въ полномъ видѣ автобіографію м. Платона, которая и была издана (VIII, 235). Наконецъ мы знаемъ уже, что послѣднее изданіе *Спасо-Виванскаго монастыря* было въ 1889 году, за недѣлю-двѣ до смерти С. К—ча.

шее нравственно-воспитательное значеніе для студентовъ и благосостоянія всей Академіи имѣли двѣ другія административныя должности С. К—ча, послѣдовательно имъ проходившіяся: инспектора и ректора Академіи.

Въ общемъ собраніи Совѣта 16-го окт. 1870-го года, по новому уставу, С. К—чъ большинствомъ голосовъ ¹⁾ былъ избранъ въ должность инспектора на четыре года, на мѣсто отказавшагося отъ должности архим. Михаила (Лузина). Вторичная, на слѣдующее четырехлѣтіе, баллотировка въ инспектора, вмѣстѣ съ баллотировками на должность помощника ректора и на новое пятилѣтіе профессорства, происходила 7-го окт. 1874-го года (Журналы стр. 187—188), 18 ноября (стр. 209—210) и 22 ноября (стр. 222). Первыя двѣ баллотировки прошли единогласно, а въ инспектора—большинствомъ голосовъ, при двухъ черныхъ, тогда какъ соперникъ С. К—ча П. И. Горскій получилъ таковыхъ девять ²⁾.

Прекрасно составленную, безпристрастно правдивую и довольно полную, хотя и не многословную характеристику С. К—ча какъ инспектора за 1871—1875 годы находимъ въ воспоминаніяхъ Высокопр. Николая (Зіорова), Архіеп. Варшавскаго ³⁾, подъ коими пишущій эти строки (1873—1877 г.) подписывается обѣими руками, съ нѣкоторыми дополненіями.

„На видъ онъ былъ очень суровый, но только на видъ; а на самомъ дѣлѣ—это былъ благороднѣйшій и гуманнѣйшій человѣкъ, снисходившій къ слабостямъ и даже немощамъ студентовъ. Онъ все зналъ изъ студенческой жизни, но никогда не злоупотреблялъ своими знаніями. Впослѣдствіи, въ его домѣ, въ его семействѣ,—я, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ товарищей, проводилъ очень пріятно время въ праздничные дни. Студенты иногда величали его Зевсомъ Олимпійскимъ“ (стр. 4—5)... Для характеристики тогдашняго инспекторскаго режима въ Академіи можетъ служить

1) Присутствовали всѣ члены совѣта, кромѣ А. Θ. Лаврова, находившагося въ С.-Петербургѣ, по вызову Синода. Баллотировались: прот. Ф. А. Сергіевскій, С. К. Смирновъ и А. Θ. Лавровъ, послѣдній безъ его вѣдома. Журналы Совѣта М. Д. Академіи 1870 г. 16 окт. стр. 134—135.

2) Саввы, IV. 849.

3) *Мои воспоминанія о Московской Духовной Академіи. (Къ столѣтнему юбилею). Варшава 1914.* Хотя эти воспоминанія и напечатаны „на правахъ рукописи“, но, надѣмся, Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь не посѣтуетъ на насъ за пользованіе ими въ трудѣ, посвященномъ высокой памяти столь же высокочтимаго и мною наставника и начальника и по случаю того же юбилея нашей общей Almae Matris. И это—тѣмъ болѣе, что другихъ воспоминаній о С. К—чѣ какъ инспекторѣ академіи мы пока не знаемъ.

толерантность инспекціи въ отношеніи къ студенческимъ „выпивкамъ“. „Пріемъ въ академію закончился молебномъ и объявленіемъ списка. Вечеромъ собрались всѣ товарищи и другіе студенты (другихъ, высшихъ курсовъ) для ознакомленія другъ съ другомъ. Въ складчину со вновь поступившихъ было устроено и приличное угощеніе. Здѣсь пѣли, пили, играли на рояли, танцевали, братались, обнимались, цѣловались и пр... Все это торжество на академическомъ языкѣ называлось „канонизаціей“. Насъ такимъ образомъ принимали въ общеніе съ собою всѣ раньше насъ сюда поступившіе, и мы становились и *de jure* и *de facto* студентами. Начальство—и академическое и лаврское—всегда смотрѣло на эту канонизацію снисходительно,—п, мнѣ кажется, всѣ были бы удивлены, если бы почему либо этого не было“ (стр. 11—12). Но въ мое время и потомъ эта вступительная пирушка новокурсниковъ вкупѣ съ сторокурсниками называлась „генеральной выпивкой“, въ отличіе отъ другихъ, частныхъ или специальныхъ—по курсамъ, напр. 1-го октября, въ академической праздникъ, на счетъ и въ поздравленіе получавшихъ денежныя награды студентовъ — „курсовыя выпивки“,—именинъ или произнесенія проповѣди—номерныя выпивки“. „Образъ жизни студентовъ, продолжаетъ Высокопр. Николай, хотя и регулировался особыми правилами, но ихъ никто не зналъ: жили свободно, по собственному усмотрѣнію. Бывали и звонки на всякій случай, но никто имъ особенно не внималъ¹⁾. И ложились спать и вставали, когда кто находилъ для себя удобнымъ; поэтому, одни до глубокой ночи засиживались за работой, а другіе, наоборотъ,—уходя рано спать, и вставали чуть не до свѣту, особенно зимою. Но къ обѣду и ужину являлись въ урочный часъ всѣ. Послѣ обѣда многіе ходили на прогулку по Московской улицѣ—до такъ называемаго „пересѣченія“, т. е. до того мѣста, гдѣ шоссею дорогу пересѣкала желѣзная. Въ святки ѣздили на саняхъ до Внѣаніи и обратно²⁾. Устраивали катокъ на льду—и многіе очень искусно катались на конькахъ. Лѣтомъ ходили въ лѣсъ подышать здоровымъ лѣснымъ воздухомъ. Послѣ ужина собирались иногда³⁾ въ чайную: тамъ стоялъ рояль, на которомъ нѣкоторые студенты играли, а другіе пѣли подъ аккомпаниментъ рояля. Танцевали,

¹⁾ За исключеніемъ звонковъ къ ужину и особенно къ обѣду, къ коимъ вниманіе возбуждалось молодыми желудками.

²⁾ Конечно тѣ, у кого были на это деньги.

³⁾ Многіе ходили гулять на монастырской бульваръ, въ академической садъ и на улицы Посада.

шутили, смѣялись... Особенно любимыми пѣснями были: „Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль по Казанкѣ, сизый селезень плыветъ“, „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, „Волга-матушка“, „Дубинушка“ и под. Праздновали именины, произнесеніе проповѣди, подачу курсоваго сочиненія и т. под. Праздновали—и иногда съ излишествомъ употребленія живительной влаги; но все это проходило безъ всякихъ эксцессовъ и экстравагантностей: взаимная благопопечительность не допускала этого“ (стр. 15—16). „Съ нашего курса, въ жизненномъ обиходѣ студентовъ вошли нѣкоторыя перемѣны. Прежде всего отмѣнены были *шинели* съ длинными воротниками ¹⁾, а введены ²⁾ *пальто*. И по столовой то же были введены реформы: отмѣнили *алады* и стали давать мясное кушанье, на языкѣ росписанія—*бифштексъ* ³⁾. Ввели пироги лишній разъ и еще что-то—не припомню“. Все это Высокопр. Николай (стр. 16) приписываетъ „содѣйствію о. Ректора“ А. В. Горскаго, который всегда стоялъ въ правленіи за студентовъ вопреки волѣ стариковъ—профессоровъ, бывшихъ „противъ новшествъ“. Но, конечно, не безъ добраго участія и со стороны инспектора. „Религіозная жизнь студентовъ, свидѣтельствуется Высокопр. Николай, безъ сомнѣнія—подъ вліяніемъ и примѣромъ о. ректора главнымъ образомъ,—складывалась прекрасно. Безъ всякихъ принужденій ⁴⁾,—студенты всегда ходили ко всѣмъ службамъ и становились въ ряды. Я не знаю ни одного случая, когда бы кто изъ студентовъ дозволилъ себѣ что-нибудь антицерковное, оскорбительное для вѣры и благочестія христіанскаго ⁵⁾. Въ церкви былъ такой порядокъ: на правой сторонѣ стояли профессора—и всегда почти всѣ (*sic*),—съ своими семействами, а на лѣвой—студенты въ рядахъ. Къ евангелію и елеопомазанію на всеобщей и ко кресту за обѣдней подходили прежде профессора—въ порядкѣ старшинства, а затѣмъ студенты по курсамъ и по парамъ. Дѣлалось только одно

1) Длинные, офицерскаго покроя—съ капюшономъ, изъ сѣраго сукна или фланели.

2) Драповыя.

3) Т. е. картофельный супъ, къ которому прилагалась рубленая котлета: мы ѣли ее, раскрошивъ въ супъ. Это блюдо было самымъ любимымъ у студентовъ,—давалось однажды въ недѣлю, за ужиномъ, въ субботу, послѣ всеобщей, когда обычно и С. К.—чь посѣщаль столовую, торжественно и медленно обходя столы.

4) Со стороны инспекціи.

5) Въ то время семинаристамъ, по окончаніи четвертаго класса, былъ открытъ доступъ во всѣ свѣтскія заведенія, и въ Академіи шли только расположенныя къ духовной и церковной наукѣ.

исключеніе—для мамыши о. ректора. Она всегда становилась съ правой стороны впереди и первая, послѣ духовенства, подходила, а затѣмъ уже профессора и студенты и всѣ другіе богомольцы“ (стр. 17—18). Храмъ, прибавимъ, выстроенный при А. В. Горскомъ въ 1869 году, былъ очень небольшихъ размѣровъ и рассчитанъ главнымъ образомъ на принадлежавшихъ къ Академіи лицъ и отличался онъ какою-то особенною, академическою уютностью и семейностію,—въ немъ вѣяло какимъ-то особеннымъ, невыразимымъ словами, богословско-академическимъ духомъ, какого я еще не замѣчалъ ни въ какихъ другихъ храмахъ. Впослѣдствіи онъ утратилъ этотъ стиль, принявъ видъ, подражательный каѳедральнымъ архіерейскимъ, такъ называемымъ теплымъ, соборамъ, со множествомъ отъинуду приходящихъ и уходящихъ богомольцевъ. „Отлучаться изъ Академіи въ Москву, продолжаетъ свои воспоминанія Высокопр. Николай, не запрещалось. И я помню, какъ мы компаніей ѣздили въ Москву, чтобы побывать въ оперѣ и посмотрѣть артистовъ Импер. театровъ. Мнѣ пришлось видѣть и слушать знаменитыхъ актеровъ и пѣвцовъ, побывать въ Румянцовскомъ музеѣ... О. Ректоръ давалъ какое-либо порученіе намъ, напр. осмотрѣть извѣстный отдѣлъ музея. По пріѣздѣ спрашивалъ, что видѣли, что слышали. Нѣсколько разъ разрѣшалъ намъ въ праздничные дни пробовать свои силы и на домашней сценѣ,—играли, напр. комедію Гоголя „Ревизоръ“. Нужно отдать справедливость: студенты разыграли эту комедію, какъ и нѣкоторыя другія ¹⁾, артистически“ (стр. 23).

Находясь въ уединеніи отъ начальственныхъ центровъ, деревенская академія доставляла богатый матеріалъ для всевозможныхъ слуховъ и сплетенъ. Случайныя и мелкія шереховатости въ академической жизни размалевывались въ грандіозныя инсинуаціи. Особенно повезло винопитію. Хотя въ этомъ отношеніи Московская академія ничѣмъ не выдѣлялась отъ остальныхъ, однакожъ молва о процвѣтаніи пьянства утвердилась почему-то именно за ней и, по сообщенію Архим. Михаила (Лузина), тогда профессора Академіи, Архіеп. Николаю, тогдашнему студенту (Зіорову), дали матеріалъ даже для ревизорскаго отчета Макарія (Булгакова) въ 1875-мъ году ²⁾. „Назвалъ насъ пьяницами, гово-

¹⁾ Припоминаю еще „Женитьбу“.

²⁾ Въ письмѣ С. К—ча къ Саввѣ (Автоб. V. 398) сообщается: „полученъ отчетъ преосв. Макарія съ указомъ Св. Синода—Совѣту Академіи вмѣняется въ обязанность—возстановить изданіе Твореній Св. Отцевъ. Отзывъ о состояніи учебной части въ Академіи очень хорошъ; большая часть наставниковъ рас-

рилъ съ горечью о. Михаилъ, а мы пьяницы да и умницы, а пьянъ да уменъ—два угодыя въ немъ“. Конечно, замѣчаетъ Высокопр. Николай, въ этомъ афоризмѣ о. Михаила нужно видѣть скорѣе *горечь отъ незаслуженной обиды*, нанесенной ревизоромъ Академіи, нежели защиту пьянства, какъ такового“ (стр. 23). На нашемъ курсѣ злоупотреблялъ винопитіемъ только одинъ, Д. Вознесенскій, ярославецъ, подвергавшійся со стороны С. К—ча неоднократно и суровому началенію и все же получившій степень кандидата, но впоследствии оказавшійся неизлѣчимымъ алкоголикомъ. Другой, И. А. Плаксинъ, смоленецъ, былъ скромнымъ и исправнымъ студентомъ, и уже потомъ, на службѣ, подвергся этому ужасному недугу. На предшествующемъ курсѣ (1872—1876) былъ такой тоже, кажется, одинъ—А. И. Хитровъ,—а на курсѣ Высокопр. Николая (1871—1875)—ни одного. Вообще болѣе одного—двухъ злоупотребителей виномъ на курсѣ, кажется, не бывало за все инспекторство и ректорство С. К—ча. Замѣченный инспекціей въ этомъ порокѣ студентъ нѣсколько позднѣйшаго времени, по предложенію и совѣту С. К—ча долженъ былъ на 3-мъ курсѣ подать прошеніе объ увольненіи изъ Академіи по болѣзни, что не помѣшало ему успѣшно получить чрезъ годъ кандидата и, при добросердечномъ участіи С. К—ча, хорошо устроиться на службѣ по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія. Въ донесеніяхъ С. К—ча Совѣту о поведеніи студентовъ обычно не указывалось никакихъ предосудительныхъ поступковъ и подавляющимъ балломъ всегда является 5, за исключеніемъ трехъ-четырехъ студентовъ съ балломъ 4. Для характеристики инспекторскихъ приемовъ С. К—ча позволю сообщить одинъ случай, бывшій со мною и новопреставленнымъ товарищемъ моимъ С. И. Кедровымъ, препод. Моск. Дух. Семинаріи. На 4-мъ курсѣ мы были назначены такъ называвшимися тогда „старшими“ въ двухъ смежныхъ номерахъ, гдѣ помѣщались студенты младшихъ курсовъ. Для удобства занятій магистерскими диссертациями и спеціальными дисциплинами на 4-мъ курсѣ, старшимъ дозволялось особое помѣщеніе въ спальныхъ, съ отдѣльнымъ столомъ и отдѣльною свѣчею. Однажды вздумалось намъ поблагодарить передъ обѣдомъ. Послали служителя Василю за виномъ въ объемѣ какой-то маленькой посуды и за печенкою на 5 к. для закуски. Это—съ прибавленіемъ двухъ казен-

---

хвалены. Замѣчаніе сдѣлано только относительно А. Ѳ. Лаврова и В. Н. Потапова. О первомъ замѣчено, что въ лекціяхъ его встрѣчается иногда неосновательность; о второмъ, что у него нехороша дикція. *Инспекціи сдѣлано замѣчаніе по поводу записанныхъ въ протоколахъ нѣсколькихъ случаевъ нетрезвости студентовъ“* (V, 397—398).

ныхъ соленыхъ огурцовъ, двухъ ломтей хлѣба и соли съ горчицею—Василій несъ на тарелкѣ къ намъ въ спальню. На встрѣчу—инспекторъ. „Кому?“—спрашиваетъ И.—„Старшимъ—Муретову и Кедрову“, отвѣтъ: „Скажи имъ: что такъ мало?“—На этомъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ слѣдствій, кончилось дѣло. Событіе это выходило изъ нормы тѣмъ, что частныя выпивки обычно прятались въ служительскихъ помѣщеніяхъ, называвшихся „печурами или конурами“,—и только общія попойки, напр. по случаю произнесенія проповѣди, происходили въ номерахъ, чайныхъ и гардеробныхъ. Важно и любопытно отмѣтить, что нѣкоторые студенты-избранники (и между ними и Высокопр. Николай—стр. 4—5) были знакомы съ инспекторомъ семейно, ходили къ нему по праздникамъ, танцевали съ его дочерьми, закусывали и, кажется, даже выпивали... Но это нисколько не волновало другихъ студентовъ и не возбуждало ни малѣйшихъ подозрѣній. Такъ велико было довѣріе къ благородству С. К—ча и увѣренность, что онъ никогда не злоупотребитъ своими свѣдѣніями о домашней жизни студентовъ. Только въ самой первой порѣ академической жизни, подъ свѣжими еще впечатлѣніями семинащины, нѣкоторыя, наиболѣе мнительныя головы, нѣсколько волновались этимъ, да и то по поводу слишкомъ близкаго знакомства одного изъ товарищей съ экономомъ (іером. Иринеемъ), а отнюдь не съ инспекторомъ. Инспиуаціи же по поводу знакомства избранниковъ съ инспекторскою семьею никакого дѣйствія на студентовъ не имѣли.

Такъ протекала студенческая жизнь въ инспекторство С. К—ча,—спокойно, благодушно, семейно, въ полномъ довѣрїи и даже въ сыновней любви къ инспектору, а еще болѣе—къ ректору-папашѣ А. В. Горскому, съ вѣдома, подъ ближайшимъ руководствомъ и въ духѣ коего, конечно, вела свое дѣло и инспекція. За оба четырехлѣтія инспекторства С. К—ча ни разу не было даже и намековъ на какія-либо волненія и столкновенія студентовъ съ инспекціей, подобныя, напримѣръ, хотя бы бывшимъ въ 1863 г., въ инспекторство Михаила и противъ него,—доставившимъ такъ много хлопотъ и непріятностей Ректору А. В. Горскому, съ наивнымъ простодушіемъ и, можно сказать, святою скорбью записавшему ихъ въ своемъ неподражаемомъ дневникѣ ¹⁾).

Уже по смерти А. В. Горскаго, его наиболѣе достойными преемниками въ академической корпораціи и среди студенчества счи-

¹⁾ Дневникъ Горскаго, съ примѣчаніями прот. С. Смирнова. М. 1885, стр. 165 дал.

тались В. Д. Кудрявцевъ и С. К. Смирновъ ¹⁾. Но назначенъ былъ архим. Михаилъ Лузинъ ²⁾, вскорѣ потомъ переведенный на должность ректора въ Кіевскую академію, съ возведеніемъ въ санъ епископа Уманскаго ³⁾, а на его мѣсто, синодскимъ указомъ 10 апр. 1878 г. на должность ректора Московской академіи былъ опредѣленъ С. К—чъ, съ возведеніемъ въ санъ протоіерея, по уставу 1869 г. Въ противномъ случаѣ, по тому же уставу, въ слѣдующемъ году ему, за выслугою 35-лѣтія профессорства въ академіи, грозило полное увольненіе изъ академіи ⁴⁾. Такимъ образомъ чрезъ 2¹/₂ года по смерти А. В. Горскаго, его преемникомъ по ректурѣ сдѣлался его другъ, многолѣтній сотоварищъ и сослуживецъ, а въ послѣдніе четыре года, въ качествѣ инспектора, и ближайшій сотрудникъ и помощникъ по управленію академіей—С. К. К—чъ, а его конкуррентъ іером. Алексій (Лавровъ) былъ устраненъ изъ академіи чрезъ назначеніе въ викарія Московскаго, епископа Можайскаго ⁵⁾. Устроено это было по вліянію и при содѣйствіи преосв. Макарія (Булгакова) Архіеп. Литовскаго, весьма чтившаго ученые труды С. К—ча и сочувствовавшаго тяжелому матеріальному положенію его, благодаря его многосемейности—съ одной

1) Преосв. Леонидъ, викарій Моск. въ письмѣ къ преосв. Саввѣ отъ 17 окт.—11 нояб. 1875 г. сообщаетъ: „Мпх. Влад. (графъ Толстой, жившій въ Сергіевскомъ Посадѣ и стоявшій въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ профессорамъ и студенчеству) передалъ, что, по слухамъ, въ Академіи ректоромъ быть или Кудрявцеву или Смирнову, но Кудрявцевъ откажется,—а о о. архим. Михаилѣ ни слова“ (т. V. стр. 221—222).

2) О назначеніи этомъ С. К—чъ отзывается такъ: „назначеніе, надобно признаться, прямое и вѣрное,—академія рада, что намъ дадутъ начальника не сторонняго“ (Саввы Автоб. V. 246).

3) А о переводѣ Михаила С. К—чъ пишетъ: „Бывшаго о. Ректора Михаила наше общество проводило безъ сожалѣнія. Симпатичности въ немъ никто не видѣлъ, а видѣли только, что онъ вполне заслуживаетъ названія, встрѣчающагося въ евангеліи отъ Луки 13, 32 (лисицы). На свое мѣсто онъ рекомендовалъ въ Петербургъ своего товарища и друга А. Ѳ. Лаврова, нынѣ іеромонаха Алексія, который, по всей вѣроятности, и будетъ назначенъ ректоромъ Академіи“. 23 февр. 1878 г. (V. 652).

4) Въ предстоявшей отставкѣ С. К—ча былъ вполне увѣренъ Михаилъ, какъ то мнѣ извѣстно лично изъ словъ его,—и онъ выражалъ желаніе видѣть меня преемникомъ С. К—ча по кафедрѣ греческаго языка. Богъ судилъ иначе: я сталъ преемникомъ преосв. Михаила.

5) Преосв. Игнатій, викарій Московскій, 8 янв. 1878 г. писалъ Преосв. Саввѣ: „Отъ ректорской должности въ Академіи отрицается и Кудрявцевъ. Думаютъ о Лавровѣ, который изъявилъ желаніе принять іеромонашество. Даже Сергій Константиновичъ не прочь сдѣлаться преемникомъ о. Архим. Михаила, если бы ему было предложено“ (V. 626).

стороны ¹⁾,—и не особенно благосклонно и безпристрастно отнесшагося къ Алексію (Лаврову) при ревизіи Академіи ²⁾.

Хотя, будучи еще инспекторомъ и потомъ ставъ ректоромъ, С. К—чъ несочувственно высказывался о ректорствѣ А. В. Горскаго, именно въ отношеніи къ внѣшне-дисциплинарной сторонѣ жизни студентовъ ³⁾, но, на дѣлѣ, и самъ онъ не хотѣлъ, вѣр-

¹⁾ Это видно изъ писемъ Макарія къ С. К—чу и изъ письма С. К—ча къ Саввѣ: „Мнѣ досталась честь (какъ инспектору-замѣстителю больнаго Горскаго) ежедневно состоять при ревизорѣ (Макаріи 1875 г.)... и я былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Преосвященнаго въ моемъ домѣ и при прощаніи съ нимъ выраженіемъ мнѣ особенной благодарности“ (V. 128—129).

²⁾ Въ другомъ письмѣ (V. 397—398) С. К—чъ сообщаетъ Саввѣ: „Отзывъ (ревизорскій преосв. Макарія) о состояніи учебной части въ Академіи очень хорошъ; большая часть наставниковъ расхвалены (по сообщенію преосв. Леонида: „говорилъ пр. Макарій пр. Леониду объ Академіи съ похвалою и уваженіемъ, даже можно было въ словахъ его замѣтить предпочтеніе, которое готовъ отдать ей предъ другими академіями). Замѣчаніе сдѣлано только относительно А. Ѳ. Лаврова и В. Н. Потапова. О первомъ замѣчено, что въ лекціяхъ его встрѣчается иногда неосновательность; а о второмъ, что у него не хороша дикція“. На это письмо пр. Савва отвѣчаетъ: „Отзывъ Высокопр. Ревизора объ А. Ѳ. Лавровѣ меня очень удивляетъ: признаюсь, въ справедливости этого отзыва я не могу не усумниться“ (V. 413). Какъ извѣстно, Лавровъ былъ противникомъ Толстовско-Макарьевскаго проекта церковно-судебной реформы и своими учеными трудами по ея поводу остановилъ ее.

³⁾ 29 сент. 1876 г., послѣ ревизіи преосв. Макарія и въ ректорство архим. Михаила, С. К—чъ—инспекторъ пишетъ Саввѣ: „Характеръ новаго управленія въ Академіи отличается противъ прежняго значительною строгостью, которую нужно было ввести давно. Доброта покойнаго о. Ректора, которою злоупотребляли, не могла привести къ добрымъ результатамъ. Опущенное теперь исправляется и, по милости Божіей, безпрепятственно“. V. 398. Въ 1881-мъ году 28-го іюля, будучи въ гостяхъ у Саввы, по записи его, С. К—чъ говорилъ объ А. В. Г—мъ: „Какъ Ректоръ Академіи, онъ оставилъ по себѣ не весьма почетную память. Дисциплина была ослаблена, и студенты не отличались при немъ особеннымъ благонравіемъ и благовоспитанностью: они не отдавали *должнаго почтенія самому Ректору?!—*VI. 486—487. Но относительно письма 1876-го года надо имѣть въ виду, что оно написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ревизорскаго отзыва и при новомъ ректорѣ,—и притомъ лицу, стоявшему въ близкихъ сношеніяхъ съ высшимъ академическимъ начальствомъ. Бесѣда же С. К—ча передана преосв. Саввою, повидимому, не въ дословно-точномъ видѣ. Повидимому С. К—чъ рассказалъ преосв. Саввѣ о двухъ извѣстныхъ случаяхъ: когда одинъ, до безсознательности упившійся студентъ, при встрѣчѣ съ А. В—мъ въ академическомъ саду, произнесъ какія-то ругательства,—и когда другой, менѣе упившійся, студентъ сталъ лобызаться съ „папашей“ и выражать ему свои сыновнія чувства. Но это—единственные случаи,—и студенты—всегда студенты. Во всякомъ случаѣ какое бы то ни было сознательно-злое проявленіе неуваженія къ „папашѣ“ хотя бы въ одномъ студентѣ было бы нѣчто немыслимое, въ родѣ богохульства. Землякъ и другъ А. В—ча П. С. Казанскій въ письмѣ

нѣе—не могъ освободиться изъ-подъ обаянія превлекательной личности ректора-папаша и во все свое восьмилѣтнее ректорство, можно сказать, былъ только посильнымъ продолжателемъ и подражателемъ А. В—ча: та же отеческая любовь, кротость, снисходительность до конца въ отношеніи къ студентамъ,—внимательность, сердечность и безпристрастность къ профессорамъ,—доступность и участливость ко всѣмъ. Уволенный по прошенію съ 3-го курса Тимоѳеѣй Буткевичъ находитъ въ С. К—чѣ участливаго покровителя и ходатая не только по полученію степени кандидата, а потомъ и магистра въ академіи, но и по устроенію своей судьбы на епархіальной службѣ въ Харьковѣ у преосв. Саввы и Амвросія ¹⁾. Съ такою же участливостью С. К—чѣ относится и къ другимъ своимъ ученикамъ, сослуживцамъ, товарищамъ и вообще ко всѣмъ, кто имѣлъ въ ней нужду: хлопочетъ о питомцахъ Моск. академіи—Любимовѣ ²⁾, Пашкевичѣ ³⁾, Соколовѣ ⁴⁾, Ремовѣ ⁵⁾ и др. мн., ходатайствуетъ предъ преосв. Саввою о ректурѣ для проф. И. Д. Петропавловскаго въ Харьковской духовной семинаріи ⁶⁾, даже о его тестѣ ⁷⁾, о помощникѣ бібліотекаря Моск. дух. академіи іеромонахѣ Рафаилѣ ⁸⁾, о епископѣ Петрѣ, своемъ товарищѣ по академіи ⁹⁾, о ректорѣ Виѳан. Сем. Антонинѣ (Державинѣ) ¹⁰⁾, хлопочетъ по поводу диссертациі проф. И. Д. Мансветова, Н. Θ. Каптерева¹¹⁾, оказываетъ услуги В. Θ. Кишарисову при его поступленіи

къ своему брату Костром. архіеп. Платону пишетъ: „Во всей Россіи нѣтъ человѣка, по познаніямъ, по уму, по добрымъ качествамъ, по равности къ дѣлу, по трудолюбію, по примѣрной жизни, по добротѣ сердца достойнѣйшаго быть ректоромъ академіи, а между тѣмъ на дѣлѣ это—мало способный ректоръ“. Прав. Об. 1880. II. 353. Но это—судъ съ формальной только точки зрѣнія. По существу же питомцы академіи уносили съ собою на всю жизнь привлекательно-святой образъ Ректора-Папаша, какимъ обычно не обладаютъ „много способные“ начальники-воспитатели учебныхъ заведеній.

¹⁾ См. Журналы Сов. 1878 г. стр. 78 сл. Саввы Автоб. V. 725 сл. 734. 872. 917,—VI. 356,—и письма Буткевича въ бумагахъ С. К—ча.

²⁾ Саввы Автоб. V. 785—786.

³⁾ Ib. VI. 81.

⁴⁾ Ib. VI, 779.

⁵⁾ Въ бумагахъ С. К—ча есть письмо директора канцеляріи Об.-Прок. И. А. Ненарокова, въ коемъ онъ сообщаетъ С. К—чу: „Ремова, о которомъ Вы ходатайствуете, постараюсь устроить въ Вологодской семинаріи“. Отъ 14 сент. 1878.

⁶⁾ Саввы Автоб. V. 667 сл.

⁷⁾ Ib. VI. 127.

⁸⁾ Ib. VI, 113—даже когда С. К. былъ уже въ отставку VIII. 158.

⁹⁾ Ib. VII. 382 сл.

¹⁰⁾ Ib. VII. 77.

¹¹⁾ Ib. VII. 530. 558. 583.

на профессуру академическую и потомъ на должность помощника инспектора ¹⁾ и т. д. Пишущій эти строки обязанъ С. К—чу содѣйствіемъ при переводѣ изъ Тамбовской семинаріи въ Виѣдскую и, отчасти, при полученіи лектуры французскаго языка въ академіи. Начальникомъ добрымъ и ходатаемъ благожелательнымъ былъ онъ для всѣхъ профессоровъ и подначальныхъ, особенно въ трудныя для нихъ времена, какъ это видно изъ его бумагъ. Смѣло и благородно беретъ онъ на себя не безопасную при К. П. Побѣдоносцевѣ ²⁾ цензуру Исторіи Русской Церкви профессора, потомъ академика Е. Е. Голубинскаго, вызвавшей много инсинуаций и нареканій въ извѣстныхъ кругахъ ³⁾. Миротворно и благожелательно для академической корпораціи и для самого Е. Е—ча было отношеніе С. К—ча къ предполагавшемуся торжественному празднованію 35-лѣтняго профессорскаго юбилея Е. Е—ча ⁴⁾. Также участливо было отношеніе С. К—ча къ докторству А. П. Лебедева и къ возвращенію его на профессорскую службу въ Моск. академію, послѣ увольненія его митр. Іоанникіемъ для перехода въ Казанскій университетъ ⁵⁾. Близко къ сердцу принимаетъ онъ благосостояніе академіи: заботится о лучшей постановкѣ IV курса, по уставу 1869-го года ⁶⁾, —внимательно слѣдитъ за начавшимся въ 1880 году пересмотромъ академическаго устава ⁷⁾, —заботливо предупреждаетъ своими разъясненіями разныя событія академической жизни (студенческіе спектакли, обыскъ по доносу сумасшедшаго студента Глаголева), становившіяся предметомъ непріятныхъ для академіи инсинуаций въ начальственныхъ сферахъ ⁸⁾, —благодаря своимъ обширнымъ знакомствамъ среди Мо-

¹⁾ См. письма Кипарисова къ бумагахъ С. К—ча.

²⁾ К. П. Побѣдоносцевъ не скрывалъ своей неблагоклонности къ Голубинскому и Лебедеву. Саввы Біогр. VII. 291.

³⁾ Письмо Ненарокова къ С. К—чу отъ 28 февр. 1881 г.

⁴⁾ Письмо Побѣдоносцева къ С. К—чу по этому поводу есть въ бумагахъ С. К—ча.

⁵⁾ См. Письма: Богоявленскаго отъ 15 янв. 1881 г. и Ненарокова.

⁶⁾ Его докладъ въ Совѣтъ Академіи и письмо къ Саввѣ 23 дек. 1883 г. VII. 130.

⁷⁾ Письма Ѳ. П. Богоявл. 8 дек. 1880 г.—23 окт. и 25 ноябр. 1881 г.—15 янв. 1881 г.—12 апр. 1882—23 февр.—12 мая 1884 г.—Ненарокова 13 окт. 1881 и 3 іюля 1884 г.

⁸⁾ Письма Ѳ. П. Богоявленскаго: 15 янв. 1881 г. по поводу статьи въ „Востокъ“ о студенческихъ спектакляхъ въ Моск. Академіи, будто бы соблазняющихъ Лаврскихъ монаховъ,—и Ненарокова 14 іюня 1877 г. объ обыскѣ въ Академіи (С. К—чъ тогда былъ еще инспекторомъ, въ ректорство архим. Михаила). Ср. запросы С. К—ча о приѣмѣ въ Академію воспитанниковъ Воронежской и Подольской семинаріи въ отвѣтныхъ письмахъ Ненарокова отъ 12 авг. 1881 г. и 10 авг. 1883 г.

Свой образъ жизни во время ректорства описываетъ самъ С. К—чъ такъ: „Обстановка моей жизни съ новою должностью измѣнилась. Сказано нѣгдѣ: *и имущіи жены, якоже не имущіи, будутъ*. Я живу въ комнатахъ ректорскихъ одинъ, тамъ и ночую, а питаюсь студенческими яствами. Въ праздники обѣдаю въ семьѣ, съ которою выдаюсь и въ будни часа на полтора, и то не всякій день. Къ такому одиночеству я не былъ побужденъ указомъ Св. Синода, а самъ почелъ необходимо нужнымъ постоянное пребываніе въ Академіи, тѣмъ болѣе, что Инспекторъ П. И. Горскій живетъ въ посадѣ. Я скоро привыкъ къ новому положенію и новой жизни; жена моя также не скучаетъ, имѣя при себѣ семью. Что касается до администраціи, то семилѣтняя инспектура сдѣлала меня уже довольно опытнымъ въ этомъ отношеніи ¹⁾.

Эта ректорская идиллія С. К—ча однакожь нарушалась, и притомъ очень часто и серьезно, столкновеніями съ намѣстникомъ Лавры и инспекторомъ академіи.

Намѣстникъ, архим. Леонидъ (Кавелинъ, изъ полковниковъ), склонный не признавать никого выше себя, обладая нѣкоторою начитанностью по русской исторіи и въ славянской грамотѣ, мнилъ себя большимъ ученымъ, едва ли не выше самого А. В. Горскаго ²⁾. „Пребывая въ Лаврѣ, я познакомился съ своимъ сосѣдомъ о. намѣстникомъ Леонидомъ, пишетъ С. К—чъ Саввѣ,—но сблизиться съ нимъ считаю неудобнымъ, потому что это человекъ горячій, безалаберный и крайне неуживчивый. Онъ все ломаетъ, и ничего не создаетъ,—въ короткое время своего правленія онъ успѣлъ со всѣми переругаться“ ³⁾. Столкновенія начались съ первыхъ же пасхальныхъ визитовъ и продолжались во все ректорство С. К—ча и намѣстничество Л—да, а въ ректор-

---

себя честь высокую, но мною не заслуженную. Но теперь, когда избраніе уже состоялось, мнѣ остается только преклониться предъ совершившимся фактомъ, и повторить то, съ чего началъ мое настоящее письмо“... По поводу избранія другаго члена, также по предложенію С. К—ча и для блага Академіи, Преосв. Савва писалъ: „При докладѣ въ Синодѣ дѣла о вашихъ новыхъ почетныхъ членахъ нѣкоторые изъ нашей братіи не безъ удивленія услышали между ними имя М.....а“. 30 окт. 1884 г. Автоб. VII. 331.

¹⁾ Саввы, Автоб. V. 734, письмо отъ 1 іюля 1878 г.

²⁾ Любопытно, что въ своемъ описаніи рукописей Моск. Ак., постушившихъ изъ Лавры, онъ къ Ап. XV—XVI в. № 9, къ списку епархій помѣстилъ (II. 13), карандашное примѣчаніе Горскаго: „списокъ составленъ до раздѣленія митрополій на Кіевскую и Московскую“, не упомянувъ о Горскомъ, якобы самъ дозналъ это. Но у Г. тутъ же приведено и основаніе: „п. ч. къ К-й отошли: Черн. Пол. Смол. Луц. Тур. Пермш. Холм. сл. Самб.“ и надъ „Полотской“ 2-й надписано: (По) „дольская“...

³⁾ Въ предшеств. письмѣ.

ство еп. Христофора дошли до апогея. Выходки архим. Леонида доходили даже до такой непорядочности, выражаясь мягко, что онъ отказывалъ С. К—чу въ рукописяхъ Лаврской библіотеки для научнаго пользованія, и С. К—чъ вынужденъ былъ косвенно, чрезъ митрополичьяго секретаря Ѡ. П. Богоявленскаго, жаловаться преосв. Макарію ¹⁾.

Болѣе важны и съ болѣе серьезными слѣдствіями были столкновенія съ инспекторомъ академіи проф. П. И. Горскимъ. Давнишній соперникъ С. К—ча ²⁾, П. И. Горскій представлялъ полную ему противоположность по характеру. Насколько С. К—чъ отличался уживчивостью, благодушіемъ и терпимостью, настолько П. И—чъ былъ мнителенъ, придирчивъ и пессимистиченъ. Такими же противоположностями являются они и по отношенію къ инспектурѣ. С. К—чъ отражалъ въ себѣ типъ инспектора, что митр. Иннокентій характеризовалъ, толкуя *in-in* слова *inspector*, въ отрицательномъ значеніи: *не-смотрящій*. Напротивъ, въ отношеніи къ П. И—чу *in-in* слова *inspector* должно приниматься въ интензивномъ значеніи: *всматривающійся*. Студенты, предполагая, можетъ быть и невѣрно, что С. К—чъ знаетъ про нихъ все, мало стѣснялись этимъ, увѣренные въ благорасположеніи къ нимъ инспектора. О П. И—чѣ думали, можетъ быть тоже преувеличенно, что у него не только всякое лыко въ строку, но и каждая мелочь возводится въ кубъ. Одинъ весь обвѣянъ нравственнымъ духомъ отеческой любви и благожелательности, другой насквозь пропитанъ терпкимъ формализмомъ и черствою взыскательностью. Самъ П. И—чъ какъ бы съ нѣкоторымъ самохваленіемъ говаривалъ, что онъ знаетъ каждаго студента не только съ лица, но и затылка,—всѣхъ его братцевъ — сестрицъ, папашу — мамашу, даже бабушекъ — дѣдушекъ. Насколько С. К—чу оказывали довѣріе и любовь, настолько П. И—ча боялись и скрывались отъ его инспекторскаго ока. И если С. К—чъ, показывая видъ инспектора всезнающаго, давалъ студенту почувствовать

¹⁾ Письмо Богоявленскаго 25 февр. 1881 г. „Я говорилъ Владыкѣ о послѣдней выходкѣ намѣстника противъ Васъ и, какъ и слѣдовало ожидать, услышалъ полное неодобреніе его дѣйствіямъ: „чего же онъ боится дать рукописи?—того, чтобы о. Ректоръ не написалъ чего нибудь худаго о монахахъ прошлаго столѣтія?—А ему какое дѣло?—О. Ректоръ самъ и будетъ за это отвѣчать“. Но Владыка былъ увѣренъ, что Вы находитесь въ отличныхъ отношеніяхъ съ намѣстникомъ“. О. Леонидъ конечно ничего и никого не боялся, а просто самонадравилъ.

²⁾ По инспекторству съ 1874-го года,—и еще ранѣе—по дѣлу о докторствѣ П. С. Казанскаго въ 1873 г. См. ниже.

свое къ нему благовольтельное снисхожденіе, то П. И—чь. наоборотъ, докладывая, съ какимъ-то особымъ инспекторскимъ смакованіемъ, всякую мелочь ему, досаждалъ его продолжительнымъ и какъ бы злораднымъ повтореніемъ и выставленіемъ на видъ, и безъ того уже быть непріятной студенту, его дисциплинарной оплошности ¹⁾.

Такой контрастъ въ характерахъ, конечно, не могъ дать добрыхъ отношеній между Ректоромъ и Инспекторомъ. Несмотря на уживчивость и благодушіе С. К—ча, столкновенія начались съ самаго же начала ихъ вступленія въ эти должности, главнымъ образомъ на почвѣ снисходительнаго отношенія ректора къ мелкимъ дисциплинарнымъ проступкамъ студентовъ. Студенчество, конечно, было настроено противъ интенсивнаго инспектора и въ сторону благодушнаго старца отца-ректора. Съ теченіемъ времени это настроеніе усиливалось и обострялось, пока не выразилось въ общестуденческомъ движеніи противъ инспектора и посольствѣ на него жалобы митрополиту Іоанникію. Кончилось почетною отставкою С. К—ча, съ усиленною пенсіею при анненской звѣздѣ, и назначеніемъ на его мѣсто архим. потомъ епископа Христофора (Смирнова),—а для П. И—ча увольненіемъ отъ инспекторства и назначеніемъ на его мѣсто архим. Бориса (Плотникова).

Это было въ 1886-мъ году, по указу Св. Синода отъ 30 іюля, за № 2761 ²⁾.

Этимъ указомъ разрублена 46-тилѣтняя, неизмѣнная и единственная, связь С. К—ча съ Московскою Духовною Академіею, въ концѣ 68-го года его жизни.

Остальные 2¹/₂ года онъ жилъ уже вдали отъ Академіи, не безъ препятствій даже получая доступъ къ богослуженію въ построенномъ при немъ и ему родномъ академическомъ храмѣ.

Но ученики и сослуживцы С. К—ча достойно оцѣнили его вѣрную и неизмѣнную службу Академіи. Уже по случаю исполнившагося въ 1879-мъ году 35-лѣтняго служенія С. К—ча Академіи, ему были поднесены адреса отъ корпораціи профессоровъ и служащихъ Академіи и отъ студентовъ. Первый—такого содержанія: „Достоуважаемый Отець Ректоръ Сергіи Константиновичъ! Просимъ Васъ принять наше усерднѣйшее поздравленіе съ совер-

¹⁾ Эту черту въ характерѣ П. И—ча хорошо подмѣтили Сергіево-посадскіе мѣщане, въ бытность его городскимъ головою и старостою, прозвавъ его „настоящимъ Пилатомъ“, отъ „пила—пилить“.

²⁾ А П. И. Горскій уволенъ отъ инспекторства немного позднеѣ, именно 17 окт. того же года.

шившимся тридцатипятилѣтіемъ Вашей ученой службы. Слава и благодареніе милосердому Богу, подкрѣплявшему Ваши силы на этомъ продолжительномъ и трудномъ поприщѣ! Съ утѣшеніемъ мы взираемъ на то, какъ Ваши труды служили ко благу Православной Церкви и дорогого для насъ Отечества. Въ нашей Академіи Вы были первымъ преподавателемъ русской исторіи, какъ отдѣльнаго предмета. Чтобы оцѣнить Ваши труды, достаточно вспомнить то, какъ скудна была наша литература въ то время произведеніями по этой части. И ваши бывшіе слушатели съ искреннею благодарностію воспоминаютъ, какой живої интересъ возбуждали Вы въ насъ къ событіямъ отечественной исторіи. А также благодарное воспоминаніе сохраняютъ они и о томъ, какъ оживляли Вы для нихъ классы греческаго языка и филологическими изслѣдованіями и чтеніями по исторіи древней литературы этого языка. Появлявшіеся въ разное время Ваши ученые труды и особенно посвященные исторіи духовнаго просвѣщенія въ нашемъ Отеествѣ достойны всеобщей признательности. Пользуясь настоящимъ случаемъ, свидѣтельствуемъ Вамъ искреннюю благодарность за Вашъ трудъ по исторіи дорогой для насъ Академіи. Привѣтствуя Васъ, добраго и попечительнаго начальника нашего, отъ души желаемъ, да хранитъ Господь Богъ силы Ваши на многіе и многіе годы въ добромъ здравіи и да даруетъ Вамъ еще и еще потрудиться для блага нашей Академіи, духовной науки и Православной Церкви“. Подъ адресомъ подписалась вся корпорація, начиная съ В. Д. Кудрявцева и не исключая даже инспектора П. И. Горскаго и Н. И. Субботина. Во второмъ написано: „Ваше Высокопреподобіе, Отець Ректоръ! Исполнившееся сегодня тридцатипятилѣтіе Вашего служенія Академіи даетъ намъ—питомцамъ Академіи—самый благопріятный случай высказать предъ Вами наши сердечныя чувствованія, глубоко напечатлѣнныя въ насъ свѣтлыми качествами Вашей личности.—Еще прежде, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, каждый изъ насъ слышалъ о Вашей многотрудной и полезной дѣятельности на поприщѣ академическаго служенія. Но то было лишь слабымъ эхомъ того, что мы увидѣли сами, ставши подъ непосредственное Ваше руководство. Сила и глубина мыслей, образцовая твердость Вашихъ убѣжденій, строгая справедливость, *прямота словъ и дѣйствій, соединенная съ искреннимъ отеческимъ желаніемъ добра намъ, ставшимъ подъ Ваше руководство*, не могли не поражать насъ. Уже одно то, что благодаря *Вашимъ именно начинаніямъ*, данъ пріютъ и теплый уголокъ тѣмъ изъ бѣдныхъ студентовъ Академіи, которымъ не пришлось воспользоваться казеннымъ содержаніемъ,—доста-

точно даетъ намъ видѣть—насколько были дороги для Васъ наши интересы. И если бы не эти Ваши благія начинанія, не эти истинно-отеческія заботы, привлекшія къ благотворительному дѣлу сочувствіе Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, то не малое число студентовъ вынуждено было бы на полдорогѣ оставить преслѣдованіе своихъ цѣлей, съ болью въ душѣ покинуть этотъ храмъ науки, не вкусивши отъ него плодовъ. Учрежденіе Братства Преп. Сергія, съ цѣлью вспомошествованія нуждающимся студентамъ Академіи, является въ глазахъ нашихъ новымъ доказательствомъ Вашего сердечнаго отношенія къ питомцамъ Академіи. Мы твердо увѣрены, что поддерживаемое и направляемое Вами это дѣло принесетъ въ скоромъ времени ожидаемый и желанный плодъ и тѣмъ увеличитъ число признательныхъ и благодарныхъ, которымъ всегда будетъ отрадно вспомнить о Васъ, какъ о благодѣтелѣ и виновникѣ ихъ благоденствія.—Ваша коротко извѣстная всѣмъ намъ „Исторія Московской Духовной Академіи“ служитъ лучшимъ доказательствомъ Вашей привязанности къ родной Вамъ и намъ Академіи.—Позвольте же, достопочтенный Отецъ Ректоръ, и намъ, проникнутымъ глубокимъ уваженіемъ и преданностью къ Вамъ, отъ всей души пожелать Вамъ еще многіе и многіе годы потрудиться на пользу науки и Академіи. Пусть наша родная Академія все болѣе и болѣе процвѣтаетъ подъ Вашимъ мудрымъ руководствомъ. Пусть не престанетъ она внимать, какъ доселѣ внимала, Вашимъ совѣтамъ и наставленіямъ, отъ Васъ же пусть не престанутъ исходить добрыя предначинанія и распоряженія на пользу того заведенія, во главѣ котораго Вы стоите. Мы же не престанемъ возносить къ Престолу Всевышняго наши молитвы о нерушимомъ здравіи и благоденствіи Вашемъ, да укрѣпляютъ онѣ въ насъ питаемая къ Вамъ чувства, Васъ же да укрѣпляютъ на продолженіе многотрудной дѣятельности въ избранномъ Вами разѣ навсегда высокоцѣнномъ направленіи“. Слѣдуютъ подписи студентовъ всѣхъ курсовъ, по номерамъ ихъ общежитія, начиная Василиемъ Велтистовымъ и кончая Михаиломъ Леоновичемъ. Точно также и потомъ, при исполненіи 40-лѣтняго служенія С. К—ча въ Академіи въ 1884 году, ему былъ поднесенъ отъ корпорации почетный адресъ, въ коемъ также указывались его заслуги для Академіи. Послѣдній, окончившій при С. К—чѣ ХLI курсъ въ іюнь 1886-го года, устроилъ торжественное прощаніе съ уходившимъ въ отставку отцемъ-ректоромъ. Дорого и любезно было, сообщаетъ одинъ изъ питомцевъ этого курса, всякому изъ пришедшихъ принять его напутственное благословеніе и выслушать его желаніе поскорѣе всѣмъ намъ

устроиться. Затѣмъ, 7-го декабря 1886-го года корпорація Моск. Академіи уже уволенному отъ службы С. К—чу поднесла икону Спасителя. Проф. Д. Θ. Голубинскій, коего домашнимъ учителемъ былъ С. К—чъ во время своего студенчества, въ своей рѣчи выразилъ отъ лица всѣхъ присутствующихъ чувства любви и признательности къ С. К—чу, какъ къ бывшему своему наставнику, сослуживцу и начальнику. Съ эпической наивностью и художественною простотою описываетъ это событіе о. Рафаиль, тогдашній помощникъ бібліотекаря академіи, въ своемъ письмѣ къ преосв. Саввѣ: „Сегодня, (7-го декабря 1886-го года) въ 12 ч. дня, совершилось умилительное зрѣлище: вся корпорація Академіи, исключая нѣкоторыхъ членовъ ея, непримиримо враждебныхъ (П. И. Г—аго, Е. Е. Г—аго, Н. И. С—а, П. И. Ц—а¹⁾), явилась въ домъ бывшаго отца ректора Сергія Константиновича для поднесенія ему, въ знакъ признательности, любви и благодарности, образа преподобнаго Сергія Чудотворца. Въ маленькомъ залѣ вся корпорація стала вокругъ С. К—ча и, съ образомъ въ рукахъ, произнесъ краткую рѣчь Д. Θ. Г—ій, отъ котораго и произошло начало этого чествованія. Д. Θ—чъ, въ рѣчи упомянувши о долголѣтней и полезной службѣ С. К—ча, поздравилъ его отъ лица всей корпораціи съ послѣднимъ благоволеніемъ къ нему начальства²⁾ и пожелалъ ему многолѣтней и спокойной жизни.—И отецъ Ректоръ отвѣтилъ довольно продолжительною, сравнительно, рѣчью, съ перерывами отъ вздоховъ и слезъ: въ началѣ онъ сказалъ, что его участь, вслѣдствіе вражды и злобы нѣкоторыхъ людей, измѣнилась; впрочемъ, сказалъ онъ, все происходитъ отъ Причины всѣхъ причинъ, стало-быть и моя участь произошла не безъ воли Божіей; Господь подалъ мнѣ даръ терпѣнія, вмалѣ наказалъ меня и награждаетъ милостью—именно благоволеніемъ ко мнѣ начальства,—и потомъ поблагодарилъ насъ за память и вниманіе къ нему даже и по увольненіи его отъ должности ректора. За симъ всѣ мы были приглашены къ закускѣ, во время которой была получена телеграмма изъ Симферополя отъ шести человѣкъ, когда-то учившихся въ М. Академіи, которые изъявляютъ свое сердечное участіе въ настоящемъ торжествѣ, о которомъ были извѣщены неизвѣстно кѣмъ. Но хорошо ли поступилъ П. И.

¹⁾ П. И. Горскаго, Е. Е. Голубинскаго, въ житейскихъ дѣлахъ стоявшаго подъ вліяніемъ П. И. Горскаго, его однокурсника,—Н. И. Субботина и П. И. Цвѣткова: о послѣднихъ двухъ не имѣю свѣдѣній, почему они находились съ С. К—мъ не въ добрыхъ отношеніяхъ.

²⁾ Назначеніе пенсіи въ 3.000 р. и орденъ св. Анны 1 степени.

Горскій, который отнял образ Спасителя у студентовъ трехъ курсовъ, желавшихъ съ дозволенія о. ректора ¹⁾, поднести этотъ образъ Сергію Константиновичу—отнял на основаніи какого-то § устава академіи, будто-бы не позволявшаго дѣлать никакихъ поднесеній уволеннымъ за преступленія,—затѣмъ онъ потребовалъ отъ студентовъ списокъ, кто именно и сколько жертвовалъ на образъ. А самый образъ принуждалъ свезти въ Москву и продать въ лавку; образъ, переходя изъ рукъ въ руки, остановился наконецъ у Пятницкаго священника въ ожиданіи своей участи, вождельной студентами, собравшими свои посильныя бѣдныя лепты на оный.—Теперь, когда корпорація профессоровъ поднесла образъ, и у студентовъ опять возгорѣлось желаніе поднести свой образъ С. К—чу; но теперь имъ надобно просить разрѣшенія уже у митрополита, и они хотятъ явиться къ нему, по его пріѣздѣ въ Москву, и объяснить ему всѣ обстоятельства, случившіяся съ образомъ. Жалко Павла Ивановича, что онъ находился въ такомъ заблужденіи и былъ непримиримо, нехристіански жестокъ къ о. С. К—чу. О сентябрьскомъ возмущеніи студентовъ было печатано въ Современныхъ Извѣстіяхъ за послѣднія числа сентября, въ которыхъ выражено порицаніе начальству академіи за запрещеніе поднести образъ бывшему своему Ректору. Утомилъ я ваши святительскія очи и вниманіе, но и пр.“ ²⁾).

Немного спустя, 16 марта 1887-го года, состоялось чествованіе С. К—ча уже всѣми его учениками съ 1844 по 1886 годы. Съ разрѣшенія ректора Христофора, въ академическомъ храмѣ, при пѣніи студенческаго хора, совершенъ былъ молебенъ однимъ изъ старѣйшихъ учениковъ С. К—ча Моск. прот. Г. П. Смирновымъ-Платоновымъ (XVII к. 1850 г.), бывшимъ бакалавромъ академіи. Затѣмъ прочтанъ былъ печатный адресъ, заключенный въ роскошный малиноваго бархата футляръ, съ золотымъ тисненіемъ на передней крышкѣ: „Его Высокопреподобію о. Протоіерею Сергію Константиновичу Смирнову отъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи 16 марта 1887 года“. Въ адресѣ сказано: „Ваше Высокопреподобіе, Высокоуважаемый о. протоіерей Сергіи Константиновичъ! Бывшіе воспитанники М. Д. Академіи привѣтствуютъ Васъ нынѣ въ тотъ день, въ который девять лѣтъ тому назадъ Высшимъ Духовнымъ начальствомъ Вы были назначены Ректоромъ М-й Академіи. Въ лицѣ предстоящихъ теперь предъ

¹⁾ Христофора, въ сентябрѣ 1886-го года, когда П. И. еще не былъ уволенъ отъ инспектуры, что послѣдовало вскорѣ же, именно 17 октября.

²⁾ Саввы Автоб. VIII: 159—161.

Вами съ любовію чтить Васъ великое множество Вашихъ бывшихъ слушателей и воспитанниковъ въ теченіи всего Вашего продолжительнаго служенія. Мы вполне увѣрены, что всѣ Ваши ученики и воспитанники привѣтствовали бы Васъ, если бы знали, что нынѣ мы обращаемся къ Вамъ съ привѣтомъ, желая исполнить общій долгъ признательности предъ Вами за Ваше доброе руководство.—Сорокъ два года продолжалось Ваше неутомимое, честное служеніе наукъ и дѣлу воспитанія. Вы всегда твердо и съ любовью несли на себѣ обязанности служителя духовной науки и духовно-учебнаго дѣла. Ваши чтенія имѣли плодотворное вліяніе на Вашихъ слушателей, возбуждая въ нихъ любовь къ занятію тѣми предметами, которые Вы изучали и преподавали. Ваши многочисленные печатные труды оказывали и будутъ оказывать полезное вліяніе не только на бывшихъ Вашихъ слушателей, но и на болѣе многочисленный кругъ читателей. О достоинствѣ Вашихъ печатныхъ трудовъ достаточно свидѣтельствуется и то, что они были увѣнчаны преміями отъ высшихъ ученыхъ учрежденій.—Ваше вліятельное служеніе Академіи въ качествѣ профессора расположило Высшее духовное начальство ввѣрить Вашему управленію М—ую Академію. Здѣсь на новомъ обширнѣйшемъ поприщѣ служенія Вы столько оправдали довѣріе Вышаго Начальства, что, оставляя службу при Академіи по состоянію Вашего здоровья, Вы къ истинному утѣшенію всѣхъ знающихъ Васъ нынѣ взысканы вниманіемъ и милостью Монарха, съ которой мы отъ души привѣтствуемъ Васъ.—Вы сердечно привязали къ себѣ тѣхъ изъ насъ, которымъ пришлось воспитываться въ академіи въ это время Вашей дѣятельности. Ваше доброе сердце сроднило съ Вами всѣ добрыя чувства нашихъ сердець. Ваше всегда милостивое отношеніе къ людямъ, для которыхъ Вы были поставлены наставникомъ, руководителемъ, отцемъ, — привязало насъ къ Вамъ навсегда. Примите же отъ насъ, незабвенный наставникъ и начальникъ, эту Святую Библію, какъ видимый и осязательный знакъ, которымъ мы выражаемъ предъ Вами чувства любви и уваженія, раздѣляемая и всѣми бывшими Вашими многочисленными учениками. Пусть она постоянно напоминаетъ Вамъ ту радостную истину, что жизнь Ваша прошла не безплодно, что Вы въ многолѣтней Вашей дѣятельности, въ исполненіи обязанностей, которыя наложило на Васъ Провидѣніе, явили себя такимъ дѣятелемъ, которому теперь сотни сердець, какъ одно сердце, готовы излить свои теплыя чувства признательности и любви. Пусть эта мысль успокоиваетъ, утѣшаетъ и подкрѣпляетъ Васъ на многіе годы, даетъ Вамъ новую энергію и новыя силы.—

величинъ CE , отложимъ n разъ это разстояніе на продолженіи линіи CE , представляющей собою одну изъ сторонъ нашего прямого угла и воздвигнемъ изъ точекъ отдѣляющихъ одно разстояніе n отъ другого соотвѣтственные перпендикуляры. Эти перпендикуляры образуютъ n поясовъ заключенныхъ въ сторонахъ нашего прямого угла и ограничивающихъ протяженіе меньше, чѣмъ этотъ прямой уголъ. Прямой уголъ равенъ углу BCE умноженному на n . Значитъ $BCE \times n$ больше пояса $CEFG \times n$: значитъ уголъ $BCE >$ пояса $CEFG$. Т. е. протяженіе заключенное между двумя пересѣкающимися линіями—какъ бы ни былъ малъ уголъ образованный ими—всегда больше протяженія заключающагося между двумя линіями перепендикулярными къ третьей, какъ бы ни было велико разстояніе между этими линіями. Отсюда получается выводъ, что линія пересѣкающая одинъ перпендикуляръ непременно должна перейти и за другой, чтобы захватить протяженіе находящееся внѣ данныхъ перпендикуляровъ. Всякій занимавшійся геометріею конечно видитъ слабость этого аргумента (сравниваются безконечныя протяженія, а къ безконечностямъ во многихъ случаяхъ затруднительно прилагать категоріи „больше“ или „меньше“). Затѣмъ можно принять этотъ выводъ и всетаки отвергнуть постулатъ Эвклида вмѣстѣ и съ геометріей Лобачевскаго во имя геометріи Римана. За всѣмъ тѣмъ отказать совсѣмъ въ значеніи этому аргументу нельзя. Димитрій Θεодоровичъ занимался постулатомъ Эвклида не во имя тѣхъ философскихъ соображеній и выводовъ, которые теперь связываются съ его признаніемъ или отрицаніемъ, а во имя стремленія къ строгому доказательству. Не вводитъ въ разсужденіе произвольныхъ или недостаточно обоснованныхъ положеній вотъ, его требованіе. Относительно другой исторической проблемы геометріи о квадратурѣ круга Димитрій Θεодоровичъ говорилъ, что квадратъ равно-великій кругу можетъ быть построенъ. Неизвѣстно, что онъ имѣлъ въ виду, говоря о возможности такого построенія. Весьма вѣроятно, что онъ разумѣлъ методъ Дионострата и его знаменитую квадратриссу.

Его преподаваніе физики было эмпирическимъ. Каждое положеніе онъ стремился доказать опытомъ, и если-бы изъ его учениковъ выходили преподаватели физики въ среднихъ заведеніяхъ, они бы отъ него научились, многому для своей педагогической дѣятельности. Нѣкоторые изъ его опредѣленій врѣзывались въ память. Бытіе есть дѣйствованіе, говорилъ онъ, инерція есть самонедѣятельность матеріи, и онъ ясно и тщательно разъяснялъ эти два повидимому трудно согласимыя положенія. Его физиче-

скій кабинетъ былъ бѣденъ. Онъ тратилъ не него всю жизнь собственныя средства. Физическимъ теоріямъ съ метафизическимъ отдѣломъ онъ отводилъ мало мѣста. Вообще къ метафизикѣ онъ повидимому не имѣлъ склонности. Сынъ философа онъ не читалъ философвъ, онъ признавалъ прежде всего и глубже всего православную вѣру и затѣмъ положительную науку. Онъ изучалъ и призывалъ изучать природу въ духѣ вѣры. Его можно назвать православнымъ позитивистомъ.

Изъ бакалавра онъ превратился въ ординарнаго профессора. Но дни его кафедры были уже сочтены. Готовился новый уставъ. Имѣлось въ виду улучшить воспитательную часть, радикально измѣнить къ лучшему матеріальное положеніе духовныхъ школъ. Преобразование собственно учебной части нельзя сказать, чтобы отличалось яснымъ характеромъ. Въ высшей богословской школѣ богословскія науки стали предметомъ лишь спеціальнаго отдѣленія, самый курсъ обученія въ сущности сталъ ограничиваться тремя годами, четвертый курсъ былъ какимъ-то номинальнымъ и фиктивнымъ. Распредѣленіе предметовъ по отдѣленіямъ представляло собою что-то странное. Человѣкъ занимавшійся изученіемъ словесности и, положимъ, спеціалью русской литературы обязанъ былъ изучать церковное право, пастырское богословіе и литургику, но онъ не могъ слушать курсовъ по русской исторіи, изучавшій патристику не могъ слушать церковной исторіи и наоборотъ. Такъ своеобразно были распредѣлены предметы по отдѣленіямъ. Очевидно, при составленіи устава совершенно отсутствовала идея, что успѣшное изученіе всякой науки необходимо обусловливается изученіемъ наукъ вспомогательныхъ, прикладныхъ. Димитрій Теодоровичъ обратилъ на это вниманіе по вопросу о физико-математическихъ наукахъ. Стало извѣстно, что предполагается закрытіе кафедръ по нимъ въ академіяхъ. Димитрій Теодоровичъ въ 1868 году подалъ академическому начальству мнѣніе о „необходимости преподаванія физико-математическихъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ“. Эта необходимость, по его мнѣнію, обусловливалась потребностями апологетическими и потребностями правильной постановки этихъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Вотъ, что онъ говорилъ относительно перваго и относительно втораго. 1) „Священное Писаніе научаетъ насъ, что разсматриваніе видимой природы должно вести къ Богопознанію, это ученіе раскрывается и отцами церкви. Къ Богопознанію должно вести какъ простое разсматриваніе природы, такъ, даже болѣе, научное изслѣдованіе ея. Много можно указать примѣровъ, какъ естествоиспытатели, особенно въ прежнее время, руководствовались этимъ взглядомъ на

природу и раскрывали его. Къ сожалѣнію въ настоящее время этотъ свѣтлый и истинный взглядъ у многихъ естествоиспытателей болѣе и болѣе теряется. А потому особенно въ настоящее время при значительномъ расширеніи области естественныхъ наукъ, весьма нужно было бы позаботиться о возстановленіи истиннаго взгляда на природу. Такую услугу истинному просвѣщенію должны оказать духовныя академіи. Въ самомъ дѣлѣ для этого нужны дѣятели, получившіе какъ богословское, такъ и физико-математическое образованіе, а такихъ дѣятелей могутъ готовить духовныя академіи, если въ нихъ будутъ преподаваться физико-математическія науки. 2) Потребность въ такихъ дѣятеляхъ особенно ощутительна въ настоящее время, потому что многими современными естествоиспытателями не только опускается изъ вида истинный взглядъ на природу, но и распространяются ложныя мнѣнія. Таковы: пантеистическія мнѣнія о саморазвитіи вселенной.... разныя ложныя мнѣнія о происхожденіи міра... стараніе объяснить чудеса естественнымъ образомъ..... 3) Въ частности со стороны геологовъ много представляется возраженій противъ священнаго бытописанія о твореніи міра..... Нужно позаботиться, чтобы были люди готовые потрудиться на поприщѣ рѣшенія такихъ возраженій. Если при духовныхъ академіяхъ будетъ продолжаться преподаваніе физико-математическихъ наукъ, то можно надѣяться, что явятся такіе дѣятели..... Если въ академіи чловѣкъ отчетливо ознакомится хоть съ нѣкоторыми изъ естественныхъ наукъ, то чрезъ это открывається ему возможность самому итти далѣе по проложенному пути.... Если же при этомъ богословскимъ образованіемъ дается доброе направленіе его трудамъ, то естественно открываються и побужденія и удобства потрудиться съ пользою надъ вопросами, относящимися къ творенію міра..... 4) Физико-математическія науки имѣютъ тѣсную связь съ богословскими и другими науками. Можно указать много мѣстъ изъ Священнаго Писанія, при объясненіи которыхъ нужно принимать во вниманіе физическія свѣдѣнія, много бываетъ случаевъ, когда изслѣдованія богословскихъ и другихъ наукъ соприкасаются съ вопросами изъ астрономіи, пасхалии... А потому, если прекратиться въ духовныхъ академіяхъ преподаваніе физико-математическихъ наукъ, то много можетъ встрѣтиться затрудненій“... Знаніе богословія для преподавателей физико-математическихъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ, по мнѣнію Димитрія Θεодоровича, нужно для предохраненія ихъ отъ увлеченія ложными мнѣніями и знаніе физико-математическихъ наукъ хотя бы однимъ членомъ правленія нужно для того, чтобы препятствовать распро-

страненію ложныхъ мнѣній преподавателемъ физики, если-бы такой печальныйъ случай имѣлъ мѣсто.

Трудно не видѣть всей основательности разсужденій Димитрія Θεодоровича. Опытъ тридцати пяти послѣдующихъ лѣтъ даетъ только основанія ихъ дополнить, но не опровергать. Апологетика упала на Руси, и нигдѣ на западѣ такъ не преобладаетъ антирелигіозное направленіе въ естествознаніи, какъ у насъ. Апологетическіе трактаты, написанные по старымъ и случайнымъ пособіямъ, нерѣдко безъ достаточнаго пониманія даже и этихъ пособій и съ искаженіемъ ихъ, служатъ прямо противъ той цѣли, которую преслѣдуютъ. Философія падаетъ и должна падать въ духовныхъ школахъ. Изученіе философіи въ настоящее время немыслимо безъ знанія основъ естествовѣдѣнія и физико-математическихъ наукъ. Получившій академическое образованіе философъ, если самостоятельно—что очень нелегко—не изучитъ ихъ, лишенъ возможности читать нѣкоторыя важныя философскія сочиненія, хотя они напечатаны и по русски. Наконецъ случилось и нѣчто неожиданное: на скудное семинарское жалованье оказалось невозможнымъ находить преподавателей по математикѣ и физикѣ съ университетскимъ образованіемъ. Вакансіи пришлось замѣщать академиками, и вотъ кандидаты богословія, занимавшіеся ветхимъ завѣтомъ или поморскимъ расколомъ, неожиданно для самихъ себя стали превращаться въ Лапласовъ и Лагранжей.

Мнѣніе Димитрія Θεодоровича осталось только мнѣніемъ. Тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Толстой хотѣлъ видѣть въ академіяхъ лишь богословскіе факультеты. Онъ принужденъ былъ нѣсколько поступиться своими взглядами, но онъ совершенно напрасно думалъ, что проектируемыя имъ академіи подобны богословскимъ факультетамъ запада. Въ западныхъ университетахъ на богословскихъ факультетахъ дѣйствительно преподаются только богословскіе предметы, не преподается философіи, исторіи, даже церковное право читается не на богословскомъ, а на юридическомъ факультетѣ. Но факультетъ есть часть университета и неразрывенъ съ нимъ. Нѣмецкому студенту богослову въ вы-даваемыхъ ему правилахъ прямо рекомендуется записываться на философскіе курсы на философскій факультетъ. Китайскія стѣны тамъ не раздѣляютъ факультеты. Студентъ занимающійся ветхимъ завѣтомъ можетъ слушать на философскомъ факультетѣ нужныя ему ассириологію и египтологію, занимающійся церковной исторіей можетъ слушать церковное право съ юристами и государственную исторію съ философами. Въ Россіи Духовная Академія есть самодовлѣющее цѣлое, поэтому студентъ долженъ въ ней имѣть воз-

возможность знакомиться не только съ богословскими науками, но и съ тѣми, которыя служатъ богословскимъ наукамъ вспомогательнымъ и прикладнымъ образомъ. Въ частности, если въ нашихъ академіяхъ надлежащимъ образомъ не будетъ поставлена философія, то тогда она не можетъ быть правильно поставлена и въ семинаріяхъ, такъ какъ учителей и за хорошія деньги негдѣ будетъ найти: университетскіе воспитанники—за рѣдкими исключеніями—плохіе философы, а съ педагогикою, связанною въ семинаріяхъ съ философіей, незнакомы совсѣмъ.

Физика и математика были исключены изъ круга предметовъ преподаваемыхъ въ академіи, но къ счастью въ уставъ былъ введенъ параграфъ дававшій возможность дополнять этотъ кругъ новыми предметами. „Съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, по усмотрѣнію нужды, могутъ быть вводимы и новые предметы сверхъ поименованныхъ, а также вообще дѣлаемы измѣненія въ учебной части академіи (по уставу 1869 г. § 115, въ уставѣ 1884 г. § 104). Этотъ параграфъ подалъ надежду Димитрію Θεодоровичу, что не все еще пропало. Новый уставъ былъ утвержденъ 30 мая 1869 г., но введеніе его въ Московской Академіи было отложено до осени 1870 г. Димитрію Θεодоровичу предлагали занять новую кафедру. Онъ отказался. Посовѣтывали съѣздить ему въ Петербургъ и тамъ съ тогдашнимъ московскимъ митрополитомъ Иннокентіемъ переговорить объ открытіи въ Академіи кафедры по естественнымъ наукамъ подъ именемъ естественно-научной апологетики. Димитрій Θεодоровичъ совершилъ эту поѣздку. Владыка митрополитъ отнесся сочувственно къ просьбѣ Димитрія Θεодоровича. Для проектированной кафедры онъ былъ назначенъ преподавателемъ. Раньше профессорамъ академіи въ виду скудости ихъ содержанія давалось пособіе изъ средствъ московской кафедры, съ введеніемъ новыхъ окладовъ пособіе это прекратилось, но часть его въ размѣрѣ двухъ тысячъ была назначена на содержаніе преподавателя по кафедрѣ естественно-научной апологетики. Учрежденіе кафедры, какъ сверхштатной, было утверждено Святѣйшимъ Синодомъ. Но вверху повидимому не сочувственно относились къ этой кафедрѣ. Лично Димитрію Θεодоровичу сомнѣніе въ полезности такой кафедры высказалъ Ив. А. Чистовичъ. 31 октября 1870 года Димитрій Θεодоровичъ началъ чтеніе лекцій по естественно-научной апологетикѣ и съ тѣхъ поръ онъ читалъ ихъ непрерывно до самой смерти. Послѣдняя лекція прочитана была имъ 17 сентября 1903 года.

Димитрій Θεодоровичъ сталъ преподавателемъ сверхштатнымъ. Бывшій ординарный профессоръ по своему юридическому поло-

женію въ Академіи сталъ ниже приватъ-доцентовъ и п. д. доцента. Права голоса при рѣшеніи академическихъ дѣлъ онъ былъ лишенъ: онъ не былъ ни членомъ совѣта, ни членомъ правленія. Предметъ его былъ необязательнымъ, письменныхъ работъ студенты ему не представляли. Правда, ему никто не давалъ чувствовать нѣкоторой двухсмысленности его положенія, къ нему относились всѣ сообразно съ его старшинствомъ и высокими достоинствами, но несомнѣнно онъ самъ чувствовалъ ненормальность своего положенія. Онъ высказывалъ желаніе, чтобы его кафедра—хотя бы послѣ него—была превращена въ штатную. Повидимому одно время возможность этого предносилась. Ревизировавшей академію въ 1875 г. архіепископъ литовскій Макарій (впослѣдствіи митрополитъ московскій), побывавъ на лекціяхъ Дмитрія Θεодоровича, говорилъ тогдашнему ректору Академіи Александру Васильевичу Горскому „о своемъ намѣреніи рекомендовать учрежденіе класса естественно научной апологетики и въ другихъ академіяхъ“. Тогда, конечно, эта кафедра стала бы штатною. Но ничего этого не случилось.

Димитрій Θεодоровичъ хлопоталъ собственно объ открытіи кафедры по физико-математическимъ или естественнымъ наукамъ, а была открыта кафедра по естественно-научной апологетикѣ. Удареніе лежитъ на послѣднемъ словѣ. Но дѣло въ томъ, что для такой апологетики нужны естественно-научныя познанія, слѣдовательно, ихъ прежде всего и должно сообщать. Димитрій Θεодоровичъ такъ и поступалъ: онъ преподавалъ физику съ краткими свѣдѣніями изъ химіи и начала астрономіи—приблизительно гимназическій курсъ физики и космографіи безъ математическаго отдѣла. Курсъ преподавался такъ, что представлялъ собою рас пространенное физико-телеологическое доказательство бытія Божія, опирающееся не только на частныя явленія цѣлесообразности, но и на всю систему физико-химическихъ законовъ и на рассмотрѣніе устройства планетнаго и звѣзднаго міра. Митрополитъ Иннокентій и сказалъ Димитрію Θεодоровичу, что преподаваніе физико-математическихъ наукъ въ апологетическомъ духѣ есть его прямая обязанность. И онъ свято исполнялъ ее. Онъ любилъ его ставить въ соотношеніе физическіе факты съ текстами Священнаго Писанія и въ этихъ случаяхъ его серьезность и благоговѣніе, съ которыми онъ читалъ тексты, сами по себѣ производили глубоко назидательное впечатлѣніе на слушателей.

При выпискѣ и указаніи руководствъ по своему предмету онъ естественно долженъ былъ испытывать затрудненія. Въ современныхъ учебникахъ по физикѣ и химіи постоянно встрѣчаются те-

зисы о вѣчности матеріи и еще болѣе радикальные (о самосохраненіи и вѣчности міра, міровой эволюціи и т. п.). Если нужда заставляла обращаться къ подобнымъ руководствамъ, онъ оговаривалъ и опровергалъ всѣ мысли ихъ представлявшіяся ему антирелигіозными, какъ нечестивыя. Приходилось ему при этомъ сталкиваться съ прямою недобросовѣстностью и за обличеніе ея терпѣвать брань. Такъ въ Вяткѣ была переведена на русскій языкъ книга Секки „Единство физическихъ силъ“ (въ изданіи Павленкова). Въ итальянскомъ подлинникѣ и во французскомъ переводѣ, съ котораго, кажется, былъ сдѣланъ русскій переводъ, книга была проникнута апологетическимъ христіанскимъ духомъ. Русскій издатель постарался вытравить этотъ духъ и замѣнить духомъ антирелигіознымъ. Димитрій Θεодоровичъ въ печати обличилъ тендеціи русскаго переводчика, и за это издательская фирма усвоила ему потомъ имя члена общества братьевъ Іисуса, т. е. назвала іезуитомъ, усвоивъ этому слову антиморальное значеніе. Человѣку возстановлявшему правду бросили въ лицо обвиненіе въ фальши и лицемѣрїи, и несомнѣнно, что многіе читатели павленковскаго изданія повѣрили этому фарисейскому обвиненію.

Вопросъ объ отношеніи тѣхъ или иныхъ естественнонаучныхъ теорій къ христіанскому міровоззрѣнію можетъ быть рѣшаемъ очень различно по той причинѣ, что мы не располагаемъ данными для безспорнаго рѣшенія. Димитрій Θεодоровичъ по апологетическимъ вопросамъ слѣдовалъ тѣмъ рѣшеніямъ, которыя установились у русскихъ апологетовъ до него, а по тѣмъ вопросамъ, по которымъ высказывался его родитель, онъ безусловно слѣдовалъ его взглядамъ послѣдняго. Происхожденіе организмовъ онъ приписывалъ непосредственному творческому акту. Теорію произвольнаго зарожденія въ ея традиціонной формѣ онъ безусловно отрицалъ, новыя воззрѣнія эволюціонныя, какъ и всю теорію эволюціи, онъ игнорировалъ. Однажды ему высказали, что то или другое рѣшеніе вопроса о происхожденіи организмовъ можетъ быть согласовано съ христіанскими воззрѣніями, что св. Василій Великій (въ его шестодневѣ) прямо и рѣшительно признаетъ произвольное зарожденіе, и что выраженія Библии „да произведетъ земля душу живую“, „да произраститъ земля зелень“ и др. могутъ быть истолкованы въ смыслѣ благопріятномъ для теоріи произвольнаго зарожденія, Димитрій Θεодоровичъ отвѣтилъ уклончиво. По вопросу о шестидневномъ твореніи онъ склонялся къ буквальному пониманію Библейскаго повѣствованія. Геологіей онъ не занимался и повидимому въ нее не вѣрилъ; впрочемъ, нужно замѣтить, что онъ далеко не обо всемъ высказывался до конца. Повидимому